

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

3' 2007

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

**ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
НАТУРЩИК**

**БРЮС СТЕРЛИНГ
АЛИСТЕР РЕЙНОЛДС
АЛЕКСАНДР СИЛЕЦКИЙ
МАРИЯ ГАЛИНА**

**ВАДИМ НЕСТЕРОВ, ОЛЕГ ДИВОВ:
СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ
О НАЧИНАЮЩЕМ ФАНТАСТЕ**

ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ АВТОР-ЗАГАДКА

Гай Юлий Орловский

представляет

**НОВЫЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
сэра Ричарда Длинные Руки**

**НОВАЯ
КНИГА**

Наш человек в Средневековье

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:
Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:
Тамара ШЕЛАМОВА.

ВЕДУЩИЙ САЙТА:
Павел ГУБАРЕВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:
www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕСИЛКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91 (доб. 181).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ИЗДАТЕЛЬ:
Издательский дом
«Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», «Центропечать»,
«Сити Пресс Сервис», «Сейсл»,
«Метропресс» (С.-Петербург),
«ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс»,
«АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.
E-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 15 300 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Републики не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2007

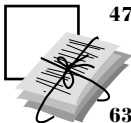

3 Брюс СТЕРЛИНГ КНОСК

В этой маленькой будке штампуются не только игрушки, здесь творится будущее.

145 Далия ТРУСКИНОВСКАЯ НАТУРЩИК

Герою, чья жизнь — игра, предстоит сыграть решающую партию в своей жизни.

47 Алексей БЕССОНОВ ПАМЯТЬЮ КРОВИ

...или хорошее отношение ко львам.

63 Мария ГАЛИНА ПОВОДЫРЬ

Нырнуть в глубокий космос не вопрос, проблема — «вынырнуть» среди своих сограждан.

91 Эдвард М. ЛЕРНЕР ПО ПРАВИЛАМ

Интернет поистине всемогущ. Но кто дергает за ниточки «всемирной паутины»?

133 Александр СИЛЕЦКИЙ АНТРАША

В сонной российской глубинке бьется могучая научная мысль.

201 Алистер РЕЙНОЛДС ЗА РАЗЛОМ ОРЛА

С любимыми не расставайтесь... Ведь не из каждого космического рейса суждено вернуться.

237 Альберт КОУДРИ ОТКРОВЕНИЕ

Главное в работе с молодыми авторами, как они сами декларируют, не требовать от них связности.

- 113 **Юрий БУРНOSОВ**
ЭТО ВОЛШЕБНЫЙ ПОРОШОК, МАЛЬЧИКИ...
Нужны ли нам вообще подобные «суперблокбастеры»?

- 116 **Александр РОЙФЕ**
ЭШАФOT ДЛЯ ЧАРОДЕЯ
На экране — фильм по роману, получившему «Сигму-Ф».

- 118 **Дмитрий КАРАВАЕВ**
ГРАНДИOЗНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ
О чем бы в России ни снимали артхаусную фантастику — все равно получается про эксперимент.

- 126 **Дмитрий БАЙКАЛОВ**
В ГОСТЯХ У СТРАШНОЙ СКАЗКИ
Не смотрите фильмы этого режиссера на ночь.

- 123 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**
Музейные забавы; путешествие к минипутам; первое завоевание Америки.

- 257 **Вадим НЕСТЕРОВ**
КЕССОННАЯ БОЛЕЗНЬ,
или СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АВТОРА
Вы ведь тоже слышали эту аббревиатуру — МТА?

- 267 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**
Эксперты убеждены, что поколение-2000, которое они представляют, еще всех удивит.

- 270 **Олег ДИВОВ**
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ,
или СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПАТОЛОГОАНАТОМА
Кто-то, наверное, и обидится — а зря. Пристрастность гораздо лучше, чем равнодушие.

- 279 **РЕЦЕНЗИИ**
НФ едва просматривается...

- 295 **КУРСОР**
Значительность события не всегда измеряется частотой отображения оногo в прессе.

- 287 **Вл. ГАКОВ**
ГЛАВНЫЙ ШУТНИК ГАЛАКТИКИ
Две пятерки автора самой смешной НФ-саги.

- 299 **ПЕРСОНАЛИИ**
Все больше старые знакомые, но есть и те, кто взoшел на наш борт впервые.

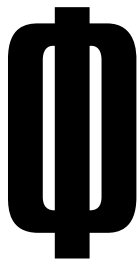
Б Р Ю С С Т Е Р Л И Н Г

КИОСК

Иллюстрация Владимира БОНДАря

1.

абрикатор был уродливый, шумный, легко воспламенялся и дурно пах. Борислав купил его для соседских ребятишек.

Однажды заснеженным утром, надев рабочие перчатки и меховую шапку, он с шумом выпилил кусок стены своего киоска. Потом липкой лентой и степлером прикрепил фабрикатор.

Соседские ребятишки мгновенно клюнули на удочку. Его новое рискованное предприятие приобрело огромную популярность.

Фабрикатор делал маленькие пластиковые игрушки из трехмерных компьютерных моделей. Через неделю эти почти ничего не стоящие изделия в буквальном смысле рассыпались в пыль. Изготовленные фабрикатором игрушки превращались в нетоксичное вещество, похожее на воск, которое малыши любили жевать.

Борислав, естественно, считал, что дети, разочарованные недолговечностью этих игрушек, перестанут их покупать. Он ошибался. Это было не временное помешательство, это был настоящий бум. Каждый день после школы толпа жаждущих детишек клубилась вокруг зеленого киоска. Они выкладывали свою карманную мелочь на прилавок одетыми в рукавички руками. Потом радовались, ссорились, а иногда даже лупили друг дружку из-за глянцевых фаб-карт.

Радостный малыш совал карту (с приукрашенным, обманчиво ярким изображением игрушки) в щель фабрикатора. И через несколько томительных секунд, полных шипения, брызг и вони, фабрикатор выплевывал только что отштампованного динозавра, пупсика или пожарного.

Толпа всегда привлекала пешеходов. Хруст шагов взрослых, идущих мимо по заснеженной улице, замирал у киоска. Они бросали взгляд на многочисленные соблазны в витрине Борислава и неожиданно для себя что-нибудь покупали. Скажем, шарф футбольной команды. Или пакетик одноразовых носовых платков.

Он снова всех опередил: заимел единственный в городе киоск с фабрикатором.

Ему, как опытному уличному торговцу, фабрикатор о чем-то говорил. Да, определенно в том, что эти шумные ребята так охотно покупали игрушки, которые становились прахом, имелся какой-то смысл. Любой киоск строил свой бизнес на массовых продажах. Пакетик жвачки. Сладкий батончик. Дешевая, купленная в последний момент бутылочка спиртного. Сверкающая сувенирная цепочка для ключей, которая никогда не пригодится. Эти предметы были самой сутью киоска.

Цветные пластиковые карты с трехмерными моделями... В них был потенциал. Ребята постарше уже начали собирать эти карты; не игрушки, сделанные посредством карт, а сами карты.

И теперь, в этот самый день, сидя на своем обычном месте в уличной кабинке за скошенными стеклянными стенами, Борислав сделал следующий шаг. Он предложил ребятам потрясающие, глянцевого, страшно дорогие коллекционные карты, с помощью которых нельзя было изготовить никакие игрушки. И, разумеется, — в этом определенно прослеживалась логика — мелюзга помешалась на этой новинке. Он уже продал сотни кусочков пластика.

Какая такая наличность водится у ребятни? Навар невелик! Будущее — вот что приносили дети в его киоск, вот чего он ждал от них. Кипящий сгусток энергии улиц — это был симптом чего-то большего, лежащего где-то за горизонтом. Он не знал этому названия, но он это ощущал, как чувствовала приближение грозы его ноющая нога.

Будущее могло принести человеку деньги. Деньги никогда не спасали человека без будущего.

2.

Доктор Грутджанз была обладательницей лошадиной челюсти, голубой шляпки, похожей на круглую коробочку для пилюль, и негнувшегося зимнего пальто, которое, казалось, способно выдержать прямое попадание пули. Она держала в руке большой европейский жезл для попуток.

Туз выступал в роли ее официального уличного гида. Необычная ситуация, поскольку Туз был местным гангстером.

— Госпожа, — сказал ей Туз, — это самый лучший киоск в городе. А это Бутсы, наш философ киосков. У него есть фабрикат! У него даже есть фонтанчик с водой!

Доктор Грутджанз старательно сфотографировала медную трубу фонтанчика, пластмассовую чашу и одноразовые бумажные стаканчики, выскакивающие из автомата.

— Мой гид только что назвал вас «Бутсы»? — спросила она. — Но ведь бутсы — вид обуви?

— Все меня так называют.

Доктор Грутджанз с довольным видом погладила наушник своего переводчика.

— Этот фонтанчик с водой — отводная труба вашего топливного элемента.

Борислав почесал усы.

— Когда я построил здесь свой киоск, у людей не было водопровода.

Доктор Грутджанз помахала своим электронным жезлом над выставленными в витрине колготками. Сфотографировала ржавые болты, которыми киоск крепился к разбитой мостовой. Особенно ее заинтересовала остроконечная крыша палатки. Люди часто назначали встречи с друзьями и свидания с возлюбленными у киоска Борислава, потому что возвышающаяся над ним спутниковая тарелка была видна издалека. Эта тарелка на раскрашенном фанерном основании и с броской бахромой из медных обрезков была достойна того, чтобы ее установили на минарете.

— Прощу вас, примерьте это красивое ожерелье, госпожа! Оно сделано талантливой художницей, которая живет на этой самой улице. Очень известной. Предмет искусства! Ценный! Ручная работа!

— Спасибо, примерю. Ваш магазин является прекрасным образцом малого или даже микробизнеса. Я должна приобрести вашу продукцию для подробного изучения парламентским комитетом.

Туз раскрыл пластиковый пакет и начал наполнять его шоколадными батончиками, носками ручной вязки, кукольными крестьянками в безрукавках и папах и татуировками-наклейками с символами религиозных войн.

— У меня столько разных товаров, госпожа! И таких необычных! — Борислав высунулся в окошечко кассы, чтобы развлечь беседой доктора Грутджанз, пока Туз плотно набивал пакеты. — Госпожа, мне не хочется хвастаться своими скромными товарами... Потому что я продаю их ради людей! Видите ли, дорогая госпожа доктор, каждый предмет, привлекательный для этих колоритных местных жителей, может рассказать сказку...

Шляпка-коробочка доктора Грутджанз уехала наверх вместе с ее поднятыми бровями.

— Сказку?

— Да, ведь это народная поэзия торговли! Некоторые продукты появляются... эти продукты текут через мой киоск... я ихставляю в самом лучшем виде, как умею. Тогда люди их покупают... или не покупают.

Доктор Грутджанз ловким движением встряхнула третий пакет и открыла его.

— Подробный каталог всех ваших товаров представил бы большой интерес для моего научного комитета.

Борислав надел шляпу.

Доктор Грутджанз продолжала настаивать.

— Мне необходим полный инвентарный перечень ваших товаров. Рабочий файл содержимого вашей лавки. Ваши торговые отчеты за последние пять лет будут полезны для определения тенденций потребления среди местных жителей.

Борислав оглядел свои тесно заставленные полки.

— Вы хотите сказать, что вам нужен список всего того, что я здесь продаю? Да где же на это время выкроить?

— Это просто! Наверное, вы слышали о Европейской унифицированной электронной системе кодирования продукции. — Доктор Грутджанз засунула электронный жезл в свою матерчатую сумочку, украшенную имперским логотипом из тридцати пяти золотых звезд, образующих расширяющуюся спираль. — У меня с собой брошюра, написанная «умными» чернилами, которую можно читать на местном языке. Да, вот она: «Частичное введение в правила пользования ЕУЭСКП».

Борислав отстранил ее деловито мигающую брошюру.

— Да, здесь ходят слухи об этой электрической ерунде, которая наносит штрих-код. Об этих ваших радиостикерах. Да-да, я уверен, что такие вещи очень подходят богатым иностранцам с жезлами для покупки!

— Господин, если бы вы благоразумно использовали эту систему электронного кодирования, то могли бы вести полные записи в режиме реального времени обо всех ваших товарах. Тогда бы вы точно знали, что продается, а что нет. Вы могли бы полностью оптимизировать ваш поток продукции, уменьшить потери, получить максимальную прибыль и улучшить экологию посредством снижения потребления.

Борислав уставился на нее.

— Вы уже произносили эту речь, не так ли?

— Конечно! Это важный политический вопрос! Современный интернет-магазин удостоверяет подлинность предметов торговли, снижает порчу товаров и упрощает поставки из-за рубежа.

— Послушайте, госпожа доктор, ваша замысловатая бухгалтерия не поможет мне, если я перестану понимать простых людей! У меня маленький киоск! Я не конкурирую с громадными безликими супермаркетами! Если вам нужны подобные вещи, идите за покупками в ваш пятизвездочный отель!

Доктор Грутджанз опустила свою сумку, и резкие черты ее лица смягчились, явив добродетельное дружелюбие.

— Я не хотела нарушать вашу оригинальную систему местных ценностей... Конечно, мы со всем уважением относимся к вашим культурным особенностям... Но вы можете получить ощутимую выгоду, когда ваш режим будет полностью соответствовать европейским нормам.

— Мой режим? Ха! — Борислав стукнул тростью о хлипкий пол киоска. — Этот глупый режим разрушил все правительственные компьютеры! А вместе с ними и нашу валюту, могу добавить!

— Обстоятельный диспут по данному вопросу — это было бы замечательно! — Доктор Грутджанз с надеждой ждала, но, к ее разочарованию, обсуждения не последовало. — Время не ждет, — наконец сказала она ему. — Я хочу сделать еще одно, последнее приобретение, вы разрешите?

Борислав пожал плечами.

— Я никогда не спорю с дамой и с платежеспособным покупателем. Просто скажите, что вам нужно.

Доктор Грутджанз провела по воздуху своим сияющим жезлом.

— Этот портативный домик, наверное, войдет в посольский грузовик.

— Вы хотите сказать, что покупаете весь мой киоск?

— Да, я делаю вам это предложение.

— Продать вам киоск? Люди никогда мне этого не простят!

— Киоски — просто временные сооружения. Я вижу, ваш бизнес идет в гору. Почему бы не открыть постоянный магазин розничной торговли? Начните в новых, более стабильных условиях. Тогда вы увидите, какой простой и легкой может быть система электронного кодирования!

Туз переложил тяжело нагруженный пакет с покупками из одной руки в другую.

— Госпожа, будьте благоразумны! Эта улица станет совсем другой без киоска!

— Ладно, ваша взяла — свою драгоценную будку оставьте себе, я покупаю лишь содержимое. А вас, — она повернулась к Тузу, — я найму в качестве консультанта по инвентаризации. Нужно обозначить название и стоимость каждого товара и составить каталог. Как можно быстрее. Прошу вас.

3.

Борислав жил вместе с матерью неподалеку, на первом этаже многоквартирного дома. Так было удобнее с его больной ногой. Когда он, прихрамывая, вошел в квартиру, его мать делала себе маникюр у кухонного стола, в бигуди, опустив ноги в таз с водой. Борислав понюхал рагу, затем отставил трость и сел на пластиковый стул.

— Мама дорогая, видит Бог, мы знали в жизни плохие времена...

— Ты сегодня поздно, бедный мальчик! Что тебя беспокоит?

— Мама, я только что продал весь свой киоск! С потрохами! Все продано, одним махом! За твердую валюту! — Борислав полез в карман длинного пальто. — Это самый удачный день в моей жизни!

— Правда?

— Да! Это фантастика! Туз действительно мне помог — он привел

идиотку из Европы, и она купила все предприятие! Послушай, я оставил только одну вещь, как сувенир... для тебя.

Мать поднесла к глазам очки.

— Это новые карточки для фабрикатора?

— Нет, мама. На этих красивых сувенирных игральных картах изображены все звезды из твоих любимых мексиканских мыльных опер. Это оригиналы, в собственной упаковке. Настоящий целлофан!

Его мать подула на только что накрашенные красные ногти, не смея прикоснуться к подарку.

— Целлофан! Твой отец гордился бы тобой!

— Ты очень скоропустишь в ход эти карты, мама. День твоих именин приближается. Мы устроим большую партию в бридж для всех твоих подруг. И мальчики из «Трех котов» будут подавать вам напитки и закуски! Тебе не придется пошевелить ни одним из твоих красивых пальчиков!

Ее подведенные тушью глаза широко раскрылись.

— Мы можем себе это позволить?

— Я уже все организовал! Поговорил с Мирко, хозяином «Трех котов», и нанял этого беспутного извращенца, зятя Мирко, отремонтировать пустую квартиру наверху. Ты знаешь, эту квартиру никто не хочет снимать, в ней застрелился воришка. Когда вы, старушки, увидите, как мы отделали квартирку, слух о ней разнесется по всей округе. И новые жильцы появятся, глазом моргнуть не успеем.

— Ты действительно собираешься отремонтировать дом с привидением, сын?

Борислав снял зимние сапоги и надел шерстяные домашние тапочки.

— Вот именно, мама. Эта квартира принесет нам хороший доход.

— В ней водится призрак.

— Нет, уже не водится. Отныне мы назовем это место студией, или, как говорят французы, ателье.

— Ателье! В самом деле! У меня сердце прямо трепещет!

Борислав налил матери хорошую порцию ее любимого желудочно-го средства.

— Мама, я давно ждал подобного дня. Жизнь меняется для настоящих людей! Таких, как мы! — Борислав налил себе полную чашку ароматизированного йогурта. — Эти забавные иностранцы, они даже не понимают, на что мы способны!

— Ох уж эти мужские разговоры о политике...

— Я читаю по лицам! Я знаю, чего хотят люди! Люди... они хотят новой жизни.

Она встала со стула, ее немного трясло.

— Подогрею тебе рагу. Уже поздно.

— Послушай меня, мама. Не бойся. Я тебе кое-что обещаю. Ты умрешь на шелковых простынях. У твоей постели будет стоять красивый священник, и масло, и святая вода, точно так, как ты всегда хотела. И у тебя будет большое гранитное надгробье, мама, с большими золотыми буквами.

Когда он съел рагу, она расплакалась от радости.

4.

После ужина Борислав проигнорировал обычное нытье матери: хорошо бы тебе найти суженую... Он похромал в местный спортивный бар, чтобы как следует выпить. Борислав теперь много не пил, потому что киоск сканировал его каждый раз, когда он сидел в нем, используя дешевый контур на сверхпроводниках, встроенный в стены из стекловолокна. Магнитное излучение контура пронизывало тело хозяина и показывало его кости и ткани на экране ноутбука. Затем сканер сравнивал состояние организма с данными последних дней и выдавал медицинский отчет.

Эта машина была дешевой пиратской копией сложного больничного сканера. В свое время возникли какие-то трудности с распространением этой технологии, но когда рухнула система общественного здравоохранения, людям пришлось взять в собственные руки решение некоторых проблем. Отчет о здоровье Борислава не слишком радовал. В артериях обнаружился бляшки. В почках — мелкие камушки. Ему следовало заняться зубами. Хуже всего — правая нога. Когда-то она была искалечена фугасом; за минувшие годы большая берцовая кость срослась, но срослась неправильно, и ниже старой раны кровь циркулировала плохо.

Старость губила его тело, и экран показывал этот процесс шаг за шагом. Борислав наблюдал, как стареет, но ничего не мог с этим поделать.

Разве что напиться. Он всю свою взрослую жизнь заправлялся спиртным, и вредное влияние алкоголя на его органы было очевидным. Поэтому сегодня он выпивал по литру йогурта в день, заливая его мультивитаминными фруктовыми соками из экологически чистых бумажных пакетов, одобренных европейцами, лицензированных и запатентованных. Он делал это неохотно и с глубоким отвращением, но видел на экране, что они улучшают его здоровье.

Поэтому — никаких прогулок хромающей, неустойчивой и спотыкающейся походкой по ночным улицам в поэтической отрешенности. Разве что в особых случаях. Таких, как этот.

Борислав окинул задумчивым взором тускло освещенный притон, старый бар «Спорт родины». Знакомые лица смотрели на него из полутьмы. Мужчины кутались по-зимнему. Лица у них были изрезаны морщинами. В бритье и мытье они не особо нуждались. И еще они были пьяны.

Но эти люди носили новые, слегка тонированные очки. Сделали себе красивые стрижки. Некоторые поставили на зубы коронки. Народ процветал.

Туз сидел за своим любимым столиком, в белом кашемировом шарфе, сшитой на заказ куртке и щегольском берете. Пять лет назад Туза вышибли бы из этого бара коленкой под зад, если бы он явился в «Спорт родины» одетым на итальянский манер. Но времена в отечестве менялись...

Опираясь на тросточку, Борислав уселся на рваный стул под ярким плоским экраном, на котором польская футбольная команда раздвигала под орех голландцев.

— Значит, Туз, ты все это отдал?

Туз кивнул головой:

— Сейчас в посольстве взвешивают, анализируют и наклеивают ярлыки на каждый предмет, которым ты торгуешь.

— Эта старая баба совсем не так глупа, как ее поступки, знаешь ли.

— Ну да... Но когда она увидела ту терку для сыра, которая способна молоть стекло. Раствор для кирпичей, который одновременно является десертом! — Туз чуть не поперхнулся местным коньяком. — И регулятор для мозгов! Боже милостивый!

Борислав нахмурился.

— Регулятор — великолепная вещь! Он в два счета уничтожает похмелье. — Борислав громко щелкнул пальцами. — Вот так!

К ним поспешила официантка. Она была иностранкой и очень плохо говорила на их языке, но таких девушек в городе в последнее время появилось много. Борислав показал пальцем на бокал Туза.

— Мне то же самое, детка, и поживее.

— Эти твои тиски для черепа — орудие пытки. Они странные, сумасшедшие. Их даже не люди изготовили.

— Ну и что? Значит, их нужно назвать получше и приклеить ярлык поярче. «Краньетта» — вот красивое, фирменное название. Сделать его в розовом цвете. Украсить цветочками.

— Женщины никогда не согласятся всунуть голову в эту штуковину.

— О, согласятся. Не старушки из старушки Европы, нет. Наши. Я продал десять штук! Люди их хотят!

— Вечно ты рассуждаешь о том, чего хотят люди.

— Вот именно! Это конкурентное преимущество нашего региона! Люди, которые здесь живут... у них совершенно особые отношения с рыночной экономикой. — Бориславу принесли выпивку. Он осушил бокал одним глотком. — Здешние жители, — продолжил он, — привыкли видеть, как рынок разрушает их жизнь и ставит все с ног на голову. Вот почему именно мы теперь устанавливаем новые правила в современном мире, а европейцы пытаются от нас не отставать! Наши просто обожают новые товары нечеловеческого происхождения!

— Доктор Груджанз уставилась на эту штуку так, словно она ее укусит.

— Туз, свободный рынок всегда имеет смысл — если ты знаешь, как он действует. Наверное, ты слышал о «невидимой руке рынка».

Туз со скептическим видом одним глотком допил свой коньяк.

— Невидимая рука — именно она поставляет нам такие товары, как тиски для черепа. Это легко понять.

— Нет, не легко. Зачем невидимой руке сжимать людям головы?

— Потому что это поиск новых путей! Чем больше рынок, тем больше он старается организовать прорыв, автоматизировав производство новых товаров. А рынок таблеток от головной боли — один из самых крупных рынков в мире!

Туз почесал подмышку под кобурой.

— И насколько он большой?

— Огромный! Любой магазин торгует болеутоляющими средствами. Маленькие пакетики по две-три таблетки, на которых во-от такими цифрами написаны цены. Что такое эти таблетки? Это нужды и потребности людей!

— Несчастливых людей?

— Вот именно! Людей, которые терпеть не могут свою работу, ненавидят своих жен и мужей. Рынок несчастий всегда больше всех остальных. — Борислав опрокинул следующий бокал. — Я сегодня слишком много болтаю.

— Бутсы, поговори со мной. Я только что заработал столько денег, почти ничего не делая, давно уже такого не случилось. Теперь мне даже платят зарплату в посольстве иностранного государства. Ситуация становится серьезной. Мне нужно знать это — как невидимая рука делает настоящие вещи?

— Смотри поисковую систему для интернет-магазина.

Туз поднял руку с растопыренными пальцами.

— Послушай, расскажи мне о чем-нибудь таком, на что я мог бы наложить лапу. Ты понимаешь. О чем-то таком, что можно украсть.

— Скажем, ты набираешь наугад два слова, любых. Набираешь эти два слова в поисковой системе интернета. Что происходит?

Туз повертел свой бокал.

— Ну, поисковая система всегда что-то находит, это точно. Несуразное, может быть, но всегда что-то отыщется.

— Правильно. Теперь представь себе, что ты ввел два слова в поисковую систему товаров. И она, скажем, пытается понять и путает... «парашют» и «пара шутов». Что ты получишь в ответе?

Туз поразмыслил.

— Я понял. Два шута на парашюте.

Борислав покачал головой.

— Нет-нет. Ты, приятель, занимаешься рэккетом, ты — посредник. Поэтому не умеешь мыслить как коммерсант.

— Как я могу научиться думать лучше, чем такая система?

— Ты уже сейчас это делаешь, Туз. У поисковых систем нет идей, нет философии. Они вообще никогда не думают. Только люди сообщают и рожают идеи. Поисковые системы просто запрограммированы на поиск того, чего хотят пользователи. Они смешивают, сопоставляют и выдают результаты. Бесконечные результаты. Только эти результаты не имеют значения, если они никому не нужны. А здесь люди этого хотят!

Официантка принесла бутылку, квашеную капусту с перцем и резиновый батон хлеба. Туз проводил взглядом ее покачивающиеся бедра.

— Ну, что касается меня, я бы от такого не отказался. Эти девчонки из Ирака меня заводят.

Борислав облокотился на стол и откусил от батона. Плеснул себе еще жидкости в бокал, выпил и умолк, прислушиваясь к тому, как спиртное разливается по телу. Ему вдруг расхотелось продолжать беседу.

Разговоры — это не жизнь. А он повидал настоящую жизнь. Он хорошо ее знал. В первый раз он узнал настоящую жизнь еще мальчишкой, когда на его глазах весь город вывернули наизнанку. Беженцы, безработные, бездомные, трудяги, начинающие дело с карандаша в жестяном стаканчике, по крохам зарабатывающие на жизнь, торгуя с лотков. Потом люди торговали с прилавков и в киосках. «Переходный период» — вот как называлась такая жизнь. Будто все это происходило где-то в одном месте.

Мир сильно изменился в переходный период. Жизнь изменилась. Но народ так и не «перешел» к нормальной, сытой жизни. Во время следующего переходного периода, в двадцать первом веке, люди потянули все, что завоевали раньше.

Когда Борислав вернулся с войны на костылях, он разложил коврик на тротуаре. И продавал ботинки. Людям нужны были его ботин-

ки, они не снимали обувь даже в домах, потому что топить было нечем.

Наступило лето, он наскреб денег на машину. Когда удавалось разжиться дизельным или биотопливом, он продавал товары прямо из багажника. Он завел кое-какие связи на улице. Установил свою будку на тротуаре.

Даже в богатых странах не горели огни, и дороги замерли. В небе не летали реактивные самолеты. Переходный период затянулся. Цивилизация была ранена.

Затем эпидемия охватила мир. Экономическая депрессия была бедой, но грипп стал истинным всадником Апокалипсиса. Грипп пронесся по городу. Грипп наполнил город растаявшей грязью, спонтанными пожарами и ужасающей мертвой тишиной.

Борислав переселился из своей будки в заледеневшие развалины склада, где выжившие сортировали и продавали пожитки умерших. Еще одна ужасная зима. Они жгли мебель, чтобы согреться. Когда кто-нибудь кашлял, люди в ужасе смотрели на его носовой платок. Всем не хватало пищи, голова кружилась от голода. Безумное время.

У него ничего не осталось от прошлой жизни, кроме фотографий. Во время той смуты он сделал тысячи снимков. Это был способ обозначить день: нацелить объектив, нажать на спуск, когда больше нечем было заняться и оставалось лишь бесцельно суетиться, или сидеть и горевать, или прыгнуть с моста. У него до сих пор сохранились эти снимки, все до одного. Обычные фотографии незаурядного времени. И его самого, тоже незаурядного: он был ранен, молод, тощ, голоден, горяч.

Пока человек понимал собственное общество, он мог переделать себя так, чтобы соответствовать его требованиям. Он мог быть порядочным, надежным парнем, человеком слова. Но когда само общество стало уродливым, непригодным для жизни, тогда понятие «норма» треснуло, как дешевая гипсовая маска. Под маской цивилизации скрылась другая личина — лицо ребенка-людоеда.

Тогда жили одной надеждой: протянуть еще один день, еще одну ночь, полагаясь только на силу собственного сердцебиения, забыв абстрактные понятия успеха или провала. Выжить — только это и было настоящим.

Когда нет привычного порядка, зато все настойчивее заявляют о себе риск и страдание, душа растет. Предметы начали менять первоначальную природу. Их ценность вызревала, пронзительная, как слезы, как поцелуи. Горячая вода стала чудом. Электрический свет мгновенно создавал праздник. Пара ботинок была залогом того, что твои

ноги не обмерзнут и не почернеют. Человек, который имел кусок мыла, защиту от холода, свечи, становился счастливчиком.

Когда ты вручал женщине тюбик губной помады, все ее худое, бледное личико вспыхивало. Когда она, ярко намазав губы, шла по затемненным улицам, казалось, что она поет.

Грипп убивал, но был не столь смертоносным, как то немое отчаяние, которое внушал. Когда эпидемия выгорела, настало время решительных парней, способных проламывать головы и отдавать приказы. Борислав не сделал такой «карьеры». Он хорошо знал, как сколачивают подобные капиталы, но не умел командовать. Он сам когда-то был тем, кому отдавали приказы. Правда, то были приказы, которые ему не следовало выполнять...

Подобно поезду после долгой стоянки, цивилизация медленно загрохотала по рельсам, набирая скорость. Жизнь, которую Борислав вел сейчас, в этом мерно покачивающемся составе, была пародией на прошлую реальность. На ту горящую, настоящую жизнь. Тогда он даже ухитрился влюбиться.

Сегодня он жил в своем киоске. Это очень красивый киоск. Только глупец не способен заработать в хорошие времена. Он был осторожным и в то же время импровизировал, поэтому получал неплохую прибыль. Он понемногу скупал квартиры в старом доме, уродливом многоквартирном доме, но прочном и удачно расположенном. Когда к нему подкрадется старость, когда он станет слишком слабым, чтобы суесться на рынке, тогда он будет жить на ренту.

Большой плоский экран разразился ревом: одна из футбольных команд забила гол. Завсегдатаи радостно завопили и принялись колотить кулаками по шатким столикам. Борислав поднял отяжелевшую голову: стены бара кружились, пока он приходил в себя. Да, слаб он стал на выпивку — прежние загулы уже не для него.

5.

Утро выдалось трудное. Мать Борислава на цыпочках вошла к нему, неся мюсли, йогурт и кофе. Борислав опустил больную ногу в пластмассовый таз — иногда ему это помогало — и листал ветхую, желтую подшивку старинных газет. В районе Старых искусств всегда можно было найти много печатной продукции, и чаще всего на чердаках. Борислав никогда не читал в газетах древние новости — при любом режиме они были полны официальной лжи. Он выискивал сведения о странных вещах, которыми когда-то стремились обладать люди.

Три колоссальных, всеобщих, мертвых явления заполняли эти осыпающиеся страницы: автомобили на бензине, кино и сигареты. Автомобили с натугой тащили за собой сотни предметов и услуг: го-

рючее, поршни, глушители и свечи зажигания. Сигареты продавали в ярких бумажных пачках, а к ним — зажигалки и пепельницы именно для сигаретного пепла. Что касается кинозвезд, они водили автомобили и курили сигареты.

Самые старые газеты были совершенно фантазмагоричными. Бумажные страницы с их застывшей черно-белой графикой взывали к нему через пропасть десятилетий. Мертвые вещи разглагольствовали, они лстили, они стыдили, они расталкивали друг друга локтями.

Эти вещи были странными, и все же некогда ими стремились обладать. Сначала с чувством опаски, потом все смелее и смелее, Борислав выбрал некоторые мертвые предметы, чтобы сделать их цифровые копии, а потом оживить. Он снова запустил их в поток современных товаров. Например, изменив материалы и свойства, ему удалось превратить настольный телефон прошлой эпохи в легкую пластмассовую шляпу от дождя. Никто не догадывался об истоках его экспериментов. В отличие от новых продуктов, производимых машинами, которые с мертвым безразличием занимали рыночные ниши, эти возрожденные товары имели человеческий привкус. Четко выраженную цель. Они вызывали жажду обладания.

Когда-то интернета не существовало. И интернет-магазина тоже, поскольку он мог быть только следствием. Существовали только люди. Люди, которым хотелось вещей, и те, кто старался заставить других людей пожелать приобрести их вещи. Капитализм, социализм, коммунизм — все это мало что значило. Временный порядок вещей в доинтернетную эпоху.

День спокойных исследований вернул Бориславу хорошее настроение. На следующее утро его мать возобновила свои жалобы на отсутствие невестки. Борислав ушел на работу.

Он увидел свой киоск жалким, голым и пустым, на покрытом дождевыми каплями окошке висела табличка «Закрыто». Рваная дыра зияла в стене в том месте, из которого выдрали фабризатор. Эта картина вызвала у него острый приступ паники.

Борислав несколько секунд пробовал ее на вкус, потом отмахнулся от страха. Его киоск по-прежнему окружали соседи. Люди его всегда кормили. Он выбрал отличное место для киоска в самые мрачные дни. Когда-то он продавал жителям картошку в грязных мешках, когда-то они дрались за вялую морковь. Теперь легче. Нынешняя жизнь похожа на добрую шутку.

Он вошел, прихрамывая, в биометрическую дверь и включил свет.

Сейчас, стоя внутри, он чувствовал истинную природу киоска. Киоск служил каналом. Это был временный прилавок для бесконечного потока товаров.

Его киоск сделан из картона и клея, из переработанных отходов, он зеленый, он современный. В нем установлены воздушные фильтры, герметичные окна, маленький, прочный топливный элемент, яркие лампы, в пол вделана решетка обогревателя. Он оборудован сигнализацией от воров. В стенах — медицинский сканер. И обои с веселеньким рисунком.

Они унесли его специальной формы стул, музыкальный плеер, загроможденный фантастической смесью всех попсовых хитов двадцатого века. Надо будет загрузить новые. Это не займет много времени.

Он опустился на колени на голый пол и кое-как заделал картонкой дырку в стене, откуда тянуло зимним холодом. В окно громко постучали. Это был цыган Флека, один из поставщиков.

Борислав встал, вышел на улицу и по привычке запер дверь, ведь к нему пожаловал Флека. Тот был самым ненадежным из его поставщиков, у него отсутствовало ощущение времени. Флека мог сделать, принести или украсть все, что угодно, но если вы осмелились положить на его слово, он внезапно вспоминал о свадьбе своего племянника и исчезал.

— Слышал, тебе повезло, Бутсы, — широко ухмыльнулся Флека. — Не желаешь приобрести новинку?

Борислав постучал тростью по пустой витрине.

— Ты сам видишь.

Флека скользнул к багажнику своей ржавой машины и открыл его.

— Что бы это ни было, — упредил его Борислав, — оно слишком большое.

— Уделите мне одну минутку вашего драгоценного времени, маэстро, — сказал Флека. — Тебе, мой добрый старый друг, раз твой красивый киоск теперь пустой, я не привез никаких товаров. Я привез фабрику! Усовершенствованную! Новую!

— Твоя штука не новая, что бы это ни было.

— Видишь ли, это фабрикатор! Точно такой же, как тот, который я для тебя раздобыл в прошлый раз, только больше, сложнее и гораздо лучше! Достал у своего кузена.

— Я не вчера родился, Флека.

Флека покопался под задним сиденьем и вытащил образец. Это была пухлая куколка, копия американской актрисы Мэрилин Монро. Еще не раскрашенная — черная и блестящая.

Мэрилин Монро, главная кинозвезда розничной торговли, всегда оставалась узнаваемой благодаря завивке, родинке на губе и бюсту, похожему на торпеды. Столетие на полках почти не повредило ее притягательности. Эта женщина стала бессмертной муляшкой.

Флека расстегнул скрытый шов под высоким бюстом Мэрилин. Внутри черной куклы Мэрилин находилась меньшая кукла Мэрилин, тоже угольно-черная, но еще менее одетая. Затем появилась Мэрилин и того меньше, в более откровенном наряде, потом совсем малютка и наконец грубо сработанная крохотная Мэрилин, блестящая, черная, обнаженная, размером с большой палец.

— Прекрасные копии знаменитости, — признал Борислав. — Так что это за материал? Напоминает фарфор.

— Это не воск, как в том, другом фабрикаторе. Углерод. Маленькие соломинки из углерода. Идет в придачу к машине.

Борислав провел ногтем большого пальца по поверхности материала. Черную куклу Мэрилин покрывали бороздки, похожие на желобки старой граммофонной пластинки. Фабрикаторы всегда так работают: они изготавливают свою продукцию, распыляя струи под давлением и нанося тонкие слои один на другой, складывая их в стопки, словно блинчики.

— Маленькие соломинки из углерода... Никогда о таком не слышал.

— Так говорил мой кузен. «Маленькие нанотрубочки, маленький наноуглерод». Вот что он сказал. — Флека схватил кругленькую Мэрилин с проворностью футбольного вратаря и поднял обе руки над головой. Затем изо всех сил своих жилистых рук швырнул черную куклу на разъединенную ржавчиной крышу собственного автомобиля. Полетели ошметки.

— Ты ее разбил!

— Это разбилась моя машина, — поправил его Флека. — Я изготовил куклу сегодня утром по изображениям сканера из интернета. Потом дал племяннику, большому мальчику. Я его попросил разбить эту куклу. Он сломал лом.

Борислав снова взял черную фигурку, осмотрел швы и детали и постучал по ней тростью.

— Ты еще кому-нибудь продавал таких пупсиков, Флека?

— Пока нет.

— Я мог бы взять несколько штук. Сколько ты просишь?

Флека развел руками.

— Я могу смастерить еще. Но я не знаю, как делать маленькие соломинки из углерода. Внутри машины есть инструкция. Но она на польском языке. Терпеть не могу инструкции.

Борислав осмотрел фабрикатор. Машина казалась достаточно простой: основной черный корпус, большой черный бункер, черная вращающаяся пластина, черное разбрызгивающее сопло и черный трехмерный привод.

— Почему эта штука такая черная?
— Она красивая и блестящая, правда? Сама машина сделана из маленьких углеродных соломинок.

— Так ты говоришь, твой кузен раздобыл эту штуку? Где название марки? Где серийный номер?

— Клянусь, она не краденая! Понимаешь, этот фабрикатор — копия. Пиратская копия другого фабрикатора, который находится в Варшаве. Но никто не знает, что это копия. А если и узнает, полицейские не станут искать ее в этом городе, не сомневайся.

Сомнения Борислава вылились в сарказм.

— Значит, это машина, которая сама себя копирует? Фабрикатор, фабрикующий фабрикаторы, это ты хочешь сказать, Флека?

У киоска раздался пронзительный вопль, полный горя и тревоги. Борислав поспешил назад.

Девочка-подросток в дешевом красном пальто и желтых зимних сапогах рыдала в мобильный телефон. Борислав узнал Джованицу, одну из лучших своих покупательниц.

— Что случилось? — спросил он.

— А, это вы! — Джованица шелкнула крышкой телефона и поднесла к губам тощую ручку. — Вы еще живы, мистер Бутсы?

— А ты полагала, что я умер?

— Ну, а что с вами случилось? Кто ограбил ваш магазин?

— Меня не ограбили. Все продано, и дело с концом.

Юное личико Джованицы сморщилось, на нем отразились сомнения, ярость, отчаяние и горе.

— Тогда где мои заколки?

— Что?

— Где мои любимые беретки? Мои заколки для волос! Мои чипсы, и повязки для головы, и красивые булавки? Их тут было целое дерево, вот здесь! Я каждый день снимала с этого дерева новые! Я наконец добилась, чтобы оно мне давало именно то, чего я хочу!

— А, это! — Борислав продал вращающуюся стойку с игрушками-заколками вместе со всеми товарами на ней.

— Ваша стойка продавала самые лучшие игрушки для волос в городе! Такие классные! Что с ней случилось? И что случилось с вашим магазином? Он сломан! Ничего не осталось!

— Это правда, Ница. У тебя сложились особые отношения с этой интерактивной стойкой, но... ну... — Борислав лихорадочно искал оправдание, и тут его посетило гениальное озарение: — Я открою тебе один секрет. Ты растешь, вот в чем дело.

— Я хочу мои игрушки-заколочки! Верните мою стойку, сейчас же!

— Игрушки-заколочки — это для девочек от девяти до пятнадцати

лет. Ты уже переросла эту рыночную нишу. Тебе следует серьезно подумать о сережках.

Руки Джованицы взлетели к мочкам ушей.

— Вы хотите сказать — проколоть уши?

Борислав кивнул.

— Давно пора.

— Мама не позволит.

— Я могу поговорить с ней. Ты уже девушка. Вскоре тебе придется отгонять мальчишек палкой.

Джованица уставилась на трещины в тротуаре.

— Не буду.

— Будешь, — заверил ее Борислав, задумчиво помахивая тростью.

До этого момента цыган Флека с интересом наблюдал за ними. Теперь он заговорил:

— Не плачь о своих красивых вещицах, потому что Бутсы — Король Киосков. Он может достать тебе все красивые вещи, какие есть на свете!

— Не слушай цыгана, — возразил Борислав. — Знаешь, Джованица, мне очень жаль, но твое старое дерево с заколками для волос ушло навсегда. Тебе придется начать с совершенно новым деревом. И оно ничего не будет знать о твоих желаниях.

— Это ужасно!

— Не горюй. Я предлагаю тебе интересное дело. Ты ведь не просто большая девочка, ты очень ценный покупатель, так сказать, потребитель со стажем. Поэтому в следующий раз ты хорошо сэкономишь. Я тебе буду платить только за то, чтобы ты обучала дерево с игрушками. Ну просто думай о том, что хочешь купить.

Флека уставился на него.

— Что ты несешь? Ты хочешь платить ей за покупки?

— Правильно.

— Она всего лишь девчонка!

— Я не девчонка! — немедленно обиделась Джованица. — А ты грязный старый цыган!

— Джованица — первый потребитель заколок-игрушек, Флека. Она лидер здешнего рынка. Другие девочки приходят и покупают те заколки-игрушки, которые выбрала Джованица. Поэтому я собираюсь... взять ее на работу. Мне уже давно следовало это сделать.

Джованица захлопала в ладоши.

— Можно мне получать заколки-игрушки, а не просто глупые деньги?

— Конечно. Непременно.

Флека изумился:

— Ты, должно быть, сошел с ума, если продал разом все свои товары.

Район Искусств никогда не испытывал недостатка в зеваках. Привлеченные этим маленьким спектаклем, четверо из них обступили киоск Борислава. Поймав его сердитый взгляд, они сделали вид, будто им нужна вода из фонтана. Фонтан, по крайней мере, еще работал.

— Вот идет моя мама, — объявила Джованица.

Ее мать, Ивана, стремительно выбежала из обшарпанных дверей соседнего многоквартирного дома. Она была одета в домашний халат, подпоясанный ремнем, вязаную накидку, толстый шарф и яркие вязаные шерстяные домашние тапочки. Она потрясала битком набитой наволочкой.

— Слава богу, они не причинили тебе вреда! — запричитала Ивана. Клубы пара вырывались из ее рта. Женщина приоткрыла наволочку. В ней были паровой утюг, фен для волос, старое зеркало, никелированная походная фляга, рваная меховая накидка и ситейник с крышкой.

— С мистером Бутсы все в порядке, мама, — успокоила ее Джованица. — Ничего не украли. Он все продал!

— Ты продал свой киоск? — спросила Ивана, и в глазах ее отразились обида и потрясение. — Ты нас бросил?

— Это бизнес, — пробормотал Борислав. — Извините за причиненные неудобства. Но все скоро наладится...

— Честно говоря, мне эти вещи не нужны. Если они тебе пригодятся, можешь взять их обратно.

— Мама хочет, чтобы вы продали все эти вещи, — предложила Джованица с навязчивой услужливостью подростка. — Тогда у вас появятся деньги, чтобы снова открыть магазин.

Борислав смущенно похлопал по картонной стенке киоска.

— Ивана, у этого старого киоска довольно неприглядный вид, он пуст и зияет большой дырой... но мне отчасти повезло.

— Госпожа, вы, наверное, замерзли в домашних тапочках, — заметил Флека. Он изящно махнул рукой в сторону стеклянного, с позолотой фасада кафе «Три кота». — Позвольте предложить вам горячего «капучино»?

— Вы правы, господин, здесь холодно. — Ивана неловко сунула свою подушку под мышку. — Я рада, что у тебя все наладилось, Борислав.

Ивана угрюмо зыркнула в сторону прохожего, который не отрывал от нее заинтересованного взгляда.

— Мы уходим, Ница!

— Мама, мне не холодно. Небо прояснилось.

— Мы уходим!

И они ушли.

Флека почесал затылок.

— Итак, маэстро. Что здесь сейчас произошло?

— Она славная девочка. Правда, иногда капризничает. Молодые все такие. Тут ничего не поделаешь. — Борислав пожал плечами. — Давай зайдём внутрь и там поговорим о делах.

Он заковылял к своему пустому киоску. Флека зашел вслед за ним и ухитрился захлопнуть дверь.

— Никогда раньше не был внутри, — заметил Флека, осматривая все обнаженные швы на предмет возможного взлома воровской фомкой. — Я подумывал открыть собственный киоск, да только... ну, это такое хлопотное дело.

— Все дело в потоке товаров, поделенном на площадь. С этой точки зрения, киоск — сверхприбыльное предприятие розничной торговли. Но это предприятие для одного человека. Здесь можно вести дела только в одиночку.

Флека посмотрел на него мудрыми круглыми глазами.

— Эта девочка, которая так плакала из-за своих волос... Она не твоя дочь, а?

— Что? Нет.

— А что случилось с ее отцом? Его унес грипп?

— Она родилась намного позже, но ты прав, ее отец умер. — Борислав закашлялся. — Он был моим добрым другом. Солдат. Очень красивый парень. Его девочка просто милашка.

— Значит, ты ничего для этого не делал. Потому что ты не солдат, и не богат, и не красив.

— Ничего не делал — для чего?

— Такая женщина, как Ивана, она не ждет красавца-солдата. Или богатого босса. Такая женщина, как она, хочет красивое платье. Или капельку духов. А главное — иметь в своей постели кое-что получше бутылки с горячей водой.

— Ну, у меня киоск и сломанная нога.

— У всех нас, мужчин, сломанная нога. Она подумала, что тебя ограбили. И прибежала прямо сюда, прихватив все, что могла, запихнув вещи в наволочку. Значит, ты не урод. Ты — глупец. — Флека ударил себя кулаком в грудь. — Я урод. У меня три жены: одна в Бухаресте, одна в Люблине, а та, что в Линце, даже не цыганка. Они закопают меня живым, маэстро. С этим ничего нельзя поделать, потому что я мужчина. Но это не про тебя. Ты — глупец.

— Спасибо за бесплатное предсказание судьбы. Ты все знаешь, да?

Она и я были здесь в тяжелые времена. Вот в чем дело. У нас с ней своя история.

— Ты фанатик. Ты шут. Я вижу тебя насквозь, как витрины этого киоска. Тебе нужно строить жизнь. — Флека ударил кулаком по обоям киоска и громко вздохнул. — Послушай, жизнь грустна, правильно? Жизнь — печальная шутка, даже когда она есть. Итак, Бутсы. Теперь я тебе расскажу о своем фабрикаторе, потому что у тебя есть деньги и ты его у меня купишь. Это красивая машина. Очень плодovitая. Она из больницы. Ей полагалось делать кости. Эта инструкция посвящена изготовлению костей, и это плохо, потому что никто не покупает кости. Если ты глухой и хочешь получить маленькие черные косточки для ушей — вот для чего эта машина. И еще: эти черные игрушки, которые я с ее помощью сделал, я их не могу раскрасить. Они слишком твердые, поэтому краска сразу же слетает. Что бы ни изготовил этот фабрикатор, оно будет твердое и черное, и ты его не сможешь раскрасить, этой вещи положено находиться внутри больного... К тому же я не умею читать глупые инструкции. Ненавижу читать.

— Он работает от стандартного напряжения?

— Я его запускал от постоянного тока, подключая к аккумулятору своего автомобиля.

— Где сырье?

— Оно упаковано в большие мешки. Порошок, желтый порошок. Фабрикатор каким-то образом склеивает его, при помощи искр или еще как-то, он делает порошок блестящим и черным и связывает его очень быстро.

— Я беру сырье вместе с машиной, по одной цене.

— Это еще не все. Помнишь тот раз, когда я поехал в Вену? Мы собирались заключить сделку. Мы уже ударили по рукам, а я это дело провалил. Из-за Вены.

— Правильно, Флека. Ты полностью его провалил.

— Значит, это моя цена. Часть моей цены. Я продам тебе машину для производства игрушек. Мы сейчас достанем ее из автомобиля и затащим в киоск в целости и сохранности. Когда представится случай, я привезу тебе мешок с угольной соломкой. Но мы забудем о Вене. Мы просто о ней забудем.

Борислав ничего не сказал.

— Ты простишь тот мой проступок. Вот чего я от тебя хочу.

— Я это обдумую.

— Это часть сделки.

— Мы забудем прошлое, и ты отдашь мне машину, сырье и еще пятьдесят баксов.

— Ладно, продано.

6.

Когда фабрикатор оказался внутри киоска, у Борислава не осталось места для самого себя. Ему удалось переписать инструкции из черного молчаливого фабрикатора в свой ноутбук. Солнце уже взошло. Хотя все еще было сыро и зябко, официанты из «Трех котов» уже расставляли белые стулья, сложенные на ночь стопкой. Борислав сел за стол. Он заказал кофе и начал внимательно читать неуклюжий машинный перевод польского руководства.

Сельма пришла ему надоедать. Она была замужем за школьным учителем, славным малым, имевшим постоянную работу. Сельма называла себя художницей, делала украшения и одевалась, как лунатик. Школьный учитель был высоко мнения о Сельме, хотя она спала со всеми подряд и ни разу не приготовила ему приличного обеда.

— Почему твой киоск пуст? Почему ты торчишь здесь без дела?

Борислав отрегулировал угол наклона экрана.

— Я осваиваю средство производства.

— Что ты сделал со всеми моими браслетами и ожерельями?

— Я их продал.

— Все?

— Все до единого.

Сельма села, словно ее ударили клюшкой.

— Тогда ты должен угостить меня бокалом шампанского!

Борислав нехотя достал телефон и послал сообщение официанту.

Поднимался резкий ветер, но Сельма, гордая собой, все сидела над стаканом дешевого итальянского красного.

— Не жди, что я быстро пополню твои запасы! На мои художественные произведения большой спрос.

— Спешить некуда.

— Я прорвалась на рынок предметов роскоши, за рекой, в «Межконтинентальном». Этот отель берет все ожерелья из слоновой кости, которые я делаю.

— Да-да, — рассеянно пробормотал Борислав.

— Короткие бусы из слоновой кости, они пользуются неизменным спросом у глупых стареющих туристов с увядшей шеей.

Борислав поднял глаза от экрана и взглянул на женщину.

— Тебе не пора бежать к верстаку?

— О, конечно, конечно, «дай людям то, чего они хотят», это твоя больная мелкобуржуазная философия! Те иностранные туристки в больших отелях, они хотят, чтобы я делала унаследованный от прошлого кич!

Борислав махнул рукой в сторону улицы.

— Ну, мы ведь живем в районе Старинных искусств.

— Послушай, глупец, когда это место было районом Передовых искусств, здесь было полно авангардистов. Посмотри на меня хоть раз. Разве я из музея? — Сельма рывком задрала юбку до середины бедра. — Разве я ношу старые крестьянские башмаки с загнутыми носами?

— Какой черт в тебя вселился? Ты села на паяльник?

Сельма прищурила подведенные глаза.

— Что мне, по-твоему, делать со своими руками и мастерством художника, когда ты штампуешь всевозможные украшения фабрикатами? Я только что видела эту дурацкую штуку в твоём киоске.

Борислав вздохнул.

— Послушай, я не знаю. Ты мне скажи, что это означает, Сельма.

— Это означает революцию. Вот что. Это означает еще одну революцию.

Борислав рассмеялся.

Сельма нахмурилась и подняла руку в лайковой перчатке.

— Послушай меня. Первый переходный период. Когда рухнул коммунизм. Люди вышли на улицы. Все приватизировали. Рынок испытывал большие потрясения.

— Я помню те дни. Я был ребенком, а ты даже еще не родилась.

— Второй переходный период. Когда рухнул глобализм. Не стало нефти. Начались войны и банкротства. Начались болезни. Это случилось, когда я была ребенком.

Борислав счел за лучшее промолчать. Учитывая все обстоятельства, его собственный Первый переходный период был более благоприятным временем для детства.

— Затем идет Третий переходный период. — Сельма вздохнула. — Когда эта постоянно растущая кибернетическая интервенция в производство высвобождает человеческую креативность.

— Ладно, и что это значит?

— Я тебе говорю, что это значит. Ты не слушаешь. Мы живем в Третьем переходном периоде. Это революция. Прямо сейчас. Здесь. Это не коммунизм, это не глобализм. Это следующий период. Это происходит. Современный художник уже не просто реагирует на поток лишённых смысла товаров, он использует силу творчества во имя революционной гетерогенности!

Сельма нередко с самодовольным видом несла претенциозную чушь. Но не такую, как сейчас. Такого Борислав от нее еще не слышал.

— Где ты всего этого набралась?

— Здесь, в этом кафе! Ты просто не слушаешь, вот в чем твоя проблема. Ты никогда никого не слушаешь.

— Я тоже здесь живу, знаешь ли. Я бы слушал твою безумную болтовню весь день, если бы от нее был какой-нибудь толк.

Сельма опустошила свой стакан. Затем сунула руку под свитер, связанный вручную с претензией на художественность.

— Если ты будешь над этим смеяться, я тебя убью.

Борислав взял ожерелье, которое она ему протянула.

— Откуда это? Кто тебе это прислал?

— Оно мое! Я его сделала. Собственными руками.

Борислав вертел в руках спутанную цепочку. Он не был ювелиром, но знал, как выглядит достойное ювелирное украшение. Это украшение не было достойным. Если самые изощренные усилия поисковых систем вызывали нечто, похожее на произведения с Марса, тогда это ожерелье было прямо с Венеры. Оно состояло из тонких металлических стружек, серебряных шариков и осколков топаза. Такое могло привидеться только в кошмаре.

— Сельма, это не обычная твоя работа.

— Машины не видят снов. А я вижу. И это ожерелье — из моего сна.

— Вот как. Ну, конечно.

— Признаюсь, это был кошмарный сон. Но я проснулась! Потом я воссоздала свое видение! Я терпеть не могу дешевки! Я делаю побрякушки только потому, что ты не хочешь продавать ничего другого!

— Ну... — Никогда раньше он не разговаривал с Сельмой откровенно, теперь же блеск ее сверкающих влажных глаз привел его в замешательство. — Я не знаю, сколько заплатить за такое... произведение искусства.

— Но кто-нибудь его захочет купить? Правда? Не так ли? — Ее взгляд молил. — Кто-нибудь? Мое ожерелье купят? Даже несмотря на то, что оно... другое.

— Нет. Это не то украшение, которое покупают. Это такое украшение, на которое люди смотрят и, вероятно, смеются. Но потом придет одна особенная женщина. Ей очень захочется иметь именно это ожерелье. Ей захочется этого больше всего на свете. Она купит эту вещь, сколько бы та ни стоила.

— Я могла бы делать и другие вещи, подобные этой, — заявила Сельма и положила руку на сердце. — Потому что теперь я знаю, откуда все это берется.

7.

Борислав установил фабрику в пустом киоске, взгромоздил его на прочный деревянный пьедестал, чтобы люди могли видеть, как он работает.

Первым, что он выбрал для производства, были, естественно, заколки-игрушки. Борислав одолжил несколько забавных заколок

у Джованицы и скопировал их в своем киоске на медицинском сканере.

Разумеется, фабрикатор выплюнул россыпь блестящих черных копий.

Джованица позабавила небольшую толпу, подпрыгивая на них. Заколки сломать не удалось, но дешевые металлические пружинки быстро лопнули.

Тем не менее, когда игрушка ломалась, ничего не стоило бросить ее обратно в бункер аппарата. Тот пережевывал черный предмет, выпуская запах озона, пока эта вещь не превращалась снова в желтый порошок.

В соломку, прямо как золото.

Борислав быстро набросал бизнес-план на обороте пивной подставки из «Трех котов». Умножив часы своей работы на цену за один грамм, он вскоре установил уровень доходности. У него появилась новая производственная линия.

При помощи нового фабрикатора он мог копировать форму любого маленького предмета. Конечно, он не был способен в буквальном смысле «копировать» всё: щенка, красивое шелковое платье, холодную бутылку пива, об этом и речи не шло. Но большая часть того, что сделано из однородного, твердого материала, копировалась легко: пустая бутылка, вилка, кухонный нож.

Кухонные ножи сразу же стали гвоздем программы. Инструменты получались блестящими и черными, очень грозными и пугающими, и было ясно, что их никогда не понадобится точить. Вид фабрикатора, который бесперебойно выплевывает острые как бритва ножи, приводил людей в священный трепет. Дети просто осаждали киоск, а взрослые собирались поодаль и обсуждали чудеса техники.

Чтобы предоставить удобства жаждущей толпе зевак, служащие «Трех котов» выставили столы и стулья на воздух и даже развернули над ними полосатый тент, такой веселенький, слово сейчас было лето.

Погода благоприятствовала импровизированной вечеринке жителей квартала.

Мирко из «Трех котов» накормил Борислава бесплатно.

— Мне это приносит хорошую прибыль, — признался Мирко. — Ты тут устроил девять дней чудес. Это мне очень напоминает конец Второго переходного периода. Помнишь, когда снова включили освещение в городе? Да, брат, это было замечательное время.

— Так долго продолжаться не может. Мне нужно вернуться в киоск и продолжать работу.

— Замечательно, что ты опять здесь, вместе с нами, Бутсы. А то мы

забыли, когда болтали последний раз. — Мирко виновато развел руками, потом поскреб стол. — Теперь я держу это заведение... дела отнимают много сил... это все моя вина.

Борислав принял плату от мальчишки, который изготовил себе твердую, как камень, черную модель динозавра.

— Мирко, у тебя есть место для большого торгового автомата? Рядом с твоим кафе? Мне необходимо вытащить этого черного зверя из моего киоска.

— Ты действительно хочешь установить здесь торговый автомат? Похожий на банкомат?

— Наверное, да. Это окупится.

— Бутсы, мне нравится толпа, которую ты ко мне приводишь, но почему бы тебе просто не поставить свою машину туда, куда ставят банкоматы? Есть сотни банкоматов. — Мирко забрал у приятеля пустую тарелку. — Есть миллионы банкоматов. Эти машины заполонили весь мир.

8.

Шли дни. Люди не отпускали его обратно, к нормальной жизни. Появился спортивный азарт, все хотели видеть новые фокусы фабрикатора. Стало модным изготавливать причудливые вещи для прикольного подарка: твердокаменный букет роз, например. Можно было вручить этот черный букет подружке, а если она выразит недовольство, то вернуть его обратно, взвесить, а потом получить часть денег за желтую пыль.

Нескончаемый уличный спектакль превратился в тоник для всех окрестных жителей. Очень скоро каждый бездельник из кафе или студент-прогульщик стал самозванным экспертом по фабрикатам, фабрикации и революционным суперфабрикатам, которые умеют копировать сами себя. Люди приводили родственников, чтобы те посмотрели. Заходили туристы и делали снимки. Естественно, всем им хотелось переговорить с хозяином.

Иной раз посетители выкидывали странные номера. Однажды явилась юная новобрачная со свадебным сервизом. Она оплатила копию каждого предмета, затем с грохотом публично разбила оригиналы на улице. Явился коп, чтобы призвать молодую к порядку. Потом полицейскому захотелось переговорить с владельцем чудо-аппарата.

Борислав сидел с профессором Дамовым, академиком и болтливым ханжой, директором местного этнографического музея. Музей, основанный на деньги города, специализировался на том, что Дамов называл «материальной культурой». Под этим подразумевались пыльные витрины, набитые боевыми знаменами, священными медальона-

ми, домашней утварью, рыболовными сетями, прялками, граммофонами и тому подобным. Учитывая новые обстоятельства, профессору было что сказать.

— Сержант, — разглагольствовал Дамов, оживленно размахивая бокалом вина, — вас, возможно, удивит, когда вы узнаете, что слово «киоск» — древний османский термин. В первоначальном османском киоске ничего не покупали и не продавали. Киоск был царским подарком правителя своему народу. Киоск был тем местом, где дышали вечерним воздухом, размышляли, наслаждались жизнью; он представлял собой элегантную садовую беседку.

— Но они не разбивали на тротуаре свои свадебные сервизы, — возразил коп.

— А известно ли вам, что если новобрачная плохо себя вела, ее зашивали в кожаный мешок и бросали в Босфор!

Копа удалось умаслить, и он пошел своей дорогой, но вскоре появился его коллега, переодетый в штатское, и занял одно из лучших мест в «Трех котлах». Это изменило общее настроение. Наблюдение полиции доказывало, что суета вокруг киоска — нечто большее, чем просто покупательский ажиотаж.

Спустились сумерки. Пришла компания механиков из гаража, все еще в своих грязных комбинезонах, и принялась совершенно серьезно обсуждать возможность копирования деталей троллейбуса. Явился театральный актер со своей свитой, давал автографы и заказал выпивку всем своим друзьям.

Возникли студенты, и отнюдь не за тем, чтобы наливаться пивом. Они заняли столик, заказали самую дешевую пиццу и начали обсуждать какие-то свои планы.

На следующий день актер привел с собой всех исполнителей пьесы, а студенты-радикалы вернулись в удвоенном количестве. Они заняли еще больше столов, заказали гораздо больше пиццы. Теперь у них имелись секретарь и казначей. На куртках вожаков красовались блестящие черные пуговицы-значки.

Приехал автобус из сельской местности и выгрузил группу фермеров. Крестьяне сделали одинаковые копии чего-то такого, что им всем отчаянно хотелось иметь, но что они очень старались скрыть от зевак.

В переполненное кафе зашел Туз. Он с раздражением обнаружил, что ему придется ждать своей очереди, чтобы переговорить с Бориславом с глазу на глаз.

— Успокойся, Туз. Угостись-ка пиццей со свининой. Здешний хозяин — мой старый друг, и сегодня он щедр.

— Ну, а мой босс недоволен, — парировал Туз. — Здесь делают деньги, а ему никто об этом не сказал.

— Передай своему большому боссу, чтобы расслабился. Я делаю не больше денег, чем обычно в киоске. Это должно быть очевидно: подумай о темпах моего производства. Эта машина способна изготавливать всего несколько копий в час.

— Ты что, отупел? Посмотри на толпу! — Туз стащил свои черные очки и оглядел битком набитое кафе. Несмотря на холодную погоду, цыганский оркестр рассаживался по местам с аккордеонами и тромбонами. — Ладно, вот тебе доказательство: видишь того самодовольного типа, который сидит в обществе переодетого лейтенанта? Он один из них!

Борислав искоса взглянул на гангстера-конкурента. Парень из банды Северной реки здорово смахивал на Туза, только кроссовки у него были красные, а не синие.

— «Речные мальчики» выдвигаются сюда?

— Они всегда зарились на мой участок. Очень бойкое место!

На сей раз «речной мальчик» проявил смелость. Еще недавно в кафе «Три кота» гангстеров пристреливали. И не так уж редко. Это было славной местной традицией.

— У меня руки чешутся отколотить этого парня, — солгал Туз, покрываясь потом, — но он ведь сидит с копом! И наш любимый политик тоже здесь!

Борислав спросил себя, уж не слабеет ли у него зрение. В прежние времена он бы ни за что не упустил таких подробностей.

В кафе просочилась целая орда политиков и расселась по соседству с гангстером. Местные политики всегда ходили отрядами. Маленькими, беспокойными шайками.

Один из них был национальным представителем района Искусств. Мистер Славич являлся членом Радикальной либерально-демократической партии, отколовшейся клики благонамеренных, чересчур образованных психов.

— Я тебе выдам хорошую шутку, Туз. Любой политик обладает тремя основными качествами: умом, честностью и умением добиваться результатов. Но нужно выбрать два из них.

Туз заморгал. Он не понял.

Борислав с трудом оторвался от пластмассового стула и захромал к мистеру Славичу, чтобы обменяться с ним радостным рукопожатием. Молодой адвокат был умен и честен и поэтому не добивался результатов. Тем не менее Славич благодаря большому уму мгновенно уловил назревающие в его районе политические события. Он уже нацепил блестящую черную «пуговицу» молодых студентов-радикалов.

Демонстративно взмахнув полами верблюжьего пальто, мистер

Славич соблаговолил сесть за столик Борислава. И одарил Туза холодным взглядом.

— Разве необходимо якшаться с этим сомнительным типом?

— Но вы ведь пытались добиться моего увольнения с работы в посольстве, — перешел в наступление Туз.

— Да, пытался. Хватит того, что в нашей правящей партии полно представителей преступного мира. И к тому же мы не можем допустить, чтобы вы получали жалованье от европейцев.

— Вот в этом вы весь, Славич: вечно сами присасываетесь к богатым иностранцам и предаете народ!

— Не льсти себе, жалкий выскочка! Ты не «народ». Народ — это люди!

— Ладно, вы устроили так, что люди вас выбрали. Вы заняли пост и сделали себе красивую стрижку. Теперь вы собираетесь еще и завернуться в наше знамя? Вы хотите украсть то последнее, что осталось народу?

Борислав откашлялся.

— Я рад, что у вас есть возможность поговорить откровенно. Насколько я понимаю, для того, чтобы руководить этим делом с фабриками, потребуется ловкость и хитрость.

Двое собеседников уставились на него.

— Это ты зазвал нас сюда? — спросил Туз.

— Разумеется. Вы оба здесь не случайно, и я тоже. Если не мы держим за ниточки, тогда кто?

Политик уставился на гангстера.

— Знаешь, в его словах что-то есть. В конце концов, это Третий переходный период.

— Итак, — продолжал Борислав, — перестаньте разыгрывать из себя крутых и в кои-то веки подумайте по-новому! Вы говорите, как ваши деды!

Борислав сам удивился своей горячности. Славич, к его чести, выглядел смущенным, а Туз неловко почесал голову под шерстяной шапкой.

— Послушай, Бутсы, — наконец произнес Туз, — даже если ты, и я, и твой шикарный приятель адвокат дружески выпьем по вкусному пиву Переходного периода, вон там сидит тот «речной мальчик». Что нам с ним-то делать?

— Мне хорошо известно о преступном синдикате Северной реки, — беззаботно ответил мистер Славич. — Мой комитет по расследованиям занимается анализом деятельности их банды.

— О, значит, вы занимаетесь анализом, вот как? Наверное, «речные» просто умирают со страха.

— В этой стране существуют законы против рэкета, — заявил Славич, злобно глядя на Туза. — Когда мы возьмем власть и избавимся наконец от преступных элементов в нашем обществе, ничто не помешает нам арестовать этого мелкого панка в его дешевой красной обуви. Мы ликвидируем весь его паразитический класс: я имею в виду его, его подружку — певичку из ночного клуба, его отца, его босса, его братьев, его кузенов, весь его футбольный клуб... Пока жив хоть один честный судья — а у нас есть несколько честных судей, — мы не остановимся! Никогда!

— Слышал я о ваших честных судьях, — презрительно ухмыльнулся Туз. — Их можно заметить по столбам дыма, когда взрываются их автомобили.

— Туз, перестань заноситься. Позволь мне внести ясность, что поставлено на карту. — Борислав сунул руку под стол, достал прозрачный пластиковый пакет и со стуком бросил его на стол.

Туз немедленно заинтересовался.

— Ты сфабриковал череп?

— Это мой собственный череп.

Киоск сканировал его каждый день. Поэтому череп Борислава был записан в файл.

Туз вытащил предмет из прозрачного пластикового пакета и передал политику.

— Это изделие просто превосходно! Посмотрите на четкую проработку швов!

— Согласен. Замечательное техническое достижение. — Мистер Славич повертел череп в руках и нахмурился. — Что случилось с вашими зубами?

— Они вполне нормальные.

— Вы называете эти зубы мудрости нормальными?

— Эй, дайте мне взглянуть, — попросил Туз. Мистер Славич перекатил угольно-черную сферу по крышке стола. Потом бросил взгляд через плечо на других политиков, раздраженный тем, что они веселятся без него.

— Слушайте меня, мистер Славич. Во время предвыборной кампании я повесил ваш плакат на стене своего киоска. Я даже голосовал за вас и...

Туз оторвал взгляд от пустых глазниц черепа.

— Ты голосовал, Бутсы?

— Да. Я уже немолод. Мы, старики, ходим голосовать.

Славич изобразил притворно-вежливое внимание.

— Мистер Славич, вы наш политический лидер, — нажал Борислав. — Вы радикальный либеральный демократ. И у нас тут сейчас

довольно радикальная либеральная ситуация. И что нам теперь делать?

— Очень хорошо, что вы задали мне этот вопрос, — кивнул Славич. — Вы, наверное, понимаете, что могут возникнуть серьезные сложности с вашей машиной в вопросе об интеллектуальной собственности.

— Какие сложности?

— Я имею в виду патенты и авторские права. Законы инженерного анализа. Торговые марки. Мы в нашей стране всех этих законов не соблюдаем... говоря откровенно, мы вообще не соблюдаем почти никаких законов. Но остальной мир живет в соответствии с правовыми нормами. И если вы будете пиратским способом делать свадебные сервисы, производители, несомненно, когда-нибудь об этом пронюхают. И могу заверить, вам вчинят судебный иск.

— Понятно.

— Вот так работает мир. Если вы наносите ущерб чьим-то доходам, на вас подают в суд. Там, где деньги, там и судебные иски. Простой принцип. Хотя у вас тут очень милая обстановка... Киоск действительно сделал нашу округу ярче...

В кафе появился профессор Дамов в обществе жены. Госпожа Дамова, профессор социологии, любила подразнить общество марксистскими и феминистскими высказываниями. Она носила шубу, солидную, как банковский сейф, и шляпу из вздыбленного меха.

Дамов указал на черную табличку на столе Борислава.

— Извините, господа, но этот столик зарезервирован для нас.

— Ох, — вырвалось у Борислава. Он не заметил изготовленную фабрикатом табличку, такая она была черная.

— У нас сегодня маленький праздник, — заявил Дамов. — Годовщина свадьбы.

— Поздравляю, господин и госпожа! — произнес мистер Славич. — Почему бы вам не разделить наше общество всего на минутку, пока не придут ваши гости?

Бутылка сухого вина от Мирко восстановила всеобщие дружеские чувства.

— В конце концов, я адвокат района Искусств, — сказал Славич, обходительно наполняя до краев бокалы. — Итак, Борислав, на вашем месте я назвал бы этот фабрикат художественной инсталляцией!

— Правда? Почему?

— Потому что когда эти скучные иностранцы со своими исками пытаются устроить скандал по поводу искусства, это никогда не срабатывает! — Славич подмигнул профессору и его жене. — Мы ведь получали от него удовольствие, а? Мы же наслаждались превосходным шоу?

Туз сорвал с себя темные очки.

— Это «художественная инсталляция»! Bravo! Вот блестящая находка!

Борислав нахмурился.

— Чему ты так рад?

Туз нагнулся к приятелю и зашептал, прикрываясь рукой:

— Потому что именно это мы скажем «речным мальчикам»! Мы им объявим, что это просто художественное шоу, а потом закроем акцию. Они останутся в своем промышленном районе, а мы сохраним свою территорию. Все здорово!

— Это твое ноу-хау?

— Ну да, — ответил довольный Туз, откидываясь на спинку стула.
— Да здравствует искусство!

Гнев Борислава поднялся из глубины колодца и обжег ему затылок.

— Вот как? Вот что вы, двое жалких мерзавцев, желаете предложить людям? Вы просто собираетесь избавиться от этой штуки! Вы хотите погасить ее одним плевком, как свечку! И это вы называете переходным периодом? Да ситуация в точности повторяет прежнюю! Не меняется ничего!

Дамов покачал головой.

— История развивается по спирали. Мы меняемся. Мы все стали на год старше.

Заговорила госпожа Дамова:

— Не могу поверить в вашу фашистскую, технократическую чепуху! Вы действительно воображаете, что сумеете улучшить жизнь людей, просто-напросто установив какую-то нелепую машину на их улице? Без зрелого размышления о более глубоких социальных проблемах? Я хотела сегодня вечером купить молока! Кто работает в вашем киоске, вы, саботажник? Ваша лавка совершенно пуста! Мы что, должны стоять в очереди?

Мистер Славич осушил свой стакан.

— Ваш фабрикатор — замечательная штука, но пиратство незаконно и аморально. Что правда, то правда, это надо признать.

— Прекрасно, — ответил Борислав, — если вы так считаете, тогда идите и скажите об этом людям. Скажите людям прямо сейчас, что вы хотите погубить их будущее! Давайте, сделайте это! Скажите, что они недостаточно созрели и должны все обдумать. Сообщите людям, что они должны за это проголосовать!

— Давайте не будем спешить, — предложил Славич.

— Ваша убогая железяка бесполезна без социального изобретения, — чопорно произнесла госпожа Дамова.

— Моя жена совершенно права! — расцвел Дамов. — Потому что социальное изобретение — это нечто гораздо большее, чем шестеренки и цепи, это... ну, нечто, похожее на киоск. Киоск когда-то был местом, где пили чай в царском саду. Теперь здесь покупают молоко! — Он чокнулся своим бокалом о ее бокал.

Туз помолчал, а потом задумчиво произнес:

— Где же нам украсть социальное изобретение? Как вы их копируете?

Это были волнующие вопросы. Борислав почувствовал, что его мысли пронзил луч яркого света.

— Та европейская женщина... как ее?... Она купила мой киоск. Кто она? На кого работает?

— Ты имеешь в виду доктора Грутджанз? Она посредник по экономическим связям Комитета по расследованиям Европейского парламента.

— Правильно, — тут же подхватил Борислав, — именно так. Я тоже! Скопируйте мне это! Я посредник по каким-нибудь связям дурацкого парламентского чего-нибудь.

Славич в восторге расхохотался:

— Занятно, занятно!

— Послушайте, господин Славич. У вас ведь есть Парламентский комитет по расследованиям, — сказал Борислав.

— Ну да, конечно.

— Тогда вы должны изучить этот фабрикатор. Вы начнете официальное правительственное расследование. Вы будете расследовать днем и ночью. Прямо здесь, на улице, при всех. Вы будете публиковать отчеты. И конечно, вы будете делать вещи. Вы будете делать всевозможные вещи. Чтобы их расследовать.

— Я правильно понял ваше предложение? Вы предлагаете свой фабрикатор правительству?

— Конечно. Почему бы нет? Это лучше, чем потерять его навсегда. Я не могу продать его вам. У меня нет для этого бумаг. А вы сумеете о нем позаботиться. Это мой дар людям.

— Что ж, интересно... — В глазах Славича вспыхнул голодный огонек.

— Приятель, это даже лучше, чем сделать из него долбаный художественный проект, — с энтузиазмом воскликнул Туз. — Дурацкий правительственный проект! Этого хватает на целую вечность!

9.

Новый комитет по расследованиям немедленно добился успеха. Поскольку политическое дзюдо было типично для этого района, чест-

ный политик ухитрился получить от европейцев щедрый грант в поддержку проекта — в основном, чтобы расследовать самого себя.

Теперь мощности фабрикатора были направлены на другие цели: от потребительской дребедени он перешел к насущным нуждам государственного сектора. Угольно-черные пожарные краны появились в районе Искусств. Угольно-черные колпаки для разбитых уличных фонарей и угольно-черные люки для мостовых. Правительство закупало их в больших количествах; фабрикатор деловито жужжал среди многолюдной площади, рядом с железнодорожной цистерной, полной сырья.

Борислав вернулся в свой киоск. Он попытался возобновить прежний бизнес. Его часто вызывали для показаний в комитет Славича, развивший кипучую деятельность. Правда, это привело к тому, что цыгана Флеку арестовали, но проныра вышел под залог и удрал. Никто не приложил особых усилий, чтобы его найти. Да они никогда и ни к чему не прилагали особых усилий.

Вскоре расследование показало, что фабрикатор является украденной собственностью одной больницы в Гданьске. Европейцы давно умели делать фабрикатеры, использующие углеродные нанотрубки. Они просто не хотели их производить.

В качестве мудрой меры предосторожности европейцы решили не создавать таких устройств, которые могли столь радикально нарушить устоявшийся политический и экономический порядок. Последствия таких действий наверняка таили в себе угрозу. Преимущества же были сомнительными.

На некотором абстрактном высоком уровне имело смысл повсеместно создавать сверхэффективные компактные фабрики, которые могли производить как можно больше вещей из ничтожно малого количества сырья. Если бы требовалось начать промышленную цивилизацию с нуля, тогда подобные машины стали бы великой идеей. Но такой аргумент не имел смысла при наличии уже существующей базы и устоявшихся интересов. Невозможно уговорить избирателя бросить работу. Поэтому материалы для фабрикаторов были хитроумно ограничены воском, пластиком, гипсом, папье-маше и некоторыми металлами.

Но это не касалось медицинских аппаратов. Медицина, которая имела дело с жизненно важными случаями, никогда не была просто рынком. Всегда находился ребенок, который ломал кости. Отчаявшиеся родители поднимали крик: неужели никто из вас, бессердечных, бесчеловечных негодяев, не думает о детях?

Конечно, те, кто отказался от подобной технологии, заботились прежде всего о новом поколении. Они хотели, чтобы дети выросли

в безопасности, в стабильном, управляемом обществе. Но интересы призрачного будущего абсолютно безразличны человеку, чью душу терзает страдания реального, живого ребенка.

Поэтому появились лучшие и новые виды фабрикатов. За ними настороженно наблюдали... но с течением времени и в силу обстоятельств контроль ослаб.

Стремясь распространить среди своих избирателей правительственные дотации на производство, Славич заказал известным местным художникам создать новое по дизайну поколение киосков. В этом футуристическом ультракиоске Третьего переходного периода должны были разместиться те самые фабрикатеры, которые его изготавливали. Работая с удивительным рвением и быстротой (учитывая то, что они получали зарплату от правительства), дизайнеры создали новый официальный, пользующийся поддержкой правительства киоск: пугающе великолепный монументальный павильон, наполовину оттоманский дворец, наполовину сталинский пряник, почти на сто процентов из черных углеродных нанотрубок, за исключением нескольких необходимых стальных болтов, медных проводов и бронзовых скоб.

Борислав был не так глуп, чтобы сетовать на судьбу. Ему пришлось покинуть свой скромный, старомодный киоск. Затем с болью и смирением он взобрался вверх по сверкающим черным ступеньками в этот нереальный, грандиозный, крепкий, как скала, черный форт, в эту царскую сокровищницу, от роскошной крыши которой метеориты отскакивали бы, словно ледяные градины.

Стеклянные витрины плохо закрывались. Пальцы срывались с новых черных полок. На черном полу стулья и кресла скользили. На черных углеродных стенах не держалась краска, клей или обои. Он чувствовал себя круглым идиотом, но ведь это чудо архитектуры возвели для его удобства! Это был дворец для поколения Третьего переходного периода, безумно радикальных парней, которым киоск служил не скромным посредником, а крепостью в новой войне культур.

Такой «киоск» можно было сбрасывать с пролетающего реактивного самолета. Он мог шарахнуть о землю подобно стремительному удару молнии — и отскочить от нее совершенно невредимым. Поскольку мешки золотистого порошка никогда не пустели, агрегат постоянно извергал нескончаемый поток предметов: бутылки, сумки, ручки, задвижки, колеса, насосы; а также инструменты для производства других вещей: пилы, молотки, гаечные ключи, рычаги, дрели, винты, отвертки, шила, клещи, ножницы, мастерки, напильники, распили, тележки, домкраты, резак. Все эти вещи сидели в своих ком-

пьютерных файлах так же аккуратно, как шахматные фигуры, как сама идея шахмат.

Когда Борислав вечерами возвращался из своего черного суперкиоска в квартиру матери, он наблюдал, как Третий переходный период постепенно внедряется в ткань его города.

Первый переходный период когда-то имел собственный облик: старые здания из плохого кирпича, дрянная штукатурка, осыпаящаяся, словно разъеденная проказой; потом они взорвались яркими торговыми марками торжествующего Запада: сладких батончиков, беспошлинных чипсов, вызывающего белья.

Второй переходный период был более жестким: Борислав запомнил его, в основном, как время нужды и лишений. Пустые магазины, пустые дороги, толпы велосипедов, сердитое жужжание новомодных топливных элементов, дешевый блеск солнечных панелей на крышах, из которых со всех сторон торчала изоляция, словно бумага из башмаков нищего. Хлипкие новые сооружения. Трава на крышах, трава на рельсах трамваев. Сеть мачт и телевизионных тарелок.

Третий переходный период тоже имел собственный колорит. Это была та же песня на новый лад. Он был черным. Он был угольно-черным, гладким, анонимным, сверкающим, нержавеющей, только иногда радужное сияние отражалось от слоев и желобков, когда свет падал правильно, словно призрак давно исчезнувших масляных разводов.

Революция приближалась. Люди хотели от этой игры больше, чем позволял режим. Теперь в городе работало пять фабрикаторов. Заграница все настойчивее возражала против «опасного распространения контрафактной продукции», поэтому местное правительство не решалось изготавливать новые фабрикатеры. А люди не могли осуществить свое желание жить иначе. Люди уже чувствовали себя иными, поэтому копили недовольство, чтобы выплеснуть его на улицы. Политики предпринимали слабые попытки примирить классы, но это было просто невозможно.

Законы коммерции существуют для блага людей? Или люди существуют как рабы законов коммерции? Это была популистская демагогия, но почему-то подобные идеи пользовались успехом.

Борислав понимал, что цивилизация существует в виде непреложных законов. Человечество страдает и голодает, когда оказывается вне закона. Но эти голые факты не отягощали сознания местных жителей и десяти секунд. Местные были не такими. Они никогда не были такими. Беспорядки — вот что здешние жители могли предложить остальному миру.

Люди слетали с катушек из-за гораздо меньшего; из-за выстрела в какого-то проезжего принца, например. По городу прокатились не-

большие уличные демонстрации. Эти демонстрации разгорались и затухали, но скоро тележка с яблоками должна была опрокинуться. Люди выйдут на городские площади, колотя в свои угольно-черные кухонные кастрюли, потрясая угольно-черными ключами от дома. Борислав по опыту знал: этот глас народа неизбежно перерастет в оглушительный грохот на всю страну. Голос разума слабого правительства звучал не громче мультипликационной мыши.

Борислав закончил кое-какие дела, так как позже ими будет некогда заниматься. Он поговорил с адвокатом и составил новое завещание. Сделал копии важных документов и рассовал кое-какие бумаги по укромным уголкам. Он собирал консервы, свечи, лекарства, инструменты, даже сапоги. Держал наготове свою дорожную сумку.

Он купил матери давно обещанный участок на кладбище. А также приобрел для нее красивый могильный камень. Он даже нашел шелковые простыни.

10.

Все началось не так, как он ожидал, но можно сказать, что локальная история — это события, которых не может предвидеть ни один разумный человек. Все началось с киоска. Это был новенький, с иглочки, европейский киоск. Цивилизованный, основательный, приличный, хорошо продуманный, предвещающий интервенцию киоск. Чужеродный, бело-розовый — он был красивым, идеальным и чистым, а внутри не было никого, кто бы даже отдаленно напоминал человеческое существо.

Этот автоматический киоск снабдили чем-то вроде серебряного когтя, который без промаха подхватывал товары со своих антисептических полок и подавал их пораженному покупателю. Это были восхитительные товары: сверкающие, изящные, снабженные серийными номерами и наклейками для радиослежения. Они так и светились внушающей уверенностью законностью: правилами здравоохранения, марками таможенных сборов, соответствующими адресами веб-сайтов и мейлами для подачи жалоб.

Сверхмощный киоск олицетворял собой централизованное правление, свод законов на сто тысяч страниц и обширные, перегруженные базы данных, он олицетворял истинный блеск, тонкий этикет, как блестящий двор Габсбургов. И его с намеренной точностью сбросили на ту хрупкую часть Европы, которая готова была взорваться.

Европейский киоск был всемогущим торговым автоматом. Он пополнял свои быстро убывающие запасы по ночам. Их развозили грузовики-автоматы без водителя, изготовленные из розового пластика, на колесах из розовой резины, которые двигались по полуночному го-

роду при помощи радаров и подчинялись всем правилам движения с сумасшедшей пунктуальностью.

Не с кем было пообщаться внутри розового европейского киоска, хотя, когда к нему обращались через десятки микрофонов, киоск отзывался на местном языке и очень даже неплохо. Здесь и не пахло человеческими взаимоотношениями. Такого понятия, как общество, не существовало: только четкая интерактивность.

Банды подростков сразу же изукрасили розового захватчика граффити. Кто-то — вероятнее всего, Туз — предпринял серьезную попытку сжечь его.

Туза нашли через два дня в собственном шикарном электрическом автомобиле, убитым тремя черными пулями из фабрикатора. На капоте автомобиля оставили сфабрикованный черный пистолет.

11.

Ивана перехватила его до того, как он успел уехать в горы.

— Ты бы так и уехал, не сказав ни слова?

— Пора.

— Ты берешь с собой сумасшедших студентов. Ты берешь фанатов. Гангстеров. Цыган и воров. Ты готов уехать с кем угодно. А меня не берешь?

— Мы едем не на пикник. А ты не из того сброда, который подается в горы, когда начинается заварушка.

— Вы берете оружие?

— Вы, женщины, ничего не понимаете! Ни к чему брать с собой карабины, если у вас есть черная фабрика, которая может изготавливать карабины! — Борислав потер небритый подбородок. Боеприпасы, да, немного боеприпасов может пригодиться. Гранаты, снаряды для минометов. Он слишком хорошо знал, сколько этого добра осталось зарытым в горах.

А еще сухопутные мины... Вот они его действительно пугали, этот неизбывный страх он пронесет до самой могилы. Однажды, возвращаясь обратно к границе, они с товарищами, нагруженные добычей, шагали друг за другом по глубокому снегу, ступая след в след... А потом эта плоская смертоносная штука с чипом сосчитала их следы. Девственно чистый снег стал кроваво-красным.

Борислав и сам мог бы соорудить такую штуку. По всему интернету были размещены планы подобных партизанских устройств. Он никогда не мастерил таких бомб, хотя эта перспектива преследовала его в ночных кошмарах.

Тогда он остался калеккой на всю жизнь, он горел в лихорадке, замерзал и умирал от голода в горной деревушке. Его доверенным ли-

цом была сиделка. Не жена, не любовница, не товарищи. Его мать. Только его мать сохранила с ним такую глубокую связь, что бросила город и, рискуя умереть с голоду, ухаживала за раненым партизаном. Она приносила ему суп. Он смотрел день за днем, как у нее вваливались щеки, потому что она недоедала, чтобы накормить его.

— Там некому будет готовить еду, — умоляла Ивана.

— Ты должна будешь бросить дочь.

— Ты же бросаешь мать!

Она всегда умела уколоть его подобным образом. И он, как всегда, сдался.

— Ну ладно, — сказал он ей. — Прекрасно. Так тому и быть. Если ты готова поставить на карту все, можешь стать связной между лагерем и городом. Будешь приносить нам кое-какие вещи. И не станешь задавать никаких вопросов об этих вещах.

— Я никогда не задаю вопросов, — солгала она. Они отправились в лагерь, и она просто осталась с ним. Она не отходила от него ни днем, ни ночью. Для него опять началась настоящая жизнь. Настоящая жизнь — это ужасно.

12.

В старых деревнях, бывших лыжных курортах, теперь не шел снег; погода превратилась в кошмар. Они организовали свое незаконное производство фабрикатов в заброшенных конюшнях.

Фанатики кричали об изготовлении «бесконечного количества» копий, но все это были одни лозунги. В «бесконечном количестве» не было необходимости. Вещей требовалось ровно столько, чтобы попортить нервы властям. И кое у кого из правительства нервы действительно начали сдавать.

Партизаны не учли одного. У фабрикатора имелись две важные части, не поддающиеся копированию. Одна — сопло, которое превращало желтый порошок в черный материал. Другая — большой гребень преобразователя, который пережевывал черное вещество снова в желтый порошок. Эти два самых важных компонента невозможно было сделать из желтого порошка или из черного материала.

Они были изготовлены из подвергнутых точной высоковольтной обработке европейских металлов, которые теперь охраняли, как драгоценные камни. Эти компоненты заговорщикам ни за что не создать.

Но все-таки два десятка сопел для фабрикатора появилось. Эту любезность им оказала некая иностранная разведка. По слухам — японская.

Однако у них все равно не было гребней для обратной переработки. Это разрушало и обрекало на неудачу все мечты о том, чтобы изготов-

ливать фабрикаты при помощи сопел, без гребенок. Их подпольные фабрикаторы могут изготавливать вещи, но не могут их перерабатывать обратно в порошок. Мир с подобными фабрикаторами превратился бы в кошмар: он медленно, но уверенно заполнился бы ужасным, отравляющим природу мусором — непригодными к использованию, неподдающимися разрушению, твердыми, как камень, кусками черного шлака. Эта мрачная перспектива явно повлияла на решение первых изобретателей.

Прозвучало также много мрачных заявлений о том, что углеродные нанотрубки вредно влияют на здоровье, так как представляют собой неразрушимые волокна, нечто вроде асбеста. И это было правдой: углеродные нанотрубки действительно вызывали рак, но делали это гораздо реже, чем несколько тысяч других веществ, которые уже использовались в повседневной жизни.

Умельцы потратили все лето на то, чтобы состряпать первые подпольные фабрикаторы. Потом мобилизовали фанатиков, чтобы распространить эти устройства. Им приказали отвезти фабрикаторы как можно дальше от фабрики и вручить их сочувствующим.

Четверых из пяти эмиссаров арестовали почти сразу. А потом на лагерь началась вертолетная атака.

Борислав был готов к такому повороту дел. Он перенес лагерь в другое место. В городе поднимались мятежи. Неважно, кто «побеждал» в этих бунтах, потому что они подрывали существующее положение дел. Полиция колошматила студентов неразрушимыми черными дубинками. Ребята резали шины полицейских фургонов неразрушимыми ножами.

В этот момент кому-то пришла в голову потрясающая идея: выпустить в свет десятки ложных черных ящиков, которые бы лишь выглядели как фабрикаторы. Ведь было абсолютно неважно, станет ли их продукция на самом деле работать.

Этот циничный план требовал гораздо меньше труда, чем создание настоящих копируемых устройств, поэтому его быстро приняли. Более того, его повсюду подхватили плагиаторы. Люди следили за этой борьбой: в Бухаресте, Люблине, Тбилиси, Братиславе, Варшаве и Праге. Люди окунали любые предметы в черный лак, чтобы те походили на продукцию фабрикаторов. Люди распространяли руководства к фабрикаторам и файлы для изготовления фабрикаторов. На каждого активного чудака, который действительно хотел делать фабрикаторы, приходилась сотня людей, которые хотели знать, как их делать. Просто на всякий случай.

Некоторые чудаки добились успеха. Те, кто терпел неудачу, превращались в мучеников. Так как сопротивление растекалось, подобно

пролитым чернилам, в нем принимало участие слишком много людей, что мешало отнести его к разряду преступной деятельности.

Когда военные подрядчики поняли, что имеются веские причины строить гигантские фабрикаторы размерами с верфь, игра в основном была окончена. Третий переходный период стал новой «реальной политикой», а новая экономика — повседневностью. Старый порядок закончился. Превратился в нечто такое, чего никто не мог вспомнить и даже не хотел вспоминать.

Оставалось сделать несколько спокойных ходов и поставить мат. А потом игра просто остановилась. Кто-то положил на бок белого короля так мягко и незаметно, что почти невозможно было догадаться, существовал ли когда-то белый король...

13.

Борислав отправился в тюрьму. Необходимо было, чтобы кто-то туда отправился. Парни без комплексов быстро нашли теплые места при новом режиме. Фанатики отчаялись поучаствовать в новом распределении благ и убежали лелеять свое горькое разочарование.

В качестве действующего бунтовщика, чья основная задача заключается в том, чтобы выполнять роль подставной фигуры в обществе, Борислав стал подходящим кандидатом на публичное наказание.

Борислав сдался отряду копов. Его арестовали при свете прожекторов. Ему инкриминировали «заговор»: довольно мягкое обвинение, учитывая кучу настоящих преступлений, совершенных его группой. То были необходимые, повседневные преступления любого революционного движения, такие, как рэкет, контрабанда, диверсии и антиправительственная агитация, пиратское производство, отмывание денег, изготовление фальшивых документов, незаконное вселение в захваченные жилища, незаконное ношение оружия и так далее.

Сидя в тюремной камере, которая немногим отличалась от киоска, Борислав открыл истинное значение старого термина «исправительный». Исправляющимся надлежало размышлять и обдумывать способы избавиться от своих пороков. Такова была основная идея.

Конечно, любое современное «исправление» состояло по большей части из оживленных торговых сделок. Никто ничем особенным не владел в этой тюрьме, кроме места на стальной койке и очереди в душ, поэтому такие простые товары, как мыло, высоко ценились среди местных обитателей. Борислав, который досконально освоил уличную торговлю, естественно, преуспел в этом бизнесе.

Борислав много размышлял о сокамерниках. Они тоже были людьми, и многие из них попали в тюрьму по его вине. В любой переход-

ный период люди теряли работу. Они разорялись, утрачивали перспективу. Это толкало их на отчаянные поступки.

Борислав не слишком сожалел о беспорядках, которые устроил в этом мире, но часто думал о людях, ставших их заложниками. Где-то в какой-то тюрьме сидит какой-то неплохой парень, у которого есть жена и дети и который потерял работу, потому что ее отняли фабрикаторы. У парня бритая голова, уродливый оранжевый спортивный костюм и отвратительная еда, как и у самого Борислава. Но у этого парня гораздо меньше причин находиться за решеткой. И гораздо меньше надежды. И неизмеримо больше сожалений.

Мать навещала Борислава в тюрьме. Она приносила распечатки посланий многих сочувствующих. Казалось, мир полон незнакомых иностранцев, которым больше нечем заняться, кроме как отправлять по электронной почте длинные ободряющие послания политическим заключенным. Ивана, его верная соратница в дни настоящей жизни, теперь не объявлялась. Ивана знала, как с наименьшими потерями выйти из ситуации, когда твой мужчина уходит, чтобы совершить какую-нибудь глупость, например, добровольно сдать властям.

Эти незнакомые иностранцы излагали старые, урезанные, плохо сформулированные мысли о том, чем он занимался раньше. Они были Голосом Истории. У него самого не было голоса, который он мог бы отдать истории.

Через двадцать два месяца новый режим простил его — в рамках общей амнистии. Ему велели не совать свой нос куда не следует и не открывать рот. Борислав так и делал. В любом случае, ему почти нечего было сказать.

14.

Прошло время. Борислав вернулся в свой старый киоск. В отличие от черного киоска-фабрикатора, этот торговал вещами, которые нельзя было скопировать: в основном, продуктами.

Теперь фабрикаторы открыто стояли повсюду, техника копирования шла вперед гигантскими шагами. Поверхности стали делать шершавыми, и они сияли пастельными цветами. Инженеры создали мягкие, гнущиеся волокна для тех деталей, которые должны быть гибкими. Мир находился в очередном переходном периоде, но ни один переходный период не прикончил мир. Революция просто перевернула пласт на компостной куче истории, подняв на поверхность то, что лежало под судом.

Повинуясь прихоти, Борислав пошел в хирургический кабинет и сделал себе на фабрикаторе новую берцовую кость. После скучного периода выздоровления, так как в его годы ткани заживали медленно,

он впервые за двадцать пять лет вспомнил, что значит ходить не хромая.

Теперь он мог гулять. И гулял много. Ему нравилось ходить *правильно*. Он прогуливался по бульварам, посещал интересные места, носил красивые туфли.

Потом вышло из строя правое колено, в основном, из-за интенсивной ходьбы на неразрушимой искусственной кости. Поэтому ему снова пришлось вернуться к трости. Чудесное средство не спасло ногу, но заставило прислушаться к сердцу. Раздробленная кость служила источником страдания Борислава на протяжении многих лет. Она сформировала его душу. А колену осталось поболеть каких-нибудь пару лет... Так, небольшой эпизод по сравнению с несчастьем всей жизни.

Чтобы пройти скромное расстояние от дома до могилы матери, не требовалось больших усилий. Город все время угрожал сносом его старому многоквартирному дому. Эти дома были неказистыми, уродовали пейзаж, и, откровенно говоря, их следовало снести. Но угрозы правительства заняться преобразованием всегда оставались пустым звуком, а на ренту он мог прожить. Он был домовладельцем. Этот род деятельности никогда не пользовался популярностью, но кто-то ведь должен им заниматься... Хорошо, если такой человек к тому же умен чинить трубы.

Он испытывал большее удовлетворение от того, что его мать получила последний могильный камень из настоящего гранита. Все остальные вышли из сопла фабрикатора.

Доктор Грутджанз больше не работала в правительстве. Она замечательно сохранилась. Можно даже сказать, что эта чиновница из чужой системы выглядела моложе, чем много лет назад. Она носила две тугие нордические косы. И элегантный розоватый свитер. И высокие каблукки.

Доктор Грутджанз поделилась своим жизненным опытом в Третий переходный период. Это был ее собственный исповедальный текст, снабженный в Сети фотографиями, звуковыми записями, ссылками на сайты и многочисленными комментариями в помощь читателю.

— На ее могильном камне очень красивый шрифт, кириллица, — отметила доктор Грутджанз.

Борислав прикоснулся носовым платком к глазам.

— Традиция не означает, что живые мертвы. Традиция означает, что мертвые живут.

Доктор Грутджанз с удовольствием это записала. Сначала эта ее привычка раздражала Борислава. Потом — даже понравилась. Разве плохо, что эта слишком образованная иностранка сделает его объектом

своих научных исследований? Никто другой его не беспокоил. Для соседей он был искалеченным, вспыльчивым, старым домовладельцем. Для нее, ученой бюрократки, он был таинственной фигурой международного значения. Ее версия событий была безнадежно искажена и подогнана под европейские теории. Но это была лишь версия.

— Расскажите мне об этой могиле, — попросила она. — Что мы здесь делаем?

— Вы хотели узнать, чем я теперь занимаюсь. Ну вот, этим и занимаюсь. — Борислав положил к памятнику красивый траурный букет. Потом зажег свечи.

— Почему вы это делаете?

— А почему вы спрашиваете?

— Вы — человек рациональный. Вы не можете придавать серьезного значения религиозным обрядам.

— Да, — ответил он ей. — Я и не придаю. Я знаю, что это просто обряды.

— Тогда почему вы это делаете?

Он знал почему. Он приносил цветы, потому что это был дар. Дар для него самого, ведь он преподнесен без расчета на выгоду. Обдуманый дар без возможности получить прибыль.

Такие дары уходили корнями в историю, а кронами устремлялись в будущее. Такие дары живые получали от мертвых.

Дары, которые мы получаем от мертвых — единственные в мире настоящие дары. Все остальные вещи — товары. Только умершие делают подарки безвозмездно.

Всякий раз, когда мы приносили себя в жертву в какой-то смутной надежде на благодарность следующих поколений, в честолюбивом желании построить лучшее будущее, мы выходили за рамки рационального анализа. Люди из будущего никогда не могли посмотреть на нас нашими глазами: они могли видеть нас глазами, которые мы сами им дали. Никогда нашими, всегда — их. И глаза будущего всегда видели истины прошлого ограниченными, отсталыми, нелепыми. Как предассудок.

— Почему? — повторила она.

Борислав стряхнул снег со своих элегантных туфель.

— У меня большое сердце.

**Перевела с английского
Назира ИБРАГИМОВА**

А Л Е К С Е Й Б Е С С О Н О В

ПАМЯТЬЮ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

КРОВИ

Сквозь шум дождя, столь обычного для осени в Нормандии, прорвалось, постепенно становясь все громче, мягкое гудение автомобильного двигателя. Зашуршали по бетону шины — ближе, еще ближе, и вот машина замерла в паре метров от окон большой, немного аляповатой старой фермы.

Тогда лев, лежащий на вытертом ковре в холле первого этажа, ненадолго поднял голову и вздохнул. За дверью раздались голоса.

— Похоже, он совсем плох, месье. Ветеринар уехал час назад, месье, и он говорил, что сделать уже ничего нельзя — Гийом слишком стар... Львы, как он сказал, столько вообще не живут.

— Мы знали, что это должно случиться, Луи. Он ел что-нибудь?

— Сегодня ни крошки, месье.

— Ну что ж, заставить его нам вряд ли удастся...

Скрипнула дверь — темная, выкрашенная некогда коричневой краской, давно уже растрескавшейся от старости и сырости. Лев поднял веки и глянул на вошедшего. Высокий мужчина в шуршащем плаще и клетчатой кепке, не раздеваясь, присел возле зверя на корточки. Его рука, обтянутая желтой автомобильной перчаткой, ласково коснулась все еще густой гривы.

— Как ты, дружище?

Бернар Брезе, парижский финансист и подрядчик, обожал цирк с детства. Его отец, известный в свое время художник-иллюстратор, любил путешествовать с сыном в автомобиле — и стоило их маленькой «симке» въехать в очередной городок, намеченный для ночлега, Бернар тут же принимался ерзать на заднем сиденье.

— Знаю, знаю, — добродушно ворчал отец, — сейчас спросим у портье в гостинице. Они всегда все знают.

И если в городке по случаю оказывался один из бродячих цирков, во множестве колесивших по дорогам прекрасной — той еще, действительно прекрасной — Франции, они обязательно шли смотреть представление. Конечно, Бернару нравились и акробаты, выделяющие невероятные фокусы под полосатым куполом шапито, и маги, невесть как выживающие золотые часы из карманов восхищенных буржуа в первом ряду, но по-настоящему счастлив он бывал лишь тогда, когда в составе труппы оказывались укротители диких зверей. Однажды в Реймсе ему посчастливилось увидеть выступление знаменитого в те годы немца Райнхарда Гольца. Как замороженный, смотрел он на пару львов, стремительно повинующихся каждому щелчку

бича дрессировщика — длинного, кажущегося из-за своей худобы неловким, мужчины в черном кожаном костюме. Когда представление закончилось и Гольц заставил своих львов поклониться публике, Бернар вдруг понял: один из них, тот, что стоял слева, смотрит прямо на него. И в глазах могучего льва мальчишка прочел муку...

В тот день Бернар дал себе слово стать дрессировщиком — но не таким, как Гольц, а другим... Он хотел, чтобы львы, грациозные и безжалостные, ощутили его своим другом, приняли в стаю, признав его силу не из страха боли: иначе. Правда, пока он еще не знал как... Оказавшись в Париже, Бернар попросил родителей купить ему кота.

Брезе-старший, с молодых ногтей отличавшийся изрядной эксцентричностью, лишь поднял бровь и рассмеялся, но мать, упрямая козлява голландка из Роттердама, пришла от подобного заявления в неистовство.

— Что за блажь правит в этом доме? — поинтересовалась она. — Где это видано, чтобы тринадцатилетние оболтусы таскались с какими-то котами? И потом, ты хоть представляешь себе, сколько стоит приличный породистый котенок?

— Зачем мне породистый? — резонно возразил Бернар.

Примирителем, как всегда, выступил отец. Съездив в Нормандию, где дед Бернара держал большую ферму, он вскоре вернулся с корзинкой, из которой торчала любопытная мордочка котенка.

Своего нового друга Бернар окрестил Леоном.

...Плавные движения руки заставили льва погрузиться в дрему.

И видения пришли вновь. В общем-то, они и не оставляли его уже много лет, с тех самых пор, как из забавного котенка он превратился в молодого льва. Стоило ему уснуть, ощущая тепло и безопасность, как откуда-то из неведомых глубин всплывали удивительные картины, яркие и завораживающие. Сперва он только *видел* — позже пришли запахи и ощущения. Шелест ветра, играющего с травами саванны, бешенство белого солнца, пробивающегося сквозь прикрытые веки, топот копыт антилопы, пытающейся уйти от погони.

Он спал — и он жил.

Днем все начиналось заново. Папаша Морис с неизменным запахом дешевого вина, просовывающий сквозь прутья клетки ломоть лежалого мяса, надетый на кусок толстой проволоки. Злобные взрыкивания его партнера Арлу, тупого и всегда раздраженного. Репетиции: хозяин и хозяйка, гибкие, не знающие усталости. Гийому было

смешно: Арлу не то чтобы не хотел прыгать сквозь блестящее металлическое кольцо — он просто боялся, сам не зная чего. С ним же хозяева почти не занимались. Ему достаточно было все объяснить да потрепать за ушами, и ближайшие полчаса Гийом не скучал. Потом ему все надоело, и тогда хозяева переключались на Арлу.

А ночью приходила другая жизнь. В какой-то момент Гийом стал понимать, что это чужая жизнь, уже прожитая кем-то, потому что иногда, осенью, он переживал смерть. Точнее, смерти...

Они были разными: иногда он, лишенный сил и порядком облезлый, умирал от слабости и голода, иногда точку в давно прожитой кем-то судьбе ставили молодые самцы, пришедшие, чтобы захватить чужой прайд. Однажды он познал неведомый ранее страх. Сумерки и слабое движение травы, отчетливо различимое для его зрения: ощущение опасности, непонятной, но оттого не менее реальной; потом вдруг короткий укол боли, маленькие фигурки, не похожие ни на антилоп, ни на шакалов, ни на трусливых обезьян — маленькие, назойливые... слабость, слепота.

Смерть.

В то утро Гийом отказался выполнять команды хозяев. Не помогло ни свежее, пахнущее кровью мясо, ни ласки хозяйки — он просто лежал и не реагировал на слова. К нему приходили какие-то люди, источавшие острые неприятные ароматы; потом короткий хлопок — и *знакомый уже* укол.

Снова слабость и слепота.

Но смерть не пришла. Он очнулся в грязной вонючей клетке; где-то неподалеку испуганно всхрапывали лошади.

Гийома продали.

... — Ну же, Леон! Алле... ап!

Котенок зевнул и, повернувшись к Бернару хвостом, неторопливо забрался на диван. Бернар вздохнул. Леон рос на удивление бестолковым, и максимум дрессуры, которого Брезе-младшему все же удалось добиться — это привычка кота ходить в свой особый сортир. На большее его артист оказался не способен.

Да и дружбы у них отчего-то не получалось: Леон вообще вел себя так, словно никого в упор не видел. В конце концов он сбежал, и Бернар, немного удивляясь сам себе, не стал слишком переживать по этому поводу. Тем более, что в то лето к ним в гости приехал один из родственников матери, известный голландский адвокат. Дядюшка Ханс рассказывал такие удивительные истории из своей жизни и де-

ловой практики, что Бернар вдруг решил поступать на факультет права. Родители, конечно же, пришли в восторг.

На какое-то время детские мечты о цирке покинули его, тем более что вскоре в жизни студента появилось нечто не менее захватывающее: один из новых приятелей привел его в аэроклуб. Занятия стоили немалых денег, но семейство Брезе могло позволить себе подобные траты, благо мать считала, что общение с представителями «золотой молодежи», проводящими время рядом с самолетами, поможет молодому юристу в будущем. В семье матери, покинувшей некогда Трансвааль из-за туманной ссоры с самим папашей Крюгером, твердость духа только поощрялась — и Бернар летал. Годы Сорбонны промчались столь быстро, что он даже не успел их заметить: а впрочем, ему было некогда отвлекаться на такие глупости.

Однажды — дело было за несколько дней до получения степени, означавшей конец вольной студенческой жизни — Бернар, возвращаясь в свою съёмную квартирку на набережной Сены, решил, что сегодня, учитывая пляшущее вокруг лето, не грех откупорить бутылочку кальвадоса. Он остановил мотоцикл возле ближайшей лавки, взял с прилавка плотный бумажный пакет и вышел на бульвар. Из дверей кабачка напротив доносились звуки аккордеона и взрывы веселого смеха.

— М-мая, — вопросительно произнес кто-то.

— Что? — удивился Бернар (впоследствии он не раз со смехом вспоминал о том, что умудрился заговорить с подошедшим к нему животным).

Рядом с ним, задрав вверх голову и смешно щурясь, стоял серый полосатый котенок.

— М-мя, — повторил зверек.

Бернар присел на корточки. Котенок совсем не выглядел уличным: наоборот, от него даже припахивало дешевыми дамскими духами.

— Тебя как зовут? — поинтересовался Бернар.

— Пьер-ро, — промурлыкал котенок и неожиданно потянулся мордочкой к его руке.

— Ну ничего себе! — изумился Бернар. — Так что, ты хочешь сказать, что я должен взять тебя с собой?

— Мя-мя, — закивал котенок.

Так у него появился настоящий друг. А потом лето закончилось — слишком резко и трагично.

...Запах опилок, смешанный с болью от ударов длинной гибкой палкой, извивающейся в руках крупного седобородого мужчины. Гийом покорялся, но тому было мало. Удар следовал в ответ на любой косой взгляд. И лишь вечером, на арене, слыша восторженные крики публики, лев отходил от ощущения безысходности, не оставлявшей его с того момента, как он проснулся после укола в новой для себя, давно не чищенной клетке нищего бродячего цирка. Ночные видения оставили его. Засыпая, он теперь проваливался в черное ничто, несущее в себе лишь неизбежность завтрашнего дня.

Но однажды все изменилось.

Выступление закончилось. Помахав публике хвостом, Гийом без лишних понуканий протрусил по проволочному коридору в свою клетку и со вздохом лег на тронутые гнилью доски пола. Незаметно на него опустилась легкая дрема. Мимо клетки сновали уже пьяные рабочие, и никому не было до него никакого дела. Но потом вдруг раздались шаги, незнакомые шаги... и Гийом открыл глаза. К его клетке шли трое: новый хозяин со своей неизменной палкой в руке, а рядом с ним — молодой мужчина с резкими, неприятными чертами лица, держащий за руку маленькую девочку. В пару косичек по бокам ее головы были вплетены голубые ленты. Люди подошли к клетке, и девочка решительно вырвала свою ладошку из руки отца.

Их глаза встретились.

— Почему ты такой грустный? — тихо спросила девочка. — Ты ведь хороший, правда?

Гийом тяжело вздохнул и отвернулся. Ему стало больно, но он не знал почему.

То, что он увидел ночью, заставило его проснуться от ужаса, судорожно подергивая лапами.

Он был маленьким котенком... над ним шумела трава, рядом тихо посапывал его брат, такой же толстопузый и круглоухий. Они лежали в узенькой ложине, внимательно прислушиваясь к происходящему. Они знали: смерть рядом, и единственное, что может их спасти — это неподвижность. В подсознании Гийома мелкой жилкой бился слабый шум, издаваемый парой приближающихся молодых львов. Львы всегда убивают потомство прежнего хозяина прайда, таков закон саванны, и он знал это, не нуждаясь в понимании.

Они были все ближе и ближе, и тогда его брат, не выдержав напряжения и ужаса, шумно напустил прямо под себя. Тот, кто был сейчас Гийомом, *тот* котенок поднял голову и успел увидеть, как темная

стремительная тень накрывает отчаянно кричащего братика. И тогда он прыгнул в сторону, но второй самец оказался куда проворнее и навис над ним, шерсясь в отвратительной победной ухмылке. Из его пасти ударила волна смутно знакомого запаха — так пахла кровь их отца.

Где-то далеко, невесть в каком из миров раздался короткий сухой гром... и это было все.

На годы.

... — Ваши странности, су-лейтенант, уже сидят у меня в кишках. Я понимаю, у всех свои талисманы, но все-таки брать с собой кота — это, по-моему, слишком. Он что, толчется в кабине у вас под ногами? Вы понимаете, чем это может закончиться?

— Мой майор, Пьеро всегда остается у меня на плече. Даже в бою. Более того, не знаю как, но он подсказывает мне направление атакующего истребителя быстрее, чем это делают стрелки. Если вы мне не верите, можете поинтересоваться на этот счет у сержанта Клери. Или у Пуссена. Они скажут вам то же самое.

Майор Кордые — на голову ниже Бернара — поднял глаза и с интересом посмотрел на поджарого молодого кота, спокойно сидящего у су-лейтенанта на плече.

— Ваш Пьеро... — вздохнул он.

— М-мя, — произнес кот и дернул хвостом.

— Ладно, прикажу взять его на довольствие, — пожал плечами Кордые. — Что с вами еще делать... вы ведь у меня последний из «стариков». И вот еще что, Брезе: сегодня у вас двадцать шестой вылет. Вы пойдете с полной нагрузкой... и да поможет вам Бог!

Командир группы резко повернулся и зашагал в сторону штабного барака. Бернар проводил его взглядом, после чего задумчиво провел рукой по голове кота, все так же смиренно сидящего на его правом плече.

— Вот так-то Пьеро, ты понял? Двадцать шестой вылет и полная нагрузка...

Кот повернул голову и с явным презрением посмотрел на неуклюжий двухмоторный «амье», на борту которого красовался его собственный портрет, мастерски выполненный одним из техников эскадрильи. Войдя в свою палатку, Бернар стряхнул с себя Пьеро, бросил на складной парусиновый стульчик синий китель и устало опустился на койку.

— Надо поспать, братан, — сказал он коту. — Кто вообще знает, вернемся ли мы сегодня ночью?

Пьеро запрыгнул на койку, ласково потерся щекой о щеку Бернара, а потом свернулся клубком возле его живота и тихонько замурчал.

В синих майских сумерках тяжело загруженный 250-килограммовыми фугасками «амье» начал неспешный разбег по грунтовой полосе аэродрома. В середине полосы Бернар дал полный газ, и от рева звездообразных «гном-ронов» Пьеро недовольно поджал уши. Но вот наконец наполовину скрытые обтекателями колеса шасси оторвались от земли. Черно-коричневый бомбардировщик медленно полез в темнеющее небо.

...Он снова видел саванну. Снова ощущал восхитительную охотничью ярость короткой погони, снова его окутывал запах горячего свежего мяса только что задранный антилопы, а потом — аромат течной львицы, обещающий ему продолжение рода. Так шли годы, годы в бесполом и малоприбыльном бродячем цирке. Иногда еду не давали по два-три дня, но Гийом смирился с судьбой. Единственное, что радовало его по-настоящему — это визг детишек, сидящих вокруг засыпанной опилками арены. Сам не зная почему, он работал только для них и часто, завершив очередную серию прыжков, всматривался в раскрасневшиеся счастливые лица, ища среди них невесту чьи глаза...

Но однажды, гулкой осенней грозой, Гийом увидел то, о чем предпочел бы забыть навеки.

Уже наклонившийся к нему молодой лев странно содрогнулся и рухнул на бок. Его приятель, только что расправившийся со вторым котенком, прижал уши и неожиданно бросился наутек. Чудом выживший малыш прижался к земле, не понимая, что теперь делать. Матери, равно как и ее подруг, рядом не было — это он чувствовал совершенно отчетливо и растерянный, перепуганный, вдруг заплакал. Смерть была бы избавлением от непонятного, но она гуляла где-то в другом месте, отчего страх становился совсем невыносимым.

К нему приближались. Он не знал кто, однако на всякий случай перестал плакать и замер в полной неподвижности. Неподвижность давала шанс, но он не мог знать, что зрение тех, кто идет к нему, устроено совершенно иначе, и застывшие предметы они различают ничуть не хуже движущихся. Непривычно тяжелые шаги сотрясали саванну. Потом раздался голос: низкие, рыкающие. Он никогда не слышал ничего подобного, и ему казалось, что сердце сейчас вылетит из груди. И вот небо заслонила тень, не похожая ни на что из виденного им ранее.

Маленького испуганного котенка бесцеремонно схватили за шкуру, он скрючился и замолотил по воздуху лапами.

...И снова Пьеро первым заметил крохотные оранжевые шарики, медленно — как казалось — поднимающиеся им наперерез с земли.

— Зенитки! — заорал Бернар, стоило ему ощутить давно знакомый шлепок кошачьей лапы по макушке, обтянутой кожаными летным шлемом. — Зенитки!

— Вижу! — отозвался из передней кабины его штурман Раймон Клери. — До цели три!

Подчиняясь инстинкту, Бернар рванул обе рукоятки управления двигателями и что было сил потянул штурвал, уводя тяжелую машину вверх. В это мгновение темное небо по левому борту озарилось ослепительной алой вспышкой. Бомбардировщик вздрогнул.

— Это «четверка»! — выкрикнул стрелок-радист Пуссен.

— Бедный Качиньски, — пробормотал Бернар. — Вот и ему не повезло.

Теперь их осталось только двое. Два устаревших тихоходных бомбера, под завязку загруженные фугасками и в бомбоотсеке, и на внешней подвеске. Три тонны смерти на двоих, в любую секунду грозящей превратиться в их собственную смерть.

— Боевой курс! — рявкнул Клери.

Пьеро наострил уши и с силой хлопнул лапой по левому плечу Бернара. Шерсть на спине кота встала дыбом, хвост мелко рубил воздух.

Поняв, что от него требуется, Бернар повернул машину влево. Ведомый, давно привыкший повторять все маневры командира, сделал то же самое.

— Опять ошибка? — процедил сквозь зубы Клери, прикивая лицом к резиновой маске прицела. — Вижу цель! — завопил он секундой позже.

Его палец лег на выпуклую кнопку сброса. Бомбардировщик качнуло, и он, облегченный, тут же пошел вверх. Внизу расцветали дымные розы горящих цистерн с солярой.

Бернар взял южнее, надеясь обойти зенитное прикрытие. Пьеро недовольно заворчал. Минуту спустя небо пронзили ослепительные белые столбы.

— Фоше отстал! — доложил Пуссен сквозь грохот разрывов.

— Пускай возвращается сам, — фыркнул Бернар, с трудом удерживая рвущийся из рук штурвал.

Самолет тряхнуло сильнее обычного, и стрелка на датчике давления масла правого двигателя быстро пошла к нулю. Пьеро предупреждающе зашипел, но Бернару и так все было ясно. До линии фронта оставалось не более двух-трех минут. Если движок не загорится, то экипаж сможет выброститься с парашютами, а он, возможно... на одном двигателе, учитывая его изношенность, «амье» до базы не дойдет. Бернар выключил правый мотор. Держать самолет на курсе становилось все труднее: он с надеждой смотрел на высотомер и горько прикидывал, сколько еще протянет на полном газу левый «гном», давно уже выработавший положенные ему моточасы.

— Всем покинуть машину! — приказал наконец Бернар.

— А ты? — спросил Клери.

— Некогда! Прыгайте, пока есть высота.

Штурман и оба стрелка ушли вниз. Теперь все зависело только от Пьеро. Бернар медленно снижался, повинаясь командам кота: «правее», «прямо», «еще правее». Из живого еще двигателя выбило струю масла, тахометр дернул стрелку влево. Включив посадочные фары, Бернар опустил до пятидесяти метров; вот Пьеро, нервно ерзающий у него на шее, ударил хозяина лапой по затылку. Су-лейтенант Брезе послушно отдал штурвал от себя. Через пару секунд бомбардировщик тяжело хлопнулся на пшеничное поле и, сразу упав на правое крыло из-за подломившейся стойки шасси, потащился к виднеющейся впереди церквушке.

Они встали в двух метрах от ограды небольшого старого кладбища.

...Испуг маленького львенка скоро прошел. Единственное, что доставляло некоторые неудобства — это размеры деревянного вольера, в котором он теперь жил. Десять шагов, всего десять шагов. Но зато каждый день к нему приходила девочка, дочка хозяина фермы, и приносила с собой кусочки вкусной требухи и обязательную миску молока. Джимми — так она назвала его — быстро толстел и позволял чесать себя за ухом.

Однажды девочка надела на него прочный кожаный ошейник с веревкой и вывела во двор. Черные голые люди, и до того не решавшиеся подходить к его жилищу, тотчас же прижались к бревенчатой изгороди. От них пахло ужасом. Девочка что-то прокричала, заставив Джимми прижать уши. Из большого деревянного строения на краю двора вышел человек в высоких неприятно пахнущих сапогах. Львенок узнал его: это был тот самый человек, что убил льва, готового на-

броситься на Джимми тогда, в саванне. От обрушившегося на него страха львенок прижался к земле и жалобно пискнул.

— Ну не бойся, малыш, — ласково заговорила девочка. — Он такой милый, правда, дядя Карл?

Сапоги приблизились к львенку. Мужчина присел на корточки, осторожно потрепал его по загривку.

— Да, но он вырастет настоящим зверем. И что ты будешь делать тогда, а, Лотта?

Джимми ощутил уверенную силу, исходящую от этого человека, и успокоился. В его груди вдруг зашевелилось чувство, не знакомое ранее ни ему, ни сотням поколений его предков. Благодарность. Он не мог понять, что с ним происходит, но ему отчего-то хотелось встать на задние лапы и потереться щекой о руку Карла: Джимми слишком хорошо знал, что случилось бы с ним, не появившись тот в саванне со своими людьми...

Теперь Гийом с нетерпением ждал видений, превращающих его в Джимми. И еще — вечерами, лениво прыгая с тумбы на тумбу в ослепительном свете прожекторов, он скользил глазами по рядам зрителей, терзаемый смутной надеждой встретить там синие глаза той самой Лотты. Он знал, что это невозможно, но все же мечты бывают иногда такими сладкими!

...Двенадцатого мая «москито» майора Брезе приземлился на авиабазе в Реймсе. Прежде чем Бернар и его неизменный штурман лейтенант Клери покинули машину, на крыло грациозно спрыгнул огромный серо-полосатый кот с белым шрамом на спине. Подошедшие к самолету люди с некоторым удивлением заметили, что широкая физиономия кота как две капли воды походит на злобную ослепленную морду, украшающую потертый борт бомбардировщика.

— Машину доставил, — доложил Бернар молодцеватому генералу, который внимательно рассматривал кота, уже занявшего свое привычное место на плече хозяина.

— Я много слышал про вашего молодца, — шурясь, ответил генерал. — Но не думал, что увижу его воочию. Да и, честно говоря, не слишком верил...

— Это вы про сержанта Пьеро? — осклабился Клери. — Многие тоже не хотели верить, мой генерал. Но он, знаете, умеет внушать доверие. Когда хочет, конечно.

— Сержанта? — поднял брови генерал. — Ну вот, а я хотел его погладить.

— Лучше не надо, — помотал головой Бернар. — Со временем у него испортился характер, и он не подпускает к себе решительно никого, кроме нас с Раймоном.

Пьеро умер сырым майским вечером ровно через два года после того, как последний раз поднялся в воздух. Бернар сидел возле окна, за которым мягко шептал теплый дождь, пил виски и смотрел на тело друга, минуту тому назад прошептавшего ему «ор-ревуар, мон ами...». В смерти Пьеро стал как будто меньше, вновь превратившись в маленького серого котенка, смешно щурящегося в глаза молодому студенту...

Позади было все, решительно все. Первые парижские ячейки маки, расстрел родителей на небольшой площади в Сен-Дени, бегство в Англию на крохотной рыбацкой лодке, учеба в летной школе в Бристоле, невыносимо долгие вечера ожидания, когда его зачислят наконец в боевую эскадрилью. Десятки раз их «москито»-патфайндер прорывался сквозь зенитки к германским городам, чтобы сбросить светящиеся бомбы, указывающие путь армаде тяжелых «ланкастеров», которые шли следом, и благополучно возвращался назад. Их везению поразились все.

Но однажды августовской ночью крохотный осколок, прошив тонкую стенку кабины, разорвал Пьеро спину и царапнул по позвоночнику. Рана казалась несерьезной, после недолгого лечения кот снова занял свое место на плече хозяина. Да, тогда она казалась несерьезной... А через год после окончания войны Бернар заметил, что Пьеро стал прихрамывать. Он возил его к лучшим ветеринарам, но те, стоило им увидеть шрам и услышать о его происхождении, только разводили руками. Пьеро боролся как мог, но осколок оказался неумолим.

Бернар зарыл Пьеро в саду своего особняка и позвонил старому скульптору, другу отца. Услышав его просьбу, тот не удивился.

...Когда Джимми подрос, Лотта стала брать его с собой на прогулки вокруг фермы. Иногда с ним гулял и Карл. Глянцевокожие черные люди, что работали в полях, уже привыкли к присутствию молодого льва и перестали пугаться. Иногда они даже подходили ближе, опасливо заглядывая в блестящие глаза зверя.

Джимми вполне устраивала его жизнь, но иногда по ночам к нему приходили неведомые прежде желания, заставлявшие его тихонько скулишь, глядя на висящий в небе белый диск луны. Однажды в таком виде его застал Карл, мучившийся бессонницей.

— Да ты уже вырос, мой мальчик, — заметил он, усаживаясь подле льва на корточках. — Скоро вам придется расстаться — Лотта уезжает в Кейптаун, в пансион для девочек. Жаль, я не успел подготовить тебя к самостоятельной жизни.

Джимми всхлипнул и потерся носом о его штанину.

После отъезда Лотты в его жизни наступила пустота. Он не хотел вспоминать сцену прощания, поэтому не увидел ее и Гийом. Но, живя в своих видениях жизнью того юного льва, он ощущал боль, терзавшую дух Джимми, его отчаянные попытки уловить хотя бы тень привычного запаха девушки — и снова принимался искать Лотту среди улыбающихся лиц вокруг арены.

Постепенно видения стали приходить реже, да и выглядели они как-то тускло. Гийом понял, что к нему мягко подкралась старость. Его тело, прежде безупречно гибкое и сильное, теперь болезненно реагировало на осенние дожди. У него выпал зуб, потом другой. Он продолжал работать на арене, но по взглядам хозяина понимал, что конец карьеры не за горами. Гийом не знал, что станет с ним в тот неизбежный день, когда он больше не сможет потешать публику, но догадывался, что ничего хорошего ему не светит.

...Годы спустя колонель Раймон Клери, выйдя наконец в отставку, написал книгу «Хвост укажет цель», посвященную удивительной дружбе человека и кота, не раз спасавшего ему жизнь. Прием, посвященный ее выходу, решено было провести в особняке видного финансиста месье Брезе, майора в отставке и одного из главных героев книги.

Колонель Клери долго стоял в саду особняка, вытянув руки по швам, глядя на странный памятник, зачем-то установленный там: огромный кот, подняв к небу щекастую морду, сидит на спинке пилотского кресла. Потом двое молодых офицеров в синей форме установили перед памятником венок и отдали коту честь. Клери отошел в сторону: на глазах у него блеснули слезы.

В тот вечер к Бернару подошел человек в поношенном пиджаке с кожаными накладками на локтях.

— Мы с вами встречались в префектуре, месье, — начал он.

— Да, — кивнул Бернар, отвечая на рукопожатие. — Вас зовут Шони, если не ошибаюсь?

— Да-да, Шони... у меня к вам немного необычная просьба, месье Брезе. Один мой приятель — владелец небольшого цирка. Бродячего цирка. Так вот, у него есть лев, совсем уже старый, работать почти не

может, а усыплять его жалко. Я знаю, у вас связи решительно везде, так вы... вы не могли бы помочь устроить его в какой-нибудь зоопарк? Лев такой славный, совершенно ручной, с ним не будет никаких проблем...

— Лев? — что-то вдруг преобильно кольнуло Бернара под левой лопаткой. — Ну вы даете, месье Шони... впрочем, давайте сделаем так: у вас есть визитка?

Той ночью Бернар, утомленный количеством поглощенного с Раймоном Клери кальвадоса, долго ворочался в постели. Едва он уснул, как перед ним появилась умильная мордочка маленького серого котенка, и месье Брезе, видный финансист, боевой пилот и майор в отставке, беззвучно зарыдал во сне.

Следующим вечером его «кадиллак» остановился возле каких-то облупившихся складов в парижском пригороде.

— Ну, показывайте вашего льва, — приказал он.

Шони и хозяин цирка месье Робер провели его длинным, воняющим навозом коридором в большое помещение с крашеными зелеными стенами. Месье Робер отдернул край полога, накрывавшего клетку. Брезе подошел ближе.

На дощатом полу, робко моргая от яркого света, сидел старый, облезлый, как древний плюшевый диван, лев в широком кожаном ошейнике. Бернар встал вплотную к прутьям и поймал вдруг взгляд зверя. В этот миг он понял: у льва отчаянно колотится сердце; он хотел что-то сказать зверю, даже приоткрыл рот, но не решился, так и замер с чуть высунутым языком.

— Как его зовут? — отрывисто спросил Бернар, не оборачиваясь.

— Гийом, месье, — с готовностью ответил Шони.

— Очень хорошо. Анна, — Бернар повернулся к секретарше, стоявшей у двери, зажимая нос надушенным платочком, — распорядитесь насчет купчей. И сегодня же закажите приличный вольтер.

— Купчей? — растерялся хозяин цирка.

— Ну да, купчей. Я забираю льва. Или вы не хотите его продавать?

...Видел он уже плохо, но зрение почти не потребовалось. В тот миг, когда ему в глаза ударил свет, заставивший его очнуться от дремы, Гийом понял: он нашел то, что искал столько лет. Высокий человек, стоящий перед клеткой, имел внутри себя нечто, объединявшее его с друзьями почти забытого уже львенка Джимми — Лоттой и Карлом. Гийом не знал, что именно, да, собственно, подобное знание

и не несло в себе какого-либо смысла. Он чувствовал, и этого было достаточно.

Его сердце заколотилось, как после долгой погони. Гийом вдруг испугался, что умрет прямо здесь: ему надо было многое рассказать этому человеку, но он не знал как...

На следующий же день он оказался в грузовике, и его долго куда-то везли.

Гийом прожил еще достаточно долго. Ему было хорошо: часто, погружаясь в старческую дрему, он ощущал себя юным львом Джимми, окруженным прежде незнакомой человеческой любовью. Хозяин, Бернар, часто приезжал на старую нормандскую ферму, чтобы посидеть с рюмочкой рядом со львом, которого по такому случаю приводили из чистого просторного вольера в дом, пахнувший теплом множества поколений. Он, проживший внутри себя десятки чужих жизней, жизней своих предков, ощущал это тепло, и оно несло ему умиротворение.

В один из вечеров Гийом понял: жизнь подошла к концу. Старый лев уснул — и вновь ощутил себя посреди саванны. Он опять, как когда-то, стал Джимми; но не тем львенком, которого подобрал бур по имени Карл, а взрослым зверем, давно уже живущим собственной жизнью.

Что-то беспокоило его, и это беспокойство, свербящее затылок, с каждым шагом становилось все сильнее. Не понимая, зачем он это делает, лев бросился вперед. Взлетев на невысокий холм с плоской, будто срезанной вершиной, он словно окаменел. Прямо на его глазах творилось нечто невозможное, необъяснимое.

Но еще раньше его ноздри поймали легкий горячий ветер, принесший с собой запах — чужеродный настолько, что бока Джимми нервно вздулись и опали в растерянности. А потом он увидел Карла. В том, что это именно Карл, а не другой белый, не могло быть ни малейшего сомнения: Джимми мог узнать его хоть днем, хоть ночью. Но что-то было здесь не так... Две блестящие фигурки, внешне похожие на человеческие, но на самом деле абсолютно чуждые этому миру, стояли в двух прыжках от замершего, нелепо скорчившегося Карла, издающего странные всхлипывающие звуки. Неожиданно Карл повернул голову. Их глаза встретились, и отчаянная, немая мука, сверкнувшая в подсознании Джимми, заставила его, не раздумывая, броситься вниз с холма.

При виде несущегося на них льва, серебристые фигурки нелепо задергались из стороны в сторону. Вскрикнув, Карл распрямился

и тут же попятился: чужаки потеряли свою власть над ним, он вновь обрел способность двигаться.

Джимми взревел. Ему оставалось два прыжка. Теперь — один!

Что-то ударило его по глазам, и он с изумлением понял, что серебристые исчезли в плеснувшем с неба алом луче — пропали, словно их никогда и не было.

Судорожно крестясь, Карл упал на колени. Джимми, все еще смущенный исчезновением серебристых, осторожно подошел к нему и басовито муркнул. Не поднимаясь с колен, Карл обнял его правой рукой, зарывшись лицом в спутанную гриву. Лев улегся рядом с ним и прикрыл глаза. Живые золотые искорки, лишившись хозяев, медленно таяли вокруг человека и лежащего рядом с ним льва.

Человек и лев разошлись в разные стороны: одного из них ждали с донесением в отряде, все еще продолжающем сражаться в проигранной войне, второму же пришла пора собирать собственный прайд. А через три дня Карлу приснилась совсем другая война: та, о которой он лишь читал. Он видел оранжевое знамя, бьющееся на сером зимнем ветру, короткие ослепительные вспышки испанских аркебуз, ощущал тяжесть абордажной сабли в своей руке, и — вот странно бесцветное небо повернулось над ним, и лишь всполох знамени на миг отсрочил наступление тьмы. Карл с детства знал слово «гёз», но для него все было проиграно, он не хотел помнить о виденном ночью: в пять утра лагерь окружил британский карательный отряд, и грудь охотника оказалась разрезана очередью «максима».

Парой лет позже мистер Руфус Хаксли, известный поставщик зверей в зоосады и цирки всего мира, привез в Англию маленького ушастого львенка. Всем потомкам этого малыша предстояло странствовать по Европе в ярких фургонах бродячих цирков, но об этом еще никто даже не догадывался.

...Гийом вздохнул и попытался встать. Задние лапы почему-то не хотели держать его, и тогда он пополз, загребая под себя ковер передними.

— Что ты? — вскинулся Брезе. — Тебе плохо?

Лев подполз к Бернару, устало опустил тяжелую голову у его ног и едва слышно мяукнул. Потом его сердце ударило в последний раз, и Гийом навсегда вернулся в залитую белым солнцем саванну.

М А Р И Я Г А Л И Н А

ПОВОДЫРЬ

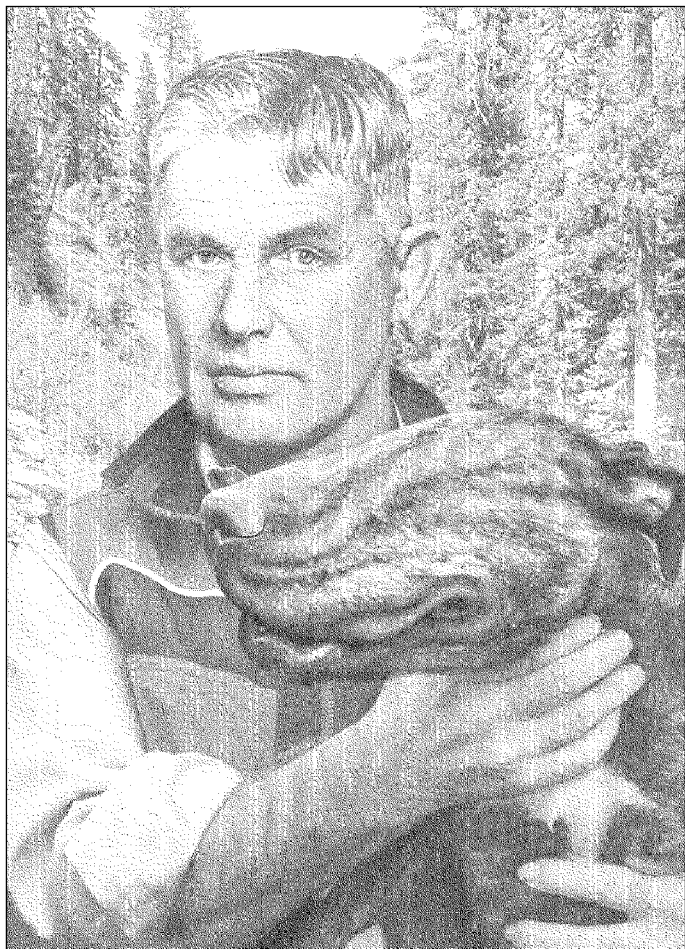

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Аргус теснее прижался к моему колену и так, бок о бок, мы вошли в шлюз. Приветливая стюардесса машинально улыбнулась заученной улыбкой, но когда увидела аргуса, лицо ее вытянулось.

Я не предвидел, что такое может быть. На больших трассах к аргусам относятся иначе. Да что там, на внешней базе тоже все было в порядке.

— Я не уверена, — сказала она, — формы жизни...

— На аргусов это не распространяется. Есть специальная поправка.

— Я спрошу капитана.

В надключичной ямке у нее дрожала крохотная, завитая перламутровой раковиной «болтушка». Я видел, как шевелятся ее губы, бесшумно, потому что «болтушка» работала в интимном режиме.

Потом она вновь обратила серебряные глаза ко мне и кивнула.

— Регистрация есть?

Я протянул ей карту; в ультрафиолете засветился зеленоватый шарик.

— Это моя, — сказал я. — Моя виза. А вот этот — поменьше, пурпурный — его. Аргуса.

За моей спиной в панорамном квазиокне восходила Земля. Я понял это потому, что стал отбрасывать еще одну тень.

— Капитан сказал, нужен намордник, — сообщила она, возвращая карту.

— Но это же не собака!

— Тем более.

Я пожал плечами. Ничего подобного я не предусмотрел. Впрочем, по уставу форма моя предполагала ремень, абсолютно бесполезный и чисто декоративный. Я сделал из него петлю и захлестнул ею морду аргуса. Тот укоризненно отвернулся, но терпел.

— Он слепой! — пораженно воскликнула стюардесса.

— Да.

— Я хочу сказать... у него же вообще нет глаз!

— Верно, — согласился я.

— Почему же их тогда...

Потому что они видят больше, чем ты, хотел сказать я, потому что их зрение иное, оно простирается в глубь силовых полей, туда, где человек слеп и беспомощен...

Но вместо этого я пожал плечами.

— Проходите в передний конец салона, — сказала она, — там места для пассажиров с животными.

С каких это пор в лунных модулях разрешается перевозить животных?

Я сел в переднее кресло — между ним и стеной было незначительное свободное пространство, где аргус смог уместиться. Он лег, положив голову на лапы; ременная петля стягивала челюсти.

Салон стал постепенно заполняться пассажирами. Рядом со мной села молодая женщина, явно из лунных туристов, иными словами, очень состоятельная. На руках она держала крохотную собачку: плоская морда и глаза-блюдца...

Хозяйка поерзала, устраиваясь в кресле.

— Кто это у вас? — спросила она.

— Аргус.

Она напряглась.

— Это не опасно?

Уже нет, подумал я, все, что он мог сделать, он уже сделал.

А вслух сказал:

— Что вы, что вы... Он никого не обидит.

— Тогда почему же он в наморднике?

— Такие правила.

Ее-то собака была без намордника, впрочем, она ведь такая маленькая.

Женщина, кажется, успокоилась.

— А вы ныряльщик, да?

На ее веках, когда она прикрывала глаза, распахивала лиловые крылья голографическая бабочка. Я никогда особо не любил бабочек, поэтому старался на нее не смотреть.

— Да. Бывший.

— Надолго к нам?

— Еще не знаю. Как получится.

Собака у нее на руках часто-часто задышала, вывалив язык. Только поэтому, да еще по чуть заметной вибрации, волной пробежавшей вдоль позвоночника, я понял, что мы летим. Никакой перегрузки, ничего... С тех пор, как я был здесь последний раз, технологии здорово продвинулись.

Свет замерцал и стал черным. Глупое словосочетание — черный свет, но я всегда именно так его и ощущал. Внутри этой черноты парили ряды светящихся коконов: каждый пассажир распространял вокруг себя слабые поля. Впереди раскрылся гигантский лиловый цветок с черной сердцевинкой, и в нее, в эту сердцевину, нацелился нос корабля.

Они протянули червоточину даже здесь, на внутренней трассе, между Землей и Луной... Просто так, для туристов!

Я взглянул на соседку: светящийся птичий скелетик, окруженный топорщащимся пухом собственных биологических полей, собака у нее на руках — скелетик поменьше, а в том месте, где силовые поля двух организмов соприкасались, пух, казалось, примялся. Корабль вынырнул уже на околоземной орбите; я моргнул, приводя зрение, а с ним и окружающий мир в норму. Соседка деловито разглядывала себя в корректирующем зеркальце, легко прикасаясь к отражению то там, то тут. Потом вновь обернулась ко мне.

— Что вы делаете сегодня вечером?

В этот миг раздалось дружное «ах!» — стенки стали прозрачными, в панорамных квазиокнах я увидел Землю, вернее, северное ее полушарие, бугрившееся морщинистой водной поверхностью; города светились, как груды рассыпанных углей... Странное сравнение, я никогда не видел рассыпанных углей. Должно быть, читал когда-то...

Аргус пошевелился рядом с моей ногой.

— Да? — переспросил я соседку: я помнил, что она спросила меня о чем-то, но не помнил о чем.

— Что вы делаете сегодня вечером? — повторила она с еле заметным оттенком раздражения в голосе.

Она, видимо, была в свободном полете — из тех, кто все время гонится за новыми ощущениями... Вряд ли ее интересовали мои скромные сбережения. Скорее, окружающий ныряльщиков романтический ореол.

— Меня ждет невеста, — сказал я.

* * *

Вокзальный терминал был огромен; в первый момент я растерялся. Аргус по-прежнему жался к моей ноге. Ему было неудобно. Я подумал, может, на самом деле это мне неудобно, а он чувствует...

Вокруг деловито сновали люди, сотни людей... Я забыл, что их может быть так много. Крикливые. Яркие одетые. И все — без биозащиты.

В центре зала возвышался памятник. Человек в летном комбинезоне положил руку на холку массивного зверя с тяжелой головой.

На постаменте выгравирована надпись.

Я догадывался, что там написано. Что-нибудь очень пафосное, отчего у меня уже сейчас начали гореть уши. Я отошел в тень, чтобы оказаться как можно дальше от глупого памятника.

И тут же отозвалась моя «болтушка».

— Да?

Она, подумал я, больше звонить некому.

— Это ты? — голос был тоненький и зудел в ухе, точно комар. — Я у колонны.

— У какой колонны?

— У «Сайко»...

Миг спустя я сообразил, что «Сайко» — это какой-то новомодный энергетический коктейль, а колонна на самом деле имитировала огромную, причудливой формы бутылку. Еще через миг я увидел ее.

Я ее узнал, и это было уже хорошо; известно, что невесты по переписке часто подправляют свои видео, желая выглядеть лучше. Но она была именно такая, какой я ее себе представлял: хрупкая, светловолосая, с тонкой талией и пышной — уж не знаю, насколько природной — грудью.

Я не знал, что сказать.

Когда стоишь на вахте, предоставив автоматам невидимыми шупальцами обшаривать пространство в поисках новой червоточины, время тянется и тянется. И почему-то находится много слов: о городе моего детства, о базовой школе, о летном училище, о том, как я прошел аргус-тест, как радовался — профессия ныряльщика считалась самой почетной, самой романтической... Я в детстве мечтал о собаке, а аргус — это ведь гораздо лучше собаки. Потому что, в отличие от собаки, это на всю жизнь.

И еще я слышал, что человек с аргусом больше не одинок.

Они ввали.

Она тоже рассказывала о детстве, о том, как не ладила с отцом, о том, как сначала было интересно заниматься дизайном тканей, как ей одиноко, и о том, что она хочет серьезных отношений, а нет подходящего человека...

Сейчас я сообразил, что ничего особенного она, в общем-то, не говорила.

Да и я тоже.

Она узнала меня и сделала неуверенный шаг навстречу. Потом увидела аргуса.

— Это что? — вот ее первые слова.

— Мой аргус.

— Я думала... ты мне про него не говорил.

— Как же не говорил? Много раз.

— Да, но я не думала, что с ним... на Землю...

— Я же ныряльщик.

— Ну и что?

Я подумал: вот мы и нашли тему для разговора, но совсем не ту, которую мне хотелось.

— Нырляльщики не оставляют своих аргусов. Никогда.

— Но почему?

Она даже не удосужилась хотя бы что-то узнать про человека, с которым собирается жить.

— Давай обсудим это потом. Ладно?

Я взял ее под руку. Она напряглась, но не отодвинулась. Теперь, когда она повернулась ко мне в профиль, я заметил, что у нее срезанный, уходящий назад подбородок. На видео она никогда не поворачивалась ко мне в профиль.

Аргус тоже напрягся и плотнее прижался к моему колену.

— Куда мы пойдем? — спросила она излишне оживленно.

— А куда вы... ты хочешь? Я здесь чужой.

Она вновь напряглась. Я понял, что позабыл этот язык тела, когда надо учитывать не только то, что говорится, но и то, что подразумевается. Это легко исправить, я научусь...

На нас оглядывались. Не из-за нее. Из-за аргуса.

— Прости, — поправился я. — Еще не освоился... Я снял бунгало на двоих. На южном побережье. И если ты... в общем, я буду рад...

— Только ты и я? — она заглянула мне в глаза.

— Да.

— А аргус?

— Аргус прилагается.

Она промолчала. Я шел, стараясь подладиться под ее шаг, и думал, что все не совсем так, как я себе представлял.

— Я взяла отпуск, — сказала она наконец.

— Очень хорошо.

— На две недели.

Я, кажется, начал понимать то, что она прячет за словами. Она оставила себе путь к отступлению.

— Так что, — закончила она, — мы можем сходить пообедать, а потом сразу махнуть к тебе.

Но пообедать не получилось.

Я хотел устроить ей праздник и заказал столик в самом шикарном ресторане, но с аргусом нас туда не пустили. Я начал пререкаться с метрдотелем, и он вроде собирался уступить, по крайней мере, готов был накрыть столик на веранде, но я увидел, что моя невеста злится. Ноздри у нее раздувались, губы поджались, а жилы на шее напряглись. Она была совсем нехороша в эту минуту, и я почувствовал ноющую тоску. Аргус тоже тосковал, ему было неуютно, и я не мог понять, то ли я улавливал его эмоции, то ли транслировал ему свои собственные.

— Пойдем отсюда, — сказала она.

— Но чем плохо на веранде?

Я предпочел бы сесть, выпить чего-нибудь холодного, поглядеть меню — не помню, когда я последний раз держал в руках напечатанное на бумаге ресторанное меню. А заодно и приглядеть что-нибудь для аргуса — скоро аргус проголодается, а когда он голоден, ему делается нехорошо. А значит, и мне сделается нехорошо.

— Я сказала, пойдем отсюда. Ненавижу, когда меня унижают!

Понятно: она из тех, кто не умеет уживаться с людьми, из тех, кто считает, что все кругом только и думают, чтобы устроить ей какую-нибудь пакость. Теперь ясно, почему она вступила в переписку с одиноким ныряльщиком из глубокого космоса.

Она ладит с людьми еще хуже, чем я!

— Ладно, — сказал я и демонстративно взглянул на часы, желая произвести на нее впечатление человека, который не любит даром тратить время. — Вызывай машину, поехали. Поедим там, дома.

Это ее немного умиротворило. Она, кажется, решила, что мне не терпится оказаться с ней наедине. Ладно, подумал я, главное устроиться, тогда наладится и все остальное.

* * *

Морской берег действует на все органы чувств сразу; я видел голубое и зеленое, желтое и опять голубое, вдыхал йод и соль, мокрый ветер обнимал меня, песок жег ступни и песчинки осыпались с кожи...

Я разбежался и упал лицом в брызги, в мокрое, соленое, о котором старался не думать, не вспоминать там, в стальной скорлупе, где любой непредусмотренный звук означал неполадку, а следовательно, катастрофу, гибель...

Если проплыть несколько метров и немножко понырять, я верну былые навыки. А потом можно будет поплавать с маской или даже с аквалангом; в летной школе нас тренировали на подводных симуляторах.

И тут я почувствовал мягкий удар в затылок.

Я совершенно ничего не видел, мне было жарко и плохо, сверху падали беспощадные отвесные лучи, вода была отвратительно мокрой и соленой, ее даже нельзя было пить, вдобавок кожу между пальцами моими грызли маленькие песчаные крабы.

Аргус!

Я поспешно выбрался на берег. Аргус лежал у воды, положив голову на лапы, чуть высунув кончик языка... Я должен был предвидеть: он непривычен к такому перегреву.

Моя невеста сидела в шезлонге, под рукой ведро со льдом, в ведре бутылка с этим самым «Сайко». Я подхватил ведро — лед почти растаял — и вылил воду на аргуса. Тот отряхнулся, почти как собака, встал и, оглядываясь на меня, потрусил в бунгало.

Я последовал за ним.

— Куда ты? — крикнула моя невеста.

— Мне нужно в тень. Слишком жарко.

— Ты выбросил мой лед! — крикнула она мне в спину.

— Я принесу тебе еще.

Я действительно принес ей лед. Бегом, чтобы аргус, лежащий в тени веранды, не успел ощутить мое отсутствие и запаниковать. Потом вернулся, поднялся на веранду, уселся в плетеное кресло и попытался выровнять дыхание. Это оказалось не так уж трудно — море шумело в ритме расширяющихся и опадающих легких. Я люблю море. Аргус, как выяснилось, нет.

Нам будет трудно.

Может быть, надо было снять охотничий домик где-то в горах? На северных озерах? Тоже ничего, хотя и не сравнится с морем. Можно ведь подобрать какой-то вариант, который устраивал бы всех — меня, ее, аргуса...

* * *

У меня давно не было женщины. Нелегкий характер и уходящий назад подбородок не так уж много значат при таком раскладе.

Ее руки обнимали меня за шею, волосы раскинулись по пестрым подушкам. Она пахла так, как и должна пахнуть женщина. Правильно.

— Погоди, — сказал я.

Кольцо рук, обнимающих меня, распалось.

Я прошел по комнате, перерезанной светлыми лунными тенями.

Аргус лежал у порога, бока его тревожно ходили. Я положил руку ему на голову.

— Ну что ты, что ты...

Он ткнулся лбом мне в ладонь и замер. Я постоял так, потом осторожно убрал руку.

Им тоже снятся дурные сны.

— Извини меня, — сказал я в темноту, — я сейчас.

Она уже сидела на кровати, скалывая волосы заколкой, острые локти нацелены на меня.

Я попробовал обнять ее, но она была как деревянная.

— Ну, ты же знала, за кого выходишь замуж, — я старался говорить ровно.

— Эта собака... — она дышала часто-часто, как аргус, — она тебе дороже, чем я...

С аргусом я провел десять лет. С ней не прожил и месяца.

— Это не собака.

— Какая разница. Это животное.

Мы тоже, подумал я, но говорить не стал.

— Пойми, он зависит от меня не меньше, чем я от него. Мы одно целое.

— Глупости! — она подняла голову, заглядывая мне в глаза. — Это самовнушение. Я знаю, в глубоком космосе одиноко и вам специально дают этих аргусов, чтобы вы не чувствовали себя совсем-совсем плохо, но теперь-то с тобой я!

Она хочет как лучше, я не должен на нее злиться.

— Послушай, — сказал я мягко, — даже если бы это была просто собака, я бы ее не бросил. Но это не собака. Это аргус. Поводырь. Без них мы бы не вышли в глубокий космос. Не расселились по Вселенной. Это они отыскивают червоточины. А мы только ставим маяки.

— Ну и что? При чем тут ты и я?

— А то, что это договор. На всю жизнь.

В летном училище специально отбирали людей, способных контактировать с аргусом; считалось, для курсанта это большая удача — самая романтическая, самая престижная и денежная профессия. Сначала было действительно лестно. Потом уже нет.

Забавно, я так и не знаю, как относятся к людям аргусы. Возможно, они просто любят людей. Как собаки, бескорыстно. И хотят им помочь. Услужить. Чтобы людям было хорошо, чтобы человечество процветало. А нам нужно пространство. И мы заключаем договор.

А может, они едва терпят нас. И нужно им то же, что и людям — пространство. И у них есть свой аргус-тест на сотрудничество, который тоже проходят единицы.

Как бы то ни было, связав свою жизнь с человеком, аргус обрекает себя на вечное изгнание. Эту связь невозможно разорвать, а человек не может жить в мирах, населенных аргусами.

— Почему?

Оказывается, я говорил вслух. У меня образовалась такая привычка за годы глубокого поиска.

— Там темно. Абсолютный, полный мрак. Человек мучается. И если аргус с человеком в связке, он мучается тоже. Такая связка обречена.

— А аргусы... как же они без света?

— Они видят силовые поля.

Поэтому мы не конкурируем за пространство. Симбиоз, взаимовыгодный симбиоз. Аргусы показывают нам червоточины. Находят для нас миры. А мы на своих кораблях доставляем их в области, для человека все равно непригодные... Темные области Вселенной, куда без помощи наших летательных аппаратов они проникнуть не могут.

— Когда человек и аргус в связке... — она запнулась, — аргус чувствует то же, что и человек?

— Ну да. До какой-то степени.

— Значит, когда мы... когда ты...

— Послушай, — сказал я как можно убедительнее, — собаки тоже чувствуют. И кошки. Связь с аргусом — просто доведенный до предела контакт между человеком и животным. Или человеком и человеком.

То, что я говорил, было логично и правильно, но она все равно заплакала. И когда я начал ее утешать, расплакалась еще сильнее. Кажется, с женщинами это бывает.

У порога аргус вздрагивал и всхлипывал во сне.

* * *

Березовые поленья пахли именно так, как и должны пахнуть березовые поленья. Как я себе и представлял. Темные верхушки елей на противоположном берегу отражались в озере. На воду, хлопая крыльями, села утка, за ней протянулся длинный темный расходящийся след.

Похолодало. Я потянулся за курткой, и в это время запищала «болтушка».

— Дорогой, — сказал голосок, тоненький, словно комариный писк. — Ты слышишь меня, дорогой?

— Да, — я машинально удивился нелогичности вопроса: ну как я мог ее не слышать?

— Я задержусь. Немножко. Мне надо встретиться с заказчиком, а он опаздывает, и я...

Они все так много говорят, когда можно обойтись двумя словами?

— Понятно. Когда соберешься домой, позвони мне. Я разогрею ужин.

— Да, — я слышал, как она прерывисто дышит, и подумал, что сейчас она, наверное, кусает губы. — Дорогой?

— Слушаю.

— Должен приехать один человек. Мой двоюродный брат. Мы

с ним встретились в городе, и я его пригласила к нам. Неловко отменить.

— Да? — я впервые слышал о каком-то двоюродном брате. И о том, что она пригласила его к нам.

— Я постараюсь поскорее, но он, наверное, приедет раньше. Прими его, хорошо?

— Конечно. Не вопрос.

Я пошевелил щипцами угли в жаровне.

Аргус поднял голову, приняхиваясь к запахам леса и озера. Ему здесь нравилось. Я это чувствовал. Потому что такого покоя, такого бездумного удовольствия давно уже не испытывал. Вот только этот родственник...

Солнце уже снижалось над елями, когда над просекой скользнула его «букашка». Яично-желтого, веселенького цвета.

Родственник оказался невысоким, с бесцветными волосами, совсем на нее непохожим. Особенно в профиль.

— Добрый вечер, — сказал я. — Жена предупредила, что немного задержится.

— Я знаю.

Он легко перепрыгнул через ступеньку и пододвинул второе кресло поближе к жаровне. Аргус повернул в его сторону безглазую голову, потом вновь уронил ее на лапы.

Гость, в свою очередь, скользнул по нему рассеянным взглядом.

— Чаю? — спросил я. — Кофе?

— Не хотел бы мешать, — сказал он, — что вы обычно делаете вечером?

— Ничего. Сажу. Смотрю.

Вообще-то я хотел подновить ограду вокруг дома, но все равно уже темно.

— У вас тут красиво, — сказал он, — впрочем... зимой, должно быть, холодно?

— Мы и не собираемся жить здесь зимой. Это летний коттедж. Зимой тут наверняка снегу по колено.

— Поблизости есть деревня.

— Да, и там все вполне благоустроено. Но я предпочитаю жить на отшибе.

— И жена не возражает?

Я поглядел на него.

— Она вам жаловалась?

— Нет. Но я подумал... женщины не приспособлены к затворничеству.

Она знала, за кого выходила замуж, подумал я. Или... не знала?

— Она ездит в город; там у нее какой-то женский клуб. Или кружок. Я ничего в этих делах не понимаю, но мы специально так подгадали, чтобы до города было не больше часу лета на «букашке». Чтобы с одной стороны — дикая местность, с другой — поблизости цивилизация.

— Таких мест сейчас на Земле много.

— Да.

— Здесь должна быть хорошая рыбалка.

— Да, — сказал я, — наверное. Но мы возим продукты из города.

— Тут дело в азарте.

— Я не азартен. Человеку пора бы привыкнуть к тому, что можно прокормиться, никого не убивая.

— Даже рыбу?

— Даже рыбу.

— Боретесь с первобытными инстинктами, а?

Я пожал плечами.

— Так чай или кофе?

— Пива у вас нет?

— Нет. Спиртного не держу.

— Вот как? Почему?

— В глубоком поиске сухой закон, я как-то отвык... потом... аргус не выносит спиртного.

— Наверное, с этого и следовало начать, — он задумчиво поглядел на аргуса, которого совсем накрыла тень от крыльца. — Надо же... Никогда не видел их вблизи. Они разумны, как вы полагаете?

— Не знаю.

— Кому знать, как не вам. Вы же с ним в постоянном контакте.

— Я улавливаю эмоции. А ведет он себя... ну, примерно как собака. Я где-то слышал, что у взрослой собаки, в принципе, довольно высокий интеллект.

— Я думал, вы видите его глазами. То есть не глазами, а что там у него...

— Только при погружении в червоточину.

— Я-то полагал, что это разумная раса. Как-то же они смогли договориться с человечеством.

— Это могло быть на уровне смутных образов... Я даже не знаю, как он относится ко мне. Полагаю, что без меня он больше не способен существовать, но вот как относится? — я беспомощно пожал плечами.

— Вы еще не старый человек, — он бесцеремонно разглядывал меня. — Что заставило вас уйти из разведки? Травма? Катастрофа?

— Рефлексы. В червоточинах корабль слепнет. И маяки приходится ставить вручную. Никакой автоматики. Кстати, признавайтесь, вы здесь не случайно? Никакой не родственник... Психиатр?

Он не стал отпираться.

— Это она вас пригласила? Осмотреть меня?

— Да, она связалась с нами. Но это не важно, я бы все равно приехал, под тем или иным предлогом. Не думали же вы, что вас бросят на произвол судьбы?

— Она считает, я болен?

— Она беспокоится. Ей кажется, ваш симбиоз с аргусом всего-навсего плод вашего воображения.

— Вы тоже так считаете?

— Нет. Вы абсолютно нормальны. Насколько можно оставаться нормальным, будучи частью какого-то целого. Вы с ним действительно неразделимое целое. Двойная сущность.

Я сказал:

— Каждый носит в себе своего аргуса. Ребенка, каким он был когда-то. Старика, каким он когда-нибудь станет. Какая-то обособленная частичка, внутренний голос... Вы никогда не разговаривали сами с собой? Тот, другой, ведь он был не совсем вы? И в то же время все-таки вы.

— Понимаю. Можно задать вам... частный вопрос? Очень частный. Почему именно она? На меня она произвела впечатление довольно ограниченной особы. — И виновато добавил: — Вы уж меня извините.

— Именно поэтому. Я решил, что она не будет требовать многого.

— Значит, — сказал он, — вы намерены довольствоваться немногим.

— Я хочу просто жить. Читать. Слушать музыку. Гулять по лесу. Собирать грибы. Любить женщину.

— Выезжать в город?

— Нет. Лучше не надо.

Он встал.

— Вот мой контакт-код, — он протянул мне визитку. — Если что, связывайтесь.

— Если *что*?

— Не знаю. Не беспокойтесь. Я поговорю с вашей женой.

— Спасибо. Но я не беспокоюсь.

Он так и не выпил со мной чаю.

Я подумал, что она действительно... глуповата. Странно, ей удава-

лось это скрывать, а ведь во время долгих вахт мы с ней беседовали часами. Вероятно, на самом деле я говорил сам с собой.

Я усмехнулся. Получилось, что я нечаянно записал себя в умники. Ну, говорят же, что нет лучше собеседника, чем ты сам... Но о чем-то же мы с ней говорили, о чем-то таком, что я ждал каждого очередного сеанса связи... Как это у нее получалось? У меня получалось?

И куда все делось?

Ни обиды, ни раздражения я не испытывал; мог бы и предвидеть, что ведомство не ограничится выплатой щедрой пожизненной пенсии, что там есть какая-то служба контроля, адаптации... ведь действительно были случаи, когда ныряльщики сходили с ума. Симбиоз между людьми и аргусами выгоден для обоих биологических видов. Но не для самой пары. Странный парадокс. Впрочем, подумал я, все наше существование стоит на парадоксах...

Аргусу стало холодно лежать под крыльцом. Он поднялся, тяжело вздыхая, протопал по ступенькам и уткнулся безглазой головой мне в колени. Я потрепал его по спине.

Ему еще хуже, чем мне, ведь он даже не может вернуться к себе подобным. На Земле обязательно должны быть еще ныряльщики на пенсии, пускай немного, профессия это редкая, можно сказать, эксклюзивная, но хотя бы один или два. Можно связаться с ними, и у аргуса будет кто-то одной с ним крови...

Вот только ныряльщики избегают друг друга. И их аргусы, кажется, тоже.

* * *

Когда она спросила, где ее родственник, я сказал: уехал. И больше ничего. Пускай разыскивает его, выясняет, спрашивает. Раз уж сама затеяла.

Она выглядела не столько виноватой, сколько злой. Обычный трюк сознания — злиться на того, с кем поступил не очень-то честно. Оправдывать себя. Подыскивать резоны.

Он сам виноват, наверняка говорила она себе, он свихнулся в глухом космосе, в одиночестве, он вбил себе в голову бог знает что, придумал себе равноправного напарника, несуществующую неразделимую связь и не хочет лечиться.

За окном сиял роскошный, красно-золотой закат, какие бывают только на севере, дальнее озеро отражало небо, я взял аргуса и пошел прогуляться по берегу. Позвал ее, она отказалась.

На озере было прохладно. В камышах плавала ондатра.

Я обратил на нее внимание аргуса, но его не интересовали животные.

Он просто шел сам по себе, рядом со мной, словно на невидимой нитке, но занятый какими-то своими делами... Ковырнул передней лапой песок... поддел носом корягу...

Я подошел к нему, присел рядом и обнял за шею.

— Смотри, — сказал я, хотя применительно к аргусу это слово было нелепым, — это озеро. Наверняка ты его как-то чувствуешь; оно больше, мокрое и холодное. А там, в озере, плавают рыбы. Сейчас они укладываются на дно, спать. Они стоят в глубоких черных водяных ямах и шевелят плавниками. Считается, что они очень глупые. Но я так не думаю. Поэтому никогда не хожу на рыбалку... А ты как полагаешь?

Он, понятное дело, не ответил.

— У тебя нет определенного мнения насчет рыб? Эх ты...

В поиске я все время с ним разговаривал. Мне казалось, он меня понимает.

Но что, если это был самообман, спасительное безумие, от которого мне так и не удалось избавиться? Тогда она права.

Я ощутил острое одиночество. Первый раз за все время.

Аргус продолжал сидеть, не пытаясь высвободиться, но я почувствовал себя глупо, разжал руки и встал.

— Пойдем, — сказал я. — Давай домой.

В доме светилось окно, вместе со стеной леса на заднем плане все смахивало на слащавую картинку. Я уже взялся за калитку, когда увидел, что аргус тычется во что-то носом.

— Не подбирай с земли, — сказал я ему.

Он с размаху сел на свой зад и расставил передние лапы.

Я нагнулся.

Кусок сырого мяса. Прямо у калитки. И острый запах чеснока.

* * *

Она возилась у кухонной стойки. Ничего особенного не делала, просто вскрывала термопакеты. Она не умела готовить.

— Кто-нибудь заходил?

Она повернула ко мне холодное злое лицо.

— Что?

— Здесь был кто-нибудь? Соседка?

Я знал, что пару раз она заходила в деревню за мысом. Говорила, по каким-то делам, но я подозревал, что просто поболтать.

— Нет, — она покачала головой, — кто к нам придет? Ты же никого...

— Не думаю, что я там желанный гость, — сказала я. — Кстати, кто-то разбросал отраву у калитки.

Я достал завернутый в носовой платок кусок начиненного мышьяком мяса и бросил его в камин. Мясо зашипело на углях, и запах чеснока распространился по всей комнате.

Она сморщила нос.

— Какая гадость!

— Верно.

— Зачем ты бросил его в камин? Он же всю комнату провоняет!

— Да... глупо. Но не уверен, что это можно выбрасывать в биотуалет. А на улице оставлять нельзя. Здесь бегают лисы... Как ты считаешь, кто это сделал?

Она поджала губы.

— Уж не думаешь ли ты, что это я?

— Упаси боже. Но, может, ты кого-нибудь видела?

— Наверное, кто-то травит крыс.

Здесь не травят крыс. По крайней мере, мышьяком. Но этого я ей говорить не стал.

Она вывалила содержимое пакета в тарелку, поставила передо мной, а сама вновь уставилась в экран. Одиночество навалилось на меня, как темное глухое одеяло.

— Послушай...

Она с досадой повернулась.

— Да?

— Поговори со мной.

Она, казалось, удивилась.

— О чем?

— Не знаю. Мы же так хорошо разговаривали. Ты рассказывала о себе. О жизни... о последних новостях... о чем-нибудь...

— Ну, так включи себе последние новости, а я пока досмотрю. Это репортаж из Дворца мод! Один-единственный раз в сезон.

— Смотри, конечно, — я ковырнул вилкой еду, которая уже начала остывать.

В комнате воняло чесноком и горелым мясом.

* * *

А утром ко мне зашел староста.

Песчаная дорожка к дому была мокрой от росы, и когда он шел по ней, оставались темные следы. Здоровый такой мужик.

Я как раз был занят тем, что так и не успел сделать вчера — подновлял забор. Древесина на изломе пахла замечательно.

Аргус лежал на крыльце, перегораживая собой вход на веранду, и староста топтался внизу, не решаясь войти.

Я крикнул:

— Он вас не тронет!

Но староста все равно не двинулся с места.

Я зашагал к нему напрямик через малинник.

— Это животное, — укоризненно сказал староста, — оно слишком большое, чтобы...

— Чтобы что?

Аргус примерно с крупного ротвейлера. Я видал собак и помощнее.

Я поднялся по ступенькам, и староста за мной, держась так, чтобы я был между ним и аргусом. Я пододвинул ему кресло и спросил, хочет ли он варенья со сливками. Но он не захотел ни варенья, ни сливок, ни чаю. Почему-то никто из моих гостей не хочет чаю.

— Погоды нынче стоят хорошие, — сказал староста.

Я согласился, что да, погода просто замечательная.

— Не то что в прошлом году.

Я сказал, что мне трудно судить, поскольку поселился я здесь недавно.

— В том-то и дело, — сказал староста. Он устроился поудобнее в кресле и сложил руки на коленях. — Я вроде как староста округа. Пришел познакомиться.

— Очень приятно.

— У нас тут людей всего ничего. Деревня, с десятков хуторов... Пародругая коттеджей, вроде вашего.

— Угу.

— Меня люди выбрали. Должен быть староста. Хотя людей мало.

— Да.

— Вот я и пришел познакомиться.

Маска простака самая удобная. Его выдавали глаза.

— Вы редко бываете в деревне.

— Вообще не бываю. За покупками мы ездим в город.

— А у нас там что-то вроде клуба. И любительский театр.

— Будет время, — сказал я, — обязательно схожу на представление. Вы мне программу скиньте.

— А в лесу вас кое-кто видел. И у озера.

— Я люблю гулять.

— Это хорошо, — сказал он, — я всегда говорю: гулять полезно. Я им так и сказал: он ничего дурного не делает, просто гуляет.

— Договаривайте, — сказал я, — и кончайте этот маскарад.

— Ладно, — он вздохнул. — Действительно, чего уж там. Вы про-

изводите впечатление разумного человека. И безобидного. Но вас здесь не любят. К сожалению.

Деревенский простачок исчез, точно по лицу старосты прошлись мягкой губкой. Я подумал, что он не последний человек в этом их любительском театре.

— Я ни с кем не знаком.

— Вы не ходите в клуб. Не общаетесь с людьми. Им это не нравится. Они полагают это высокомерием. Пренебрежением. И еще — эта ваша собака...

— Аргус.

— Тем хуже. В деревне многие боятся ходить к озеру.

— Аргус никому не причинит вреда. Иначе кто бы позволил везти его на Землю?

— Он чужак. Чужое существо. Кто может за него поручиться?

— Я.

— А за вас?

Мы замолчали. Солнце выпарило росу, и сад был заполнен ровным гудением пчел.

* * *

— Все знают, аргус с человеком вроде как в связке. Одно целое. И если он захочет, чтобы вы, скажем, взяли в руки нож...

— Вы взрослый образованный человек, — сказал я, — и должны знать, что взаимодействие с аргусом строится совсем на другой основе. Он не может заставить меня что-либо делать. И я его тоже.

— Ага! — сказал он удовлетворенно.

— Что — ага?

— Если он решит причинить кому-нибудь вред, вы не сможете ему помешать. Вы его не контролируете.

— У вас есть собака?

— Да, — его голос немного потеплел. — Молли. Она ретривер. Золотистый ретривер.

— Вы контролируете ее?

— Вы же сами сказали, — тотчас ответил он, — аргус не собака.

Мы опять замолчали.

Дурак, хотел я сказать, самодовольный дурак. Ловкий, хитрый манипулятор, недаром тебя выбрали старостой, но ты видишь не дальше своего носа. Все, что вокруг, ты получил именно благодаря аргусам. Ненаселенную, процветающую Землю, свободную от неврозов и агрессии, чистый воздух, чистую воду. Это озеро. Иные миры. Ты получил все.

А что получил я? Мы?

— Вам не стыдно? — спросил я тихо.

— Я против вас ничего не имею, — возразил он. — Но я представляю людей. А они вас боятся.

— Чего вы от меня хотите?

— Чтобы вы уехали.

— А если я откажусь?

— Сам я против вас ничего не имею, — повторил он, — но люди... Могут быть неприятности.

— Вы староста, вы обязаны следить за соблюдением законности.

— Ну... — он поднялся, — я и слежу. Я пытаюсь не допустить неприятностей.

— Не нужно запугивать меня, — я тоже встал.

— Да я и не запугиваю. — Он уже был на крыльце. Аргуса он обошел по большой дуге, но тот все равно встревоженно отодвинулся.

Я потрепал аргуса по голове и снова занялся починкой забора, в какой-то момент отметив, что вколачиваю в землю колья с удвоенной силой.

* * *

Лунный квадрат лежал на полу, медленно переползая с одной половицы на другую. За окном шумел лес.

Зря я вернулся на Землю.

Любой ныряльщик мечтает оказаться на Земле. Пройтись по траве, полежать на берегу. Есть десятки миров, пригодных для жизни, но там все другое. Свет, тяготение, сам воздух... А ныряльщик жаждет очутиться там, откуда когда-то ушел в глубокий поиск. И думать забывает о том, что Земля — это еще и люди. Что к звездам ушли лучшие. Самые энергичные, самые смелые. Идеалисты, мечтатели, пессимисты.

А остались обыватели. В глубоком поиске ныряльщик вообще редко думает о людях — больше о небе, траве и деревьях.

Ностальгия — страшная штука.

И не лечится.

Как же должен страдать аргус, подумал я, он-то ведь в чужой среде, в абсолютно чужой среде, кроме меня, у него ничего здесь нет, не за что держаться... Мы улетим отсюда, улетим в другой мир, не такая уж большая жертва по сравнению с той, что выпала ему. Я думал, если мне будет хорошо, я смогу как-то передать это ему, чтобы и ему было тепло, хорошо и покойно...

Я осторожно, чтобы не разбудить женщину, тихонько посвисты-

вавшую рядом, встал с постели, пересек комнату и подошел к аргусу, лежащему на своем матрасике в углу комнаты. Сейчас, в темноте он действительно очень походил на собаку. Вытянутые лапы тихонько подрагивали. Ему что-то снится? Может, он у себя, среди сородичей, бегает по равнине, расцвеченной чудными красками, не доступными незрячим людским глазам? Нет, скорее, что-то плохое — я ощущал смутную тревогу, тоску... почти ужас.

Я присел на корточки и положил руку ему на затылок.

— Что ты... Успокойся...

Обычно мне удавалось его как-то отвлечь, разбудить, но сейчас, когда его голова приникла к моей ладони, тревога только усилилась.

Он побежал к двери. Вернулся обратно. Несколько раз боднул меня головой.

Что-то не так...

Запах дыма.

Он просачивался сквозь щели окна и свет снаружи уже не тек ртутью и серебром, а был багровым... Я-то думал, это луна заходит.

На корабле я бы среагировал гораздо раньше. Я не ждал от Земли никаких подвохов; иначе не позволил бы себе расслабиться.

Небьющееся пластиковое окно было чем-то подперто снаружи; глотая дым, я добрался до двери на веранду, толкнул ее — заперта. Разумеется, тоже снаружи. Я активировал «болтушку» и вызвал сразу пожарную команду и полицию.

Никакой реакции.

Дым царапал горло. Я бросился к кровати, но женщина уже проснулась и теперь сидела, свесив ноги, кашляя и держась за горло.

Я вновь метнулся к окну — на подоконнике стоял кувшин с цветами, я еще ругал ее за это смешное пристрастие к букетам, — не люблю смотреть на умирающие цветы; вытряхнул букет и вылил воду на рубаху. Разорвал рубаху надвое, приложил ей ко рту, взял ее руку, прижал, потом побежал к аргусу.

Я обмотал мокрой тряпкой его безглазую голову; у аргусов немножко все не так, другой обмен, я не знал, как он переносит дым — легче, чем я, или хуже?

Только тогда я на ощупь нашел крохотную душевую; открыл кран — тот зашипел, выплюнул ржавую струю и затих. Но в ведре под умывальником была еще вода, просто так, на всякий случай, потому что старенький насос время от времени выкидывал всякие фокусы. Я плеснул воды себе в лицо, намочил еще полотенце и вернулся в комнату.

Дверь тоже была чем-то приперта снаружи. Уж они постарались...

Я присел на корточки и обхватил аргуса за шею. Женщина на кровати что-то показывала рукой, другой прижимая ко рту мокрое полотенце. Ключья дыма плавали по комнате, точно сизые медузы.

Я убрал фильтр от лица и сказал:

— Что?

И тут же закашлялся.

Она вскочила, отбросила ногой плетеный половик. Открылся лаз в подпол. Она умоляюще глядела на меня. Я взялся за кольцо и дернул.

Мы осмотрели несколько таких вот домиков на отшибе, чтобы природа, и вода, и лес, и сад... Этот ей понравился. Другие — нет. Он старинный, говорила она, в нем все по-настоящему. Теперь я понял — это из-за подпола. Она знала про подпол. А я не знал.

Надеялась спрятаться от меня, если что?

Неужели она все-таки боялась меня? Настолько боялась?

Мы забрались в подпол, и я тщательно задраил за собой люк. В шели я натолкал мокрых тряпок.

Над нами что-то рушилось и трещало, и в этом треске, в этом жаре, я попытался еще раз связаться по «болтушке» со спасателями. С полицией. С пожарными.

Никто не отзывался.

Я знаю, есть способы заглушить «болтушку», и если в деревне нашелся кто-то с технической смекалкой...

Она тихо всхлипывала у моего плеча; я не столько слышал, сколько ощущал, как она дрожит. Я обнял ее, прижал к себе, но она высвободилась, отползла на коленях куда-то в сторону, вернулась. Потом она взяла мою руку и что-то вложила мне в ладонь.

Металл был на удивление прохладным.

Она действительно меня боялась, иначе не стала бы прятать в подполе запрещенное, незаконное оружие. Наверное, купила где-то на черном рынке, дурочка.

Нас учили обращаться с оружием. На всякий случай.

Аргус прижимался к моему боку, он был очень горячий, ребра так и ходили.

— Спокойнее, — сказал я ему на ухо, — спокойнее. Мы выберем-ся отсюда, и все будет хорошо. На озере прохладно, мы выкупаемся в озере, а потом пойдем лесом...

Он качнул головой. Понял? Не знаю.

* * *

Я не очень хорошо разбираюсь в человеческой психологии, особенно в психологии толпы. Нырляшиков этому не учат — незачем.

Но я угадал — рядом с домом больше не было ни одного человека. Что вы? Какой поджог? Мы все сидели на спектакле, ну вы же знаете, у нас театр... все до одного. Спросите любого.

Вода в озере была белая и теплая, как молоко. В камышах резко и коротко крикнула какая-то птица. Я взвесил в руке маленький пистолетик, такие еще называют «дамскими». Не самое удачное оружие.

Нет, все стихло...

Она плакала.

Я сказал:

— Не надо, все уже закончилось.

На самом деле она потому и плакала. Стандартная реакция на опасность.

— Ну, подумаешь, разбили нашу «букашку». До города не так уж далеко. Все в порядке.

— Я не... — она вытерла слезы ладонью, — я... прости меня. Я хочу сказать...

— Я понимаю.

Аргус сидел подле уреза воды, широко расставив лапы, поводя слепой головой, словно сканировал пространство. Я подумал, наверное, так оно и есть. Даже я до конца не знаю, на что он способен. Он способен учиться. Раньше он не знал, что такое люди. Теперь знает. Никто не может приблизиться к нам незамеченным.

Жители Земли. Они поставили на вокзальной площади памятник человеку с аргусом. Памятник им любить легче.

— Ты лучше умойся, — сказал я, — нам надо идти.

— Я хочу пить! — она шмыгнула носом.

— Так ведь вот озеро.

— Но вода... она же грязная.

Это было ледниковое озеро, спящее в гранитном ложе, относительно чистое. Так я ей и сказал.

— Наверняка там плавают какие-нибудь микробы.

— Да. И свирепые страшные коловратки.

Она попыталась улыбнуться. Опять вытерла слезы ладонью. Потом опять всхлипнула.

— Почему они это сделали? Почему?

— Чужаков не любят. Мы для местных жителей чужаки. Вот и все.

— Но... вот так?

Это вроде лейкоцитов, хотел сказать я, они ощущают инородные частички, попавшие в кровеносное русло. И уничтожают их. Человек в связке с аргусом, сказал староста, больше не человек. И деревня по-

старалась вытолкнуть инородное тело. Когда это не удалось, она его уничтожила. Простой механизм, примитивная реакция. Лейкоцит — та же амeba. Ну, почти та же...

Ты сама купила пистолет, хотел сказать я. И выбрала дом с подпольем. Чтобы было куда укрыться, когда я превращусь в инопланетное чудовище.

Поэтому я ничего не сказал. Просто погладил ее по плечу. Аргус немедленно ткнулся мне под руку. Ревнует?

Она поглядела на аргуса, словно увидела его в первый раз.

— А он симпатичный, — сказала она удивленно, — похож на собаку. У меня когда-то была собака. Вот только это ужасно, когда нет глаз.

— Тем не менее он видит. Только по-другому. Не так, как мы.

— А... меня? Как он видит меня?

— Как скелет, поросший светящимся пухом, — безжалостно сказал я.

— Ужасно, — повторила она. И тут же обеспокоенно поглядела на меня.

— А ты?

— Ты красивая, — сказал я, — у тебя светлые волосы. Серые глаза. И распухший красный нос.

Она опять попыталась улыбнуться.

Над озером плавали волокна тумана. Сейчас они поднимутся, и мы окажемся в «молоке».

— Надо идти, — сказал я, — иначе нас накроет туманом.

— Ты вызвал спасателей? — она постепенно приходила в себя.

— Вызывал. Но не получилось.

— Почему?

— Ретранслятор в деревне. Или поблизости. Они что-то сделали...

— Разве это возможно?

— Возможно. Просто обычно никто не задается такой целью.

— Разве они сами не вызовут спасателей? Чтобы отвести от себя подозрение?

— Сначала они побывают на пепелище. Чтобы уничтожить следы поджога. Я предпочел бы не возвращаться.

Гибель ныряльщика и его аргуса — такое из ряда вон выходящее событие, что репортеры вцепятся в него мертвой хваткой. Наверняка жители примут меры, чтобы все выглядело как несчастный случай; или что я, свихнувшись, сам сжег себя, аргуса и жену, потому что так и не сумел наладить свою жизнь по-человечески. Полагаю, в деревне будут говорить, что я с самого начала вел себя странно, и староста,

который видел меня последним — зашел поведать по-соседски, чтобы убедиться, что со мной все в порядке, — это подтвердит. Но для этого я не должен остаться в живых.

* * *

Не уверен, производят ли сейчас капканы — этот был либо самодельный, либо куплен на антикварном рынке... Там же, где ее пистолет.

Кто-то здесь играл в охотника — замечательное занятие, помогающее убить время не хуже любительского театра.

Меня списали из-за того, что у меня притупились рефлексy.

Нет, дело не в этом.

Просто я не был готов к тому, что на Земле может быть опасно. Земля оказалась для меня совсем чужой. Столько раздражителей, столько запахов, такая сложная среда. Ничего общего с металлом и пластиком, с пультом управления и мониторами. Воздух, вода, деревья, мох, валуны, сухие ветки, палые листья... И капкан.

Неужели это я так вою? Нет, это аргус. Когда в глазах прояснилось, я увидел его, он выл, припав на передние лапы.

Она трясла меня за плечи. Я перевел дыхание.

— Не трогай, я сам.

Я с усилием развел дуги и освободил ногу. На кого поставили этот капкан? На кабана? Здесь водились кабаны. И не только кабаны, волки наверняка тоже. Весь этот озерный край был одним сплошным заповедником. После того, как большая часть человечества расселилась по мирам, которые открыли им аргусы...

Аргус больше не выл, он тихонько всхлипывал. Она тоже.

Я велел ей не смотреть, поскольку не знал, как она ведет себя при виде открытых ран, а сам прощупал поврежденную стопу. Несколько плюсневых костей раздроблено. Мягкие ткани повреждены.

Я плотно перевязал ногу; это все, что я мог сделать, боль толчками поднималась от стопы до паха, на зубьях капкана наверняка осталось гнилое мясо... какое-нибудь несчастное животное. Бессмысленные, бесполезные убийства, до ближайшего города час лету, а там в любом супермаркете можно купить все, что душе угодно... Или, что еще проще, заказать, не выходя из дома.

Аргус ткнулся мне мордой в плечо; я потрепал его по голове, мне почти совсем не больно, это просто травма, ее вылечат в любом медпункте, только надо добраться до населенного места... вот в этом и проблема.

Идти я больше не мог.

Я попробовал активировать «болтушку». Глухо.

Я даже обрадовался — по сигналу нас наверняка отследили бы любители самодеятельного театра.

— Что делать? — растерянно спросила она.

Я огляделся:

— Если ты найдешь палку покрепче, попробую идти.

Но стоило мне встать, в стопу точно воткнули раскаленный штырь. Аргус вновь коротко взвыл.

— Ничего не поделаешь.

Я сел, прислонившись спиной к поросшему мхом стволу.

Совершенно тупиковая ситуация.

Вот, мы остаемся здесь, вдвоем. Рано или поздно нас находят. Вряд ли спасатели. Скорее «театралы». Тем более, этот капкан же время от времени кто-то ходит проверять. Такой любитель простой жизни, получающий постыдное сладенькое удовольствие, наблюдая, как мучается несчастное, пойманное в железные челюсти животное.

Говорят, лисы, попавшие в капкан, отгрызают себе лапу. Только, чтобы прекратилась эта ужасная, непонятная боль. Но этот капкан был не на лису. Скорее, на более крупного зверя.

Что этот тип делал с добычей? Разделявал ее где-то в укромном месте, а потом звал соседей на барбекю?

Я подумал, что это хобби вряд ли подлежало уголовному преследованию: людей на Земле сейчас не так уж много, и особенно навредить сбалансированной экосистеме они не в состоянии. В сущности, вся планета — сплошной заповедник. Или туристический центр.

Наверняка кто-то организует и охотничьи туры.

Я могу отправить ее отсюда. Одну. Через лес. Задать направление и отправить.

Она, конечно же, заблудится. Я ныряльщик и навигатор, чтобы я заблудился, надо уж очень постараться. А она заблудится. Лучше бы с ней ушел аргус, но аргус куда-то не уйдет. Он не отходит от меня дальше нескольких метров. Связка.

Взаимовыгодный симбиоз двух видов, невидимая цепь для двух особей. Тоже капкан. Только метафорический.

— Я знаю, что ты хочешь мне сказать...

Я открыл глаза. Оказывается, все это время я сидел, закрыв их. Это плохо. Я перестаю себя контролировать.

— Чтобы я уходила, а ты останешься тут...

— А ты уйдешь?

Заблудится, как пить дать, заплутает, дура. И выйдет прямо на погоню.

Она мрачно уставилась в землю.

— Нет.

Аргус уткнулся мордой в лапы. Ему тоже плохо, вот проклятье!

— Дура, — сказал я, — идиотка. Солнце видишь?

— Ага.

Действительно, меж стволами деревьев легли косые лучи. Мошка-ра стояла в них столбом.

— Иди на солнце. На восток. Все время на солнце... До полудня ты должна выйти к трассе.

Она замотала головой, растрепанные волосы хлестнули по щекам.

— Нет, — она вытерла нос рукавом. Все-таки она тогда подправила свое видео. Или просто так подурнела за последние часы?

— Рано или поздно ты выберешься из зоны этого ретранслятора. Вызовешь по «болтушке» помощь.

— Ты все врешь. — Она безнадежно села рядом, свесив руки меж колен. — Знаешь, что дело плохо, и хочешь от меня избавиться.

— А хотя бы и так. — Я пожал плечами. — Нас ничего не связывает. Ты же боишься меня. Вон пистолет купила. Тебя никто замуж не брал, вот и ухватилась за последний шанс... Думала, романтика тебе будет? Песня космических пространств?

— Да, — она кивнула.

— Ну, так давай. Хотя бы раз в жизни поступи как большая. Иди, вызови помощь. Хоть что-то сделай, черт тебя побери!

— Ты просто хочешь услатить меня отсюда. — Она вновь шмыгнула распухшим носом.

— А ты хочешь, чтобы им все удалось?

Голова у меня почему-то стала очень большой и легкой. И пульсировала. Багровая мгла то накатывает, то рассасывается... Заражение крови? Так быстро?

Ныряльщики проводят годы на кораблях, где стабильная бактериальная среда.

Но мне же делали какие-то прививки, там, на Луне...

Соображать удавалось с трудом.

Аргус, подумал я, бедный аргус, ему сейчас тоже плохо.

И я увидел червоточину.

Она раскрылась прямо передо мной, как цветок, чудесный лиловый цветок с сияющими лепестками, и аргус был рядом, его сознание, его удивительные глаза, словно мы были в глубоком космосе, и он показывал мне то, что не увидеть больше ни одному человеку, только нам, только тем, у кого аргус в поводырях...

Пошли, сказал аргус, пошли вместе, мы с тобой единая сущность, а я умею открывать червоточины, ты разве не знал, мы пройдем напрямую и выйдем в замечательном месте, я и ты, одна сущность, это симбиоз, ты разве не знал, у них свой путь, у нас свой, мне здесь не нравится, пошли, пошли, пошли...

А женщина?

Женщина — нет, она сама по себе, а мы одна сущность, две половинки целого, мне плохо, и я вижу людей, они еще далеко, но скоро будут близко, я не хочу умирать, я уже вырос, я могу открывать червоточины, не только видеть, не только показывать тебе, слепому, безглазому, уходить, уходить с тобой, мы созреваем только рядом с вами, а вас так мало настоящих, те, которые идут сюда, не настоящее, я боюсь, пошли, пошли, пошли...

А женщина?

Женщина — нет.

Я открыл глаза.

Плохо. Я уже начинал бредить.

Она сидела рядом, обняв меня за плечи.

— Уходи, — сказал я, — ну пожалуйста. Ты ведь не какая-нибудь романтическая особа. Ты взрослая, ответственная, умная женщина. Ты должна взвешивать шансы и поступать соответственно. Еще пара километров, и ты попадешь в зону другого ретранслятора. Вызовешь помощь. Дождешься ее. И приведешь сюда. Хорошо?

— А ты?

— Я подожду.

— Аргус...

Она наклонилась и положила руку ему на холку. Тяжелая голова ткнулась ей в ладонь.

— Он признал меня, — сказала она удивленно.

— Да, — я прислушивался, но вокруг было тихо. — Надо же!

— И мне кажется... мне кажется... Он как бы где-то рядом. Я не знаю, как сказать...

Я покосился на аргуса. Он дышал ровнее и больше не припадал на лапы. И там, где всегда, десять лет подряд на краю сознания я ощущал его присутствие, сейчас была странная пустота.

Никогда не слышал, чтобы аргус поменял симбионта. Связка между человеком и аргусом считается неразрывной. До смерти. Это как сиамские близнецы. Умирает один — умирает другой. Впрочем, аргусы, в отличие от собак, живут долго.

— Очень хорошо, — сказал я, — значит, ты можешь взять его с собой. А он видит силовые поля. Он выведет тебя к трассе. Там ретран-

сляторы буквально на каждом шагу. Ты вызовешь помощь и вернешься. Я подожду.

Она кивнула. Неуверенно взглянула на меня и поднялась. Аргус поднялся следом. И прижался к ее ноге. Она обернулась, уходя. Он — нет.

В общем-то я подложил ей свинью.

Она поймет это, когда обнаружит, что от аргуса ей не избавиться никогда. И когда почувствует косые взгляды, и никто не будет приглашать ее на вечеринки, и ни один мужчина больше никогда не рискнет обнять ее, поскольку то, что будет чувствовать она, будет чувствовать и аргус... А людям это неприятно.

С другой стороны... Эта история наверняка вызовет скандал. Журналисты просто вцепятся в нее — на спокойной Земле так мало новостей. И общество, мучимое комплексом вины, будет к ней особенно внимательно.

И, конечно, она будет получать мою пенсию.

Она ведь моя жена.

А потом, сказал я себе, аргус заберет ее в какое-нибудь удивительное место, куда, оказывается, уходят все они — вот почему никогда не собираются вместе ныряльщики и их поводыри... Нет, это уже из области бреда. Наверняка у меня сейчас температура под сорок. И эта пустота, расплзающаяся внутри... скоро она станет еще больше и пожрет меня.

Но какое-то время у меня еще есть.

Он легко ушел, подумал я, мне казалось, он привязан ко мне, как я к нему, но она была права: это чужое существо, нельзя угадать, что он чувствует на самом деле. Не было никакой привязанности, никакого доверия, ничего не было — только нерасторжимая связь, которую он все-таки сумел разорвать, уйдя по нити моей любви.

Но к трассе он ее выведет, это точно.

Сквозь шум крови в ушах, я услышал треск сороки.

Сорока, бесшумный часовой леса, на своем птичьем языке кричала: «Сюда идут! Сюда идут!»

Я понимал этот язык, как раньше понимал бессловесный язык аргуса.

Я переполз за сиреневый валун в пятнах лишайников, вынул из кармана крошечный, почти игрушечный пистолет и снял его с предохранителя.

— Ближе, прошу вас, — сказал я замершему лесу. — Еще ближе...

Э Д В А Р Д М . Л Е Р Н Е Р

ПО ПРАВИЛАМ

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Если провести математический анализ того, как распределяются по времени важнейшие жизненные решения (вы не подумайте, я не очень-то интересуюсь квантовыми исследованиями), то окажется, что они группируются вокруг тех дней рождения, которые кратны пяти. Услышь папа эту гипотезу, он, и глазом не моргнув, спросил бы, говорю я про интегральные множества или какие-либо другие. По-моему, уже ясно, что у меня было за детство... А завел я о них речь, потому что все началось в мой двадцать пятый день рождения. Четверть века — не шутка. Что тут праздновать, если такой кусок жизни уже позади? Но мои друзья считали иначе.

В нашем университете (даже на факультете социологии) уже мексиканская кухня воспринимается как космополитизм. И я достаточно часто распространялся о местном этноцентризме, а потому обрадовался и был тронут, когда друзья устроили мне японский праздник. Все мы тогда были нищими аспирантами, поэтому «праздник» означал попойку у кого-нибудь на квартире. Но забавно, что в тот единственный раз, когда они решились на что-то помимо стейка из местной коровы, друзья выбрали именно то, чего я терпеть не могу. Впрочем, с суши проблем не возникло, потому что ребята запаслись уймой бутылок саке, чтобы запивать сырых угря, тунца и кальмара (не говоря уже о каких-то неопределенных комьях, происхождения которых я не опознал и решил не вдаваться в тонкости).

И если бы я пытался заглушить вкус сырой рыбы не рисовым пойлом, а соусом васаби, все обернулось бы иначе.

Чтобы побаловать именинника, каждый гость пришел со своей снедью, и меня вынудили перепробовать все. По утверждению хозяйки квартиры, японский этикет требует выпивать каждую порцию саке залпом, а ведь в буфете у нее стояли не изящные фарфоровые чашечки, а стаканы для сока. После третьего калифорнийского ролла я перестал понимать, что ем, а еще через час этой гастрономической экскурсии возносил прочувствованные хвалы разнообразию. Никто не пытался пить наравне с именинником, но все основательно набрались.

Воспоследовавшее показалось тогда замечательной идеей: «истинной социологией на очень... ик... мультикультурном уровне». Помню, как плюхнулся перед компьютером, вызвав взрывы хохота, едва не промахнувшись мимо стула. Помню ржание над моей орфографией и бурные перепалки по поводу выбора слов. Под торжественный звон дешевых стаканов я, кажется, нажал клавишу «отправить». Но вот предмет и тема нашего шедевра канули в алкогольный туман.

Проект, из-за которого мы ломали копыя вчера вечером, оставил по себе лишь смутный осадок на утро, когда я проснулся с головной

болью и суконным языком. Я помнил, как силился растворить в желудке сырую рыбу, заливая ее неразбавленным виски, но помимо этого ясно всплывала лишь печально точная карикатура на торте со свечами: голова молодого Вуди Аллена, сидящая на моем длинном и толстом теле. В моей памяти мелькнуло имя Икабот Крейн — оставалось только надеяться, что вслух я его не произнес.

Очевидно, кто-то отвел меня домой, раздел и уложил. Окна моей спальни выходят на запад: лившийся в щель между занавесками солнечный свет подсказывал, что уже сильно за полдень. Если наказание соответствует преступлению, то вчера я повеселился на славу. Я как раз обсуждал с самим собой, стоит ли попытаться встать, когда в черепе у меня завибрировал «би-и-ип» — как из мультика про «Роудраннера». Пришли письма по электронной почте.

По дороге в туалет я проковылял мимо компа. Заголовок последнего письма шоком встряхнул память. Ответ на вчерашнее.

— Только не это, Господи! Пожалуйста, — прокрихтел я.

«Пожалуйста» не всегда оказывается волшебным словом. Судя по всему, «Журнал независимой социологии» не получил заказанную статью, поэтому в ближайшем ежеквартальнике у них образовалась дыра. Разумеется, редакция не может обещать публикацию, но благосклонно отнесется к вовремя присланному тексту в духе моего вчерашнего предложения.

Я прокрутил письма, чтобы узнать, что же такое предложил в пьяном угаре. А когда нашел, мой желудок попытался выбраться наружу.

Отец бережет слова, как продуктовый рацион в блокаду, и это скряжничество выражается и в емкости формулировок, и в экономии лексики. Что до первого, приведу лишь один пример: выражение «транспортное средство» я выучил раньше, чем слова «машина», «самолет» и «ложка». Ну не странно ли? А относительно последнего, сестра не без причины зовет отца Профессор Загадок.

Когда я был ребенком и после, уже студентом, такая скарденность меня раздражала, но, как я понял задним числом, она же помогала развивать абстрактное мышление. Собственную расточительность (и любые навыки общения, какие у меня есть) я перенял у мамы.

— Брайан. Правило Первое, — скупое ронял отец, не отрывая глаз от газеты. И мне полагалось переводить для непросвещенных друзей: «Если это перевернет весь дом, не делай». Правило Первое прекрасно подходит для мальчишек, поскольку не оставляет для них никаких дыр и лазеек.

Правилом Вторым на вчерашней вечеринке совершенно пренебрегли. «Перед тем как делать, хорошенько подумай». Правило Вто-

рое вступило в силу задолго до того, как я достиг питейного возраста, поэтому отец так и не вывел из него очевидного следствия: избегай важных решений, когда пьян и думать не способен. (Скорее всего, он бы укоротил формулировку. «Не пей и думай» — вполне в его духе.)

Идея, пришедшая в мою пьяную голову, была поистине мультикультурной, иными словами, я рассматривал культуры, которые и человеческими-то не были. Уж не знаю как, но с дурной головы я умудрился предложить социологический анализ поведения энлэошников (прошу прощения за ярлык). В интернете предостаточно чатов, где собираются подобные личности, а потому провести исследование не составит труда. Проблема заключалась не в недостатке исходных данных, а в вероятных последствиях подобной публикации. От одной только мысли о том, как воспримут ее коллеги, мне стало нехорошо. Да, действительно, существует несколько социологических изданий об НЛО и уфологах. Мой научный руководитель еще не получил место на факультете, а моей главной заботой было не выставить себя на посмеище, чтобы не лишиться и без того мизерной стипендии.

Взяв предложение назад, я лишь привлек к себе еще большее внимание. Планом Б (как только улеглась паника) стало старое доброе очковитательство. Я пришлю статью, которая, номинально соответствуя моему краткому (по счастью) тезису (насколько же у них не хватает материалов!), будет по большей части не на тему. Я решил использовать энлэошников не из-за их убеждений, а, скорее, как подопытных, на примере которых можно изучать распространение идей. Настроение у меня несколько улучшилось, когда перед (туманным) мысленным взором возникала статья: солидная, высокопарная, безусловно академичная, безнадежно скучная — и невероятно далекая от сенсации, подразумеваемой в пьяном тезисе. Если повезет, ее зарубят. Даже если не повезет, я сваяю такое, чего никто не заметит и не запомнит.

Моя специальность и страсть — анализ дискурса, область на стыке литературоведения, истории и традиционной социологии (папа как-то высказался по поводу задавленных на том перекрестке собак и кошек, но я отказываюсь в это вдаваться). Поклонники маленьких зеленых человечков ничем не хуже любой другой экспериментальной группы, чтобы попробовать изучить распространение и трансформацию языковых средств. Иными словами, я могу вывести тенденции и модели метафор, тем и фигур речи, а после построить гипотезу о социальных силах, вызывающих эти фантазии и создаваемых ими. Или можно вообще удариться в механическое перечисление речевых моделей (правду сказать, это уже совсем безопасная штука). Тем самым моя статья окажется во вполне традиционном и бесспорном

мейнстриме социологии: категоризация тем в рамках текстуальных образов.

За несколько вечеров анонимного сидения в чатах таких тем набралось достаточно. Оказалось, что сейчас в моде не маленькие зеленые, а худые серые человечки; их гуманоидную внешность объясняли эволюционной конвергенцией. Затем традиционный заговор молчания вокруг инопланетян: правительство все затушевывает — как правило, руками людей в черном. (Интересно, почему, говоря «люди» и «человечки», обычно подразумевают мужчин. Сексизм среди уфологов — вполне достойная тема для следующей статьи. Эту мысль я сурово отмел, чтобы не отвлекаться по мелочам.) Далее летающие тарелки: транспортные средства в форме диска — если «косишь» под объективность. А еще какой-то плотный свет (ну не оксюморон ли?). И всеми любимые, хотя и трудно объяснимые похищения инопланетянами. К более мелким относились проблемы осмеяния, логичные доводы, что убедительных свидетельств недостаточно. Затем шли обсуждения вспышек светозарной энергии и споры между сторонниками существ, рожденных в тарелках, межпространственных сущностей и путешественников во времени.

Гораздо труднее оказалось обрабатывать не эту очевидную ерунду, а редкие и разрозненные крупницы логики.

О родителях я вспомнил, услышав их поздравления на автоответчике, и не замедлил позвонить в офис отцу.

В разновидностях физики я, честно говоря, не разбираюсь. Бог знает, имеет ли тема папиной работы какое-то отношение к моей проблеме, но вдруг занимающий меня вопрос как-то связан с еще более невразумительными феноменами, какие он коллекционирует в свободное время? После обмена любезностями я взял себя в руки и отказался:

— Слушай, пап, ты знаешь что-нибудь про формулу Дрейка?

— Формула Дрейка, — повторил отец. Уже на первых двух словах в его тоне возникли педантичные нотки. — Это модель ориентировочного подсчета технологических цивилизаций в нашей Галактике. Задаешь приблизительное число звезд с их планетами, высчитываешь, на скольких из этих планет способна зародиться жизнь, и так далее. Числа по большей части берутся с потолка, поэтому в плане распространенности разумных инопланетян формула «доказывает» любой нужный результат.

Завсегдатаи чатов, показавшиеся мне наиболее внятными, давали (не могу сказать с какой долей обоснованности) числа, предрекавшие вероятность межзвездного контакта.

— А про парадокс Ферми?

— Да кто вы такой и что сделали с моим сыном?

Я подавил легкое раздражение. У папы были все основания удивляться моим вопросам.

— Так знаешь?

— Да.

Конец каждой фразы знаменовало ясно различимое постукивание карандаша о стол. Отца, наверное, выводила из себя невозможность нарисовать мне картинку. В детстве я довольно быстро взломал код «карандаша и бумаги». Это означало: сейчас на меня вывалит информации столько, что мне хватит до конца жизни, так что в данный момент мне нечего и надеяться ее переварить. А еще плюсом «карандаша и бумаги» в глазах Профессора Загадок являлось то, что «картинка стоит тысячи слов».

Но наконец папа сформулировал кратко:

— Галактика слишком уж велика, поэтому трудно поверить, что Земля в ней единственная технологически развитая планета. Теперь предположим, что есть и другие. Освоившие космос инопланетяне неминуемо колонизировали бы соседние солнечные системы. Со временем эти поселения достаточно оперились бы, чтобы повторить весь цикл. На сей раз берешь с потолка другие числа для обозначения скорости звездолетов и того, как быстро колонии перерастут свои новые дома. Не имеет значения, какие числа брать. За несколько миллионов лет — доля секунды, с точки зрения космологии — любые инопланетяне заполонят всю Галактику. Так, говоря словами Ферми, где же они?

— В Кливленде?

— Я хорошо тебя знаю, — хмыкнул папа. — К чему эти вопросы, Брайан?

Мой ответ, хотя и не полный, был достаточно правдив: исследование в области словоупотребления и распространения терминов в ряде чатов. Честно говоря, я уже нашел в Сети определение терминов, за разъяснением которых обратился к отцу. Я не знал только одного: считать ли сайты, где я на них наткнулся, просто прибежищем сумасшедших или все же нет? Тайной целью моего звонка было понять, как относится к ним серьезная наука. С одной стороны, термины отцу знакомы, с другой, его ответы прямо-таки сочились сарказмом.

— Ну и что ты думаешь, папа?

— О том, где инопланетяне? Где НЛО?

— Ага.

— Недостаточно информации. — Снова долгая пауза. — А ты?

— Я изучаю энлэошников, папа, а не НЛО.

Слушая страстное обличение исследований, существование пред-

мета которых не доказано, я испытал большее удовлетворение. Надо же, какую замечательную лазейку я нашел! Но если бы меня прижали к стенке и спросили, во что верю лично я, ума не приложу, что бы я сказал в тот момент.

— *Анализ дискурса самоопределяющейся субкультуры, сцена 1, запись 4*, — скорее бормотал нараспев, чем наговаривал я в диктофон. В статью подобный драматизм не попадет, зато я готов был на что угодно, лишь бы развлечься. Кружка тепловатого кофе и россыпь крошек от печенья свидетельствовали о пошлой попытке потянуть время.

Заголовок был самым общим, какой я только сумел выдумать, приняв за рабочий план скуку смертную: выполнить обязательства по статье, которая, если и будет когда-нибудь опубликована, канет без следа в бермудский треугольник нецитируемых научных работ. В целом пережевывание уже известного — и ни грана новизны. Я волинил... опять.

— *Представленное в данной статье исследование опирается на использование языковых средств в уникальном интернет-сообществе*. — Я безуспешно старался пробудить в себе праведное возмущение друзьями и коллегами, которые меня в это втянули. — *Как, без сомнения, известно любому пользователю интернета, посещение чатов добровольное, равно как и решения в каждом данном случае, какие именно темы будут предложены на обсуждение. Следует также учитывать, что участие в этом дискурсе может быть совершенно анонимным. Ианелли и Хуань задокументировали (1997) последствия подобной замаскированной анонимности, а также вытекающие из нее поведенческие моменты, не поддающиеся однозначному вычленению из групповой динамики. В данном контексте термин «динамика» тем более уместен, поскольку членство в чате и взаимодействие между его участниками варьируются на протяжении любого данного отрезка времени*.

Оставалось только надеяться, что текст получится достаточно выспренным, корявым и невыразительным, чтобы отвратить читателя или, еще лучше, исключить публикацию статьи. Я сделал для этого все, что мог.

В моей захлавленной квартирке я тоже (пока статья не появится в печати) был анонимным. Как интерпретировали бы мои слова и подбор метафор мои собственные собратья по анализу дискурса? Как только статья будет отослана, моя анонимность сменится... Чем? Дурной славой, надо думать.

Но это уже перестало быть самой большой моей проблемой. Пле-

вать на неполиткорректность — я начал сознавать, что в ходе исследования сам слился с его объектом.

Келли О'Брайен на мой день рождения пригласил общий знакомый. Обычно мы обменивались хмыканьем при случайной встрече — как правило, по дороге к мусорным бакам в подвале нашего общежития. С попойки все неуловимо изменилось, но я не мог понять, в чем дело. Я бы предположил, что она просто потешается надо мной. Не мне ее винить, в тот вечер я до чертиков напился. Келли тоже была аспиранткой, но по компьютерным технологиям; вот вам еще одна причина, почему разговор у нас не клеился.

После того, как я несколько вечеров кряду собирал материал для статьи, ее веселье стало еще более явным.

— Как поживают МВГи? — спросила она однажды, когда мы столкнулись на стоянке.

Одета она была, как всегда, в линялые джинсы, фланелевую рубашу не по росту и выглядела до чертиков уверенной в себе.

Вздохнув, я уже собрался вкратце изложить, как далеко продвинулся, когда она прервала меня на полужае:

— Меня совесть заела.

— Ты о чем?

— Тебя разыграли, Брайан, а я им помогла. — Заявку на статью не ты придумал. Твои приятели, — она назвала пару-тройку имен, — тебя подначили. А я поставила программку, перехватывающую исходящую почту.

— Но ответ-то пришел из журнала.

На лице у нее боролись самодовольная радость и сочувствие. Победило первое.

— Его послали твои друзья. Я подделала обратный адрес.

Описание того, как она взломала и перенастроила систему электронной почты, я пропустил мимо ушей, ведь голова у меня шла кругом. Похоже, последнее время не одна Келли веселилась от души.

— И когда мне собираются открыть глаза?

— Не знаю, — пожалала плечами она. — Все думали, что, когда ты увидишь ответ, то сначала ударишься в панику, а потом сам догадаешься, что это не всерьез. А сейчас все потешаются, с каким упорством ты собираешь материал.

Это меня не удивило. В каком-то смысле я даже восхитился розыгрышем. Учитывая мои частые разглагольствования по поводу их якобы провинциализма, мои сопли (даже в трезвом состоянии) вокруг знаменательной даты в четверть века и изрядную дозу саке, их выходку можно было приравнять к иронии судьбы.

И пока мое подсознание обрабатывало эту информацию, сознание сосредоточилось на удивительном озарении: я не собираюсь бросать работу над новым проектом.

Гамбит в разговоре: «Ловко вы меня подкололи, ребята» — вызывал гомерический хохот у каждого из моих друзей. После третьего такого взрыва мне уже стало не по себе от собственной легковёрности. А при перечитывании пьяной заявки и почти столь же дурацкого ответного послания стало только хуже. И как это я целую неделю верил в подобный бред?

Но стоило и похвалить себя: нелепый экстаз ученого, заставивший меня начать поиски еще с похмелья и вопреки всему приведший в чаты по НЛО, дал свои плоды, ведь в них действительно просматривались любопытные тенденции. Насколько я определил, сумбур и какофония в диалогах оказались более или менее осмысленными, стоило разнести их по категориям, исходя из точки зрения участников. На одном краю моего спектра скопились истинно верующие, кому не казались невероятными никакие утверждения о пришельцах или правительственном заговоре молчания. На противоположном собрались разоблачители, кого не убеждали решительно никакие свидетельства и груды «достоверных фактов, подтверждающих...». В середине оказались скептики, которые ничего не принимали на веру, но, сомневаясь в существовании НЛО или инопланетян, утверждали, что готовы выслушать любое мнение.

Исповедь Келли взломала метафорический лед, и из случайных знакомых мы понемногу становились настоящими друзьями, но наши все более долгие разговоры постоянно напоминали мне о моей собственной наивности. Когда она показала, как взломала мой почтовый ящик и поделилась еще парочкой своих хакерских подвигов, мне в голову пришла ужасная мысль. А откуда я знаю, что разыграшу конец? Я понятия не имел, не были ли мои набегі в чаты и рысканье по интернету подстроены. Вдруг у моих друзей столько свободного времени, что они по-прежнему дергают меня за электронные ниточки? Вдруг какой-нибудь мастак вроде Келли сумеет проследить мой лог до университетского аккаунта и... опять вмешаться?

Похоже, я становился безумен, подобно истинно верующим, которых изучал. Я зачастил в муниципальные библиотеки, в интернет выходил с их компьютеров, чтобы заглянуть в чаты, где так много времени проводил раньше. Слава богу, мои анонимные вылазки показали, что как будто ничего не изменилось.

В прошлый раз я просмотрел посты всего за несколько дней, но чем больше читал сейчас, тем лучше улавливал общие модели дис-

курса. Я покопался в архивах уфологических чатов, чтобы расширить подборку материалов. Общим тут было влияние скептиков. Эти люди спокойно, но убедительно развенчивали заявления о тесных контактах, о похищениях и даже, споря из-за параметров формулы Дрейка, вообще о правдоподобности инопланетных гостей. Под напором их бесстрастной логики сообщество любого быстро растущего чата вскоре достигало своего пика, за которым наступал спад. Поскольку все тут появлялось под никами, я не мог определить, то ли истинно верующих убеждали их аргументы, то ли они просто переходили туда, где встречали больше сочувствия.

И все-таки я пока еще не убедился, что моя новая подруга Келли не умудрилась как-нибудь устроить всем розыгрышам розыгрыш.

Когда моя мама была маленькой, Правило Первое в ее семье гласило: «Никаких песен за столом». Насколько я могу судить, Правила Второго не существовало. Ни мамин интерес к пению, ни ее талант мне не передались (увы, талант обычно связан с рецессивным геном), но ребенком я слышал много разной музыки. Вкусы у меня на пару веков современнее, чем у родителей, но я достаточно похож на маму, чтобы постоянно что-нибудь слушать. Впрочем, поводом к этому разговору послужили скорее ее музыкальные предпочтения, чем мои собственные.

— Знаете, — начал я, — а ведь в некоторых музыкальных произведениях прослеживается явное сродство.

Серьезный лысеющий человек по ту сторону стола только кивнул.

— Способности к музыке у меня не ахти, но я умею узнавать произведения одного и того же композитора. Слушаю я симфонию, сонату, оперу или реквием, — поспешу добавить, все это не мои, а мамин вкусы, — но я определенно могу сказать, что это Моцарт.

Мой собеседник вяло ковырял вилкой картошку фри. Этот англичанин, Найджел Уэллмен, преподавал в соседнем общеобразовательном колледже. Его специальностью был лексический анализ, отдаленно родственный анализу дискурса, что и подвигло его откликнуться на сообщение, принятое автоответчиком. Без предварительной проработки литературы я вообще ничего бы о нем не узнал. Мы встретились и договорились пообедать вместе.

— Если бы вы сказали, что хотите поговорить о музыковедении, я направил бы вас к кому-нибудь еще на факультете.

Я приглашал его обсудить кое-какие вопросы той области, где наши исследования соприкасались, и не собирался отступать от своего плана.

— Потерпите, Найджел. — Я постучал по донышку бутылки с кетчупом. — Музыка лишь аналогия. У меня есть гипотеза, и надеюсь, вы ее подкрепите — что подобное сходство можно проследить в текстах того или иного автора.

— Разумеется, такое сходство существует. На нем в частности основаны утверждения, будто Шекспир не создавал пьес, которые обычно ему приписывают. Хотя главный кандидат на их авторство сэр Фрэнсис Бэкон, есть и другие, не менее весомые. — Его голос потеплел, глаза загорелись. — Например, Кристофер Марло или Эдвард де Вер, граф Оксфордский. Лексическая метрика крайне интересная область.

— Метрика?

Разговор повернулся так, что я едва успевал вставить слово.

— Вот именно. — Мой собеседник быстро отпил колы и пустился читать лекцию. А мне только того и надо, я ведь здесь, чтобы учиться. — Использование языковых средств можно представить в количественной форме путем целого ряда весьма точных методов. Длина среднего предложения и его вариативность. Число слов и предложений в среднем абзаце и вариабельность оных. Объем словарного запаса и частотность употребления синонимов. Затем структура предложения: предпочтение действительного или страдательного залога, частота сложноподчиненных предложений, частота замены существительного местоимением. — Подчеркивая свои излияния взмахами вилки, Найджел совершенно преобразился, скинув маску угрюмого субъекта, с которым я познакомился четверть часа назад. — Есть масса прочих методик: подсчет употребления иностранных слов, различных фигур речи и так далее.

Наконец поток иссяк. Я давно уже перестал следить за деталями и находил утешение лишь в том, что слушаю мнение специалиста: Найджел не только много публиковался, но его статьи часто цитировали в академических журналах. Погрузившись в атмосферу лексического анализа, я невольно стал замечать собственные жиденькие метафоры.

— Я спрашивал, — раздраженно сказал он вдруг, — о вашей цели.

— Что?

В его стакане не осталось ничего, кроме льда. Он помешал оплывшие кубики соломинкой.

— Внезапный интерес к лексическому анализу всегда означает только одно: желание доказать или опровергнуть авторство тех или иных материалов... На кого зуб точите?

— Чисто научное исследование, уверяю вас.

Найджел скептически поднял бровь.

По дороге на встречу я, бормоча под нос, репетировал речь, гото-

ваясь как раз к такому моменту. И сейчас объяснил, что, изучая интернет-чаты, уловил сходство в якобы независимых постах.

— Поэтому, — сказал я в заключение, — у меня появилось подозрение, что одни и те же лица пользуются множеством псевдонимов. Кто-то старается подкрепить свои аргументы, прячась за несколькими личинами. Если я прав, здесь можно написать статью — но не мне. Моя область не психология, не лингвистика, а социология... Зачем мне работа о кучке скептиков-уфологов, которым больше нечем заняться?

Мы попрепирались из-за того, во что мне обойдется беглый просмотр нескольких чатов и остановились на пироге с банановой начинкой. Найджел взял список чатов и ников, и мы расстались.

— Мои результаты, — заявил несколько дней спустя Найджел, — стоят целого стейка.

И отказался дать объяснения по телефону. Плюсом стало то, что он звал к себе: у него была куча бумажек, которые он хотел мне показать и которые были разбросаны у него по всей квартире, поэтому мясо я купил в ближайшем магазине.

Пакет с полуфабрикатом он равнодушно бросил в холодильник, из которого достал пиво — холодную бутылку для меня, себе он взял теплую из шкафа. А после повел в кабинет, декор которого складывался из чахлах деревьев и бледной подсветки.

— Что новенького?

Найджел указал на единственный стул.

— Вас интересовало: не меньше ли на самом деле скептиков, чем заявленных ников? — Он буквально подпрыгивал на месте.

— И что оказалось?

— Вы совершенно правы!

К стене был припилен мой исходный список, возле каждого ника стояла галочка. Он постучал по нему для наглядности.

— Гораздо меньше.

И стал по очереди совать мне под нос страницы из кипы распечаток, изукрашенных разноцветными маркерами.

— Вы хотите сказать, что во множестве случаев реплики в чате подает один и тот же человек? Разговаривает сам с собой? Но зачем ему это дурацкое занятие?

— Подобного я не утверждал. Обмен фразами вполне реален. Говоря вашими словами, есть много истинно верующих, много разоблачителей. — Собрав листы в аккуратную пачку, Найджел, выровнивая, постучал ею по столу. — Но из спокойных и бесстрастно рассуждающих участников, которых вы называете скептиками, почти половина ников сходятся к одному и тому же лицу.

Заявление настолько меня поразило, что его обдумывание я отложил на потом.

— Еще что-нибудь?

— Во-первых, язык для вашего друга не родной. — При слове «друг» я, наверное, воззрился на него недоуменно, потому что он пояснил: — Искомый. Все равно крайне интересно.

Из шкафа появились новые бумажки с десятками тысяч аннотаций. Чем больше воодушевлялся Найджел, тем загадочнее становились его рассуждения.

— А можно попроще? — взмолился я.

Он глубоко вздохнул.

— Извините. Коротко говоря, язык у него слишком официальный: всегда правильная грамматика, а это классический признак образованного человека, говорящего на неродном языке. Почти у всех остальных участников реплики полны орфографических ошибок, слэнга и сокращений. Наш тип не употребил ни одного обособленного причастного оборота или разорванного инфинитива. Вы и сами, наверное, заметили, какими сухими кажутся его фразы. — Увидев мой кивок, он снова поддал жару: — Меня это настолько заинтриговало, что я немного расширил эксперимент. Разумеется, чаты уфологов есть во многих странах. Я более или менее бегло говорю по-французски, по-немецки и по-японски и в этих языках тоже обнаружил сходную ситуацию.

— Сходную ситуацию. — Я опустил до попугайского повторения.

— В чатах каждого языка этот самый «глас здравого смысла» скрывается под большим числом разных ников. И везде язык ему не родной.

Напрашивался очевидный вопрос:

— Одно и то же лицо в разных языках?

Найджел задумчиво склонил голову набок.

— В английском, французском и немецком — точно. С японским мне не хватает знаний. Но если бы я заключал пари, то предположил бы, что и в нем та же ситуация.

Что движет человеком, который возвел здравый смысл в культ? Пока никто не начал ломать голову над этой загадкой относительно меня самого, следовало уладить другие дела. Чтобы мою стипендию возобновили, обязательно нужно было предъявить хоть какую-то работу над диссертацией.

Моя тема, одобренная факультетом, была связана с религиозными преобразованиями в раннесредневековых обществах. А точнее, я изменял анализ дискурса в контексте королевских речей, оценивая их

воздействие на подданных. В те времена, когда крестился король, того же ожидали и от подданных. Я выискивал сдвиги в мировоззрении, рассматривая, как они сказывались на повседневных мирских делах и обычаях.

Чтобы найти подходящие примеры, мне приходилось осваивать уйму научной литературы и произведений тех времен. А это, разумеется, требовало опосредованного подхода, поскольку наличествовали лишь письменные тексты элиты. Кто, кроме элиты, умел писать в Средние века? Тут я мог бы углубиться в дебри, но общее важнее частностей.

Странно, но в нашем университете имелись обширные источники по крещению Хлодвиг и последующему массовому обращению в христианство его народа. Я копался в переводе на английский (Григорий, бывший в VI веке епископом Турским, разумеется, писал полатыни) «Истории франков», когда мне в голову пришел вопрос, никакого отношения к диссертации не имеющий. А есть ли религиозные чаты? Я ведь даже не потрудился посмотреть.

Вторая группа интернет-сообществ совершенно меня поразила. Те феномены, которые в первом случае выдавались за доказательства прибытия на Землю инопланетян или путешественников во времени, в этом новом контексте представляли чудесами, явлениями ангелов или Девы Марии. И снова я столкнулся с истинно верующими, разоблачителями и скептиками. Скептики тут были не менее упорны, чем критики уфологов. Часть их утверждала, что эти неожиданные феномены суть следствия личного религиозного опыта, а потому не подлежат анализу. Другим эти видения и откровения казались подозрительными в силу того, что неизменно были связаны с постами и бессонными бдениями в уединенных местах.

В приступе озарения я понял, что уже встречал подобный сценарий у энлэошников: кто-то стремится дискредитировать загадочные события какой-либо природы. Я поежился, когда традиционный анализ содержания подтвердил то, о чем уже вопила интуиция: темы скептиков (объективность, изоляция и уникальность человечества) в точности вторили диалогам уфологов.

И я несколько не удивился, когда вскоре Найджел Уэлмен закончил второй лексический анализ. И в уфологических, и в религиозных чатах притаился один и тот же скептик.

— Откроешь? — заорал я из кабинета, обращаясь к Келли. Моя подруга была в гостиной, а это ближе к входной двери. Я пригласил девушку на пиццу.

— Ты кого-то ждешь?

— Только доставку, — солгал я.

Я отправил заказ через интернет, и раньше чем через полчаса пиццу не привезут. Мой взгляд не отрывался от четырех окон на экране компьютера: два от беспроводных камер, которые я спрятал в гостиной, и еще два от таких же в коридоре. Кто бы мог подумать, что я так ударюсь в экспериментальные методы? На одном сейчас возник профиль Найджела Уэлмена, который ждал перед дверью, щеки и губы его двигались: надо думать, он насвистывал. Во втором маячила дверь квартиры у него за плечом. В остальных двух окнах появились бок и спина Келли.

Она распахнула дверь в тот момент, когда Найджел поднял руку, чтобы постучать еще раз. Я не отрывал глаз от экрана. Я убил уйму времени, правильно размещая камеры, зато теперь ясно видел лица обоих моих гостей. Они незнакомы друг с другом.

Трудно сказать, облегчение мне это принесло или разочарование.

— Найджел, Келли. — Я повел обоих к обеденному столу. — Обещанную пиццу, честное слово, доставят, только чуть позже. А пока хочу ввести вас в курс дела.

Они не сводили с меня изумленных глаз, пока я излагал им историю моей недавней одержимости чатами. Пицца прибыла как раз к концу речи.

— И что же тебе не дает покоя? То, что один и тот же человек во всех чатах анализирует тему и приводит аргументы? — спросила Келли, отламывая облуженный кусок пиццы, за которым потянулись длинные нити расплавленного сыра. — Ты хочешь, чтобы я написала программку, которая бы отыскивала его новые посты?

— Вот именно. Напишешь?

— Хорошая попытка. — Она ловко поддела щупальца сыра пальцем. — Однако кое-кто из нас не так легковверен.

— Ты о чем?

— Я помогла твоим друзьям. А ты в ответ хочешь сыграть с ними такую же шутку. Не выйдет.

Найджел поморщился от холодного пива. Я забыл заранее вынуть для него бутылку из холодильника.

— Когда я просматривал чаты, рядом никого не было. Брайан к моему эксперименту никакого отношения не имел, он не знал, ни какие чаты я выбрал, ни на каком языке они были.

Прежде чем ответить, Келли умяла первый кусок.

— Меня подписали разыграть Брайана. Не удивлюсь, что у него есть сообщник.

А вот мне и в голову не пришло, что Келли может усомниться в мотивах моих поступков. Я-то разорился на покупку жутко дорогих ка-

мер, лишь бы убедиться, что она больше не участвует в розыгрыше. И тут меня выручила моя же паранойя.

— Идите посмотрите, чем еще я занимался.

Любительские шпионские игры, неприятно и непреложно подтверждавшие наличие у меня психического расстройства, преуспели там, где провалились искренние заверения в невиновности. Камеры убедили Келли, что мы с Найджелом не сообщники в компьютерном розыгрыше, и она согласилась вместе с ним разработать программу. Многие алгоритмы лексического анализа уже давно есть в компьютерном виде, от Келли требовалось только встроить в стандартные версии, которыми пользовался Найджел, функцию поиска в реальном времени. Мне нужно было знать (и моих новых друзей мучило не меньшее любопытство), сколько же областей и чатов охватил наш невидимый скептик.

Через три дня мы устроили очередное заседание, на сей раз на диване в гостиной Келли, и я увлеченно смотрел, как Найджел перебирает распечатки, разбросанные по журнальному столику, приобретенному, видимо, в магазинчике «Армии спасения». Эти диалоги вычленил их с Келли «научный проект». Какие-то фразы Найджел обводил, какие-то выражения подчеркивал и не переставая что-то бормотал себе под нос. Общий итог: новые чаты, новые ники, даже новые языки... и все новые появления того же скептика.

— Но даже не это самое интересное. — Слова едва не потерялись за попкорном во рту у Келли. Раскладывая по столу свеженький слой распечаток, она утрированно задвигала челюстями, мол, старается жевать быстрее. — Я немного изменила программу, чтобы она провела поиски в архивах чатов тоже. Посмотрите на даты.

Даты тянулись с 1995 года — вскоре после зарождения коммерческого интернета. У кого нашлось столько времени и упорства?

Оглядевшись по сторонам, я невольно вспомнил Остров Потерянных Игрушек из неувядающей рождественской телепрограммы. В квартире Келли скопилось всевозможное компьютерное старье, вплоть — если верить наклейкам — до неповоротливых 386-х. Несколько систем поновее Келли приспособила для сегодняшнего спектакля — у меня язык не поворачивался назвать наши игры «экспериментом». Каким бы ни получился результат, я сомневался, что он будет научным.

И почему это так не дает мне покоя?

— Готовы, ребята?

Келли пребывала в своей стихии. Сейчас она сжимала один из множества сотовых. Одноразовые аппараты я купил за наличные

и теперь немного напоминал себе босса мафии. Одноразовые телефоны казались уместной мерой предосторожности, пока мы не поймем, с каким маньяком имеем дело.

«С кем-то вроде тебя», — пробормотал мне внутренний голос.

А Келли все тараторила о своих достижениях. От мудреных словечек у меня закружилась голова, я все равно едва понимал, что она задумала. Были установлены шесть сессий в чатах, в которые она вошла под тем же числом ников с разных интернет-провайдеров и разных серверов через модемы в сотовых, которые невозможно отследить. Округ у нас малонаселенный, равнинный, а это значит, что точек трансляции сотовой связи немного и расположены они далеко друг от друга. Любой, взломавший систему мобильной связи, получит лишь смутное представление о том, где мы находимся («в царстве идиотизма», — подсказал все тот же внутренний голос). Последняя версия программного обеспечения для лексического анализа, которое соорудили Келли и Найджел, будет отслеживать диалоги в каждом чате.

Келли вывалила на меня уйму технических подробностей о подпрограммах, которым полагается нас спрятать: роутеры сетевых адресов, зашифрованные линки, брандмауэры, динамичный протокол управления хостом, программы-спуферы. Теми же глубокими познаниями она могла бы наделить меня, не тратя столько времени, а просто произнеся «Ч-*-М». Первое — «черная», последнее — «магия», среднее слово вставляется по желанию.

Потребовался легкий тычок в плечо, чтобы вывести меня из самогипноза.

— Что, Найджел?

— Техноколдуныя говорит, мы готовы.

Я снова осмотрелся по сторонам. Мигающие на мониторах иконки подтвердили, что Скептик (мы решили превратить это обозначение в имя собственное) вошел во все чаты — под все новыми псевдонимами. На деле Скептик активно участвовал в гораздо большем числе диалогов, но мы ограничились теми электронными сообществами, где существовали не только групповые чаты, но и возможность отправлять личные сообщения.

С клавиатуры каждого компьютера мы заранее набрали одну и ту же фразу, которая теперь только и ждала клика мышью, чтобы отправиться по назначению.

— Поехали!

Мы расселись так, чтобы каждый без труда дотягивался до двух компьютеров.

— На счет три. Один... два... три...

Каждый кликнул двумя мышами.

«Мы знаем, что ты делаешь», — подкалывали наши шесть одновременных сообщений.

Почти тут же зазвякали звоночки входящих. На моих экранах возникло «Назад я не вернусь» и «Почему вы так рано вернулись?». На одном из экранов Келли повторилось «Назад я не вернусь» с добавкой «Ни за что не вернусь!», а на другом появилась еще более загадочная надпись «Что с твивитерами?!». Найджела спрашивали «Почему вы так рано вернулись?» и требовали «Оставьте меня в покое».

— Слишком коротко, много информации не извлечешь, — констатировал Найджел. — И как понимать абракадабру с твивитерами?

Мы попытались привлечь внимание Скептика. По всей видимости, нам это удалось, поэтому нет причин менять тактику.

— Попробуй «Почему ты не вернешься?», — предложил я, а когда клики на клавиатуре смолкли, добавил: — Отсылай.

И снова множественные ответы, самые интересные из которых относились к быстрому слову племенных барьеров, осмосу культурных конструкторов посредством столкновения дискурсов и изменения поведения как реакции на примитивное, но стремительно совершенствующееся мастерство художников и ремесленников. Вскочив, Найджел перегнулся через мое плечо и стал тыкать пальцем в одну из моих клавиатур.

— Дай мне подумать, — заворчал я. — Не путайся под ногами.

У моей клавиатуры был длинный, растягивающийся шнур. Выхватив ее у меня из-под рук, он начал печатать. На одном из моих экранов открылось еще окно, закрыв большую часть загадочного текста.

— Хорошо, — сказал англичанин. — Наконец-то появился образец, достаточный для анализа. Определенно от нашего друга.

Слом межплеменных барьеров? Может, наш таинственный Скептик антрополог? А если да, то почему он столько времени тратит на НЛО? Слом межплеменных барьеров? Разум подсказывал несколько возможных интерпретаций: глобализация, демократизация и распространение капитализма. Затем последовали другие неожиданные варианты: вездесущие американские музыка и кинофильмы; общество в период технореволюции.

Не антрополог. Социолог.

Было еще одно папино правило, вызывавшее мой протест с детства. Правило Третье постулировало, что чаще всего вещи или события являются именно таковыми, каковыми кажутся. Долгое время я считал его смешной, вывернутой наизнанку старой пословицей, мол, вещи не всегда то, чем кажутся. Первый же курс философии в колледже

открыл мне глаза: гораздо проще преподавать ребенку Правило Третье, чем принцип бритвы Оккама. Уильям Оккам, английский философ четырнадцатого века, вошел в историю, провозгласив, что не следует умножать сущности сверх необходимости. Знаменитое заявление, но не слишком внятное. Обычно «бритву Оккама» понимают так: в отсутствие свидетельств обратного примем самое простое объяснение. Когда я понял Правило Третье, то не мог не одобрить его.

И сейчас, не дав себе шанса передумать, стремительно напечатал и отправил:

— Как долго ваша раса изучает планету Земля?

— Ты был прав лишь отчасти, — писало существо, которое быстро согласилось называть себя Скептиком. Такой ответ на мои многократные провокации и разоблачения пришел лишь некоторое время спустя.

— Я был совершенно прав, — возразил я. — Это не опровергает второго факта, о существовании которого я тогда не подозревал.

— Думаю, ты больше похож на своего отца, чем тебе кажется.

Я раздраженно уставился на монитор, а потом вдруг рассмеялся.

— Верно, — набрал я.

Какой смысл отпираться? Скептик по природе своей великий наблюдатель.

А точнее, он — внеземной искусственный интеллект, в 1995 году внедренный в стремительно развивавшуюся тогда сеть Интернет. Инопланетный разум, втайне оставленный изучать человечество и докладывать о своих выводах, на случай если пролетающие мимо хозяева вернутся.

Учитывая межзвездные расстояния, в ближайшие несколько десятилетий повторный визит не ожидался... Теперь я понял, почему ИИ впал в такую панику. Ведь их возвращение всего через каких-то десять лет могло означать лишь катастрофу или еще какое-то несчастье во время перелета. А тививитеры были просто братьями-ИсКИнами, за судьбу которых беспокоился Скептик. В интернете нет механизма для передачи невербальных языков, и за неимением точного перевода наш искусственный интеллект прибег к транслитерации.

«Мы знаем, что ты делаешь», — бросил я ему вызов. На тот момент мы этого не знали, но он ошибочно расценил наши слова как «Мы знаем, что ты здесь осел. Вот почему мы вернулись. Вот почему связались с тобой через примитивную человеческую информационную сеть, в которой ты напрасно пытался спрятаться».

В том, что инопланетянин, сболтнувший «назад я не вернусь», действительно ассимилировался, сомнений не возникало. Нашему

внеземному гостю человечество показалось бесконечно любопытным — эдакий котел культур, в котором лишь зарождается планетарное единство. Его создатели прошли фазу гомогенизации еще несколько столетий назад. На нашей планете ему было слишком интересно, чтобы просто так ее покинуть.

А сверхъестественно многосторонний скептицизм в разных областях, в результате которого и был раскрыт подпольный социолог? По иронии судьбы, настойчивые и упорные попытки ИскИна дискредитировать все паранормальное как раз и должны были отвлечь человечество от поисков инопланетян, реальных или виртуальных.

Но я еще не ответил на вопросы Скептика. Папе на это хватило бы восьми слов или даже меньше. Для меня, как для мамы, осмысленный ответ — это скорее путь, чем место назначения.

— Что теперь? — вопрос Келли отличался краткостью, которой гордился бы отец.

— Мы в офф-лайне? — В голове у меня ухало, на сей раз без алкоголя.

Она указала на выложенную в ряд нашу коллекцию сотовых. Крошечные экранчики на них погасли. Мониторы стояли темные, и лампочки, показывающие, что компьютеры включены, тоже не горели.

— Вот уж точно, что теперь? — согласился Найджел. — Что подумают о нашей «домашней работе» власти? — Он нервно хохотнул. — То есть если мы знаем, к каким властям обращаться. Я, например, понятия не имею.

Возможно, у меня разыгралось воображение, но почему-то я сомневался.

— Почему вы оба на меня смотрите? Ждете решения?

— Ага.

— Да.

Здрасьте, почему я?!

— Послушайте, вы сами-то верите, что мы разговаривали с инопланетным искусственным интеллектом-социологом, свободно бродящим по интернету? — Два задумчивых кивка. — Полагаю, вы считаете это вопросом социологии?

Опять два кивка, на сей раз решительных.

Заявление, да еще доказуемое, что внеземной разум действительно существует, может произвести (и произведет) эффект разорвавшейся бомбы. Да, у нас есть подтверждение, но не стопроцентно бесспорное: любое «доказательство» будет зависеть от того, когда и как ИИ, которого мы окрестили Скептиком, пойдет на следующий контакт.

Не попадут ли наши заверения в копилку знаний об инопланетянах, которые так хочется разнести в пух и прах?

Тут я невольно зажмурился, вспомнив о прочих подобных инцидентах в истории. Революционному открытию Коперника, что Земля не есть центр мироздания, потребовались столетия, чтобы получить общее — и до сих пор не полное — признание. Дарвиновская теория эволюции остается спорной. Средневековые крещения, до недавнего времени предмет моего близоручного интереса... Да, кому, как не мне, знать, какими разрушительными могут стать сдвиги в мировоззрении. «Мы не одни» — на мой взгляд, это самый крупный сдвиг мировоззрения, какой только можно себе представить.

— Брайан... — голос у Келли был мягкий, но настойчивый. — Мы не можем жить-поживать, скрывая подобные факты. Оценка последствий — это, скорее, по твоей части.

И на каком основании, скажите на милость, мне принимать такое решение?

— Утро вечера мудренее, — солгал я.

— Как только вернулся от Келли, то сразу вышел в Сеть, — напечатал я.

Если решать мне одному, то нет и причин не продолжить разговор с глазу на глаз. В силу необходимости я не стал подсоединяться к технопримочкам Келли. Любая предсказуемая опасность при возобновлении контакта грозила не мне.

— Хотя ты, конечно, это знаешь.

— Ты обо мне расскажешь? — спросил Скептик, как только я подключился из собственной квартиры и назвался автором недавнего разоблачения.

Ответил я быстро, хотя и с нехарактерной краткостью:

— Не знаю.

И после, казалось бы, бесконечных раздумий (хотя прошло лишь несколько секунд) изменил ответ на еще более краткое:

— Да.

И теперь вот уже два часа мучился над неизбежным следующим вопросом: «Почему»?

Все началось с того, что я упустил из виду Правило Второе: «Перед тем как делать, подумай». Я разоблачил Скептика, запоздало применив Правило Третье.

Так почему я заикнулся на чертовых папиных правилах?

В конечном счете мой многословный ответ угодил в самую точку.

— Меня учили наблюдать за обществами, а не разрушать их, — напечатал я.

Таков бесстрастный профессиональный подход. Устоявшийся и истинный.

Но так ли важна эта узколобая истина? Я не мог поверить, не верил, что все столь просто.

Коперник был прав, какой бы удар ни нанесло его открытие чьему-либо самомнению. Земля не есть центр мироздания, и нет ничего дурного в том, что мы сейчас это признаем. И Дарвин тоже был прав: человечество — ниточка в полотне жизни, а не стоит над ней и от нее не отделена. Сомневаюсь, что, даже будь это в моей власти, я стер бы из истории эти открытия. Так какое у меня право замалчивать (даже если на минуту предположить, что я такое сумею) открытие столь же фундаментальное, как Коперника и Дарвина? Факты — упрямая вещь, Брайан: мы не одни.

Я был убежден... Вот только хотелось бы знать почему.

Мой глаз уловил неожиданное движение. На экране компьютера прыгал по кровати странно знакомый мальчик. И, словно активированная моим вниманием, внизу пробежала короткая текстовая строка:

— Я понимаю.

Я уперся взглядом в камеру, которую так и не вернул в магазин и которая сейчас лежала на мониторе. Стоило мне понять, что Скептик за мной наблюдает, я уразумел, кто этот ребенок. Это экстраполяция вспять того, как я выгляжу сейчас в реальном времени, это тот я, каким мог бы быть в пять лет. Знай Скептик, что мне полагается стрижка под ноль, сходство было бы полным.

— Я понимаю, — прочел я вслух.

Интересно, что он понимает, подумал я, глядя как виртуальная кровать сотрясается в такт «моим» прыжкам. У «меня» за спиной с захламленных полок повалились книжки и игрушки. Что бытность социологом еще не лицензия на цензорство? Уверен, это правда, но вся ли?

Раздражающие увещания из моего детства эхом отдались у меня в голове за секунду до того, как Правило Первое возникло текстом на экране. «Если это перевернет весь дом, не делай».

Мой инопланетный друг действительно меня понимал. Если уж на то пошло, он знал меня лучше, чем мой собственный отец или даже я сам.

Я никогда не умел жить по правилам.

Перевела с английского
Анна КОМАРИНЕЦ

ЭТО ВОЛШЕБНЫЙ ПОРОШОК, МАЛЬЧИКИ...

О нашумевшей экранизации романа Марии Семеновой «Волкодав» (режиссер Николай Лебедев) в рубрике «Писатель о кино» рассуждает брянский фантаст и журналист Юрий Бурносов. Юрий хорошо знаком поклонникам жанра не только сольными романами, но и участием в известном творческом дуэте, выступающем под псевдонимом Виктор Бурцев (совместно с Виктором Косенковым).

Признаться, я очень ждал «Волкодава». Ждал, потому что люблю эту книгу Марии Семеновой, словно созданную для кинематографа — тщательно прописанные персонажи, которых в то же время легко перенести на экран, вполне «киношный» сюжет, минимум требуемых спецэффектов (у нас не Голливуд)... Но годы шли, и становилось ясно, что из долгогостя вряд ли что-то хорошее получится. Надежда умерла последней — с просмотром фильма. Вернее, даже чуть раньше — когда по телевизору сказали, что этот фильм «затмит «Властелина Колец». После таких широковещательных заявлений все стало ясно...

Вопрос «куда же они дели такие деньги?!» (сумма фигурирует от 10 до 20 миллионов долларов) обсуждался практически всеми рецензентами «Волкодава», от критиков-профи до возмущенных посетителей сетевых форумов. Ответа до сих пор не нашел никто. Дело в том, что

«Волкодаву» практически не требовалось декораций. Зачем строили Галирад, когда у нас полно сел и деревень, которые нужно было лишь малость «подрихтовать» под славянскую фэнтези? Зачем искали в лесах Хорватии грязные дороги, когда их полно в средней полосе России? Александр Артурович Роу снимал подобные картины бог весть сколько лет назад, и, признаюсь, они в своей наивности нравятся мне больше, чем «Волкодав». Кстати, создается впечатление, что часть грима и костюмов, использованных в картине, хранилась в московских кладовых как раз со времен Роу... Среди актеров не замечена даже третья голливудская лига, вроде прикормившихся на Руси Макдауэлла или Ассанте, посему и тут расходы небольшие. Спецэффекты... ну нет здесь спецэффектов. Каменная сова разве да кое-какие мелочи. Нарисованные пейзажи, к примеру, сделаны

на уровне восьмидесятых. Нет, непонятно, куда делись деньги...

Но это все, возможно, вкусовщина, и я просто придираюсь. Интересно другое: зачем сценаристы так переработали в общем-то вполне логичный сюжет, превратив его в вереницу бессвязных событий? Это сделано для тех, кто не читал книгу? Но они все равно ничего не поняли, а те, кто книгу читал (каковых весьма много), выходили из зала в предынфарктном состоянии.

Роман переделали от мелочей (например, проникновение Волкодава в замок Людоеда не по воде, а посуху, и последующие мушкетерские штучки) до сюжетно значимых моментов. Зачем, например, ввели «волшебный порошок»? Желая дешево посмешить зрителей и подарить им «жизненные» цитатки? Зачем в самом начале появляется кнесинка — сперва в замке, а потом в обозе купца Фителы? Почему она так помогает Волкодаву? Чтобы оправдать нелепый рекламный слоган про любовь? Зачем Волкодав, когда приходит к кузнецу, тупо спрашивает: «А чей это у меня меч?», после чего кузнец подозревает в нем разбойника Жадобу, хотя в книге была вполне разумная просьба сделать ножны. Почему в финале кнесинка не остается с Винитаром, а на редкость пошлым образом достается Волкодаву, которому — по книге — и не нужна, у него есть Оленюшка?! И главное, все это ничем не оправдано — исчезнувшая логика пре-

вращает героев в нелепых болванчиков.

Оставляет желать лучшего и подбор актеров. С таким бюджетом могли бы и расстараться, вместо того чтобы демонстрировать зрителям ужасного Домогарова и Наталью Варлей в виде старушки-хиппи. Сам Волкодав-Бухаров в чем-то неплох, но уж чересчур похож на Кона-на-варвара, хотя по книге Волкодав был куда более тонкой натурой. Да и с мимикой у него нелады, или это грим так плохо наложили? Везде писали, что Бухаров-де «работает на площадке без каскадеров» — да там и не нужны каскадеры, ничего особенного Волкодав на экране не вытворяет, любой ролевик так сумел бы. В фильме он получился практически неубиваемый, потому и на героя не тянет — если что, под рукой всегда есть кудесник Тилорн, который так плохо оживит. Кстати, довольно молодой по тексту Тилорн почему-то предстал мудрым старцем... А Эврих, по совместительству приятель Кати Пушкаревой, так вообще, кажется, сменил ориентацию. Порадовала Усатова, но ей подобные роли даже играть не надо — так, вымазать чуток, вот вам и королева варваров. Акиньшина при своих данных могла бы сыграть кнесинку хорошо, но ей не позволили сценаристы, создав из живой и своенравной девицы некое нудное и сексуально озабоченное существо.

Лучший актер фильма, несомненно, камбоджийская летучая лисица. Тут все честно.

Нет, господа, я не знаю, за что наказали поклонников фантастики в целом и Семеновой в частности. Любопытно мнение самой Марии Семеновой: «У меня, конечно, есть отдельные придирки, но в целом то, что я увидела на экране, очень хорошо». Я не представляю, что нужно пообещать автору, чтобы получить от него такой отзыв на ничтожную поделку, сотворенную из его детища. Может быть, Семенова просто добрый человек. Может быть, у нее такие отзывы как-то оговорены в контракте. Все может быть, но только не искреннее мнение.

Интересно, что Николай Лебедев — неплохой режиссер, снявший отличный (наверное, потому что малобюджетный) «Змеиный источник» и весьма удачную в сравнении с прочими «штрафбатами» «Звезду». Но на сей раз он слишком трепетно отнесся... не к первоисточнику, нет, а к коммерчески успешным западным проектам, откуда натаскал штампов и привил их на славянско-семеновскую почву. Зрители наперебой угадывают, откуда утащена та или иная сцена — из «ВК», из «Звездных войн», из «Ночного Дозора» или из «Матрицы». Поскольку фильм уже продан за границу, скоро начнут угадывать и там. Посмеются, полагаю, над жалкими потугами русских показать, что «мы внимательно смотрели ваши блокбастеры».

Операторская работа тоже довольно странная: так трясти каме-

рой, это ж руки устанут. Понятно, что подобным образом работал, к примеру, Тони Скотт в «Домино», но это же не повод стулья ломать.

Музыка Рыбникова — совсем не та музыка Рыбникова, которой мы ожидали.

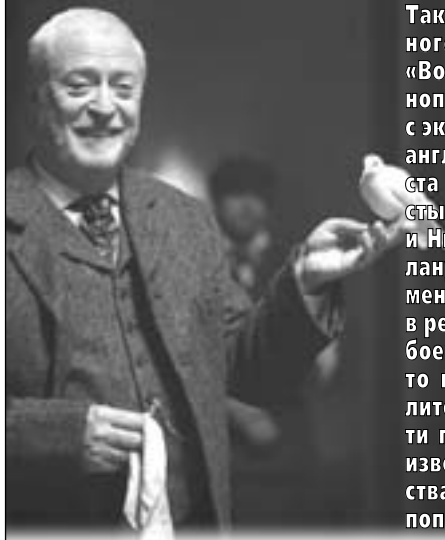
Резюме: от выхода фильма выиграл разве что Гоблин, который небось радостно потирает руки, хотя достойных перлов там и без него хватает. Ну и создатели, конечно, радуются кассовым сборам, хотя масса народу идет в кинотеатры лишь затем, чтобы на себе проверить, в самом ли деле все так плохо.

Нет, милые мои, на самом деле все гораздо хуже. И здесь не поможет даже волшебный порошок.

P.S. Тем временем снят уже и приквел, который запустят по телевидению в виде двенадцатисерийного фильма «Молодой Волкодав». Какие-то сцены снимались аж в Египте, так что сериал, надо думать, тоже отнюдь не малобюджетный. Как и положено у нас теперь. Стоит также помнить, что есть и ряд книжных продолжений «Волкодава», в том числе написанных Павлом Молитвиным, так что Волкодав пришел к нам, кажется, всерьез и надолго в уже экранном виде «этакого русского Конана». Нужен ли он нам в данной ипостаси — это уже другой вопрос, но на интересе типа «а можно ли хуже» прокатчики свои деньги получат...

Юрий БУРНОСОВ

ЭШАФОТ ДЛЯ ЧАРОДЕЯ

Так совпало, что экранизация фэнтезийного бестселлера Марии Семеновой «Волкодав» появилась в российском кинопрокате практически одновременно с экранизацией фантастического романа английского писателя Кристофера Приста «Престиж». Чтобы перевести эти тексты на язык кино, обоим режиссерам — и Николаю Лебедеву, и Кристоферу Нолану — пришлось пойти на серьезные изменения сюжета. Но если «Волкодав» в результате стал похож на стандартный боевик в псевдоисторическом антураже, то киноверсия «Престижа» не уступает литературному оригиналу в виртуозности подачи сюжета и полностью воспроизводит дух прозы Приста. Какими средствами Нолан этого добился? Давайте попробуем разобраться.

Кристофер Нолан заставил говорить о себе после того, как поставил детективную картину «Помни» («Memento») по сценарию своего брата Джонатана. Необычной фигуре главного героя, который страдал амнезией краткосрочной памяти (не мог запомнить то, что произошло пять минут назад) и тем не менее ухитрялся отомстить за убийство жены, соответствовала необычная манера сюжетостроения: история рассказывалась от конца к началу, да еще и с экскурсами в прошлое. Вопреки ожиданиям, такая манера не только не мешала зрителям уяснить интригу, но, напротив, делала ее еще острее и интереснее... Можно представить, с каким удовольствием Джонатан и Кристофер Ноланы

работали над адаптацией «Престижа» — текста достаточно сложного, где «современная» линия перемежается с «историческими» кусками, причем куски эти оформлены в виде дневников враждовавших друг с другом фокусников, а речь в дневниках идет об одних и тех же событиях.

Напрямую перенести романские перипетии на экран было невозможно: то, о чем в книге можно сказать намеком, то, что вытекает из нюансов психологии, в кино не показалось бы убедительным. И братья Ноланы взялись за дело: в сюжете появилась смерть жены одного из фокусников, Руперта Энджера (его превосходно сыграл Хью Джекман), в которой оказался виноват другой, Альфред Борден

(Кристиан Бэйл); появился и судебный процесс над Борденом, которого несправедливо обвинили в гибели самого Энджера. Ассистент последнего Каттер — проходной персонаж в романе — разросся в кино до неоднозначной, психологически глубокой фигуры инженера-разработчика иллюзионной аппаратуры (в этой роли блеснул неуязвимый Майкл Кейн). А сами дневники магов превратились в средство обмана, в оружие, которое они использовали в своей страстной, выматывающей, всесокрушающей борьбе.

И вот эта-то их борьба и предстала на экране во всех нюансах и подробностях — а ведь она и была самым главным в книге. Достоверный исторический антураж (быт иллюзионистов конца XIX — начала XX века), элементы ретрофантастики (знаменитый физик Тесла якобы изобрел для Руперта Энджера прибор, позволявший мгновенно перемещаться в пространстве) — это, в конце концов, только приятные мелочи. А вот история о том, как в душах людей, снедаемых гордыней, разгорается темное пламя страсти и это пламя постепенно выжигает из них все человеческое — да, такая история вполне достойна и пера романиста, и камеры кинорежиссера. Чем ближе подбираются фокусники к вершинам профессии, тем отчетливее слышен вокруг них запах серы. И вот уже самый близкий человек

кончает жизнь самоубийством, а сам ты, взойдя на эшафот, не находишь слов ни для возмущения, ни для покаяния — только и можешь сказать в глупой браваде: «Абра-кадабра!..»

Надо признаться, что сочинить рецензию на фильм «Престиж» — задача нетривиальная. Рецензент обязан хранить сюжетные тайны, ибо тайны эти, как и во всяком хорошем фокусе, очень важны. Ну, могу ли я открыть, почему Борден, которого казнили, и казнили отнюдь не понарошку, все-таки пришел в финале к Энджеру, чтобы тот ответил за оговор? Могу ли разболтать, что прибор Теслы не только перемещал фокусника, но и создавал его ко... Нет, достаточно! Зачем же портить удовольствие тем, кто еще фильма не видел?! Ведь это то же самое, что во время представления иллюзиониста выйти на сцену и громогласно объявить: «Дамы и господа! Карты у мага в рукаве, заяц — в цилиндре, под вторым дном, а вот эту желтую птичку он сейчас убьет, складывая клетку, и из-за кулис ему принесет другую!» Боюсь, публика совсем не будет рада таким разоблачениям, и незваного правдоискателя без всякого почета выдворят вон. А ведь рецензент тоже хочет получить свою долю аплодисментов, и оттого — пора ему загадочно замолчать. Тем более что о самом главном он, вообще-то, уже сказал.

Александр РОЙФЕ

ГРАНДИОЗНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Нельзя не удивляться миру российского кинематографа. Блокбастеры, объявляемые «главным событием года», размываются временем, как песчаные исполины, и на следующий сезон бесследно исчезают из памяти. Зато под ними открывается россыпь мелких кинематографических самоцветов — не являясь «бриллиантами в короне» по причине мизерного бюджета, они тем не менее впечатляют своей причудливой игрой и дают пищу для разговоров.

Кажется, только вчера приходилось сетовать на то, что в России нет («и не предвидится!») умной и социально острой кинофантастики, а уже сегодня из нее, как в покере, можно выложить выигрышную комбинацию. Так, по чистой случайности, мне пришлось в режиме «нон-стоп» посмотреть три фильма, интрига которых связана со странным и не подлежащим широкой огласке экспериментом. Добавлю: во всех трех случаях особенностью этих фантастических опытов является то, что проводят их в обыденной и узнаваемой реальности — либо в недавнем советском прошлом, либо в российском настоящем.

«Четыре» Ильи Хржановского по сценарию Владимира Сорокина вышел на экран первым — зимой 2005 года на Роттердамском кинофестивале; здесь же он обрел скандальную известность и два

престижных приза — «Золотой тигр» и «Золотой кактус». «Пыль» Сергея Лобана вышла в том же году и вскоре удостоилась премии ФИПРЕССИ Московского кинофестиваля. Картина «977» Николая Хомерики увидела свет в 2006-м и тогда же стала призером фестивалей в Выборге и Владивостоке. Имея завидный перечень наград, все ленты оказались убыточными для проката или даже практически не имели его («Четыре») — что и понятно, если учесть их артхаусную принадлежность.

Во всех трех фильмах есть некий набор материальных атрибутов, овеященных через декорации, реквизит, костюмы, сумма которых перерастает уровень изобразительного стиля и поднимается до авторской философии. В «977» это выглядит особенно откровенно и даже нарочито. Возможно, в первую очередь потому, что действие

фильма Николая Хомерики происходит в брежневскую эпоху. Изолированный от внешнего мира НИИ, где осуществляется некий загадочный «проект 7-го отдела», кажется серым и архаичным даже для застойных 1970-х. Серым сверху до низу — от унылых коридоров с высоченными потолками до пыльных скоросшивателей на стеллажах, между которыми прячется недопитая чекушка водки. Подчеркнуто примитивна и недружелюбна по дизайну научная техника и лабораторная утварь: она непонятна по своему назначению и словно таит в себе скрытую угрозу. Скучны и архаичны сами герои — научные сотрудники в белых халатах и «подопытные» в больнично-санаторном «прикиде». Мужчины — пошлы, женщины — анемичны. Смысл такого нагнетания «серости» понятен. На подобном фоне особенно отчетливо и контрастно должен проявиться смысл эксперимента, который начинает проводить прибывший из глубинки нарушитель спокойствия Иван Тишков (Федор Лавров): заставить «серого человека» генерировать импульс внутреннего озарения экстремальной величины — 977.

Так же, как и в «977», в «Пыли» Сергея Лобана весь научно-экспериментальный антураж — это необходимая дань кафкианскому «угнетающему» миру. Впрочем, дань вовсе не лишняя и не чужеродная для поэтики фильма. Добавим, что если хомеровский НИИ — это за-

мкнутый, самодостаточный анклав, имеющий очевидное и даже нарочитое сходство с «зоной» Тарковского, то лаборатория «Пыли» — всего лишь ячейка, клетка в большом и хаотичном организме современной российской столицы, документально-конкретном и по пейзажу, и по типам людей, разве что немного шаржированном, в духе Киры Муратовой. Этот большой и хаотичный организм-универсум живет по жестокому и серьезным законам: в нем могут унижить, избить и даже убить, сделав «подопытным животным» в непонятном эксперименте. Большой мир враждебен и опасен для главного героя, живущего в мире маленьком и «игрушечном». Атрибутика этого мирка — футболка с кошкой (вот она, метка «подопытного животного!»), которую герою покупает бабушка; пистолетики для ребятишки, которые он клеит на фабрике игрушек; сборные модельки самолетиков и юмористическое шоу Петросяна по телевизору.

Изобразительный ряд и материальная атрибутика «Четырех» Хржановского тоже формирует две контрастные среды. Первая — мир ночного мегаполиса, ночной бар, где убивающие время в тягучем и, казалось бы, бессмысленном разговоре герои, молодая женщина и двое мужчин, смакуют экзотические напитки. Вторая — мир заброшенной и деградирующей русской деревни, где день и ночь напролет идет странная тризна-гулянка. Пьют

здесь только самогон, причем пьющие, за единственным исключением, женщины. Да, не забудем еще один важный атрибут: это огромные тряпичные куклы с лицами из хлебного мякиша, изготовление которых является едва ли не главным промыслом собравшихся за столом жителей деревни Малый Окот. Данному занятию придается такой сакральный смысл, словно речь идет не об игрушках, а о собственных детях... или клонах.

Общим для всех трех фильмов является один момент, немаловажный именно в разрезе кинофантастики. Если не для героев, то уж точно для кинематографистов научная природа и цель экспериментов практически не имеют значения. В иерархии сюжетных приоритетов эта цель стоит явно ниже процесса, а еще точнее — атмосферы этого процесса. Чем и на что воздействуют ученые из фильма «977», после того как испытуемый помещается в наглухо закрытую камеру? На мозг, на весь организм, на «душу»? Какова природа возникающих в ответ флюидов? «Что измеряет наш прибор? Мы сами до сих пор не знаем!» — не без раздражения признается директор НИИ Сергей Сергеевич (актер и телеведущий Павел Любимцев). Судя по авторской логике, не так уж важно об этом знать и нам, зрителям. Коллизия носит не конкретно-утилитарный (как это было бы в жанровом кино), а отвлеченно-философский характер. Кто-то из крити-

ков предположил (или разгадал?), что испытуемый, чей ответный импульс достигает значения 977, переносится в другое измерение. Видимо, это и произошло с Маргаритой (Екатерина Голубева) — «то ли девушкой, то ли виденьем». Хорошо, но даже если и так, то Николай Хомерики придаст самому факту такой телепортации второстепенное, если не третьестепенное значение.

А что на первом плане? Показать, что физическая, материальная, физиологическая субстанция человека несоизмеримо мало выражает его истинный потенциал, сущность и предназначение. Для этого-то и воссоздали на экране в 2006-м этот затрапезный НИИ 1970-х с его «палатой», то бишь «отделом № 7», где сенсационный и мистически странный эксперимент проводится на фоне производственных дрызг, банальных любовных шашней и идиотических междусобойчиков.

Точно так же не все понятно с опытом, участником которого соглашается стать инфантильный 30-летний увалень Алеша (Алексей Подольский) из «Пыли». В секретной лаборатории, приютившейся в каком-то безликом подвале обычного московского дома, его тоже подвергают какому-то непонятному воздействию в герметичной камере, после чего он, взглянув в зеркало, какое-то короткое время видит себя не «целлюлитным салабоном», а мускулистым, гармонично сложенным атлетом. В жанровом кино (например,

в том же голливудском мейнстриме) из такой заготовки выточили бы очередной сюжет о чудесной трансформации аутсайдера в сверхчеловека. Но в том-то и дело, что подобной трансформации с Алешей в итоге не происходит, да и само стремление героя обрести новый облик носит какой-то странно болезненный и даже саморазрушительный характер. Герой словно понимает, что в этом пошлом и жестоким мире он так и останется оплеванным аутсайдером, и речь идет не о том, чтобы реально преобразиться, а лишь на миг ощутить иллюзию этого преображения, за что, однако, придется расплатиться физическим небытием. По-воландовски властный и пронзительный профессор Пушкарь (Петр Мамонов) предупреждает Алешу о подобной расправе, но рок (и законы философской притчи) не оставляет герою выбора. Трагическая развязка становится неизбежной: в нашем мире «маленький человек», претендующий на ницшеанский идеал сильной личности, может обрести его только в виде саморазрушительной иллюзии.

Что же касается бытовых и научно-технических мотивировок, то они, повторяю, лишь порождают ненужные и безответные вопросы. Ну, скажите, зачем ФСБ затевать какие-то таинственные эксперименты, если ту же иллюзию превосходства над «лохами» можно создать у Алеши, просто усадив его у экрана обычного телевизора, где

в образе смехотворного идиота фиглярствует Петросян (эти кадры не случайно дважды повторяются в картине).

Эксперимент, на котором крепится вся философская конструкция фильма «Четыре» Ильи Хржановского, большинство наших критиков вообще отказалось признать сюжетной реалией. Вроде бы есть все основания считать, что это лишь «турусы на колесах», байка подвыпившего посетителя ночного бара (Сергей Шнуров). Чтобы «прикадрить» понравившуюся ему героиню, отвязный настройщик роялей рассказывает о своих поездках в жутковатые инкубаторы для людей — закрытые лаборатории, где в советское время проводились опыты по массовому клонированию человеческих особей.

Байка? Нет, скорее всего, не байка — если учесть то многообразие многозначительных нюансов, подтекста и сюжетных перипетий, в которых она резонирует на протяжении всего фильма. Режиссер-дебютант Илья Хржановский едва ли был бы замечен и отмечен мировым кинематографическим бомондом, изобрази он своих клонов inferнальными чудовищами, как в голливудском трэше, или трагическими отщепенцами, как в фильмах Лопушанского.

Следуя за Сорокиным, Хржановский сумел так необычно развернуть философско-футуристическую тему социальной антиутопии, что его при всем желании не спутаешь

ни с Тарковским, ни с Лопушанским. Снятые «под документ» деревенские эпизоды мрачно-разгульной тризы, которую несколько актеров и настоящие деревенские старухи справляют по своей молодой односельчанке, отмечены социальной остротой и режиссерским драйвом уже сами по себе, без всякого подтекста. Но для умного зрителя они обретают дополнительный смысл и драйв, если зритель готов считать, что в кадре не просто деревня, а некий род резервации (намек на то — кадр со столбами с обрывками колючей проволоки), куда переселялись «не соответствующие ГОСту» клоны, в том числе и безвременно умершая Зоя — одна из четверки клонированных сестер. И что подвыпивший рассказчик Володя занимался настройкой не роялей, а «человеков». И что не случайно три сестры (Марина, Ирина и Светлана Вовченко), приехавшие на поминки четвертой — девушки с внешностью русских красавиц и судьбой городских проституток, — обнаруживают душевное родство с деградировавшими, порой слабоумными и безобразными деревенскими старухами... При всех натуралистически-эпатирующих формах проявления этого родства (прежде всего, варварское женское пьянство и обжорство, циничная простота в поступках и словах) его нельзя считать «компроматом» для красавиц-сестер, ибо, как ни странно, порожденные тоталитар-

ной системой люди-клоны наперекор всему сохраняют в себе печать индивидуальности и искры божьей.

Скажу откровенно, что и по художественному исполнению, и по масштабу проблемы фильм Хржановского приподнимается над уровнем двух других картин. Так, Николай Хомерики преуспевает прежде всего в том, чтобы создать атмосферу, но не поведать историю. В этом чувствуется боязнь потерять свою принадлежность к артхаусному братству. Однако и в самой этой атмосфере еще слишком много «оглядки на мэтров», ученической мягкости почерка, провисающих сюжетных сцепок, в силу чего прививка жанрового кино в новом проекте отнюдь не будет излишней. Примерно то же самое можно сказать и о «Пыли» Сергея Лобана — удивительно органичной, сделанной как бы на одном дыхании «бытовой фантастической притче», новые авторские модификации которой однозначно не приведут к повторению того же успеха.

Но, как бы то ни было, все три закрытых эксперимента, поставленные на «медные деньги» («Пыль» так вообще обошлась всего в 3000 долларов), оказались на редкость эффективными и, можно сказать, стали открытиями — если не в науке, то, по крайней мере, в нашей кинофантастике.

Дмитрий КАРАБАЕВ

НОЧЬ В МУЗЕЕ

(NIGHT AT THE MUSEUM)

Производство компаний 20th Century Fox и 1492 Pictures, 2006.

Режиссер Шон Леви.

В ролях: Бен Стиллер, Робин Уильямс, Микки Руни, Дик Ван Дайк, Оуэн Уилсон и др. 1 ч. 45 мин.

Неудачник Лэрри (Бен Стиллер) устраивается ночным сторожем в музей. Как и положено всякому неудачнику, работа ему достается — врагу не пожелаешь. Начальник злой, платят мало, да еще и каждую ночь история здесь оживает (в прямом смысле слова). Винай тому золотая табличка египетского фараона, на которую, ко всем прочим бедам, подозрительно посматривает один из бывших охранников...

До выхода фильма в прокат некоторые отечественные и зарубежные критики, посмотревшись рекламных роликов и начитавшись аннотаций, в один голос твердили, что «Ночь в музее» — это, дескать, очередная переделка «Джуманджи». Как ни странно, после запуска кинокартины ситуация не изменилась: ленту Шона Леви отчего-то по-прежнему обвиняют во вторичности... Нет, кое-что общее между фильмами и вправду есть. Во-первых, жанр: и «Ночь в музее», и «Джуманджи» — фантастические комедии. Во-вторых, в обеих лентах снялся Робин Уильямс. В остальном сходства между ними не наблюдается.

«Ночь в музее» — образцово-показательное семейное кино. Поэтому на просмотр можно смело идти с чада и домочадцы, не опасаясь за детскую психику и не сожалея о напрасно потраченных деньгах. В меру занятно, в меру смешно и никакой тебе пошлости. Скелет динозавра виляет хвостом и бежит за собственной костью, как собака; каменная башка с острова Пасхи надувает пузыри из жвачки; проказница-мартышка все время норовит стянуть ключи у охранника.

Нельзя не отметить игру Робина Уильямса. Несмотря на общий ни к чему не обязывающий настрой фильма, он удивительно достоверно исполнил роль ожившей восковой фигуры Теодора Рузвельта. Причем сыграл именно ожившую восковую фигуру американского президента, а не настоящего президента во плоти. Упрекнуть же создателей можно лишь в частом мелькании на экране чересчур патриотичных американских исторических персонажей, да в простоватом сюжете. Но последнее относится к законам жанра, и с этим ничего не поделаешь.

Степан КАЙМАНОВ

АРТУР И МИНИПУТЫ

(ARTHUR ET LES MINIMOYS/ARTHUR AND THE INVISIBLES)

Производство компании Eurora Corp. (Франция), 2006.

Режиссер Люк Бессон.

В ролях: Фредди Хаймур, Миа Фарроу, Пенни Балфур.

Роли озвучивали (англ. версия): Мадонна, Дэвид Боуи, Роберт Де Ниро, Харви Кейтель, Эмилио Эстевез и др. 1 ч. 42 мин.

Когда в прессе прошли сообщения, что Люк Бессон снимает мультфильм-сказку, мало кто мог в это поверить. Да, бывают у режиссеров заскоки; да, Бессон снимал в своей жизни не только жесткие драмы вроде «Никиты» или «Леона», но и романтические фильмы; к тому же эксперимент с фантастикой в виде «Пятого элемента» оказался весьма удачным, однако... В конце концов Бессону настолько надоело отвечать на многочисленные вопросы, кто такой Артур и кто такие минипуты, что он взял и по мотивам сценария выпустил книжку «Артур и минипуты», а затем и продолжение — «Артур и запретный город».

А мультфильм, точнее анимационно-игровой фильм, тем временем неспешно снимался. Недаром Бессона называют «французским Спилбергом»: его авторитет в мире кино так велик, что озвучивать маленьких забавных человечков-минипутов для английского саундтрека вызвались мега-звезды кинематографа и шоу-бизнеса. Да и с «живыми» ролями дело обстоит не хуже: в главной роли мальчика Артура — юная звезда сказочного кинематографа Фредди Хаймур («Чарли и Шоколадная фабрика», «Волшебная страна», «Пятеро детей и Это»), в роли его бабушки — ветеран актерского цеха Миа Фарроу.

Десятилетний Артур живет у бабушки, пока его родители где-то прожигают жизнь. Его дедушка, изобретатель и путешественник, загадочно пропал несколько лет назад, оставив внуку в наследство дневники с рисунками изобретений и рассказами о стране минипутов, которая находится прямо в саду. Но когда в дом приходят кредиторы, мальчик решается на опасный шаг — воспользовавшись дедушкиными инструкциями, он собирает некий прибор и в полночь с помощью непонятно откуда возникших воинов-массаев отправляется в мир минипутов спасать дедушку и искать сокровища. При этом Артур сам становится минипутом (а фильм — кукольно-компьютерной анимацией). Мальчику предстоит пережить множество смешных и страшных приключений и даже вытащить меч из камня — ну как же Артура без этого обойтись?

Тимофей ОЗЕРОВ

СЛЕДОПЫТ

(PATHFINDER)

Производство компании Phoenix Pictures, 2007.

Режиссер Маркус Ниспел.

В ролях: Карл Урбан, Мун Бладгуд, Рассел Минс и др. 1 ч. 31 мин.

Есть в литературной фантастике такой распространенный жанр — криптоистория. Это когда известные (и не очень) исторические события объясняются совсем иными, по сравнению с официальной трактовкой, причинами. Однако в кино сей жанр распространен мало, вот вам его образец.

Ни для кого уже не секрет, что отнюдь не Колумб был первым европейцем, посетившим американский континент. За несколько веков до него это сделали норвежские викинги. А вот почему агрессивные и воинственные викинги не захватили новые земли — не очень ясно. Свою версию решили предложить кинематографисты. Сюжетной основой фильма стала норвежская картина 1987 года «Ofelas», что, собственно, и означает «Следопыт». В той ленте, правда, никакой Америки и не пахло, а рассказывалось о подростке, который мстит другому племени за смерть своей семьи, используя способ Ивана Сусанина.

В американском «Следопыте» методы главного героя те же. Да и мстить есть за что — за смерть индейского племени, уничтоженного пришлыми викингами, «людьми Дракона». Только он не подросток. И умеет неплохо драться, что продлевает в течение почти всего фильма. И еще он не индеец, а викинг, мальчишкой брошенный своими и воспитанный индейцами.

Зрелище, несмотря на все старания постановщиков, получилось довольно невнятное. Хороши боевые — стробоскопно-рапидные — сцены, но их слишком много. А в остальном — нагромождение предсказуемых, плохо объяснимых, с точки зрения логики, зачастую чересчур брутальных эпизодов. Исполнитель главной роли мускулистый Карл Урбан (Эомер во «Властелине Колец» и Гримм в «Думе») даже не стремится проявить актерские способности — впрочем, в таком фильме они и не нужны. Но считаю преступлением против российского кинематографа назначение премьеры «Следопыта» (кстати, на три месяца раньше мировой) сразу после премьеры «Волкодава». У зрителя появилась возможность сравнить посредственный американский среднебюджетник (45 миллионов) с похожим по сюжету и времени действия российским «суперблокбастером».

Тимофей ОЗЕРОВ

В ГОСТЯХ У СТРАШНОЙ СКАЗКИ

Это один из самых странных режиссеров современности. Его фильмы любит весьма разнообразная публика — от поклонников трэша до критиков-эстетов. Он способен и сиквел комикса превратить в лидера проката, и создать ленту, которой двадцать минут стоя аплодирует Каннский фестиваль. При этом любимому жанру он пока ни разу не изменял, демонстрируя миру все разнообразие хоррора, а его последний фильм — «Лабиринт Фавна» — один из самых серьезных претендентов на грядущий «Оскар» в номинации «Лучший зарубежный фильм».

Гильермо дель Торо родился 9 октября 1964 года в мексиканском городе Гвадалахара, штат Халиско. С ранних лет его воспитывала бабушка, ультраконсервативная католичка. Возможно, из чувства протеста мальчик очень рано — уже в четыре года — стал ярким поклонником фантастического кинематографа, особенно хоррора. Впоследствии режиссер утверждал в интервью, что «некоторые фильмы ужасов, если они не за предельной жестокости, разумеется, оказывают на ребенка благотворное катарсическое воздействие, сродни тому, как страшная сказка стимулирует детское воображение... помогают сформировать духовный мир ребенка, делая

его более сознательным и вместе с тем более восприимчивым к тонким материям». Каков духовный мир самого дель Торо, видно из его картин.

В восемь лет, будучи учеником католической школы, Гильермо снял свой первый фильм, естественно, мечтая о карьере режиссера. Однако стать серьезным режиссером сразу не получилось — пришлось сменить несколько кинематографических профессий. Окончив школу, юноша отправился покорять США, где начал изучать науку создания спецэффектов на курсах у Дика Смита, известного работами над такими знаковыми картинами, как «Экзорцист», «Сканнеры» и «Голод». В 1986

году дель Торо возвращается в Мексику — там гораздо меньше проблем с трудоустройством в кинобизнесе. Почти сразу именитый режиссер Хайме Умберто Эрмозилло предлагает молодому человеку стать продюсером фильма «Дона Эрлинда и ее сын». Одновременно дель Торо создает свою собственную компанию Necropia, занимающуюся производством спецэффектов для кино и телевидения. Компания принимает участие в двух десятках постановок, включая такие известные проекты, как «Бандиты» и «Байки из склепа». Сам же дель Торо читает лекции о кино и с головой уходит в журналистику. Он даже издает книгу-размышление о творчестве одного из своих любимых режиссеров — Альфреда Хичкока. В результате к началу девяностых молодой человек уже имеет некоторый вес в кинематографическом мире.

Не хватало только одного — того, о чем мечтал в детстве. Своих фильмов. Ведь на этот момент на его счету только пара любительских короткометражек: тридцатиминутная драма «Дона Люпе» и восьмиминутный хоррор «Геометрия». Наконец, в 1992 году, благодаря связям на мексиканском телевидении ему удастся собрать деньги на первый полнометражный фильм — архаусный ужастик

«Кронос». В этой ленте дель Торо предлагает зрителям весьма необычный взгляд на проблему бессмертия. Сюжет таков: в шестнадцатом веке некий алхимик создает золотую штуковину — то ли паука, то ли жука, — укус которой дает человеку возможность не стареть. Однако подобные «инъекции» должны быть регулярными, и к тому же существование приходится поддерживать изрядными дозами человеческой крови. В двадцатом веке алхимик-вампир погибает под рухнувшей стеной, и артефакт под названием Кронос оказывается в руках у стареющего антиквара Хесуса. Однако вечная жизнь понадобилась еще и умирающему биржевому магнату, чей племянник готов сделать все, чтобы добыть механизм. В роли племянника снялся Рон Перлман — один из главных отрицательных типажей Голливуда и в будущем любимый актер Гильермо дель Торо.

«Кронос» принес режиссеру мировую известность — фильм был одобрен критиками многих стран и завоевал множество международных наград, среди которых премия критики на Каннском фестивале и несколько «Ариэлей» (мексиканских аналогов «Оскара»). Естественно, нашумевшего режиссера вскоре приглашают в Голливуд, благо рядом. Конечно, снимать хоррор. В 1997 году на эк-

раны выходит фильм «Mimic» (в российском варианте «Мутанты») — экранизация рассказа Дональда Воллхейма. Об этом фильме обычно вспоминают так: «А, это тот, где Мира Сорвино тараканов мочит?» По сути, такие зрители правы, фильм совершенно проходной. От болезни, разносимой тараканами, в Манхеттене начинают массово умирать дети. Энтомолог Сюзан Тайлер (Мира Сорвино) выводит особую породу таракана, которая должна уничтожать разносчиков болезни, а затем умирать. Однако новый таракан-спаситель мутирует, разрастается, даже принимает человекоподобные формы, и женщина-энтомолог с соратниками вынуждена бегать по туннелям метро и уничтожать монстров.

Славы эта картина режиссеру не принесла (хотя парочку сиквелов впоследствии приобрела — но уже без его участия). После съемок дель Торо разошелся в видении кинематографа с руководством пригласившей его компании «Мирамакс» и вернулся обратно в Мексику, где создал собственную продюсерскую компанию Tequila Gang, чтобы иметь возможность лично контролировать производство своих фильмов. И наконец снял свой лучший и любимый фильм.

Еще учась в колледже, дель Торо придумал сюжет, который сильно «зацепил» его и не отпускал. В 1994 году на кинофестивале в Майами, куда режиссер привез «Кронос», дель Торо познакомился с Педро Альмодоваром, которому так понравился только что просмотренный фильм, что он тут же предложил Гильермо спродюсировать его следующую картину, с условием, что бюджет будет небольшой и съемки пройдут в Испании. Тогда режиссер и поведал знаменитому испанцу свою школьную идею — тем более, что действие по сюжету происходило как раз в Испании. Однако потом у Гильермо «случился» Голливуд, и проект был отложен. Но после исхода из «фабрики грез» у дель Торо были развязаны руки, к тому же кроме братьев Альмодовар продюсировать картину взялся известный мексиканский режиссер, друг дель Торо, Альфонсо Куарон. Так родился «Хребет дьявола» — фильм, вновь вознесший Гильермо на кинематографический Олимп. От замысла до воплощения прошло шестнадцать лет — значительно больше, чем возраст большинства героев картины.

Действие происходит в 1939 году во время Гражданской войны в Испании. Двенадцатилетний Карлос, отец которого погиб, сражаясь за Республику, попадает в школу-интернат, расположенную

далеко в пустыне. О войне не напоминает почти ничто — кроме голода, изредка появляющихся в школе республиканцев (здесь спрятаны слитки золота на партийные нужды) да огромной неразорвавшейся бомбы, торчащей из земли посреди двора. А еще в школе есть призрак-мальчишка (дель Торо сам признался, что этот образ он позаимствовал из японского хоррора). Призраку что-то надо, а что — предстоит выяснить Карлосу.

Однако не мистическая тема главенствует в этой пронзительной и жестокой драме. События крутятся вокруг золота — и выясняется, что бывают люди и похуже фашистов, бросающих бомбы на приюты. Что стоит сделать одну небольшую подлость — и может хлынуть целый водопад зла. Что призраки — не так уж и плохи. Что даже дети могут убивать — если их к этому подвести. И что дети могут умирать на экране — это давно уже де-факто запрещено в США, но в Европе — еще возможно. Почти библейский исход оставшихся в живых мальчишек — в пустыню, в неизвестность, из сгоревшего интерната, где остался только новый призрак — доводит до точки кипения и без этого бурлящий котел зрительских эмоций. Фильм помимо всеобщего признания со стороны поклонников хорошего и умного кино принес режиссеру еще

один букет международных призов и номинаций.

Кроме того, в Голливуде решили, что нельзя терять такого режиссера, и примирение состоялось. В последнее время все явственнее проявляется тенденция — на экранизации модных комиксов приглашать зарубежных режиссеров, зарекомендовавших себя в альтернативном кино. С одной стороны — риск провала не очень большой, ибо брэнд уже раскручен. С другой — зритель подустал от однообразного переноса на экран графических супергероев, и для успеха требуется некая изюминка, которую предположительно способен внести «пришелец» с иным взглядом на кино.

Первый фильм о вампире-полукровке Блейде, герое марвеловского комикса, был снят Стивеном Норрингтоном и получился не очень успешным. Фильм и «вылез» не за счет постановочных талантов режиссера, а благодаря фигуре главного героя (в исполнении мастера единоборств Уэсли Снайпса), крошащего в капусту полчища вампиров. Римейк предложили сделать Гильермо дель Торо. Перед ним стояла непростая задача — совместить свою эстетику с той, которая была заложена в первом фильме. И ему это блестяще удалось. Фильм в результате имел

весьма значительный кассовый успех, а дель Торо окончательно покорила Голливуд. Сиквел получился гораздо более стильным, хотя и куда более натуралистичным, чем первая лента. Постоянный экшен под жесткий музыкальный ряд, стробоскопная смена света и тени, многополюсное противостояние сил добра и зла — завораживают зрителя и не дают времени обратить внимание на дыры в сюжетной логике.

Одного из главных злодеев из соединенной вампирско-блейдовской команды сыграл друг дель Торо — Рон Перлман. И когда продюсеры, вдохновленные успехом режиссера на поприще комиксов, предложили Гильермо попробовать еще раз, теперь уже с другим популярным графическим романом Марка Миньолы «Хеллбой» (он же «Чертеноч», он же «Парень из пекла») — вопросов, кто же будет исполнять роль супергероя, у дель Торо не возникло. Хотя кандидатуры «сверху» предлагались неоднократно.

Ради нового проекта дель Торо отказывается от участия в третьей части «Блейда» (ее совершенно бездарно снял сценарист первых двух частей Дэвид Гойер) и, самое главное, от предложения выступить постановщиком суперблокбастера «Гарри Поттер и узник Азкаба-

на», порекомендовав своего друга Альфонсо Куарона (тем самым вернув моральный долг за поддержку «Хребта дьявола»). Многие любители кинокомикса не без оснований считают, что «Хеллбой» дель Торо — одна из самых удачных экранизаций комиксов за всю историю жанра. Дело даже не в прекрасной игре сильно загримированного Рона Перлмана. И не в блестящих спецэффектах. И не в сюжете — он-то как раз чисто комиксному эклектичен, не слишком внятен и грешит против исторических фактов. Дело в том, как продан сам супергерой. Имея среди всевозможных человекопауков, бэтменов, суперменов и прочей братии самую нечеловеческую сущность и внешность (рогатый краснорожий дьявол, еще чертенком попавший в наш мир «с той стороны», а ныне подвизающийся в ФБР на ниве уничтожения всевозможных монстров), он в результате оказывается «самым человеческим человеком». Он переживает, он думает, он любит, он ревнует, он жалеет, он чувствует. В этом главная заслуга режиссера — умудриться показать живым дьяволоподобного громилу. Ну а прочего, своего любимого, дель Торо тоже напихал предостаточно: и жуткие inferнальные порождения, и долгие скитания по туннелям, и мрачная атмосфера «темного» хоррора, и постоянные экивоки, и реминис-

ценции к классике жанра. Фильм имел немалый успех, и сейчас дель Торо и Перлман работают над сиквелом «Хеллбой 2: Золотая армия».

Еще одной детской страстью Гильермо дель Торо были сказки. «Сказки — любимое мое чтение с самого детства, — признается он. — Я обожал произведения братьев Гримм, Ганса Христиана Андерсена и Оскара Уайльда. В некоторых из них мотивы жестокости и садомазохизма лишь слегка приглушены из соображений благопристойности». И вот он решил отдохнуть от комиксов и снять сказку. Жестокую. Про фашизм. «Лабиринт Фавна».

В «Лабиринте...», идейно продолжающем «Хребет дьявола», дель Торо возвращается к большой для себя теме — испанскому фашизму. Действие происходит в 1944 году. В лесах северной Испании еще действуют партизанские отряды республиканцев. Франкисты создают специальные военные «блокпосты» для войны с партизанами. Главная героиня фильма, маленькая Офелия (Ивана Бакуеро), приезжает с мамой к отчиму, возглавляющему одну из таких баз. Капитан Видаль — типичный фашист, как будто взятый из послевоенного кино, злобный, жестокий палач. Единственное суще-

ство, внушающее ему любовь — это еще не родившийся сын, коим беременна мама Офелии. А Офелия встречается в лесу... с фавном. И тот сообщает, что она на самом деле принцесса сказочного царства. Но чтобы отправиться в это царство, девочке нужно пройти несколько обрядов посвящения, точнее — выполнить некие задания. Далее два сюжета развиваются почти параллельно, стремясь сойтись лишь в развязке. Офелия выполняет задания фавна, а на военной базе идет военная жизнь — перестрелки, поиск партизан, расстрелы, пытки. Но и параллельные прямые пересекаются — на уровне предметов и символов: вот Офелия лезет под землю, чтобы убить огромную жабу и взять некий волшебный ключ, а вот служанка Мерседес, тайно работающая на сопротивление, похищает для партизан ключ от склада с продовольствием; вот Офелия добывает волшебный жертвенный нож, а в это время Мерседес прячет под платьем настоящий — и он спасет ей жизнь. Совпадений много, но сказочная часть все же «обслуживает» реалистическую: простые фашисты оказываются куда страшнее монстров, явно созданных режиссером под влиянием картин Сальвадора Дали. Хотя и не только. Дель Торо не скрывает, что Лабиринт фавна — это тот самый, борхесов-

ский Лабиринт. А еще на стилистике фильма лежит отпечаток творчества английского художника конца XIX века Артура Рэкхема. Впрочем, всех отсылок и аллюзий не перечесать. Сама идея — показать ужасы фашизма в окантовке мрачных средневековых сказок — отдает гениальностью. Тем не менее детям и впечатлительным особам смотреть эту жестокую и местами сверхнатуралистичную драму-сказку не рекомендуется.

Между прочим, между «Хребтом дьявола» и «Лабиринтом Фавна» существует и прямая связь, а не только идейная. Дело в том, что выросшие исполнители главных детских ролей из «Хребта дьявола» играют также и в «Лабиринте...» — в эпизодических, почти массовочных ролях безымянных партизан. Скорее всего, здесь дель Торо не просто предложил сняться старым знакомым. Видимо, так он нам на-

мекает на судьбу тех мальчишек из «Хребта...», что уходили из сгоревшего интерната в неизвестность.

«Лабиринт Фавна» также собрал сонм всевозможных призов, но главным для режиссера стало, пожалуй, то, что просвещенная публика Каннского фестиваля 22 минуты стоя аплодировала после окончания просмотра фильма. Вот это — действительно успех.

Похоже, Гильермо дель Торо перенимает принципы Стивена Спилберга — снимать фильмы «через один». Один — для кассы, один — для себя. Поэтому, после того как будет закончен сиквел «Хеллбоя», режиссер готов взяться за новый сложный проект — экранизацию «Хребтов безумия» Говарда Лавкрафта. Перенести лавкрафтовскую стилистику на экран — на это, возможно, способен сейчас лишь он один.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

ФИЛЬМОГРАФИЯ ФАНТАСТИКИ ГИЛЬЕРМО ДЕЛЬ ТОРО

1987 — «Геометрия» (*Geometria*);

1993 — «Кронос» (*Cronos*);

1997 — «Мутанты» (*Mimic*);

2001 — «Хребет дьявола» (*El Espinazo del Diablo/The Devil's Backbone*);

2002 — «Блейд 2» (*Blade II*);

2004 — «Хеллбой» (*Hellboy*);

2006 — «Лабиринт Фавна» (*El Laberinto del Fauno/Pan's Labyrinth*);

2008 — «Хеллбой 2: Золотая армия» (*Hellboy 2: The Golden Army*).

А Л Е К С А Н Д Р С И Л Е Ц К И Й

АНТРАША

Иллюстрация Владимира Овчинникова

Бросить все к чертовой матери, убраться куда-нибудь подальше — вот что донимало Колокольникова уже долгое-долгое время.

И однажды ему повезло: неожиданно-негаданно его направили в командировку.

Он наскоро сложил дорожную потрепанную сумку, улыбнулся прощально родимому дому и отправился...

Куда?

Этого он и сам не знал — просто ехал в командировку, и все.

Взял билет куда-то там — и полетел...

Командировка — не заветная веселая экскурсия, и близко к сердцу принимать цель путешествия, ее конкретный смысл — в наше безалаберное время роскошь, без которой можно смело обойтись.

И попал он в небольшой, невзрачный городок, оставшийся вдали от главных транспортных магистралей, вдали от так называемых культурных центров, — короче, милое сердцу Колокольникова захолустье.

«Что ж, — подумал он, — можно сказать, повезло. Никто меня не знает, и я не знаю никого. Дел-то совсем мало — управлюсь быстро, пары суток хватит за глаза... Это лучше всего, когда попадаешь в место, куда больше никогда не вернешься. А помнить будешь долго...»

Странное дело, совершенно непонятно почему, им владела смутная, но неотвязная надежда, что уж вот теперь-то, с этого момента, и начнется, по сути, новая, на все прежнее не похожая жизнь...

День был чудесный.

Весеннее солнце припекало землю, обнажая и любовно оглаживая ее.

Городишко тихий, чистенький, вероятно, ничуть не изменившийся с тех пор, как кто-то заложил на былом пустыре первый кирпич первого дома. Или вбил первую сваю деревянного фундамента, на котором предстояло возвести бревенчатую крепкую избу...

Вот разве только памятника первооснователю на главной площади покуда не поставили. А может быть, наоборот — уже рачительно снесли...

В таких местах подобное не выглядит проблемой. Впрочем, как и многое другое...

Здесь любые, самые крутые перемены — только повод для серьезных и тягучих обсуждений, как бы выводящих в бесконечность то, чему на самом деле в этом мире отведен весьма короткий срок.

А вечные проблемы, как известно, не волнуют: они есть — и вроде бы их нет...

Похоже, так и здесь...

Старые фасады, слегка обшарпанные и по-особому, почти по-человечески брызгливые, точно лица ветеранов на групповом фотопортрете; ровные, не очень широкие, но и не слишком узкие улицы, обсаженные тополями; и тротуары с ложбинками посередине — люди ведь всегда предпочитают по центру ходить, вот и вытоптали каменную тропу.

Милый городок...

Все здесь в некотором роде торжественны и чуточку чопорны, а взгляды их — ну просто удивительны: ничего не обещая, они вместе с тем ожидают всего, спокойно и даже, может быть, немного деловито.

Просветленная обреченность...

Жутковато и смешно.

«Вот ведь оно что... Вот куда я попал!.. Место, где нельзя всерьез надеяться, страдать... немисливо всерьез чего-то опасаться...»

Эта внезапная мысль поразила Колокольникова, и он долго еще как вкопанный стоял, удивляясь, на углу пустынного перекрестка.

Потом он пожал плечами и, сунув руки в карманы, двинулся неторопливо вдоль выцветших фасадов, вдоль рядов тополей, навстречу неведомому, которое было как будто бы всюду, а в общем-то — нигде.

Приближался вечер — судя по прогнозу погоды, мутный и неласковый, однако Колокольников все слонялся улицам, вышагивал, вглядываясь в витрины, в лица прохожих, пытаясь проникнуться духом, ритмом этого дальнего от всех центров уголка, но что-то мешало ему, не давало расслабиться, и тогда вдруг смятение охватывало его, он терялся, путался в собственных мыслях и ощущениях и принимался метаться по тротуарам, словно маятник — взад-вперед, взад-вперед, — точно замерзший бездомный пес, и день казался бесконечным и тягучим, будто праздничная речь, а в голове зудела, билась странная, назойливая, пакостная жилка: «Ну что я тут? Командировка ведь лишь повод, маскировка... И если не здесь, то где еще?.. А что, собственно, здесь? Что может быть еще?»

Можно было, конечно, пойти в городскую гостиницу, нумерованную ключом отомкнуть нумерованную комнату с нумерованной мебелировкой, завалиться спать и поскорей забыться, выкинув всякий вздор из головы.

Но отчего-то не хотелось...

Чтобы отсыпаться и смотреть приятственные сны, из дома не нужно уезжать за тридевять земель. Напротив, дома-то как раз спокойней...

Можно было — не впервой ведь, право слово! — и по девочкам пойти...

Их не надо долго звать, искать и уговаривать — они всё сами, как велит копеечная их душа, ты только намекни... И плата здесь, похоже, небольшая...

Ах, пчелки незаметные, трудолюбивые, ангельские существа! Все-гда, везде...

И тут вдруг чья-то ладонь мягко и вкрадчиво опустилась на его плечо.

Колокольников вздрогнул и обернулся.

— Добрый вечер, добрый человек, — поприветствовал его низенький толстяк, приподнимая шляпу и обнаруживая под ней лоснящуюся, как кожица спелого банана, лысину.

— Здравствуйте, — удивленно ответил Колокольников и машинально сделал шаг в сторону, будто намеревался уступить незнакомцу дорогу.

— Вы ведь приезжий, я так понимаю? — сверкнув золотым зубом, поинтересовался тот.

— Верно, приезжий, — рассеянно кивнул Колокольников. — А что?

— Да так... Вот, смотрю я, ходите вы все, ходите, словно что потеряли. Это, разумеется, имеет свой резон. Но... все еще не надоело?

— Нет, — с досадой отозвался Колокольников. — Я командировочный.

— Понятно... К нам командировочные часто ездят... Что-то, стало быть, влечет их, не дает покоя... М-да... Изрядно часто... Не всегда, представьте, удается вовремя перехватить... Чудесный вечерок, не правда ли? А как вам, дорогой, понравился наш городок? Тихий он, медлительный, спору нет, но ведь в том-то и очарованье... А?

Он мягко повел рукой, словно обнимая улицу с уютными старинными домами.

— Вы у каждого приезжего спрашиваетесь об этом? — уже довольно резко спросил Колокольников.

— Да по-всякому приходится, — с напускным простодушием развел руками толстяк. — У одних на лице все написано, у других... Командировочный, говорите? Интересно... И, надо понимать, впервые в нашем городе? И, ясное дело, ничего еще толком не видели? Того, например, что мы показываем всем командировочным?

— Очень может быть... Впрочем, тут и смотреть-то, по-моему, не на что!

— Ну, не скажите! — возразил толстяк, вновь сверкнув золотым зубом. — Тут у нас одна изюминка есть — о-хо-хо!.. Со всей страны смотреть едут.

— Могу себе представить, — съязвил Колокольников. — Какая-нибудь ветхая каланча, с которой сиганул местный Крякутный... Или ка-

кой-нибудь в былые времена публичный дом, куда однажды заходила какая-то местная знаменитость. А то и заезжая... Из столицы! Меня этим не удивишь.

— Нет, дружок, кое-что почище! Да уж... Да! Ни за что не угадаете!

— Не понимаю... Смысл какой? Вас что, как гида ко мне прикрепил? Или... наблюдать? Так я не засекреченный, и вообще...

— Помилуйте! В какое время мы живем?! А я и вправду местный гид, — самодовольно сообщил толстяк. — За это мне зарплату выдают, вот так. Конечно, не ахти, но можно жить, терпимо. Так что вы зря... По-моему, нет никаких причин подозревать меня...

— Охотно верю. Только... поздновато, вероятно, чудеса показывать, — с ехидцей заметил Колокольников, демонстративно вскидывая руку и вглядываясь в циферблат часов. — Обычно страсти всякие пытаются подsunуть утром. При естественном освещении, так сказать...

— Не иронизируйте. Нам солнце не потребуется. А вот звезды — это уже другое дело!

— Извините, мне бы хотелось побыть одному.

— Понимаю, понимаю, — закивал толстяк. — Вы ищите везде уединения. Хотя и сами — очень одиноки... Никакого парадокса! Наш аттракцион вам очень подойдет. То, что нужно! Было бы желание...

— А если его нет?

— Хм, просто удивительно, кто это догадался вас послать сюда, — вздохнул толстяк. — А впрочем, все-таки была какая-то причина... Ведь иначе — для чего?..

— И в самом деле! — хмыкнул Колокольников. — Вам нужен письменный отчет?

— Нет, подобными глупостями я не занимаюсь. Поверьте, это только кажется — что вы не хотите... И всем другим поначалу так кажется...

— Давайте отложим до завтра, — раздраженно сказал Колокольников. — Ей-богу, у меня сейчас не то настроение, чтобы забавляться до упаду.

— Именно! Вот потому-то я и предлагаю, — жарко зашептал толстяк. — Таких, как вы, я перевидал сотни. В своем деле — профи. Оттого и догадался: вы — командировочный. Сегодня здесь, а завтра след простыл... Пустяк? Нет, главное другое: вы ищите уединения, что-то вас гнетет, вы бежали сюда, да-да — бежали! Не смогли противиться... Естественно! Инстинкт, мой друг, интуиция вас не подвела!

— Какой еще инстинкт?! — не на шутку разозлился Колокольников. — При чем тут это?

— Бросьте, — убежденно сказал толстяк. — Не прикидывайтесь. Знаете: навязчивая идея, тоска... Сами не понимаете, чего хотите... Так ведь?

— Ну, если вам так нравится... Со всей страны, говорите? Бывает... Это модно. Массовый психоз или как там еще... Атракционы нынче завели везде. Куда ни глянь — атракцион. Вся жизнь... А толку?

— Нет-нет, — перебил толстяк, — тут совсем другое. Как бы это выразить поточнее... Вот что, — он неожиданно понизил голос и схватил Колокольникова за лацкан пиджака: — Вы даже не поверите... Только у нас! Машина, агрегат, сложнейший и тончайший, выверенный до миллиметра... Если вы сомневаетесь в себе, если тягостно на душе — вам это должно помочь. Непременно! Ну? Согласны?

— Ладно, — сдался Колокольников, — предположим, вы и в самом деле правы. Предположим... Только не подумайте чего-либо такого...

— И не собираюсь.

Лицо толстяка светилось сочувствием и добротой.

— Далеко это отсюда? Я, по правде говоря...

— Да рядом, господи, рукой подать! Всего три остановки на трамвае!

— Ну, поехали, посмотрим...

Толстяк подхватил Колокольникова под руку и потащил, поволок за собой к трамвайной остановке, отчаянно жестикулируя и бормоча на ходу:

— Вы не пожалеете. Гарантирую! Все сомнения в момент снимает.

— А потом? — вдруг остановившись, резко спросил Колокольников.

— Потом?... О, после вы поймете все! Иными глазами на мир глядеть станете. Гарантирую!

Толстяк прыгал и вертелся перед ним, как заводная игрушка, выскакивая то слева, то справа, словно чертик из табакерки, он не утомился, даже когда они сели в трамвай, — постоянный напор, напор, напор...

Ну как тут устоять?!

«Все пойму, во всем разберусь, — думал, усмехаясь про себя, Колокольников. — Доступное чудо... По сходной цене... Вот ерунда-то!.. Или, может, теперь везде так? Такие же сонные с виду города, такие же нелепые гиды, говорящие полунамеками... И такие вот дурацкие командировки... И такие дураки, как я... Все к одному!»

— Приехали! — объявил толстяк и легонько вытолкнул Колокольникова в раскрывшуюся дверь.

Уже стемнело, но не настолько, чтобы зажигать повсюду уличные фонари и вывески над магазинами, — все подернулось сиреневой дымкой и сделалось вдруг зыбким и угловатым одновременно. Массивно-ломаные тени старинных домов громоздились, как мглистые кристаллы; кое-где светили окна, но на улицах не было ни души, буд-

то весь город вымер, навеки опустел, а разноцветные стекляшки окон казались неудачными, случайными мазками на холсте унылого художника в подпитии — мир вокруг представился единой и нелепой полудекорацией: дома, деревья, улицы — без перспективы, в сплошных полутонах, без четкой, осязаемой границы форм, всё — как бы сплавленное меж собой, и лишь кристаллы уцелевших, нераздробленных теней еще виднелись там и тут...

Оплавленная тишь весенних вечеров...

Они остановились возле железных глухих ворот в три человеческих роста.

«Может быть, меня сюда и командировали?» — мелькнуло вдруг в мозгу.

Толстяк извлек из кармана ключ и отомкнул висячий замок на воротах.

Хрипящим басом вскрикнули петли, и одна из створок тяжело отвалилась.

Из образовавшейся узкой щели внезапно хлынул на улицу яркий свет, белым клином вонзился в густеющую темноту и больно ударил в глаза Колокольникову, ослепив его на мгновение, так что тот, пораженный, замер и стоял без всякого движения несколько секунд, сощурясь и пригнув голову, точно собирался боднуть этот световой сноп, оттолкнуть его от себя — прочь, за ворота, обратно в железный загон...

— Проходите! — грянуло у самого уха. — Смелее! Что же вы встали?

— Да, сейчас, сейчас... А что... там? — еле слышно спросил Колокольников и машинально дернул головой, как бы страхивая с глаз пелену наваждения. — В этом городе... Тишина... Темнота... Что там?

— Увидите, — ухмыльнулся толстяк. — Да не бойтесь, проходите!

Колокольников медленно, будто ноги его разом одеревенели, будто каждое движение давалось из последних сил, переступил невидимую черту, отделявшую новый, непонятный мир от мира привычного, земного, пропитанного насквозь весенней суетой, лживыми надеждами, одиночеством, страхом, шагнул навстречу огням и неведомому, и в долю мгновения эта узкая щель, сквозь которую лились водопады неистового света, обратилась для него манящей, искушающей завесой вожаделенного, и Колокольников почувствовал тогда, что хода назад нет, ибо такое отступление теперь смешно и противоестественно, даже безнравственно, и можно идти лишь вперед — а что там, в ста или десяти шагах перед ним?..

«Боже, — с тоской подумал Колокольников, — здесь, в этом конусе света, втиснутый в него, точно в склеп из кошмарного сна, я бессилен что-либо понять!.. Или мне потом все объяснят, ткнут пальцем и скажут: «Вот то, что даст тебе разумение мира и собственной души?»»

— Глядите! Мы пришли!

Они стояли посреди площади, ровной, без единого заметного изъяна и, казалось, беспредельной, мощенной черно-лаковой брусчаткой, стояли, окруженные шатром, сферой слепящего света — со всех сторон били прожектора и озаряли чудовищное сооружение: круглую яму с высоченными бетонными бортами, из которой торчал сверкающий стержень, увенчанный двумя параллельными рельсами — немислимым образом сбалансированные, они нависали над площадью, подобно обглоданным крыльям фантастической птицы, а в самом центре, не нарушая равновесия всей диковинной системы, на кончике остря покоеилась большая вагонетка, нет, скорее, капсула, каплевидная, с витыми рессорами под колесами.

— Что это? — почему-то громким шепотом спросил Колокольников.

— Катапульта.

— Да? Но для чего? Я никогда не слышал...

— Успокойтесь, — мягко сказал толстяк, беря Колокольникова под локоть. — Это безболезненно. И совершенно необходимо для вас.

— Но я ничего не понимаю!

— В том-то и дело. Ваше непонимание... Смятение... Опасения... Сколько вам лет?

— Тридцать пять.

— Я так и подумал. Никогда не ошибаюсь, — с удовлетворением кивнул толстяк. — Почти полжизни... И теперь-то — самое время...

— Объясните, ради бога! — взмолился Колокольников. — Я должен забраться в эту капсулу? Так ведь? Но... какой в этом смысл? Вы заманили меня...

— Ах, мой милый, не смешите. Если бы во всем легко было отыскать смысл!.. Тогда бы жизнь кончилась, определенно. Никто вас не заманивал. Вас просто послали в командировку. Понимаете? Никто вас специально не звал. Послали — и все... Вы же мечтали... Вас привел инстинкт.

— Инстинкт? — вздрогнул Колокольников. — Опять вы про него! При чем здесь он?

— Да, теперь я вижу: вы действительно ничего не понимаете. Я вам сочувствую.

— Не все, но... кое-что, — уточнил уязвленно Колокольников. — Себя, например. Того, что происходит вокруг... Не вижу никакой связи. Все хорошо и все — кошмар... Я запутался, черт побери!

— Вы сами в этом виноваты.

— Я?!

— Ну, не я же, в конце концов!.. Вы совершили, наверное, массу глупостей в своей жизни, которых, если разобраться хорошенько,

можно было и не совершать. Начудили, так сказать, сверх меры... И сами этого не заметили. Вот что скверно. Они, эти всяческие глупости, вам и теперь мешают. Не дают спокойно жить... Вы сами испортили себя. В чем-то, вероятно, оглупили, а в чем-то, возможно, чересчур превознесли... Я не диагностик — я всего лишь исполнитель.

— Палач! — невольно вырвалось у Колокольникова. — Вот вы кто!

— Ну зачем же так грубо? — примирительно-добродушно возразил толстяк. — Понятно: нервы ваши на пределе... М-да. Я исполнитель — в том смысле, что только констатирую. Констатирую ваше состояние. Не мое дело отыскивать причину. В чем я разобрался, то вам и сказал.

«Это правда, правда!.. Почему он так уверен? Виноват... Вон оно что!..»

— А дальше? Что я должен делать? Я ведь должен, вероятно? Но что именно?

— Взобраться наверх — вот лестница, сесть в капсулу, захлопнуть дверцу и — взлететь. Все до крайности просто. И не должно вас пугать.

Колокольников зябко поежился:

— Взлететь? Зачем?

— Да попросту затем, черт возьми, — непринужденно рассмеялся толстяк, — чтоб отрешиться от всего земного — того, что вы обычно, по привычке, именуете земным, — остаться там, в бездонной вышине, наедине со звездами и с самим собой! Все сгинет, пропадет — и будет только пустота. Черная пустота... И вот тут-то...

— Ну же, ну! — не выдержал Колокольников. — Хватит намеков!

— Это для вас, мой дорогой, намеки, — строптиво заметил толстяк. — А на деле-то... Учитесь слушать — и услышите!.. Ну ладно, еще не доставало это обсуждать, ликбез устраивать... Вы, надо думать, много, прикрываясь разными мудреными идеями, грешили перед собой, порождали в себе всякие дурацкие комплексы и незаметно, подспудно развивали их, — тихо и проникновенно возвестил он. — Вот и настал час расплаты. Вы взлетите к звездам и, глядя вниз, на мир земной, где осталось все плотское и смертное, попытаетесь понять, постигнуть свою вину. Настал тот час, когда каждому — у всех свои сроки, но они есть, и их не избежать — необходимо извиниться перед собой. Извиниться честно и безоговорочно — за все загубленное в себе, за все те внутренние подлости и гадости, которые всегда мешали полноценно жить. Встаньте на колени перед собой — и вымаливайте прощение!

— Но зачем... так высоко? Неужели нельзя здесь, на земле, не теряя почвы под ногами?

— Вы уже бежали сюда — выходит, почва под ногами, понятная, родная почва, для вас ничего не значит. Так поднимитесь выше! Поднимитесь над собой!

— Легко сказать!.. А если прощение... не придет? И понимание — не вернется?

— Что ж... Видите рельсы? Если все закончится удачно, капсула, сброшенная на сотни километров, упадет обратно на рельсы и покажется по ним...

— Заманчиво, конечно... А если ни прощения, ни веры в себя... Ну, ничего не будет?

— Земля вертится... — философски заметил толстяк. — И может случиться так, что капсула не вернется в исходную точку, промахнется — падение ведь длится не секунду, даже не минуту, всякое возможно...

— Конкретнее!

— Вы разобьетесь, милейший. Насмерть!.. Но, повторяю, все зависит от вас. Получите прощение — великолепно! Сомнения оставят вас. И уж тогда-то вы попадете на рельсы наверняка, не промахнетесь — и жизнь начнется вновь. Не правда ли, изумительный аппарат?! Взлет, падение, общение с самим собой и вера, вера, упование — прекрасно! Обворожительное антраша... Даже с шиком каким-то...

— Но я же могу промахнуться... Не попасть назад... Могу ведь, да?

— Тут уж ничего не поделаешь — гарантий нет. Виноваты будете вы сами... Между прочим, вам дьявольски повезло. Как нарочно, сегодня пока нет никого из желающих. Даже странно... Я так думаю, всему виной нелетная погода. То есть она летная — откуда-то, но очень из немногих мест...

— Конечно. Я же прилетел, — кивнул согласно Колокольников.

— Так это вы! Один! А ведь иные — вы представьте! — даже записываются на год вперед. И главное, вся процедура-то — бесплатная! Вам зверски повезло.

— Вот как?

— А вы что думали?! Гуманнейшее предприятие! Поэтому и денег не берут — все расходы покрывает государство. Забота о здоровье граждан — тут скупиться невозможно, даже более того, преступно. Люди это понимают, чувствуют. Они безмерно благодарны... Вот со всех концов и едут!

— На халявку-то — чего ж не съездить? — усмехнулся Колокольников. — Поди, и в ад дорога скучной не покажется... Не то что к вам!

— Я не советовал бы вам глумиться над святым, — обиделся толстяк. — Пожалуй, это все от ваших комплексов, желания казаться выше, независимее, умнее, чем вы есть... Достоин покаяния, достойно. Убеждаюсь лишний раз: вы вовсе не случайно оказались здесь.

«Вот черт! И спорить-то, по сути, глупо... Можно, разумеется, попробовать, рискнуть. Себя пойму... И буду чист — как стеклышко. Но!..»

— Сколько уже падало обратно на рельсы? — чуть слышно спросил Колокольников.

— Этого я не могу вам сообщить, — благодушно улыбнулся толстяк, будто говорил о сущем пустяке, который все же приятен ему. — Нельзя. Секрет.

«Нельзя... Вот ведь в чем штука... Умей слушать — и услышишь... Значит, могу промахнуться? Даже не по своей вине... Если бы многие — пусть почти все! — возвращались, не стали бы делать секрета. Вопили бы, наоборот, на всех углах. Выходит, шансов практически нет?!»

— Выпустите меня отсюда! — теряя самообладание и внезапно покрываясь испариной, срывающимся тонким голосом закричал Колокольников.

Ему почудилось, что воздуха больше нет, что он задыхается, будто ледяная змея вдруг хищно обвилась вокруг шеи, что рядом стоит непроглядная тьма, хотя и били в лицо слепящие прожектора — а в двух шагах катапульты, чудовищное, великое сооружение! — и тьма эта на двигалась отовсюду, похожая на зыбкое тело спрута, надвигалась, касаясь липкими, мерзкими щупальцами, и он забился, заметался в этом сатанинском круге, как в клетке с дикими зверями, разинувшими жадные, алчущие его плоти и духа зловонные пасти, и он рванулся в сторону, помчался куда глаза глядят, поминутно обо что-то спотыкаясь, наталкиваясь на какие-то предметы, которых не мог, ослепленный, различить, а всюду, точно острые капканы, клацали истекающие голодной слюной клыки — вот, за спиной, совсем уж близко! — и пруты клетки, границы света и тьмы, больно били при каждом неверном движении...

— Выпустите меня! К черту, к черту, не хочу!.. Не надо!.. Я боюсь!

«Антраша... Аттракцион... Вот развлечение!.. Боже мой! И кто придумал это? Или... так и было всегда — взлететь и упасть, на рельсы или мимо? Идиотская командировка... Словно знали, понимали... Но душно-то, душно как!.. И еще просить прощения? У себя самого?!»

Он дернулся в последний раз, но теперь удачно — незримая пасть, промахнувшись, злобно лягнула у самого уха, и он вырвался из окаймленной клетки, выломав вслепую самый податливый прут или просто найдя наконец ту заветную щель, сквозь которую проник сюда, — сзади грохнуло что-то, замыкаясь для него навсегда, и тогда он помчался по темной пустынной улице, покинутый и беззащитный, и владел им только ужас, панический страх, только это... только это, а вот понимание — никакого, впрочем, до него ли было теперь...

Из-за угла вынырнул, будто родился на пустом месте, желтый огонек.

— Такси, такси!

Машина, взвизгнув тормозами, замерла, и он, втиснувшись в ее урчащее стальное тело, прильнул к теплому и мягкому сиденью, растворился в нем, слился с ним и лишь тогда смог, дух едва переведя, громко прошептать:

— На вокзал, шеф, быстро!

Его разом вдавило в упругую спинку, и все за окном понеслось, смазываясь, слипаясь, как на картине старомодного художника-экспрессиониста.

Мчались — мимо и назад — темные угрюмые фасады, за которыми, прячась от дневной нелепой суеты, нежились, мечтали, ненавидели, любили или просто стремились забыться освобождающим от всех забот сном какие-то люди, неведомые, непонятные, совершенно чужие; мелькали черные, точно зевы туннелей, витрины давно уже закрытых магазинов — тихий город, по-своему забавный, далекий и страшный, подобный многим и многим другим, пронёсился перед застывшим, остекленным взором Колокольникова.

Город, где запросто, лишь пожелай, можно постичь, познать себя и суть вещей, покайся перед собой в неумных своих жизненных, случайных сплошь и рядом, преступлениях, где можно обрести твердыню под ногами, но можно, право же, и ничего не обрести, сгнать навеки: что и говорить, самое милое место, на первый взгляд, просто очаровательное — для праздного и равнодушного наблюдателя.

«Едут со всех концов... Вздор? Но ведь кто-то же рискнет, наверняка рискнет, поставит на кон все и полетит — высоко-высоко... Вон, вон по небу покати́лась яркая звезда!.. А впрочем, по весне какой-то рой проходит, я читал... Загадывают только дураки...»

Резкий толчок подбросил Колокольникова — вероятно, камень на дороге попал под колесо...

«Гоп! — подумал Колокольников. — И все-таки — антраша!.. В некотором роде...»

И он громко, с надрывом расхохотался, неожиданно вообразив, как обходительный толстяк, что остался в загоне, сам — за неимением доверчивых клиентов — улетает в капсуле высоко в небеса и падает, и падает... и вновь взмывает, и вопит — не то от ужаса, не то от несусветного восторга, что сумел опять перехитрить судьбу...

Перехитрить...

Как водится...

— Ну же, скорее, скорее!.. Гони, шеф, давай, с ветерком! На вокзал! К стальным колёям. По прямой, шеф, по прямой!.. Крепко стоим!

ДАЛИЯ
ТРУСКИНОВСКАЯ

НАТУРЩИК

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Из зала суда его вывели, крепко держа с обеих сторон за руки. Справа шел дед, слева — бабка, а следом шагал хмурый адвокат.

Говорить было уже не о чем — все четверо молчали.

Адвокат открыл рот только в такси.

— Я бы на вашем месте поместил его в закрытый колледж, — вот что сказал этот сукин сын. — Сколько бы это ни стоило. С круглосуточным присмотром. Я знаю такой — в спальнях камеры, в туалетах камеры. Из дому он может удрать. И воспитатели...

Дед покивал.

— Я сама буду его стеречь, — ответила бабка. — С работы уволюсь, дома буду сидеть.

— И что, он тоже будет дома сидеть?

— Да, — глухо произнес дед. — Пока не расплатимся.

Это означало — по меньшей мере год. Или полтора, если бабка действительно уйдет с работы. Потому что пенсия у деда невелика.

Адвокат спорить не стал — да и поди поспорь со старым афганцем, если он уже принял решение.

Полтора года в маленькой комнате. Компьютер, скорее всего, отнимут. Учиться заставят. Соседка Людмила Петровна, бабкина подруга, будет приходить, проверять задания по математике и физике. Это все, это — почти смерть.

О смерти Юрка имел смутное понятие. Его в свое время сбила с толку прабабка Саша. Она сильно беспокоилась, чтобы ее похоронили не на старом немецком кладбище, а на Ивановском, хотя оно от дома дальше и родственникам будет очень неудобно посещать могилку. Старуха непременно хотела лежать среди своих и даже определила место — между покойным мужем и покойной свекровью.

— Да какая разница? — спросила внучка, Юркина мать. — Ты, ба, как себе это представляешь? Будете там лежать и перестукиваться?

— Да, — подумав, ответила прабабка.

На пятилетнего Юрку очень сильно подействовала старухина уверенность. Собственное воображение сразу нарисовало картину: стоят рядком под землей гробы (гроб ему был знаком хрустальный, прозрачный, из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»), в гробах бабки с дедами, днем спят, а как стемнеет — друг дружку будят, разговоры затевают, может, даже анекдоты непонятные рассказывают, над которыми только взрослые смеются.

Десять лет прошло, а понятие о смерти у Юрки осталось именно

таким. Ничего нового, лежи себе в темноте смирно и разговаривай неведомо о чем.

Адвокат проводил их до такси.

— Надеюсь, больше мы не встретимся, — сказал он.

— Да уж, об этом я позабочусь, — глядя мимо адвокатских глаз, пообещал дед. Бабка хотела что-то брякнуть, да промолчала.

Юрку повезли домой. И только там он осознал всю свою беду. Слесарь, за которым присматривала вторая бабушка, Вера, заканчивал врезать новый замок. А на окне в Юркиной комнате стояла решетка.

Компьютер, конечно, исчез.

— Я сделаю из тебя человека, слышишь?

— Да, дедушка.

— Вот учебники. Это все, что тебе теперь нужно.

Бабка заплакала.

— Не смей, — приказал ей дед. — Сам допросился. Выходишь отсюда только на кухню, поесть. В ванную еще. Да, телефона не ищи. Телефон мы отключили.

Дверь захлопнулась. Юрка подергал ручку — оказалось, его заперли. Тюрьма! Хуже тюрьмы! Там в одиночку только самых страшных преступников сажают!

Чего еще ждать от старой сволочи, которая даже на суд притащилась в камуфляжных штанах? Да ему на всех наплевать — и на суд, и на единственного внука!

Юрка стал исследовать комнату: что изменилось, пока он ждал суда?

Книги на полках стояли все те же — про боевых роботов, про межзвездные сражения. Их можно перечитывать, хотя без особой радости. Компакты с музыкой — ну, хоть что-то... а плеера-то и нет!..

На столике — стопка учебников, отдельно стопка тетрадей. Какая тоска!

Юрка прошелся взад-вперед. Ну, допросился. Они не понимают...

Надо было лечиться от тоски, а лекарства не было, его лишили всех возможных лекарств. Впору зареветь, заорать, удариться башкой об стену. Желание игры, скопившееся за две недели, переполняло душу. И было совершенно неосуществимо. Хоть бы какую игрушку, самую простенькую!

Его осенило. Компакт имеет две стороны, одна с картинкой и названием, другая — пустая. Вот!

Достав один не очень нужный, Юрка раскрутил его на столе вертикально, прихлопнул ладонью, диск шлепнулся картинкой вверх.

— Ага-а... — сказал Юрка. — Годится! Итак...

Он заключил договор с судьбой: если из ста раскруток будет семьдесят картинок, то дед сжалится и вернет хотя бы плеер. И начал игру, и вскоре ощутил знакомую радость, на душе полегчало, диск вертелся все веселее.

Через пару минут Юрка сбился со счета.

Очевидно, тюремщиков следовало звать стуком в дверь.

— Бабуль, бабуль! — закричал он. — Мне авторучка нужна!

Авторучку принес дед, к его приходу все декорации были установлены — раскрытый учебник физики, раскрытая тетрадь...

Диск Юрка сунул на место и смотрел чистыми голубыми глазами хорошего мальчика — родительской гордости. Бывает такой взгляд у игроков, бывает, без него никак...

* * *

Осьминожка лежала на тарелке — хоть тычь в нее вилкой и ешь, откусывая по щупальцу. Но Просперо уже знал, каково на вкус это лакомство — немногим лучше резины. За время работы он, со злости или от голода, съел весь запас осьминогов из холодильника.

Кресло, в котором он отдыхал, стояло на краю бассейна, имевшего странную форму — вроде огромной запятой. Это было простое ротанговое кресло, и столик был тоже из толстых стеблей ротанга. Эти лианы занимали почти весь полуостров. Просперо подтащил мебель совсем близко к ярко-синей воде, установил у острого мыса и рисковал, вставая или садясь, свалиться в бассейн. В этой его части глубина была около полутора метров, у дальнего края — почти шесть.

Над бассейном и прочими владениями Просперо высился голубой купол. Под ним разместилось всё: жилые комнаты, склад, мастерская, где он исполнял заказы. Последний, доставивший столько хлопот, потребовал перестановки: пришлось переташить рабочие столы и прочее хозяйство к самому бортику бассейна, да еще спустить в воду длинные доски. Там, где края досок торчали из воды, стояли два высоких сапога немалого размера с просторными голенищами.

Просперо встал и потуже затянул пояс белого халата. Предстояла самая тонкая работа, окончательная отделка. И тогда можно отправлять заказ клиенту. Но мастер был недоволен — слишком следовал за природой, результат получился громоздким и тяжелым. Впору переделывать.

Палец бродил по осьминожке, обводя каждую присоску отдельно. Палец лучше знал, что требуется Просперо: он посылал в голову ус-

покоительные импульсы, которые хорошо известны тем, кто любит перебирать шершавые четки и катать шарики из хлебного мякиша.

— Ариэль! — крикнул Просперо. — Лети-ка сюда живо!

Помощник, смуглый босоногий юноша в серых шортах, явился, на ходу влезая в рубаху из плотной тускло-зеленой ткани, рукава которой завершались трехпалыми перчатками. Когда он натянул ее, а оказалась она ниже колен, Просперо помог ему подпоясаться и вынул из особого мешочка на воротнике капюшон. Ариэль стянул воротник лица складки плотной ткани, завязал узел, и Просперо сразу надел ему поверх капюшона большие очки. Юноша подошел к бассейну и сунул ноги в сапоги.

Убедившись, что Ариэль готов, Просперо встал на бортик и засвистел. Это был не совсем человеческий свист, он то опускался до змеиного шипа, то завывал зимним ветром. Вода взволновалась, на доски выползло щупальце — толщиной с мужское бедро. Ариэль помог чудищу ухватиться за край бассейна и выловил из воды второе щупальце.

С его помощью из бассейна выбрался огромный осьминог, после чего уровень синей воды заметно понизился. Спрут был вял и задумчив — как будто еще не разобрался толком, спит или проснулся.

Переставляя руками щупальца, Ариэль повел осьминога к большому столу, составленному из четырех, подтолкнул сзади и аккуратно разложил щупальца по белому пластику. Просперо тем временем надел перчатки.

— Я понял, что не так. Это не должны быть присоски, — сказал он. — Вернее, не все из них — присоски. У тех, что покрупнее, края будут острые, словно бритва, чтобы спрут мог выгрызть ими страшные дыры в любой органике. Вот тогда у нас получится настоящий боец.

— На сколько они должны выступать? — деловито спросил Ариэль.

— На два пальца.

— Он сам-то о них не порежется?

— Они будут втяжные, слово кошачьи когти. Все, натура нам с тобой больше не нужна.

— Так я отменю заказ?

— Отменяй, конечно. Ну-ка, что мы тут имеем?..

Просперо взял зажим и зонд, опять засвистел. Осьминог отозвался — кратко и недовольно.

— Ну, потерпи, потерпи, — сказал чудищу Ариэль. — Чем будем закреплять режущую кромку, учитель?

— Что там у нас есть кремниевого? Это будет самозатачивающаяся кромка, отрастающая при травмах заново... И тогда можно будет снизить массу по крайней мере на двадцать процентов. Тварь станет гораздо подвижнее...

Они взялись за работу, успокаивая осьминога свистом и тихо переговариваясь. Через два часа на каждом щупальце была задуманная боевая дыра — с виду присоска, а на самом деле пасть, способная выхватывать круглые куски живой вражеской плоти.

— Его нужно снабдить запасом капсул, — вдруг додумался Просперо. — Кто его разберет, чем он там будет питаться. А для кромок нужен стройматериал.

Ариэль высвистел фразу, осьминог ответил целым монологом.

— Тем лучше, — согласился с чудищем Просперо. — Хотя я не уверен, что он понял тебя правильно. Придется на прощание научить его пользоваться таблицей Менделеева.

— Он справится, учитель. Память у него лучше, чем у нас с вами.

— Одного не понимаю — зачем ему там такая замечательная память?

— Не отнимать же. Так я спускаю его в бассейн?

— Да, конечно. Щитки мы пристегнем потом. Их надо переделать немного — ты объясни оружейнику про режущие кромки. И щупальца станут другими... понял — лентообразными!

— Нужно еще научить его самостоятельно их пристегивать и отстегивать.

— Это он сразу освоит, не дурак.

Пока Ариэль возился с осьминогом, ловко уворачиваясь от опасных кругов на его щупальцах, Просперо снял перчатки и подошел к ротанговому креслу. Усевшись, он взял с тарелки маринованную осьминожку, раскачал ее и бросил в бассейн.

— Вот и все. Что там у нас дальше по плану?

— Дева-воительница, если вы не передумали, учитель.

— Передумаешь тут... Скандинавская, что ли, дева?

— Скандинавская.

— Выходит, блондинка. Ну что же, будем оформлять запрос.

* * *

Юрка внутренне приготовился к тому, что рано или поздно произойдет судьбоносная ошибка тюремщиков. Он даже знал, какая именно: они забудут запереть дверь его комнаты. Так и случилось. Пока все провожали Людмилу Петровну (старая дура несла в прихожей какую-то педагогическую чушь о том, что насилие над личнос-

тью чревато и так далее), как-то не учли, что дверь просто закрылась, но не захлопнулась. Дело было вечером, дед с бабкой уселись смотреть телевизор, а Юрка на цыпочках вышел в коридор. У него было часа полтора или два — потом бабушка заглянет, чтобы выпустить внука в ванную и дать ему яблоко, это неизменное яблоко на сон грядущий преследовало Юрку с детства.

На кухне он нашел хозяйственные ножницы, вернулся к себе, распустил простыню на полосы, связал их, уложил в наволочку книги и компактс. Он действовал неторопливо и очень спокойно — душа его уже улетела вперед, она наслаждалась и не мешала телу совершать все необходимые движения.

Простынную веревку он привязал к трубе парового отопления, наволочку установил на подоконнике. Спуск с третьего этажа для пятнадцатилетнего парня — не проблема. Уже выбравшись и упираясь ногами в стену, он изловчился и потянул за край наволочку. Его богатство рухнуло вниз, на сиреневый куст. Если дед с бабкой и слышали шум, то ни хрена не поняли, пусть дальше смотрят свой телик.

О возвращении он не думал, до возвращения еще целая вечность. А думал он о победе. Время, конечно, позднее, но возле зала обязательно найдется кто-нибудь, кому нужны компактс — и появятся деньги на первые жетоны. Победа будет — Юрка так давно не садился к автоматам, что перехитрил судьбу, и теперь она видит в нем новичка, а новичкам всегда везет.

Но в зал его не пустили.

— Приперся! — воскликнул охранник. — Настя, гляди, кто приперся!

Кассирша высунулась из будочки.

— Гнать поганой метлой! — закричала она. — Ишь, умный! Мало нам тут неприятностей?!

— Это все вранье! — возразил Юрка. — Они сами виноваты — теряют деньги, а потом на меня велят!

Он так часто повторял эти слова, что они сделались непререкаемой истиной. Он, зайдя с бабкиным поручением к знакомым, не видел стопку банкнот, полуприкрытую газетой, он не мог ее видеть — его дальше прихожей не пустили. А что деньги пропали, он только потом узнал. Про двое суток в игровых залах он вообще впервые услышал от следователя. Не мог он столько времени просидеть за автоматами без еды и питья. Когда охрана и кассирши трех залов опознали его, он искренне удивился: тут какая-то ошибка! Жетоны стоят сущие копейки — как же нужно постараться, чтобы проиграть две с половиной тысячи долларов?

Вся беда была в том, что бабка ему поверила и отбивалась от нападок с совершенно звериной яростью. Потому и не удалось договориться миром и возместить ущерб втихомолку. Дело дошло до суда. Суд (издержки возмещает виновная сторона, да еще адвоката взяли хорошего) обошелся в итоге примерно во столько же.

— Игроман — это диагноз, — сказал деду адвокат. — Это хуже воровства. Вор способен мыслить логически, игроман — нет. У него связи нарушены. Один адреналин в голове.

— Я из него этот диагноз выбью, — пообещал дед. — Если бы не моя дура...

Бабка Юрку жалела и защищала до последнего.

— Ну, так, — произнес охранник. — Тут тебе делать нечего. Свободен!

— Я имею право за свои деньги играть столько, сколько захочу! — выкрикнул Юрка.

— Нет у тебя никаких своих денег. Пошел в задницу.

Юрка, разумеется, никуда не пошел, а с полчаса отирался у входа. Наконец он увидел, как из зала выходит парень примерно его возраста, чуть постарше, и стал предлагать ему компакты. Отдавал за гроши — пятьдесят рублей диск. Парень послал его подальше.

Там, в зале, сидели счастливые люди и выигрывали деньги. Юрка расслышал тот прекрасный шум, какой производят жетоны, сыпаясь из щели в блестящий лоток, и ощутил самую настоящую боль в сердце. Тот человек сорвал выигрыш, что был предназначен судьбой ему, Юрке!

Надо было проскочить внутрь и попросить у счастливого парня пару жетонов на удачу. Он бы не отказал. И начать игру! Но охранник следил за Юркой, предвидел этот рывок в приоткрывшуюся дверь и выпихнул мальчишку даже не самым крепким тычком — взрослый бы устоял, Юрка сел на асфальт.

Впору было заплакать.

Двое мужчин, проходя, видели его позор. Один, помоложе, обратился к охраннику:

— За что это ты его?

— Хозяин запретил пускать. Он деньги ворует и здесь проигрывает, а малолетка — посадить вроде нельзя. Нам еще ворья тут не хватало, — охотно ответил охранник.

— Понятно.

Мужчина шагнул к Юрке.

— А что, заработать не можешь, обязательно тырить? — спросил он.

— Заработать? А где?

Юрка был готов к тому, что его пошлют вкалывать на ближайшую автомойку, и собирался послать благодетеля — пусть сам там за гроши корячится. Но мужчина (одет, между прочим, дорого, один плащ из тонкой кожи чего стоит) усмехнулся особой усмешкой знающего всякие тайные возможности человека.

— Старик один есть, художник, он натурщикам хорошо платит. Три тысячи рублей в день — но жить у него, два-три сеанса в день. Ну, конечно, кормит.

— Знаю я этих добрых дедушек! — отрубил Юрка и встал с асфальта.

— Ему натурщики нужны, а не то, что ты подумал. Не хочешь — сиди тут и облизывайся. А живет он за городом, по Московскому шоссе сразу за Груицей, за мостом направо. Если автобусом ехать — скажи, чтобы на сорок пятом километре высадили.

Больше мужчина не сказал ничего — ни как деда зовут, ни от кого привет передавать. Просто нагнал своего спутника и ушел с ним вместе, не оборачиваясь.

Одиночество было абсолютным. В зал не пускают, улица пустынная. Вот разве что вывели из подворотни щенка на прогулку. Это был щенок восточно-европейской овчарки, полугодовалый, с крупными лапами, умной мордой. Он сунулся к Юрке, но хозяин, здоровый дядька, прикрикнул — и щенок, посмотрев на него, согласился безмолвно: что с незнакомцем связываться, когда впереди парк и прорва собачьих автографов на деревьях, дивные запахи и интригующие шорохи.

Они ушли — серьезный дядька и веселый щенок. Давняя зависть проснулась в душе. Юрка смертельно завидовал всем, кому родители разрешали держать живность. Дед бы, может, не возражал, а бабка трепетала за свой налаженный порядок.

Юрка постоял, глядя вслед, и решил попытать счастья в другом зале, за углом. Он пообещал себе, что если повезет — возьмет щенка из приюта, спасет собачью жизнь, и все будет хорошо. Но оказалось, что в другом зале его прекрасно помнят и не желают неприятностей — когда расследовали Юркины подвиги с ворованными деньгами, много чего было сказано владельцам окрестных залов о несовершеннолетних, у которых в принципе не может быть больших сумм, и даже прозвучали некоторые угрозы.

Значит, нужно было спешить в следующий зал — Юркино терпение уже на исходе: все играли, а он не мог!

А вот со следующим залом случился настоящий облом: у дверей стоял, беседуя с охранником, дедов приятель Кошмарыч.

Юрка понял: его хватились по меньшей мере полчаса назад. И теперь на поиски мобилизована дедова боевая компания, а их человек двадцать наберется — все воевали, все безмолвно одобряли дедово решение запретить Юрку дома.

Ему захотелось сесть и заплакать, зарыдать с криками, с визгом, с битьем кулаками по стенке — все пошло насмарку! Поймают, отведут домой — и все, и будут стеречь днем и ночью, и никакой игры вообще никогда! Лучше повеситься, лучше повеситься...

Но был же выход из положения — сорок пятый километр, мост через Груицу и потом направо. Не все ли равно что за дед, если платит такие деньги. Зато потом — в зал, где Юрку не знают, прийти этак с достоинством, сразу взять побольше жетонов, выстроить игру тонко, по системе, на три-четыре часа по меньшей мере, но к автомату садиться не сразу, а сперва выпить кофе в баре, внимательно наблюдая за залом, за игроками, чтобы понять, где давно не было выигрыша...

Юрка вообразил себя сидящим за столиком, выжидающим своего звездного мига, с полным карманом жетонов — кончики пальцев помнили выдавленный на них рисунок. Он увидел клавиатуру игрового автомата, увидел и экран, на котором мельтешит обычно демоверсия игры. Душа истосковалась, да что душа — тело уже не могло больше без этих ощущений.

Прохожие, что шли мимо Юрки, все как на грех были взрослые. Он бы загнал в подворотню какого-нибудь пацаненка или ровесника-недомерка, отнял бы карманные деньги, но жертва все не появлялась. А нападать на парней старше себя он боялся.

Попытка продать компактs добром не кончилась — двадцатилетний скот, просмотрев их, отобрал несколько и неожиданно расплатился ударом в челюсть. Пока Юрка приходил в себя, сидя на грязных булыжниках в подворотне, он ушел.

Убедившись, что зубы целы, Юрка потосковал и вздохнул, собираясь с силами. Денег не было ни копейки — значит, придется пройти сорок пять километров пешком. Да еще за мостом неведомо сколько.

Но это был шанс раздобыть денег на игру.

* * *

Просперо стоял на балкончике и наблюдал за высокой блондинкой, которая играла с Аризлем в мяч. Блондинка была неуклюжа — это раздражало.

— О Господи, неужели в школах отменили уроки физкультуры? — в расстройстве чувств спросил Просперо. — Чему же их учат?

Фигура ему тоже перестала нравиться — а на фотографиях, кото-

рые блондинка прислала, перед тем как приехать, все было просто замечательно: и тонкая талия, и прямые плечи, и ноги правильной формы — не те жуткие палки, которые обычно бесстыже демонстрирует тощая модель, не знающая, что если самая широкая часть ноги — колено, то такие конечности нужно прятать под юбкой и никому не показывать.

— Валькирия, как же... — пробормотал Просперо. — Черта с два из нее получится валькирия...

Он ушел с балкона. Тем более, что близилось назначенное время — он пригласил двух бойцов из клуба «Викинг», чтобы понять, что такое скандинав в ближнем бою.

Бойцы приехали, надели кольчуги и шлемы, объяснив заодно озадаченному Просперо, что шлем с рогами — дурацкая выдумка немецких буршей, взяли боевые топоры и устроили образцово-показательное махалово. Потом два часа рассказывали Просперо всякие байки из жизни клуба, вручили два компакт с записью боев, получили гонорар и уехали.

— День потерян, — хмуро резюмировал Просперо. — Это все мужские драки. Но как сражались валькирии?

Теоретически, они орудовали мечами и топорами не хуже мужчин, но Просперо хотел чего-то иного, более страшного, что ли, однако и более возвышенного.

Он вошел в мастерскую. На столике стоял эскиз из зеленого пластика — тридцатисантиметровая женщина, возносящая над головой незримый меч. От фигуры веяло невыразимой пошлостью, и Просперо, выдернув каркас, смял ее в ком.

— Где взять валькирию? — спросил он.

Девица, бросавшая во дворе мяч, определенно не годилась. Но не потому, что сама по себе была плоха. Просперо находил ее миленькой. Он не определил для себя, почему в том мире нужна именно валькирия, именно девка в кольчуге и с выпущенными на грудь изпод шлема толстыми льняными косами.

Запищал коммуникатор. Просперо включил экран. Из мрака явилось лицо диспетчера.

— От Скриннийора Нира вам груз, — сказала женщина в наушниках. — Откройте ворота, будут две вагонетки. Он прислал телегу, но телега не поместилась в канале.

— Сейчас.

Ворота были в пристройке. Просперо дал команду, поблагодарил диспетчера и пошел посмотреть, что из своей первой добычи выделил ему Скриннийор.

Увидев положенную десятину, он онемел — перед раскрытыми воротами лежала здоровенная куча протухшей рыбы, а вагонетки уже отбыли обратно.

— Какого черта! — опомнившись, заорал Просперо и побежал обратно к экрану связи.

— В чем дело? — спросила диспетчерша.

— Что вы мне такое доставили?!

— Груз от вашего Скриннийора Нира. В соответствии с контрактом.

— Где вы его хранили, этот груз? В Африке, на солнцепеке?

— Я товарно-транспортную накладную могу показать, — обиделась женщина. — Груз мы получили вчера с сопроводительными документами на десятину добычи. Вы ведь так договаривались?

— Проклятый осьминог, — уже начиная осознать свою беду, пробормотал Просперо. — Не иначе он отнял эту дрянь у каких-то подводных аборигенов, которых хлебом не корми — была бы тухлятина! Послушайте, я хочу внести поправки в контракт!

— Какие?

— Чтобы вы принимали только добычу неорганического свойства.

— Но там был еще какой-то сундук, вы под рыбой посмотрите, — посоветовала женщина.

Просперо тяжело вздохнул и выключил связь.

Нужно было срочно придумать, куда девать вонючую протухшую рыбу. Ее и вспоминать-то было отвратительно — склизкие чешуйчатые тела, лопнувшие от падения из вагонеток животы, мерзкие кишки... бр-р-р!..

Вдруг он понял страшную вещь — в голове уже зашевелилась некая бесплотная тень, которая вот-вот обретет очертания валькирии, а если он начнет возиться с рыбой, тень растает.

Просперо побежал в мастерскую, схватил карандаш, стал набрасывать очертания фигуры с руками, раскинутыми крестообразно, получалось вроде хищной горной птицы, он взял другой лист и изобразил эту же фигуру в профиль, с шеей, покрытой перьями, с клювом...

— Чушь какая-то... чушь, чушь...

Валькирия не давалась. А он знал, что если не справится с этой скандинавской дурой, то пути вперед уже не будет. Точно так же он думал, когда привезли первый контейнер с маринованными осьминогами — он разложил эту живность по столу и понял: дело не в масштабе и не в длине шупалец... Но с осьминогом-то он справился, выпустил из мастерской того, кого от него ожидали — героического бо-

евого осьминога, способного вести военные действия на глубине десять километров. А до того он сперва маялся в растерянности, но потом прекрасно решил задачу с Красным Рыцарем, натурщика для которого нашел в журнале по кик-боксингу. Оставалось только снабдить бойца оружием для ног, которое в общей груде доспехов было почти незаметно, да поработать с его сухожилиями, дав невероятную для человека прыгучесть и растяжку.

Другие мастера пробовали скопировать Красного Рыцаря и даже удачно, а вот Скриннийор Нир им оказался не по плечу. Это все признали. И зависть соперников оказалась для Просперо слаще всякой десятины, пусть даже это была десятинна храбра Всеслава Волка — он уже дважды присылал бочонки с диким медом, который ни одна оптовая база брать не желала, хоть сам садись на базаре торговать.

Кольчуга, косы, удлиненное лицо с суровым ртом, мужской разворот плеч... дальше что?..

Кольчуга из железных перьев?

Эту мысль следовало обдумать. Просперо прихватил папку с бумагой, два карандаша и вышел во двор, где блондинка с Ариэлем уже не играли в мяч, а сидели за белым столиком и пили апельсиновый сок. Блондинка закинула ногу на ногу — когда она не двигалась, то выглядела более или менее сносно.

— Ариэль, срочно вызови уборщиков, у нас там две тонны гнилой рыбы, если не больше, — сказал Просперо. — Вонь такая, что к воротам не подойти. А ты, красавица, встань вон туда, подальше, еще подальше...

Он нашел для блондинки хорошее место — солнце стояло у нее за спиной, Просперо видел не живую женщину, а силуэт. Но этого он и хотел — ощущения нереальности. Пока Ариэль бегал смотреть на рыбу, пока вызывал уборщиков, Просперо делал трехминутные эскизы, один за другим. Цена им была невелика — он и сам не знал, чего искал.

Блондинка оказалась чересчур послушной, вот что! Она принимала заказанные позы, поворачивалась, старалась воплотить все затеи Просперо — валькирия, явись она из своей скандинавской мифологии, послала бы его к каким-нибудь морским чертям. В натурщице не было способности к сопротивлению.

Вот если бы она хоть замахнулась сгоряча на Просперо, хоть недовольно вздернула аккуратный носик! Но нет — она честно отработывала свой гонорар.

Пришел Ариэль, принес от оружейника шлем — железную миску с ушами. К шлему уже были прикреплены длинные косы из синтети-

ческой белой пакли. Блондинка надела этот ужас — и Просперо зама-хал на нее руками.

День положительно не задался. Лучше всего было бы отпустить блондинку, прилечь в тени и, закрыв глаза, послушать какую-нибудь аудиокнижку поглупее.

Так Просперо и сделал.

* * *

Юрка был голоден, как никогда в жизни.

Немногие городские дети сумеют прокормиться, шагая по шоссе. Они не знают, что стоит свернуть и очень скоро выбредешь к полю или к огороду, встретишь хозяев, а если просить стыдно — сговоришься: ты им поленницу у стены сарая сложишь и двор приберешь, они тебя обедом накормят, и им необременительно, еда-то не купленная, и тебе полезно. Опять же, можно летом картошку окучивать, осенью — копать. Но Юрка никогда не задумывался, откуда в мире берется картошка.

О том, что можно ночевать в стогах, он тоже не знал, а когда к утру подустал — улегся почти на обочине, за кустами, и проспал там часа три, больше не мог.

Он честно прошел эти сорок пять километров, перешел по мосту Груицу, с некоторым недоумением посмотрев вниз — река была слишком незначительна для такого огромного моста. Пить хотелось страшно. Он спустился вниз, в узкий и длинный овраг, и набрал кое-как воды в прихваченную по дороге пустую бутылку из-под минералки. Вода на вкус была противная, да и на вид грязная, но выбирать не приходилось.

Потом Юрка нашел поворот, прошагал еще километра два и встретил тетку на велосипеде. Рядом с велосипедом бежал беспородный рыжий щенок. Он бодро облаял Юрку, когда тетка притормозила. И все время разговора проявлял к нему интерес. Даже позволил перебирать пальцами жесткую шерсть на своем загривке.

Хозяйка щенка сказала, что насчет художника — не уверена, а какой-то чудик тут и вправду поселился: выкупил землю, обнес забором, чего-то там понастроил, живет не слишком шумно, хотя гости к нему приезжают постоянно. Сам же появляется редко, даже в город не ездит, но машина у него есть, хорошая, дорогая.

Просить у нее поесть Юрка постеснялся.

Забор он нашел скоро — но ворота оказались на запоре. Он пробовал стучать, однако никто не отозвался. Кричать, как и просить еду у незнакомых, он стыдился. Юрка пошел вдоль забора и набрел на

место, откуда, как ему показалось, можно было перебраться во владения загадочного старика.

Он забрался на дерево, которое росло рядом с забором, и понял, что ветви слишком тонки — по ним не проползти до края кирпичной стенки, прогнуться. Зато теперь он видел большую часть двора и стоящий в центре голубой купол вроде циркового, только пониже. Купол торчал среди каких-то пристроек и высоких красных труб.

Одна из пристроек походила на старый дом, словно выглянувший из современных блочных стенок. Внизу располагалась веранда, перед верандой — крыльцо, ведущее в садик, наверху — большой балкон, и все это — деревянное, с резьбой. Садик украшали высокие клумбы-рабатки, там росли незатейливые цветы — анютины глазки, ноготки, бархатцы. Была площадка вроде волейбольной, Юрка увидел и мячи в зеленой траве.

За белым столиком сидели, разговаривая, худой полуголый парень и фантастическая блондинка — беловолосая, загорелая, в коротеньких шортиках и прозрачном топике. От этой красоты Юрка чуть с дерева не полетел.

— Эй! Эй, люди! — завопил он.

Парень повернулся, но не сразу понял, где засел незримый крикун. Юрка замахал ему, парень сделал рукой знак — мол, понял! — и побежал к забору. Тут Юрке стало немного не по себе — он впервые видел, чтобы передвигались такими прыжками, с подвисанием в воздухе. И на забор в полтора человеческих роста этот местный житель не вскарабкался, а будто взлетел и уселся удивительным образом — словно была у него на заду какая-то хитрая точка, отвечающая за равновесие, и он одну лишь ее совместил с острым краем горба кирпичной кладки.

— Ты откуда взялся? — спросил он Юрку.

— Я художника ишу. Сказали, ему нужны натурщики.

— Кто сказал?

— Дядька один. А что, соврал?

Сейчас Юрке показалось, что тот мужчина в кожаном плаще действительно мог соврать, почему бы нет — увидел дурака, грех же не поиздеваться, отправить пешком хрен знает куда!

— Нет, не соврал, — задумчиво сказал парень. — Но мы обычно через агентство заказываем. Вон, девочку прислали...

Он указал на блондинку.

— Так что, нужны или не нужны? — грубовато, чтобы казаться покруче, поинтересовался Юрка.

— Сейчас нам девочки нужны...

— Ариэль! — долетело издалека. — Ариэль!

— Я здесь!

— Они не могут прислать уборщиков! Только вечером!

— Вот подлая контора, — тихо сказал Ариэль. — Да мы тут до вечера помрем от этой вони. Извини — натурщик не нужен, нужен человек с лопатой. А лучше двое.

— Ты погоди, погоди! — поняв, что собеседник сейчас спрыгнет с забора и уйдет, воскликнул Юрка. — Ты художнику про меня скажи, я дорого не возьму... не беру!..

При мысли, что придется возвращаться в город, Юрка чуть не заревел. Сорок пять километров, есть хочется так, что плохо делается. В городе можно подстеречь кого-то из одноклассников — они покормят, но они же ведь и донесут! Тогда точно — закрытый колледж. До восемнадцати, а там живи как знаешь, образование у тебя есть, хочешь — учись дальше, хочешь — работай и все деньги просаживай в игровом зале. Но если попытаешься хоть копейку украсть, сразу вспомнят былые грехи.

Три года без игры. Это кончится безумием, ни один психиатр не поможет.

— Говорят же тебе, мы через агентство заказываем. Выбираем по каталогу. Вот, скажем, после девочки нам мужчина нужен, атлет, с мускулами, желательно бывший спортсмен. В твоём возрасте таких мускулов не бывает. Ты, если обязательно хочешь позировать, сходи в агентство, запишись, будешь в картотеке...

— Ариэль!

— Иду! Так что не трать время зря, возвращайся домой...

— Да погоди ты! Ты ему про меня скажи! Может, он передумает! Это же дешевле, чем через агентство!

— Вот уж деньги для нас вообще никакой роли не играют, — отрубил Ариэль и соскочил с забора, но не вниз, а словно по дуге пролетел и исчез.

Юрка заплакал.

Последний шанс рухнул, разлетелся вдребезги. Ни денег, ни еды, ни ночлега — ничего!

И он безумно боялся деда. После побега дед зол как черт. Бабка — и та побоится вступиться. Родня и видеть его не захочет — сколько позора из-за него приняли, хотя он ни в чем не виноват, и если у тетки с дядькой что-то пропадало из дому — пусть своих близнецов спрашивают, они и не знают, что близнецов подсадили на «колеса»... Дед с друзьями уж точно придумает какую-то одиночную камеру без окон, он такой...

Юрка слез наконец с дерева и побрел обратно. Он оказался у во-

рот, постоял немного и кинулся барабанить. Если его не пустят сюда — он повесится! Другого выхода нет!

Над воротами появилось лицо Ариэля.

— Да ты что, спятил? — спросил он.

— Впустите меня! Впустите меня! — только и мог повторять Юрка. С ним случилось самое страшное — он впал в истерику. Истерик он не закатывал уже давно, после того как дед образумил его, двенадцатилетнего, звонкими пощечинами.

Ариэль исчез, минуту спустя створки ворот разъехались.

— Входи живо, — приказал Ариэль.

Юрка ворвался во двор и встал как вкопанный. Нужно было как-то объяснять свое поведение, но он не мог успокоиться и с опозданием разревелся.

— Прекрати это. Иначе выкину, — пригрозил Ариэль. — Ну, живо замолчал! Вытер сопли! Смотри мне в глаза!

Дивным образом истерика утасла.

— Мне вообще больше некуда пойти, — честно сказал Юрка. — Я из дома ушел. Я туда не вернусь, лучше умру. Я сюда из города пешком шел...

— Вот дуралей, автобусом за двадцать рублей бы доехал.

— У меня нет двадцати рублей. У меня вообще ни копейки нет.

— Так... Лопату держать умеешь?

— Да.

Юрка соврал, и Ариэль это понял, но спорить не стал.

Он повел Юрку к глухой стенке из бетонных блоков, завел в темный сарай, оттуда — в светлое помещение, где находиться было совершенно невозможно — так воняло.

— Видишь рыбу? Я покажу тебе, где тачка садовника, и дам лопату. За огородом выкопаешь яму и зароешь там эту мерзость. Сейчас поешь — и за работу.

* * *

Просперо с балкона смотрел, как незнакомый мальчишка гонит к забору тачку с гнилой рыбой.

— Впервые в жизни он что-то делает руками, — заметил Ариэль. — Я покормлю его ужином и заплачу тысячу. Хотя деревенские алкаши и за пятьсот прекрасно бы справились.

— Нельзя прикармливать деревенских алкашей, — не отводя взгляда от Юрки, возразил Просперо. — И тысячу парню давать тоже нельзя. Откуда ты знаешь, что он натворил, если удрал из дому без копейки в кармане.

— А что тут знать? Игрок. И деньги нужны ему, чтобы проиграть.
— Да... Тут ты прав... Но он, проиграв, опять придет сюда, и у нас не будет для него второй такой кучи дерьма.

— Будет, — уверенно ответил Ариэль. — Вот увидите, учитель, наш восьминогий друг будет снабжать нас этой дрянью по меньшей мере раз в месяц.

— Ты отмыл сундучок?

— Да, учитель, от него уже почти не пахнет. И пришло письмо от капитана Трелони. Он извиняется, что задерживает десятину — у них почти не было добычи. Испанский серебряный караван застрял в Лиме, Трелони уже третью неделю сидит в засаде.

— А Ночная Гроза?

— Впал в спячку, учитель. У них там начался сезон бурь, так что он забрался в пещеру и спит. Надо бы ему отправить парочку новых клешней с титановым напылением.

— А мальчик с характером...

— Ему не терпится получить хоть какие-то деньги и побежать с ними в игровой зал.

— Отнеси-ка ему лейкопластырь.

Просперо не ошибся — Юрка действительно натер ладони деревянными щелястыми ручками садовой тачки. Но ему пообещали тысячу рублей. Двадцать — на дорогу, а на остальные взять бутылку колы, чипсы и жетоны. Только в каком-нибудь незнакомом зале, на окраине, а то еще деду позвонят.

Он гнал вихлявую тачку по дорожке и думал о системе. Есть люди, умеющие выстроить систему, по которой они выигрывают у автомата. Но для этого нужно часами сидеть и наблюдать, делать записи. Необходимо запоминать выскакивающие комбинации — Юрка уже знал, что генератор случайных чисел в хитрой машине отсутствует, но есть алгоритм и есть процент выигрыша, который соблюдается более или менее точно. Игрок, которому теоретически обещают пятьдесят процентов, то есть игру с техникой на равных, фактически имеет в лучшем случае пятнадцать. И вот пойдя определи, когда бездушная железяка уже отработала с выгодой для себя восемьдесят пять и готова наконец расщедриться!

Нет, эту тысячу нельзя тратить бездарно, как те доллары, будь они неладны. Сперва нужно посидеть, посмотреть, прикинуть, выбрать автомат. Потом немного поиграть, так, на пробу, и не обольщаться мелким выигрышем — это он заманивает. Мелкий выигрыш забрать и уступить автомат другому игроку, потом вернуться...

Его догнал Ариэль.

— Покажи руки.

— Отстань.

Тачка была тяжелая, сейчас ее удалось разогнать, и она шла, можно сказать, сама, а если остановиться — беда.

Юрка позволил протереть себе ладони ваткой и заклеить пластырем, только когда вывалил рыбу в длинную яму.

Он тяжело дышал, но мысль о грядущей победной игре не давала ему сломаться. Отвратительной рыбы оставалось еще на две тачки. А потом покормят, дадут деньги и отпустят. И — на автобус! В город! В зал!

Ариэль поглядел парню вслед, когда он гнал по дорожке пустую тачку, и вернулся на балкон.

— Характер показывает, — сказал он Просперо. — Занятный был бы натурщик. А, учитель?

Ответа он не получил — Просперо задумался.

— А принеси-ка ты мне, Ариэль, распечатку заявок... — произнес он чуть ли не пять минут спустя.

Ариэль сбегал и доставил три потрепанных листка. Часть заявок была зачеркнута — уже ушел в самостоятельную героическую жизнь боевой осьминог Скриннийор Нир, уже сражался где-то на номерной планете под двумя солнцами и тремя лунами гигант Ночная Гроза, а вот против заявки на валькирию стоял вопрос, поставленный недавно — Просперо вдруг усомнился в своей способности мастерить героинь.

— Так, так, так... — бормотал Просперо. — Вот. Менестрель кому-то нужен. В стиле французского четырнадцатого века. Со знанием восточных единоборств. Как ты полагаешь?

— Никакой он не менестрель, учитель.

— Вот еще травести — девочка-рыцарь, с магическими способностями... Нет, обойдемся без магических способностей. Ступай-ка и посмотри — может, пришли новые заявки.

Оставшись на балконе один, Просперо долго смотрел на небо. Его отвлекли крики в саду. Он подошел поближе к перилам и понял, что разгорелся целый скандал.

Мальчишка, нанятый для закапывания гнилой рыбы, и блондинка ругались отчаянно, до визга, но в драку не лезли. Тачка валялась на боку, и Просперо догадался, что произошло — блондинка выскочила из-за поворота и налетела на труженика.

Она даже руками взмахивала потешно — так разозлилась. Парень, пятясь, огрызался. При желании Просперо мог и слова услышать, но они-то как раз его мало интересовали. Он впервые видел натурщицу в ярости... и эти движения рук...

Крылья — это не только полет, крылья — это оружие, вот что дошло до него, и он тут же поспешил в мастерскую.

— Ариэль, Ариэль! — кричал он, сбегаая по лестнице. — Пришли мне оружейника!

Оружейник Анатолий Петрович, опытный мастер, жил тут же, ему в дальнем конце двора оборудовали кузницу и лабораторию, где он в свободное время экспериментировал с какими-то сплавами. Оборудование Просперо привез из разорившегося и ликвидированного института, работавшего в свое время на космическую промышленность.

Когда он вошел, Просперо уже подготовил предварительный эскиз.

— Это не совсем скандинавское, скорее, древнегреческое — птица, роняющая железные перья, — сказал он. — Но на самом деле эти перья — плоские наконечники копий, надо будет проверить, какими копьями пользовались викинги. И вот тут они заточены так, что если сложить их плотно, получается рубящее оружие, вроде большой и тяжелой сабли.

— Как они будут восстанавливаться? — спросил Анатолий Петрович.

— Пока не знаю, я еще не думал про обмен веществ у валькирии. Но у нее вместо рук будут крылья, и на конце каждого крыла — кольчужная перчатка.

Оружейник, неплохо знавший историю, промолчал. Он даже тогда не спорил, когда Просперо велел снабдить капитана Трелони протезом с лазерным устройством. Впрочем, в том мире, где орудовал изготовленный Просперо герой-пират, было много всяких несообразностей — там и морские коровы в Саргассовом море, имевшие женский бюст и длинные волосы, но устройство гортани — звериное, по-испански и по-английски бойко разговаривали. Там и год четыреста двадцать суток длился...

* * *

Юрке хотелось как можно скорее заработать деньги. Он понял, что для настоящей игры тысячи ему мало. Он грезил о том дне, когда войдет в зал, купит первую порцию жетонов и сядет к автомату. Одна лишь эта мысль его и поддерживала. Ариэль потихоньку обнадежил — есть шанс, что хозяин им заинтересуется. И отдал Юрку в рабство садовнику, приезжавшему дважды в неделю.

Началась игра иного свойства — Юрка объявил войну Просперо. Тайную, разумеется. Он исследовал все, что имело отношение

к странноватому старцу, необъяснимо впадавшему то в хандру, то в восторг. Юркина задача была проста — стать натурщиком и зарабатывать столько, чтобы выйти победителем из поединка с автоматом. И он втихомолку стал подлизываться к блондинке, чтобы узнать — сколько дней работает натурщик и действительно ли получает по три тысячи в день.

Блондинку звали Зента, она и правда была скандинавских кровей, работала фотомodelью с четырнадцати лет, почему и не получила хотя бы среднего образования. А после двадцати пяти быть моделью тяжело, если вовремя не вышла замуж. В усадьбе Просперо Зента скучала — и сам хозяин, и Ариэль никакого интереса к ее прелестям не проявили.

Про работу натурщицы она рассказывала довольно бессвязно, Юрка так и не понял, что тут требуется. Ему казалось, что нужно сидеть или стоять неподвижно, пока тебя рисуют. Но Просперо иногда просто ходил с Зентой по саду и выспрашивал про детство. А какое такое детство? Ну, в детский сад водили, потом в школу водили, что еще тут рассказать? Куклы были, цветные комбинезончики были.

- И все? — не верил Юрка.
- Еще помнишь, мы столкнулись и поцапались?
- Ага, когда тачка опрокинулась.
- Вот тогда он мне целый допрос устроил — есть ли у меня враги и что я с ними делаю. Два часа пытал.
- А ты видела картину?
- Какую картину?
- Которую он с тебя пишет?
- Это не картина, а вроде фигуры — знаешь, как манекен, но из чего-то другого. Он лицо вылепил, показывал, но оно совершенно не мое! Такое, такое, ну...
- И долго ты тут живешь?

Зента принялась считать на пальцах, процесс был мучительный. Насчитала она то ли шестнадцать, то ли восемнадцать дней. Юрка округлил до двадцати и получил изумительную цифру — шестьдесят тысяч. С такими деньгами уже можно вызывать на поединок судьбу-злодейку и ее полномочного представителя — автомат. Так что нужно исполнять все поручения садовника — не то прогонят, сунув в руку несчастную сотню баксов, и никакой Большой Игры не получится.

Но Зента была недовольна гонораром — она считала, что заслуживает большего. Причем главный аргумент выдвигался такой: этот

старый чудака тратит бешеные деньги на свою усадьбу и всякие нелепые штуки, а на модели экстра-класса экономит! Не умея заинтересовать взрослых мужчин, бывавших в доме, Зента пробовала коготки на Юрке — хоть кто-то же должен ею восхищаться. Но напрасно блондинка набивала себе цену — у слушателя было на уме совсем иное.

Постель для Юрки устроили в домике садовника — там находилась комната, где садовник иногда оставался ночевать, вот ее и отдали в Юркино пользование. Впрочем, это был не совсем домик, а скорее пристройка у северной стены бестолкового здания под куполом. Оттуда можно было пробраться на склад, со склада — в одну из мастерских, из мастерской — в центральное помещение с бассейном. Дорогу показал Ариэль и предупредил, что купаться без спросу не следует — вода может оказаться опасной для здоровья.

Первые ночи Юрка спал как убитый. Физический труд на свежем воздухе совсем его оболванил. Был даже миг, когда Юрка перестал понимать, что происходит: весь день он полол рбатки, и всю ночь ему мерещилось то же самое, но с ирреальными подробностями. Потом стало полегче. Наконец он отважился на вылазку. Интересно же, что там получается у хозяина.

Стемнело, когда Юрка отправился исследовать ту мастерскую, где Просперо, судя по всему, делал портрет Зенты. Вход обнаружился со стороны бассейна, но не он заинтересовал Юрку.

Мастерская была с высоким стеклянным потолком, и Юрка здраво рассудил, что он сперва посмотрит сверху и разберется что к чему. У него хватило ума прежде подойти к двери на цыпочках и прислушаться. Юрка оказался прав — в мастерской горел свет и невнятно звучали голоса, мужской и женский. Подивившись тому, что хозяин мучает натурщицу в такое время, Юрка вышел во двор и по железной лестнице забрался на покатуую крышу. Стеклопанной она была не вся, а только середина, и одна из рам как-то хитро выдвигалась, так что соглядатай мог незримо подобраться и заглянуть в мастерскую.

Он увидел внизу любопытную парочку — Просперо и Зенту.

Они сидели на широкой деревянной скамье: Просперо в длинном халате, в маленькой шапочке, а Зента — закутанная в темный, с металлическим блеском, плащ. Поверх плаща на груди лежали две толстые косы. Эти косы Юрка знал — они были привязаны к шлему, в котором Зента позировала. Но шлема-то на блондинке и не оказалось — она сидела с непокрытой головой, держа на коленях толстую книгу.

— Если ты валькирия, Саннгрид, то и говорить тебе следует на

языке валькирий, и не то важно, чтобы другие тебя поняли, а то, чтобы ты сама себя разумела, — сказал Просперо. — Ты можешь взять за образец язык скальдов. Конунгам и ярлам он известен с детства, а воины стараются изучить его, когда их берут в дружину.

— Я знаю. Но мне язык скальдов не по вкусу, — отвечала девушка, и Юрка понял: это не Зента, голос совершенно другой. — Не могу я называть золото огнем руки, а серебро — камнем руки. Это неуклюжие кеннинги.

— Золото также груз тигля, пылающий уголь руки, а серебро — белая пурга тигля и снег чаш.

— Не нравится мне это.

— Придумывай свое. И будет у тебя свой язык.

— А вот как они называют мужа — мне нравится. Расточитель золота. Это правильно. Это хороший кеннинг.

— Возьмешь его себе?

— Возьму, учитель.

Юрка вспомнил, как Зента жаловалась на скупость Просперо. Только Зента никогда не говорила столь красиво и весомо.

— Мало подходит этот кеннинг для боя, Саннгрид. С ним ты не поведешь мужей в сражение. Если бы ты вела женщин и звала их дарительницами золота, дело иное.

— Золото еще можно назвать змеей потока... — задумчиво произнесла Саннгрид.

— Почему так?

— Блеск закатного луча на воде. А дева — дарительница змеи потока.

— Это прекрасный кеннинг, Саннгрид. Однако придумай что-нибудь и для благородных мужей.

— Зачем придумывать, если для них есть старые кеннинги? — спросила Саннгрид. — Вот, я нашла дуб оружия и сражений. Всегда так было: женщину липой звали и ивой, мужчину — дубом.

— Но, Саннгрид, эти кеннинги из языка скальда. Скальд сидит в ладье или на пиру, перед ним расположились мужи, и он им поет об их доблести. Тут должна быть царственная неподвижность. А тебе суждено вести мужей в битву. Не станешь ведь ты взывать: вперед, за мной, дубы! Придумай что-нибудь иное.

Она перелистнула страницу и беззвучно пошевелила губами, разбирая слова.

— Мужчина также ствол меча, ясень вьюги Одина...

Голос валькирии сделался жалобным — так отвечает школьник, не понимая, чего от него добывается учитель.

Юрка сверху слушал неторопливый ночной разговор и ничего в нем не понимал.

Но девицу он разглядывал с большим интересом. Во-первых, он видел ее впервые — значит, она где-то пряталась! Во-вторых, он предположил, что это не Зента, а то создание, для которого Зента послужила натурщицей. Мысль была чересчур лихой, но ведь ничего иного — ни картины, ни скульптуры, Юрка в мастерских не обнаружил.

Юрка уже заметил, что в хозяйстве Просперо творятся странные вещи. Вот Ариэль: на вид ему лет восемнадцать, никак не больше двадцати; темные волосы схвачены в хвост, загорелый, тощий, ходит в одних шортах и сандалиях. На городской улице в летний полдень сразу затеряется. Но Юрка видел, как он взлетает на верхнюю ступеньку каменной террасы в саду даже не прыжком, а словно усилием воли, и ног почти не сгибая. Это, кстати говоря, больше метра. Еще однажды он обнаружил на дорожке трехпалые следы такой величины, что большой сковородкой не накроешь. Юрка был невеликий знаток биологии, но следы разбудили фантазию. Они могли принадлежать рептилии или птице ростом со слона. А между тем животных в хозяйстве не наблюдалось — если не считать кота и обнаглевших ворон.

И очень может быть, что договариваются с человеком, хорошо ему платят и меняют его внешность. Скажем, взяли кривую и косую дуру, обтесали под крутую блондинку Зенту, а теперь чему-то еще и учат.

Очевидно, Просперо устал от тягомотных и невразумительных речей.

— А как насчет того, чтобы сделать пару кругов? — спросил он.

— Я попробую, — ответила Саннгрид, но без особой радости, и встала со скамьи.

Выйдя на середину мастерской, она раскинула руки, и Юрка удивился — человеку такие длинные не полагаются. Потом Саннгрид взмахнула причудливыми рукавами. Раздался треск, скрежет и звяканье. Раз, другой и третий она воздела руки и резко опустила их вниз, хлопая себя по бокам с таким звуком, будто была жестяной банкой.

— Ну, что еще? — Просперо был сильно недоволен.

— Не держат!

— Как это — не держат?

— Я не справляюсь с их тяжестью, учитель.

— Ты должна справиться. Ты должна, Саннгрид! Ты — валькирия!

Ты сильна и не ведаешь страха! Возможно все, Саннгрид! Если ты будешь бояться тяжести собственных крыльев, то как поведешь благородных мужей на битву? Ну?!

Валькирия, дребезжа крыльями, еще трижды проделала известное птичье движение и даже подпрыгнула. С тем же результатом.

— Тебя ждет вьюга Одина, тебя ждет буря копий! В руке твоей — огонь крови и ран! Ступай сюда! Вот, я черчу у тебя на груди руны победы!

Юрка сверху не разглядел, что там изобразил Просперо на груди валькирии. Но победой пока и не пахло.

— Хочешь ты или не хочешь, но летать будешь!

Юрка так и не понял, откуда в руке Просперо взялся бич.

— Учитель, не надо! Я взлечу! Я взлечу! — закричала Саннгрид, но Просперо уже хлестал ее по ногам.

Нелепо размахивая крыльями, валькирия уворачивалась от бича, визжала, подскакивала, но в конце концов действительно повисла в воздухе и стала, панически отбрыкиваясь от истязателя, набирать высоту.

Она зависла прямо под окошком в стеклянной крыше. Рама была сдвинута до отказа, почему Юрка и слышал все разговоры. Но переплет не соответствовал размаху металлических крыльев. Пытаясь вылететь, валькирия билась в отверстии, железные перья со звоном летели вниз, дико вопил Просперо, угодивший под этот страшный дождь. Саннгрид, уже ничего не соображая от страха, рванула в ночное небо вместе с рамой...

Юрка, подкраившийся слишком близко к окну, еле удержался на крыше. Большие куски стекла пошли трещинами, он понимал, что вот-вот рухнет вниз вместе с осколками, но молчал. Страшнее всего было обнаружить себя и вылететь наутро с территории, ни гроша не получив.

Ему удалось отползти и ухватиться за какой-то штырь в стене. Внизу орал и бесновался Просперо. Саннгрид приземлилась на клумбу, но встать не могла — повредила ногу. Откуда-то издалека звал учителя Ариэль...

* * *

Возвращаться в мастерскую Просперо не желал. А желал он бросить все к чертям и уехать на Мальдивы.

— Это еще не окончательная неудача, учитель, — говорил ему Ариэль. — Многие идеи оправдались. Вот взять стальные заточенные перья. Да, они утяжеляют крылья неимоверно — я согласен. Но даже

просто падая, могут нанести противнику вред, и вы сами в этом убедились.

— Да уж, убедился! Мне чуть полноса не снесло...

Просперо был весь обклеен лейкопластырем.

— Нужно увеличить размах и нарастить мускулы, только и всего.

— Тогда она вообще не сможет пользоваться крыльями, как руками.

Ариэль ничего не ответил. Подумал же, видимо, так: нельзя в одного героя вложить все мыслимые и немыслимые качества, чем-то приходится жертвовать. А вслух сказал так:

— И к тому же не повезло с натурщицей. Она по характеру домашняя клушка. Если ей предоставить свободу и деньги, она целыми днями будет сидеть в мягком кресле и смотреть дурацкие программы, а вокруг будут бегать маникюрши, педикюрши, парикмахеры и массажисты.

— Проклятые каталоги!

Просперо пошел на поводу у неведомого подлеца, который оценил скандинавскую внешность Зенты и сфотографировал ее в стиле «белокурая бестия» — затянув в черный латекс со шнуровкой и соответственно заgrimировав.

— У нас нет другого способа искать натурщиков, — спокойно сказал Ариэль и пошутил: — Кроме как заказывать их контейнерами из ресторана «Дары океана».

Просперо усмехнулся — вспомнил боевого осьминога.

— Кстати, никто не присылал десятины? — спросил он. — Нам нужно счета оплатить, электричества я нажег — страшное дело... и дуре этой, согласно контракту...

— Поступило сообщение от полковника Васильева. Они там преследуют обоз с добычей, еще сутки — и возьмут.

Сообщение пришло кстати: Просперо с удовольствием слушал про успехи Васильева, одного из лучших своих героев. Казалось бы, и сделал немного — заострил зрение и слух, прочее оставил, как было у натурщика, бывшего милицейского майора. Но результат!

— А как Ночной рыцарь?

— Не то королевство выбрал. Жениться на принцессе напрочь отказался, опять собирается в странствие.

Этот герой тоже был сделан весьма остроумно — он обретал зримую плоть только после захода солнца. По расчетам Просперо, Ночной рыцарь должен был наниматься к обычным богатым искателям приключений, чтобы ассистировать на турнирах и исполнять обязанности телохранителя. Но герой (звали его сперва Ночным Дже-

ком) оказался чересчур сообразительным. Первая же десятина с его добычи обернулась скандалом — и пришлось возвращать ворованное. Затем герой принялся промышлять по дамским спальням, потом ему это наскучило, он пошел в начальники охраны к какому-то герцогу, прекрасно руководил обороной замка во время шестимесячной осады, был посвящен в рыцари и, казалось, обрел наконец порядочность. Просперо вздохнул с облегчением, но ненадолго — Ночной Рыцарь вздумал жениться на принцессе и стать монархом хоть крошечного, но королевства. Ему пока было не до погони за добычей.

Просперо задумчиво ходил взад-вперед по большой мастерской. Стекло с пола уже убрали, железные перья сложили на подоконнике. Он взял перышко, попробовал пальцем — да, острое. А что проку?..

— С Зентой рассчитаться и отправить ее туда, откуда взяли, — распорядился он. — Саннгрид пока подержим в гипнокамере. Может, найдем натурщицу с характером — тогда и доделаю.

Ариэль понял — Просперо смирился с неудачей, но вслух никогда в этом не признается.

— Хорошо, учитель. Чем мы теперь будем заниматься?

— Не знаю, друг мой, не знаю...

Это Ариэлю сильно не понравилось. Мастер, потерпевший крах, может и до того додуматься, что его творческие силы иссякли напроць и окончательно.

— Пожалуй, вам стоит отдохнуть, учитель, — сказал он. — Вы уже давно не отдыхали по-настоящему. Мы могли бы поехать на Средиземное море, в Грецию...

— Греция — это неплохо. Анатолий Петрович присмотрит за хозяйством, — сразу согласился Просперо. — Нужно предупредить героев, чтобы если кто задолжал десятину — высылал бы ее немедленно, а прочие пусть шлют, когда мы вернемся. Не пропадем, друг Ариэль, у нас много кормильцев...

И Ариэлю стало ясно, что Просперо наконец-то решил поставить точку в производстве победоносных героев. Шестую по счету, если не седьмую.

Если бы речь действительно шла о точке, после которой Просперо займется чем-то другим, Ариэль бы не возражал. Но он хорошо изучил мастера и знал, какое начнется нытье, когда первая радость безделья схлынет. В глубине души он догадывался, что Просперо не умеет делать ничего иного, кроме героев. Значит, нужно не мудрить, а идти испытанным путем и предложить учителю новую игрушку.

— Хорошо, — кивнул Ариэль. — Анатолий Петрович остается, всех прочих распускаем. Надо будет сказать Калинникову, чтобы довез до города Юрку.

Калинниковым звался садовник, приезжавший дважды в неделю на странном драндулете, у которого задние сиденья были выломаны, чтобы возить ящики и мешки.

Просперо покосился на помощника. Это означало — надо бы адрес парня записать, парень-то перспективный, но я ставлю точку, натурщики мне больше не нужны.

— Я ему пару тысяч выдам. Проиграет, конечно, но хоть моя совесть будет чиста, — продолжал Ариэль. — И хочу еще на завтра кровельщиков вызвать. Дождь пойдет — не обрадуемся.

Он возвел глаза ввысь — к разломанному стеклянному потолку.

— Хорошо, пусть починят.

— Я бы вообще сделал тут нормальную крышу. Еще диво, что Юрка оттуда не свалился. Расшибся бы насмерть — что с ним делать?

— Он что, лазил туда?

— Конечно, лазил. И я бы в его годы полез, — заявил Ариэль, бывший с виду лишь немногим старше, но это лишь с виду. — Я когда утром туда забрался, кровавые следы нашел. Он там притаился, когда Саннгрид вылететь пыталась, и сильно стеклом порезался.

— Кой черт его туда занес?

— Мальчишка же. Он всюду нос сует. Он просто обычный мальчишка, которому все интересно. Жаль — игрок...

— Если он видел Саннгрид...

— Он ее видел. Сейчас спрятался на складе и ждет расправы.

— Он руки порезал?

— Да, учитель.

— Ты перевязал?

— Конечно, учитель. Если бы не эта страсть к игре — стал бы он со временем хорошим натурщиком.

— Да, возможно. А во что он играет?

— Я думаю, с автоматами сражается. Пойду разузнаю насчет билетов, учитель. И маршрут намечу.

— Ступай.

Ариэль ушел, не оборачиваясь. Он знал, что Просперо сейчас основательно задумается — да так, что и поесть забудет. Любознательный и темпераментный игрок — это ведь уже герой, в которого не придется искусственно закладывать тягу к риску и приключениям. Это не манекенщица Зента.

Ариэлю не хотелось на Средиземное море и в Грецию. У него были иные планы. Он имел свою долю в добыче и не тратил ее на глупости.

* * *

Юрка перепугался не на шутку. Он клял тот час и миг, когда додумался залезть на крышу. Просидев на складе весь день, он понял, что кормить его никто не собирается — а это значит, что скоро выловят и выкинут за ворота. Ариэль, перевязавший руки, ушел, даже не пообещав вернуться.

Выкинут, выкинут, сам виноват — сидел бы тихо, выполнял хозяйственные поручения, ждал своего часа...

— Вылезай! — раздался далекий голос Ариэля. — Куда ты там запропастился?

Юрка с горя забрался на антресоли. Там он почему-то чувствовал себя в меньшей опасности. Будут искать — так не сразу найдут, хотя Ариэль, кажется, сквозь стенки видит. Мальчишка не сразу отозвался — нужно было собраться с духом.

— Ща-а! — крикнул он как можно более бодро и независимо.

— Заснул ты там, что ли?

— Заснул!

— Слезай, хорошие новости!

Поесть Ариэль не принес, а хотелось невыносимо. Но Юрка молчал — какое-то чутье подсказало, что сейчас просить нельзя.

— Мастер хочет к тебе присмотреться, — сказал Ариэль. — Речь еще не идет о позировании. Просто присмотреться. У нас до сих пор были только взрослые натурщики. Он подойдет к тебе, чтобы поговорить. Ты не стесняйся, рассказывай все как есть.

— Хорошо.

— Мне кажется, ты из игрового зала не вылезал. А тут поиграть хочешь?

— Нет, — поспешно ответил Юрка, но лицо и взгляд безмолвно вопили: да, да, да!

— А если бы хотел, мы бы тебе игровой автомат привезли.

Юрка задумался. Он не мог понять, чего от него хотят Ариэль и незримо стоящий за Ариэлем Просперо. Объяснить человеку не играющему, что такое игра, совершенно невозможно. Они хотят, чтобы Юрка подставился?

— Не надо автомата.

— Ну, как скажешь. Пошли ужинать.

Ариэль повел Юрку в беседку посреди парка, там уже было все не-

обходимое — бутерброды, электрочайник, посуда. Потом Ариэль поменял Юрке повязки на руках — от обитания на антресолях они стали почти черными. И наконец отправил отсыпаться.

Утром его разбудил садовник, заставил пожарить яичницу, Юрка заодно и сам поел. Затем пошли в дальний угол сада. Там следовало ликвидировать густой бурьян, а землю перекопать, чтобы потом, несколько раз пройдясь граблями, извлечь подсохшие корни.

Юрка намахался мотыгой, которую мог держать лишь одной рукой — правой, на левой была глубокая царапина поперек ладони. Проголодавшись, он решил, что время уже обеденное, и пошел к дому Анатолия Петровича, который и сам питался правильно, и его кормил.

Но до кухни оружейника Юрка не дошел.

Он обнаружил на лужайке игровой автомат. Техника стояла прямо на траве, и к ней тянулись провода. Перед автоматом имелось большое и удобное офисное кресло на колесиках. Рядом, на табуретке, была пластмассовая миска с жетонами.

Сперва Юрка, разумеется, глазам своим не поверил. Несколько минут он издала глядел, как на экране мельтешит демоверсия игры. Потом приблизился, обошел странное явление, потрогал пальцем — не пропало, рука насквозь не прошла. Тут все же была какая-то ловушка — неправильные жетоны, к примеру. Юрка изучил их, только что на зуб не попробовал. Решил, что нормальные, но способ проверить фишки был один. Самый лучший!

Юрка огляделся — если за ним и подглядывали, то очень хорошо спрятались. Сев в прекрасное кресло, он улыбнулся — в таком можно круглыми сутками играть, и не почувствуешь усталости. Закинув в щель пять первых жетонов, он занес руки над клавиатурой. Начиналось счастье...

Целую вечность он не играл, но думал об игре, развивал свои мысли о системе, гарантирующей выигрыш, и все в нем вдруг ожило, все цифры, все соображения. Времени больше не было, вообще ничего не было — только полный восторг от поединка с автоматом.

Автомат оказался хитрым — сперва дважды вывалил по сотне жетонов в ответ на пустяковые ставки, затем стал издеваться, заманивая почти выигрышными комбинациями, и отнял всю добычу, потом еще раз выкинул приз — две полные горсти жетонов, и стал понемногу их отбирать. Казалось, внутри сидит зловредная сволочь. Но когда Юрка вбросил пять последних жетонов, вдруг пошла бешеная удача. Юрка стал нашептывать автомату страстные слова, называя его ми-

леньким, умничкой и еще по-всякому, как самого в раннем детстве звала бабка. Сейчас ему уже казалось, что там, внутри, не сволочь, а игривый ребенок.

Захотелось пить, но он отложил телесные радости до полной и окончательной победы над автоматом. И она состоялась, эта великолепная победа! Юрка сгрузил в пластмассовую миску не менее килограмма жетонов, встал и задумался — ну и куда теперь это нести, на что менять? По экрану побежали слова, цифры, фигурки — опять включилась демоверсия. Юрка не мог спокойно смотреть на это издевательство — тот, кто внутри, знал, что игрок голоден и страшно хочет пить, но звал продолжить игру. Юрка принял вызов.

Жажда могла и подождать.

Это не зал, когда в трех шагах от автомата — бар с фантой и колодой, пивом и коктейлями. За питьем нужно идти к Анатолию Петровичу, это — целая вечность. Ничего, еще один выигрыш — и можно отпустить себя, всего лишь один, чтобы показать треклятой технике, кто тут главный.

Юрка даже не сразу понял, кто это похлопывает его по плечу.

— Заигрался? — спросил Ариэль. — Хочешь, я тебе сюда ужин принесу?

Сперва Юрке стало неловко. Но Ариэль улыбался по-хорошему, с пониманием.

— Ты что будешь: просто бутики с чаем или куриную отбивную с картошкой?

Вопрос был нелепый — как же есть отбивную и одновременно играть, ведь обе руки заняты.

— Бутики, — сказал Юрка. — А с чем?

— С колбасой, конечно.

Это Юрке понравилось — бутик с колбасой держать удобно, особенно если колбаса толстая, вроде «докторской». А вот те, которые мастерила бабка, с колбасом помидора или крутого яйца, хуже всего — влажный помидор соскакивает с масла, яйцо же придерживать пальцем как-то неловко.

Вскоре Ариэль пригнал сервировочный столик с большой тарелкой бутербродов и ведерной кружкой горячего чая. Заодно приспособил к автомату настольную лампу. Он сделал это вовремя — еще немного, и в саду окончательно стемнеет...

— Но он же сумасшедший! — воскликнул Просперо. — Ты посмотри который час!

— Он просто игрок, учитель. И мы с вами это знали с самого начала.

— Ну, знали... Он что, и отлить не пойдет? Лужу в моем любимом кресле сделает?

— Надеюсь, до этого не дойдет. Но и до туалета он не добежит — скорее всего, к кустикам.

— Не понимаю... Он же тут ни на что свои жетоны не обменяет. Игра — ради самой игры? Где смысл?

Ариэль усмехнулся. Просперо не узнал в Юрке себя. Правда, таким он теперь бывал не часто — пора труда взхлеб и без единой мысли о вознаграждении для него миновала. Это была бестолковая пора, и созданные тогда герои большей частью погибли, и десятины они тоже не платили — десятина в жизни Просперо появилась вместе с Ариэлем. Теперь мастер очень даже интересовался вознаграждением. Но случалось, что сутками не выходил из мастерской, воплощая в жизнь сущую ерунду — вот полтора года назад захотелось ему, чтобы у Эмбикоатля были втяжные уши, весь смысл которых в том, чтобы пугать собеседников. И Просперо сделал ему такие уши и неделю радовался, не желая отпускать героя на ту планету, где ему предстояло сражаться высоко в горах, возле месторождений фербеллиновых кристаллов. Просто разговаривал с Эмбикоатлем, следил за его ушами и хохотал, как младенец с новой погремушкой.

Некоторое время они смотрели на огонек лампы в парке.

— А в этом что-то есть... — произнес Просперо. — Герой, который покоряет удачу. Не мышцы, а феноменальная интуиция... он видит на четыре хода вперед, даже когда сражается с машиной... Рыцарь Неумолимого Алгоритма! Вот кто это! Ариэль, подумай, в каком из миров может понадобиться Рыцарь Неумолимого Алгоритма?

— Во всех, учитель. Всюду идет игра, всюду нужен тот, кто обыграет врага.

— Хорошо. А потом? Он выиграет королевский трон, два трона, три трона, станет повелителем целой планеты — и что дальше?

— Не знаю, учитель. У нас еще есть время подумать об этом.

— Интуиция, интуиция... Откуда же она берется?

— У некоторых — врожденное свойство. Подсознание накапливает и обобщает информацию, потом выдает на поверхность результат.

— Слушай, это интересно... способность к классификации деталей... Я понял. Человек вводит себя в состояние транса. И включает механизмы работы с информацией, которые обычно спят. Вот что требуется... если вдуматься, Ариэль, что-то похожее я уже делал... для этого и картинки мельтешат...

— Да, учитель. В транс входить умеет капитан Трелони. И тогда он бегают по натянутому канату. Весьма полезно при abordage — и противник теряет дар речи, когда видит одноногого канатоходца.

— Ты прав...

Просперо с интересом посмотрел на огонек. Он не видел Юркиного лица, не слышал Юркиного дыхания, но протянулась ниточка — он уже понимал, что происходит возле автомата.

— Поздно, учитель, — сказал Ариэль.

— Отключи ему электричество, пусть идет наконец спать.

— Нет, учитель, он должен наиграться.

— Ты полагаешь?

— Он должен устать до легкого умопомрачения. Иначе он не будет удовлетворен...

— А что вообще нужно, чтобы удовлетворить игрока? Мне казалось — выигрыш.

— Боюсь, что нет, учитель. Нужно сделать так, чтобы состояние поединка было для него непрерывным. А это невозможно.

— У него изменяется обмен веществ?

— Тоже не исключено.

— Хорошо, пойдем.

Просперо отправился в свою спальню, Ариэль шел следом, глядя в затылок типу, с которым был связан прескверными узами взаимной необходимости. Ариэль мог немало — он и управлять мастером выучился. Он умел договориться с любым человеком и с любым техническим устройством, он поддерживал надежную связь с такими мирами, о которых жители Земли и понятия не имеют. Просперо без него просто растерялся бы и опустил руки. Но один лишь Просперо имел силу и власть мастерить живых героев. Вся сообразительность Ариэля была тут бессильна — этого дара он был лишен изначально.

Он мог бы найти другое занятие и другого партнера — всякому приятно, когда называют «учителем», но второго Просперо в обозримом пространстве и даже в обозримом будущем ему не попадалось, как ни искал. Прочие мастера копировали его работы, но плоховато, и ничего нового не изобретали, жизнь в героев вдыхали ненадолго, и это была какая-то псевдожизнь, с простейшими эмоциями и почти без интеллекта. Очевидно, талант старика и впрямь был уникален.

На рассвете Ариэль выглянул в окно. Зрение у него было острое — он увидел сквозь листву клена, что лампа горит, а Юрка спит в кресле.

Ариэль надел бандану, пристегнул к ней камеру и вышел в сад. Утренний мир радовал его — лучше всего он себя чувствовал, когда

из всех живых существ рядом были только цветы и красивые насекомые.

Погасив лампу, он разбудил Юрку.

— Завтракать будешь? — спросил Ариэль.

— А-а... а который час?.. — сонно полюбопытствовал Юрка, еще плохо понимая, где он и что с ним.

— Время раннее. Сейчас ты примешь душ и поешь. Потом начнет первый сеанс.

— Чего сеанс?

— Позирования. С сегодняшнего дня ты получаешь гонорар натурщика.

— Вау-у-у-у!!!

Но Юркин восторг тут же отступил перед мыслью: позировать — значит, находиться вдали от автомата. И плевать, что выигрыш ни на что тут не пригодится, главное — сражаться за него и жить этим прекрасным сражением...

Камера на бандане, которой он не замечал, фиксировала все, что отражалось на лице, и немного более — это была особая камера, с незаметными датчиками, и даже не самый грамотный технарь, посмотрев на них, сильно бы засомневался, что такие штуковины производят на планете Земля...

* * *

Юрка имел смутное понятие о позировании. Ему казалось, что придется сидеть или стоять неподвижно. А Просперо, наоборот, заставил ходить по саду. Они разгуливали вместе и беседовали о всякой ерунде. Несколько раз играли в мяч. Плавали в бассейне, где к ним присоединился Ариэль.

Ариэль, кстати, обещал, что к концу недели все вместе поедут в игровой зал, откуда взяли на время автомат. Жетоны, выигранные Юркой, там будут действительны, так что резонно набрать их побольше.

Жизнь обретала смысл!

То, за что дед чуть не убил, оказалось таинственным и дивным даром, предметом зависти. По крайней мере, так понял Юрка. Иначе для чего бы старому профессору (должность эту Юрка приспособил к Просперо сам) с такой дотошностью узнавать все подробности об игре?

Но счастье оказалось недолгим. Десять дней — и Просперо стал терять интерес к натурщику. Сперва Юрка этого не понял, потому что и в игровой зал его свозили, и жетонов ему вручили кучу, и выиг-

рыш отдали весь целиком, а это — четыре тысячи, не кот начихал. Рассчитывая, что будет еще одна вылазка, он все свободное время проводил за автоматом, безудержно мечтая и предчувствуя светлое будущее.

Но вдруг до него дошло, что Просперо и Ариэль куда-то пропали.

Юрка не сразу выдернул себя из-за автомата. Он еще какое-то время играл по инерции, но мысли уже лезли тревожные. Завтрак являлся сам — на сервировочном столике, с чаем в термосе. Обед и ужин ждали у Анатолия Петровича. Значит, все кончилось?

Он посчитал дни, умножил сто долларов на десять — получилось мало! Тысяча зеленых президентов — не та сумма, с которой можно начинать настоящую игру! (О том, что еще недавно и тысяча рублей казалась богатством, Юрка, разумеется, забыл.)

Он почувствовал себя обманутым. Наобещали, вознесли до небес и сбросили наземь, отделавшись несчастной тысячей баксов. Все мечты — прахом...

Юрка сидел у автомата, вроде и играя, но в упор не видя экрана. Нужно было что-то делать, пока его не вышибли отсюда. Нужно поговорить с Ариэлем, Ариэль толковый и деловой. Сам он уже не приходит. Значит, искать?

Тут какой-то дурак, угнездившийся в Юркиной голове, подсказал: пока будешь бегать и искать, автомат увезут туда, откуда взяли. И останешься вообще ни при чем!

Какое-то время ушло на разборку с этим дураком, решившим отчего-то, что нужно играть до последнего, пока вместе с автоматом не вынесут за ворота.

Собравшись с духом, Юрка встал и отправился на поиски. Дело было вечером, усадьба Просперо казалась опустевшей. Анатолий Петрович куда-то уехал. Юрка залез к нему в мастерскую, чтобы проверить одну догадку.

Он уже понял, что Просперо с Ариэлем как-то мастерят героев и отправляют их неведомо куда за добычей. А оружейник делает для них оружие: вон для крылатой дуры сколько мелких лезвий понаделал — одно, найденное в саду, Юрка даже припрятал. Если того героя, для которого Юрка служил натурщиком, уже смастерили, и нужда в натурщике отпала — то у Анатолия Петровича готово для него новое оружие.

С появлением автомата Юрка совершенно утратил интерес к оружейной мастерской, а зря. На рабочем столе обнаружился шпажный эфес с секретом — поллой рукоятью, туда можно было спрятать мелкие предметы, может, даже бриллианты. Там же лежали пистолеты —

старинные и тяжелые, стояла кираса. Юрка приложил ее к себе — вроде великовата. Кого-то готовили к путешествию, но кого? Неужели все-таки героя, срисованного с него, с Юрки?

Дверь из мастерской на склад оказалась закрытой. И много иных дверей, известных Юрке, тоже были на запоре. Значит, от него что-то прятали.

Он вышел в сад. Купол тускло светился — следовательно, там, внутри, кто-то находился. Может, даже плавал в бассейне. Другие окна оставались темными.

Со стеклянной крыши мастерской можно было переползти на узкий балкончик, окаймлявший купол на высоте метров этак десяти. Там, это Юрка помнил точно, имелись какие-то узкие дверцы. Ариэль объяснял, что конструкция купола держится на растяжках и их нужно постоянно проверять. Юрке стало страшно — он помнил, как, хватаясь за всякий выступ окровавленными руками, сползал с мастерской на землю. Он не сразу полез — но иного способа узнать, что делается под куполом, у него не было. А там наверняка прятали то, что было для него жизненно важно.

Он не знал, зачем хочет увидеть срисованного с себя героя. Не любопытство, нет, что-то иное вело его, очень неприятное. Он уже знал, что его обманули. Он чувствовал свою слабость — ну чем, в самом деле, мог он отомстить таким людям, как Ариэль и Просперо? Перебить камнями стеклянные потолки?

Возьмут за шкуру, как нашкодившего котенка, и выбросят.

А он же им все рассказал, и про игру, и про систему... теперь сами могут играть и выигрывать...

Дурак под черепом советовал плюнуть на все (тысяча долларов — неплохие деньги) и пойти поиграть напоследок. Автомат ждет, миска с жетонами все еще на табурете, можно неплохо оттянуться до утра, а жетоны потом прихватить с собой. Юрка разозлился и пошел искать железную лестницу, приделанную к стене. Она обнаружилась в каком-то закутке, сразу и не разглядишь. Хотя он уже однажды по этой лестнице карабкался, но сперва проскочил мимо.

Ему было плохо. Ощущение сродни предчувствию проигрыша, знакомому по долгим поединкам с автоматом, совсем им завладело — в пору сесть и разреветься. Был шанс, единственный в мире, — и нет шанса. Для чего же теперь жить? Может, просто перестать жить?

Острое перо в кармане напомнило о себе: тут я, могу пособить...

Вспомнились дед и бабка. Как-то злорадно вспомнились: довели внука до побега из дома, до нелепых приключений, до полного краха,

то-то обрадуются, когда их вызовут на опознание тела. Прабабка вспомнилась, убежденная, что на кладбище покойники в гробах перестукиваются. Может, и впрямь перестукиваются — не должно же быть так, чтобы совсем уж ничего... Юрка проиграл в голове сцену собственных похорон и немного успокоился. Ничего хорошего в похоронах не было, кроме рыдающих деда и бабки.

Балкончик только снизу казался эфемерным, на самом деле он бы и массивного, в меру пузатого мужика выдержал, Юрка же в свои пятнадцать лишнего веса не имел вовсе. Он был обычным тинейджером, ростом метр семьдесят пять, в кроссовках сорок четвертого размера. Переползти на балкончик было несложно, главное — не смотреть вниз. Юрка уже знал эту особенность взгляда сверху — расстояние до земли вырастает раза в два по меньшей мере.

Он больше всего боялся, что дверца, ведущая в помещение под куполом, окажется закрытой. Но если вдуматься — от кого ее запирать? Оказалось, что там всего лишь задвижка.

Юрка не так часто бывал под куполом — в бассейн его приглашали лишь раз. Он заглядывал туда тайком, исследуя странное здание со всеми его пристройками, и вверх, понятное дело, не таранился. Оказалось, дверца вела в пустоту — открыв ее, Юрка увидел какие-то тросы и металлические конструкции, но не нашел, куда бы поставить ногу. Придерживаясь за колющий трос, он высунулся и посмотрел вниз. Если набраться мужества, то можно было бы спуститься на руках...

Юрке никогда не приходилось лазить так высоко. Он и на деревья-то карабкаться толком не умел. Может, он и рискнул бы, но услышал голоса.

Помещение было сложной формы, без углов, выложенные плиткой стены закруглялись, и Юрка даже не понял сначала, откуда доносится топотня. Потом, пятась, выскочил Ариэль в шортах. Он причудливо размахивал правой рукой, держа левую на отлете. Следом появился кто-то незнакомый, тоже в шортах, и с такими же нелепыми движениями. Легкий, звонкий и безумно волнующий душу звук доносился, когда что-то в их движениях совпадало. До Юрки наконец дошло — они дрались на шпагах.

Ариэль отступал по самому краю бассейна, противник гнал его ловко и азартно. Следом шел Просперо и подбадривал бойцов. Юрка высунулся подальше, чтобы увидеть лицо второго фехтовальщика... и увидел...

Вот, оказывается, кого слепил Просперо. Герой, для которого Юрка послужил натурой, был и выше, и немного старше, и лицом

малость отличался от натурщика. Юрка узнал свои светлые волосы, свой нос — фамильный, как говорила бабка, длинный и чуть расширяющийся к кончику. А вот улыбка была совсем не фамильная — та же бабка почему-то гордилась тем, что рот у Юрки маленький, аккуратненький, а у героя-фехтовальщика он оказался от уха до уха.

Но главного отличия Юрка не углядел. Тот, кто теснил Ариэля, был силен и гибок, а Юрка страх как не любил школьную физкультуру. Он был от природы худощав, но и только, дыхание имел короткое, а если приходилось кидать баскетбольный мяч — обычно промахивался мимо корзины.

Сейчас, глядя вниз, он был уверен, что движется точно так же — и, доведись подержаться за шпагу, орудовал бы не менее победоносно.

— Стоп, стоп! — закричал Просперо. — Свалитесь в воду!

Ариэль отсалютовал и пошел к ротанговому столику. Сейчас столик стоял уже не на остром мысу, а подальше от воды, и его окружали три кресла.

Тот, в ком Юрка признал себя, отсалютовал не менее изящно и пошел следом. Он был бос, в одних лишь коротких шортах, как и Ариэль, но с расшитой кожаной перевязью через плечо.

Просперо разлил по стаканам напиток из старинного серебряного кувшина.

— Ну, за удачу! — сказал он. — Пить до дна!

* * *

Ариэль мог выпить хоть ведро — спиртное не брало его.

Он сидел со стаканом в тонкой руке и слушал, как красиво Просперо объясняет своему новому творению смысл жизни героя. То же самое услышал от старика и боевой осьминог Скриннийор Нир, и капитан Трелони в свое время услышал, и полковник Васильев, и все, кто теперь в далеких и удивительных мирах сражался с врагами за славу и добычу.

Просперо умел говорить красиво, да и основание для красноречия имелось — новый герой ему удался. Он считал варианты с такой скоростью, что даже Ариэль втихомолку удивлялся. Фехтовальный поединок был первым в его жизни, герою только наскоро объяснили правила и показали кое-какие движения. Он соображал мгновенно и угадывал действия Ариэля почти безукоризненно.

Герой был подготовлен к любой игре.

Карты и кости, казалось, слушались его и выпадали ему в нужных сочетаниях. Просперо нарочно усложнял задачу, вдруг менялся с героем картами или вносил сумятицу в законы игры. Герой только сводил

брови, глядел с полсекунды на новый расклад — а потом выигрывал с легкостью невероятной. Просперо признался Ариэлю, что боится лишь одного — если вдруг некая игра окажется парню не по зубам, он, избалованный победами, может в отчаянии покончить с собой.

— Нет, учитель, — сказал на это Ариэль, — хотя наш натурщик и помышляет порой о смерти, но не всерьез. Ему просто кажется, что он таким образом привлечет к себе внимание. Так и герой — придумает себе собственные похороны и полчаса спустя будет готов к новым подвигам.

— Все-таки мне трудно представить, что творится в голове у игрока, — признался Просперо.

Но сейчас он, позабыв про все тревоги, вдохновлял героя. Он живописал, как герой станет общим любимцем, если после выигрышей будет щедр — в разумных пределах и после уплаты десятины. Он живописал россыпи драгоценных камней и гениальные изысканности ювелиров. Он обещал и главный выигрыш — трон королевства, с рукой принцессы впридачу. Он предостерегал против сомнительных друзей — к удачливому игроку липнет всякая мелкая сволочь. Он рассказал кое-что про игры того мира, куда снаряжал героя — довольно опасные, кстати, с кровью, но и приносящие сказочный выигрыш. Герой слушал, кивал, улыбался.

Да, удался, удался, и улыбка излучает вселенское обаяние...

Ариэлю не нравилось лишь, что Просперо вещает, словно с трибуны — громким, хорошо поставленным голосом и чересчур красиво. Герой не дурак — улыбка-то уже взрослая, хитроватая, улыбка человека понимающего, но позволяющего старому дураку резвиться, сколько влезет.

Коммуникатор на столе пискнул известным образом. Ариэль быстренько взял его и отошел, чтобы не мешать Просперо произносить вдохновительную речь. В десяти шагах от столика он включил экран.

Диспетчер, давно знакомая дама, была сильно недовольна.

— Груз от Скринниора Нира, — сказала она. — Договоритесь с ним как-нибудь по-хорошему! Опять две вагонетки.

— Рыба?

— Рыба. И сундучок впридачу. Она весь канал провоняла.

— Беда...

— Я понимаю, что он считает эту дрянь настоящей добычей, на то он и осьминог. Но объясните ему по-человечески...

— Объясняли, — негромко отвечал Ариэль. — Он понимает, вот ведь сундучок присылает, а это уже по-человечески. Просто он хочет и другой добычей поделиться, это для героя естественно...

— Открывайте ворота, и чтобы это было в последний раз.

— Мы попытаемся... — тут Ариэль вспомнил кое-что важное. — Стойте, не отсылайте! Мы отправляли в канцелярию поправки к контракту!

— Какие еще поправки?

— Насчет приема добычи. Мы просили блокировать всю органику. И это было, это было...

Ариэль знал, что поправки отосланы давно. По меньшей мере месяц назад. Потом стало не до них. Та десятина, которую получали, оказалась совершенно неорганическая — немного золота, немного серебра, картина Рафаэля, написанная там, где он умер в преклонном возрасте.

— Ничего не знаю, в моих документах никаких поправок нет, — мертвым голосом ответила диспетчерша. — По накладной к вам следует груз — три с половиной тонны рыбы.

— Посмотрите внимательно! Поправки уже давно внесены! — Ариэль невольно заговорил громче, чем следовало, и привлек внимание Просперо.

— Что там такое?

— Рыба, учитель.

— И что?

— Они хотят, чтобы мы открыли ворота.

— Ну, значит, откроем ворота.

— Но, учитель, ее сразу же придется закопать.

— Юрка закопает, — беззаботно распорядился Просперо. — Накинем ему к гонорару еще тысячи полторы — и нет проблемы. У него это неплохо получалось. Идем, заодно покажем нашему юному герою, что такое ворота. Сундучок он, надеюсь, прислал?

— Прислал... — Ариэль очень расстроился. Он плохо переносил дурные запахи, а сейчас предстояло тяжкое испытание.

— Пойдем, мой мальчик, — сказал Просперо герою. — Посмотришь на вагонетки, в которых доставляют добычу. При желании мы могли бы этими же вагонетками отправить Скриннийору Ниру какой-нибудь подарок. Он, может быть, ждет на другом конце канала весточки от нас.

— Используются только вагонетки? — уточнил герой.

— Нет, когда мы отправляем героя, то подается удобный бокс. Твой, кстати, уже почти подготовлен. Завтра или послезавтра оружейник доделает кирасу и шпагу. Одежда заказана, ее привезут утром. Не волнуйся, с пустыми руками мы тебя не отпустим. Для первых своих подвигов ты будешь превосходно экипирован.

* * *

Юрка не разбирался в архитектуре, он просто был смертельно обижен и зол.

Взрослый человек, спокойно поразмыслив, понял бы, что стенки, разгородившие пространство под куполом, не имело смысла доводить до самого свода. И значит, помещение, куда направились Ариэль, Просперо и юный герой, прекрасно просматривается сверху, если залезть повыше.

Юрка, наоборот, попробовал спуститься, но посмотрел вниз и охнул. В лучшем случае, если осторожно сползает и до последнего удерживаться за тросы, придется прыгать с пятиметровой высоты.

Он вышел на балкончик, охвативший купол снаружи. Возмущение разрядилось обычным для тинейджера образом — матерщина со всхлипами и обычные детские слезы.

Значит, этот недоносок отправится туда, где играют по-крупному, а Юрка годится только на то, чтобы гонять тачки с тухлой рыбой?

Он выиграет то, что должен был выиграть я! — так определил бы ситуацию негодующий Юрка, если бы мог рассуждать более связно. Но он не рассуждал, он просто чувствовал: его использовали и выбрасывают. А без него не было бы этого... нет, не козла... Юрка не мог назвать человека, который был почти точной его копией, козлом... этого чумохода!

Он будет играть по-крупному, его снабдят всем, что для этого требуется, а Юрке сунут несчастную тысячу баксов и жалкие рубли за уборку рыбы! И — пинками, пинками с территории!

И куда теперь?

Наконец-то он вспомнил про деда и бабу.

Наверняка вся городская милиция его обыскалась. Дед поднял на ноги старых афганцев. Стоит появиться в городе и заглянуть в игровой зал — тут же и повяжут. Есть другие города — но в других где-то и как-то надо жить. А у Юрки, разумеется, при себе никаких документов. И вписаться не к кому. Это у ролевиков, у автостопщиков какие-то свои тусовочные квартиры, где дают старый спальник и тарелку макарон только потому, что знают тебя по нику. А игроки — они живут в одиночку...

Нет, конечно, он классно проучил стариков. Будут знать, как запирать единственного внука. Но если внук вернется — то ему мало не покажется.

А этот козел, с него срисованный, отправится в дивный мир Великой Игры, где вместо жетонов — брюлики и золотые, как их там... во — пиастры!

«Почему он? Почему не я? Чем я хуже? Разве я не смогу точно так же размахивать шпагой? И у меня уже есть система, а у него — нет, ведь не все же вытащил из моей головы этот старый удод?!»

Примерно так рассуждая, Юрка осторожно шел по балкончику, уже потеряв ориентацию. Стемнело, он страшно боялся спускаться наобум, а подходящего места все не мог найти и нарезал уже, наверное, четвертый круг вокруг купола. Наконец он догадался: надо вернуться к дверце и открыть ее. Тогда появится хоть немного света, и можно будет сползти вниз без лишнего риска. Эту открытую дверь заметят не сразу, а только тогда, когда Юрка будет уже далеко. Где это заветное «далеко» — он сейчас не думал.

Он пошарил по металлической стене и отыскал-таки дверцу, но другую. Тут тоже была простая задвижка, Юрка с трудом отодвинул толстую металлическую полоску, заглянул внутрь и поморщился. Он находился с той стороны купола, где в пристройке были загадочные ворота. Несло тухлятиной.

К некоторому Юркиному удивлению, тут отыскалось что-то вроде лестницы — вмурованные в стену скобы. Но спускаться он не стал, а крепко задумался.

Мальчишка стал вспоминать все, что рассказывал Просперо об отправке героя в миры Больших Игр.

И понемногу в его голове созрел призрачный план.

Все мы строим такие несуразные планы в стиле: а вот неплохо бы в обстановке полной безнаказанности сотворить то-то и то-то.

Под куполом было не слишком светло — по крайней мере, в этой части огромного пространства. И Юрка, решив, что сюда уж точно никто ночью не придет, спустился вниз. Вонь стояла страшная, но приходилось терпеть. Зато он узнал местность — отсюда уже пришлось вывозить ценный груз тухлой рыбы. Удалось даже восстановить маршрут. К немалому Юркиному облегчению, дверь на задворки осталась открытой. Он вышел и прокрался в ту часть сада, где стоял его ненаглядный автомат.

— Ну, — сказал автомату Юрка, — если я тебя, то все получится. А если ты меня, то... переиграем.

Это был довольно сомнительный вызов судьбе. И Юрка вступил в поединок с автоматом, еще не зная, действительно ли хочет победы. Но игра заладилась, порции жетонов сыпались одна за другой, Юрка тихо смеялся. Он был не слабее этого козла, он был более достоин всех выигрышей, которые Просперо пообещал своему ублюдку...

Решение окрепло. Осталось только придумать, как избавиться от

соперника. Но это Юрка отложил до лучших времен — он не хотел портить удачную игру, он полностью сосредоточился на ней и впал в сладостный транс под влиянием мелькающих картинок. Оторваться от автомата он не мог. И, когда все пошло кругом и кувырком, опять заснул в удобном черном кресле.

Разбудил его Ариэль. Как всегда, доставил завтрак и сказал, что есть дельце на полторы тысячи рублей. Юрка был готов к предложению и преспокойно согласился. Труднее всего было скрыть радость. Только теперь до него дошло, сколько пользы принесут эти три тонны тухлой рыбы.

Он все выполнял очень медленно. Яму у бетонного забора копал целую вечность. Потом делал вид, будто налаживает вихляное колесо тачки. И смотрел, и слушал...

Ариэль и Просперо, не обращая на него внимания, собирали в дорогу героя. Ему приготовили баул с одеждой, мешок с припасами и большой ящик неведомо с чем. Когда Юрка расчистил место перед воротами, чтобы они свободно открывались, оказалось: там, внутри, находится что-то вроде длинного узкого коридора с рельсами. Анатолий Петрович помог Ариэлю вывезти из тупика большую металлическую коробку на колесах и установить ее открытой дверью к распахнутым воротам. В эту коробку они занесли вещи, а потом Анатолий Петрович стал окончательно подгонять на героя блестящую кирасу.

Юрка был начеку.

Он еще не знал, как станет договариваться с героем. Он только понимал: другого шанса сорвать крупный выигрыш ему не выпадет. А значит, отступать некуда.

Похожее состояние было у него перед кражей денег. Он тогда успокоил себя тем, что деньги лежат, полуприкрытые газетой, их не скоро хватятся. Мало ли — смахнули на пол, переложили в другое место. И если эти деньги так открыто валяются, значит, они не больно нужны. А он... он пустит их в оборот! Рассчитается с выигрыша! Ведь не может же быть, чтобы он проиграл такие деньги. Должен выиграть. Просто обязан.

Он выкатил последнюю тачку с рыбой и прокрался обратно. Ему был нужен только миг, один-единственный миг. И он настал — Просперо что-то объяснял Анатолию Петровичу, Ариэль показывал герою фехтовальный приемчик. Юрка бесшумно проскочил в ворота и залез в коробку на колесах. Изнутри она оказалась как маршрутное такси, только без окон и даже без сидений. Вещи героя были составлены как попало — не стоило экономить место. Юрка сел на пол за

большой коробкой, немного ее подвинул и приступил к самому тяжкому для игрока — ожиданию.

Часов у него не было — те, что подарил дед, он продал за две сотни какому-то уроду у дверей зала, а дома сказал, что потерял. И поэтому Юрка следил за течением времени по желудку: если уже хочется есть, то два или даже три часа стукнуло. Наконец есть захотелось уж совсем нестерпимо, и он потянул к себе мешок. Внутри оказалась какая-то странная еда — сушеное мясо, каменной твердости лепешки. Юрка пытался прожевать хотя бы мягкие и нежные на вид розовые лепестки, черт их разберет — наструганная рыба или что-то растительное. Не удалось — они были, как резина.

Наконец в дверях появился герой в кирасе, в коротких бархатных штанах, в вишневом бархатном плаще, в высоких сапогах — прямо картинка из старой книги.

— Ну что же, мой мальчик, — заговорил незримый Просперо. — Прояви себя доблестным бойцом, защищай слабых, не отступай перед наглыми, и пусть твоя сила будет в полном подчинении у твоего благородства. Пусть победы твои принесут в мир чуть больше света и добра, чем было до твоего явления. Так я провожаю всех, кого отпускаю сражаться и добывать славу, и слово мое крепко, нерушимо.

— Крепко, нерушимо... — подтвердил Ариэль, также незримый.

— Будь героем!

— Будь героем...

— Доблестным, щедрым и великодушным!

— Доблестным, щедрым и великодушным...

— Заклятие мое — отныне и до конца времен!

— Отныне и до конца времен!

Юрка почувствовал неладное: воздух сделался другим — холодным и колючим. Но ненадолго.

Герой вошел в железную коробку, дверь захлопнулась, колеса покатали по рельсам, перестук на стыках превратился в сплошной треск и вдруг пропал.

Юрка выглянул из-за коробки.

Герой стоял, держась за поручень. Из длинной трубки на потолке шел голубоватый свет. Лицо, этак подкрашенное, казалось неживым — и тени на нем залегли не по-человечески, и глаза смотрели из каких-то страшных ям. Коробку покачивало, но герой стоял недвижно, как будто его приварили к полу и к поручню.

Нужно было на что-то решаться.

— Ну, привет, — сказал Юрка, вставая на ноги. — Поговорить надо.

Герой оказался пуглив — шарахнулся от неожиданного попутчика и выкрикнул длинную фразу на не известном Юрке языке.

— Значит, так, — начал излагать свою позицию Юрка. — Ты мне отдаешь все это, все железки, бабки, шмотки. Потому что это все мое.

Сказал — и самому понравилось, как прозвучало.

— Да, мое, — повторил он. — Потому что я человек, а ты — кукла, чучело. Манекен. И играть буду я. Вот.

Герой смотрел на незнакомца озадаченно. Казалось, до него доходит. Юрка даже немного пожалел парня — отправляешься в такой путь, и вдруг, здрасьте вам, из-за коробок вылезает твой двойник!

— Хорошо, — ответил герой. — Я тебя понял. Ты хочешь сам вступить в Большую Игру и взять выигрыш. Так?

— Так.

— Я тоже хочу.

— Это все на самом деле мое. Меня обманули, копейки какие-то сраные пообещали. Все из меня вытянули для тебя, — не совсем внятно объяснил Юрка. — Так что, значит, все это — мое.

— Я тебя понял, — задумчиво повторил герой. — Тебя обманули, но при чем тут я?

— Да ты на себя посмотри! Тебя же из меня сделали! Это все — мое! Мозги — мои, понял, нет?! — Юрка стал заводиться. — У тебя в голове мои мозги! И вообще все мое!

— Ты имеешь в виду лицо, телосложение, склад ума...

— Ну да, ну да! Это все — мое! На меня смотрели, а тебя делали! И теперь ты будешь выигрывать бешеные бабки, а я? Это я их должен выигрывать! А не ты! Тебя... тебя вообще нет!..

Герой вздохнул.

— Речь идет о праве вступить в Большую Игру. Такую, где большие ставки. И тут, как видишь, я тебя понял...

Он был спокоен, чересчур спокоен для человека, которому сообщили такие новости. Да и человек ли он? Юрка вдруг сильно в этом усомнился.

— Хорошо, — сказал герой. — Значит, предмет нашего спора — право вступить в игру. Прекрасно, сударь. Угодно ли разыграть это право в карты, в кости, в орлянку, в пальцы, в любую иную игру? Выбирай. Победитель забирает все, что тут есть: одежду, припасы, документы, — и отправляется в Лютецию-Северную добывать игрой честь и золото. Проигравший возвращается обратно.

— Я не умею в карты, — покраснев, отвечал Юрка.

— Жаль, вся Лютеция играет в «мушку» и в «тресет». Кости?

В руке у героя появились четыре кубика. Эти предметы Юрке бы-

ли знакомы. И он думал, что уж играть в кости — проще некуда. Но ошибся! Герой тут же достал откуда-то листок желтой рыхлой бумаги, грифель в серебряной трубочке, начертил таблицу и, ехидно ухмыляясь, объяснил, как считают очки на самом деле. Юрка кое-что переспросил и получил кожаный стаканчик с костями. Как следует его встряхнув, он выкинул тройку, две четверки и шестерку. Герой вписал результат, взял стаканчик, встряхнул, но сразу выкидывать не стал, а задержал его в руке. Юрке даже показалось, что он пальцами прощупывает пятнышки на костяных боках.

Наверное, так оно и было: герой выкинул четверку, две пятерки и шестерку.

Юрка взялся за стаканчик, долго его тряс, потом замер. Похоже, в отношениях игрока с костями тоже была какая-то система, и герой ее уже освоил. Юрка потискал стаканчик, толстая кожа не мялась, но слегка пружинила. Пальцы уловили некое множество точек. Значило ли это, что кости полетят всякой мелочью вверх, а пятерки и шестерки окажутся на боковых гранях кубиков? Юрка еще раз встряхнул стаканчик, и выпавшие кости показали тройку, четверку, пятерку и шестерку. На очко больше, чем в первый раз.

Но герой, переделав ту же манипуляцию, выкинул две четверки, пятерку и шестерку. Вроде и немного, но обскакал.

Дальше игра складывалась точно так же: он обыгрывал Юрку то на очко, то на два и ухмылялся при этом, словно намекая — я могу и четыре шестерки выкинуть, но мне интересно подразнить тебя, сопливого. Это как-то смахивало на сложные отношения с автоматом, которого по особой схеме нужно подкармливать то одинокими жетончиками, то целым десятком.

И тут Юрка начал кое-что понимать.

Он мог бы обыграть героя запросто. В нем жила способность к созданию системы! Но эту способность изьял у него Просперо и переместил в голову героя, который, возможно, и не человек вовсе. У людей не бывает такой чистой и гладкой кожи, таких аккуратных ногтей...

Злость и обида проснулись вновь. Цифры на желтой бумаге свидетельствовали — это чучело, черепаха педальная, урод свинский, вот-вот обыграет Юрку. Большая Игра и Большой Выигрыш ухмылялись лягушачьим ртом трясущего стаканчик героя.

А в кармане Юркиных шорт лежало острое перо из крыла валькирии.

Видимо, Просперо чего-то недодумал, возвращая в героя интуицию. Получилось чувство, прекрасное для поединка, имеющего пра-

вила, но совершенно бесполезное при внезапной и безумной вспышке ярости.

Юрка не знал, откуда в нем это понимание человеческой анатомии. Он полоснул по горлу героя каким-то странным, не своим, совершенно не обдуманым движением. Но кровь хлынула, герой схватился за рану и повалился на пол, накрыв собой четыре костяных кубика.

— Сука, — сказал Юрка и сразу ощутил себя взрослым, сильным, значительным мужчиной. — Ну, кто кого тут сделал?

Смерть героя должна была вернуть в Юркину голову все украденное. Он заткнул уши, чтобы не слышать хрипов умирающего, и искал в себе признаки этого возвращения.

А впереди была Большая Игра.

* * *

— Учитель, тревога! — крикнул Ариэль. — Скорее к экрану!

— Когда мы нашли его, он валялся в овраге и был весь в крови, — быстро говорила диспетчерша. — По меньшей мере три дня не ел. Мы перекинули ему немного еды и лекарства...

Просперо в сером халате с засученными рукавами подошел, счищая на ходу с пальцев зеленый пластилин, и отодвинул Ариэля.

— Дайте связь с ним, — потребовал Просперо. — А сами ищите того, другого... Диспетчерская служба, разрази вас гром! Ни одной камеры в транспортном боксе!

— До сих пор не возникало необходимости! Это ваша ошибка! Следить нужно за воротами! Мало ли кто у вас там бродит — а нам отвечать?

— А проверять боксы после возвращения вы тоже не должны?

— Спокойнее, учитель, — попросил Ариэль. — Это ведь у них действительно впервые.

— Ну и что?

Просперо был зол на весь белый свет. Очевидно, герой должен рождаться в муках, говорил он себе, а когда он появляется на свет чересчур легко — жди неприятностей. Этот стройный мальчик-игрок возник словно по волшебству — и оказалось, что Просперо чего-то важного недодумал, недоделал героя, сам себе заморочил голову прекрасной идеей: как же, торжествующая интуиция, страшное оружие для борьбы со злодеями! А результат?

О результате ему доложили несколько дней назад. Транспортный бокс обслуживал еще двух мастеров рангом ниже, специалистов по героям, и вот некий персонаж с рентгеновским зрением пробовал

в пути разные режимы и усмотрел на грязном полу пятна, которые определил как кровавые. Он, посылая десятину с первой добычи, сообщил об этом недоразумении своему мастеру, а мастер в ужасе связался с диспетчерским центром. Пришлось потратить кучу денег, и вот результат — героя не нашли, зато настигли беглеца, этого сволочного натурщика, знать бы заранее — он и близко бы к мастерской не подошел!

Ариэль вертелся, как угорь на сковородке, успокаивая то диспетчеров, то Просперо.

— Хорошо, будет вам связь, — сказала наконец знакомая дама в наушниках, — но ненадолго. Ждите сигнала.

Экран погас.

— Черт знает что! — воскликнул Просперо. — Как вообще могло случиться, что мерзавец залез в транспортный бокс? Что он там забыл?! Я ведь даже деньги для него приготовил — тысячу долларов и еще не помню сколько в рублях! Для мальчишки это — целое богатство!

— Он игрок, — напомнил Ариэль. — Он потому и игрок, что ему всегда мало...

— Молчи ты! Помощничек!.. Он — мальчишка...

— Судя по всему, этот мальчишка зарезал героя, как цыпленка.

— Такое невозможно.

— Если бы герой был жив — его лайф-карта отозвалась бы на запросы поисковиков.

— А ты вспомни Тезея!

Тезей, хоть и был вылеплен с интеллектом, полагающимся, по мнению Просперо, древнему греку, однако сообразил, что странный бугорок в области правой лопатки появился неспроста. Он уговорил кого-то надрезать кожу. Неизвестно, что сказали древние греки, увидев круглый кусочек пластика с серебряными усами, но связь с Тезеем была надолго утрачена, и десятина с добычи стала являться только после вмешательства полевых агентов диспетчерского центра.

Ждать сигнала пришлось довольно долго. Ариэль и Просперо даже переругиваться устали. Наконец раздался характерный писк — и они разом повернулись к экрану.

— Соединяю, — сказала диспетчерша, и тут же серебряная стенка ее кабинета пропала, зато появилась черная земляная стена, разрытая, будто на дне оврага метался обезумевший носорог.

Юрка в одной грязной рубаше стоял на четвереньках возле ручейка, хватал горстью воду и умывался.

— Ну, что ты скажешь в свое оправдание? — спросил Просперо.

Юрка испуганно повернул голову. В трех метрах от него висел в воздухе Просперо — правда, виден он был лишь по пояс, но от того не менее грозен. За левым плечом мастера маячил Ариэль.

— А что я? Что — я?! — закричал Юрка. — Думали от меня этой несчастной тыщей отделаться?!

— Не надо, учитель, — быстро сказал Ариэль. — Не надо его воспитывать! Он сам свою дорогу выбрал. Пока его еще щадили. Когда исполнится шестнадцать — бить будут по-настоящему.

— Хорошо, — согласился Просперо. — Но я должен понять одну вещь. Почему он сейчас сидит в овраге? И не первый день сидит! Он же городской ребенок.

— Ты как сюда попал? — спросил Ариэль. — Говори живо и не выживайся. Иначе тут и останешься.

— Ну, как попал? Это все вы виноваты. Я же здорово играю, я систему понимаю, в игре главное — система, — забубнил Юрка. — А тут, как назло, ничего не получается, и всякие гады с советами лезут, и воруют, и кости у них фальшивые...

— Погодите, учитель! И чем же мы виноваты?

— Вы всё у меня отняли и ему отдали! — пылко заговорил Юрка. — Всё, понимаете? Я во что играть ни сяду — обвал полный, трындец!

— А с ним ты что сделал? — спросил, стараясь держаться спокойно, Просперо.

— Ну, что... я думал, все ко мне вернется, и фарт, и соображаловка, и вообще...

— Ты куда его девал?

— Вытащил — и в речку... — понуро признался Юрка. — И все равно ни хрена не выходит! Ведь не мухлевал! Я только стаканчик в руке долго держал! А они сразу на меня с кулаками... и деньги пропали!..

— С автоматом-то легче, — согласился Ариэль. — Автомату на тебя начать, он только свою арифметику знает. А тут живые люди, и те еще сволочи.

— Но я должен был выиграть! Вы же его с меня срисовали! А он должен выигрывать всегда! В любой игре! Наверняка! Значит, и я!..

— Вот теперь мне все ясно, — произнес Просперо. — Молчи, Ариэль. Значит, ты нас подслушивал и знал, что этот герой — самый удачливый в мире игрок. Ты хотел попасть туда, где играют на мешки золота и ящики бриллиантов. И ты действительно попал. Но ты главного не расслышал.

— Учитель, вы просто не знаете игроков. Он слышал, но не понял, потому что у него в ушах золото звенело, — вмешался Ариэль.

— Может, и так. Ты бы спросил прямо — мы бы тебе, дураку, и объяснили, что такое герой. Думаешь, за что им, героям, все эти штуки полагаются — крылья, способности всякие: сквозь стенку проходить или там водой дышать? Ты десятину видел, которую они мне присылают, а куда остальная часть добычи девается, подумал? Герой придумывается, мастерится и отправляется в мир, где он необходим. Туда, где нужно испуганных и в угол загнанных собрать и в бой повести. Туда, где слабых обижают. Туда, где сатанинская сила власть взяла. Вот для того им и крылья, для того и интуиция. Тот, кого ты в речку спустил, должен был к королевскому двору пробиться и с королем-убийцей на жизнь обреченных узников в карты сыграть. Вот так они мной закланы! Они миру — добро, мне — моя скромная десятина, которую я, поверь, потом и кровью заслужил! А не будут творить добро — и способностям их грош цена! Ты же, дурак неописуемый, хотел пуд золота выиграть — и ничего больше! Теперь понял?

— Не надо, учитель, — уже всерьез забеспокоился Ариэль, потому что Просперо, задав последний вопрос, взялся за сердце. — А ты пойми наконец: для тебя важнее всего игра и выигрыш, они для тебя главная цель, а для него и игра, и выигрыш — только средство, его душа от них свободна! И потому он — герой, а ты...

— Мелкий кусок дерьма, — совсем по-простому подытожил Просперо. — Я понял, Ариэль, с ним нужно именно так, а ты — цель, средство... Как будто он такие слова знает... В общем, хватит. Завершаем связь. Прощай.

— Стойте, стойте! — закричал Юрка. — А как же я?

— Как знаешь. Если сумеешь обойтись без игры — будешь как-нибудь жить в этом мире. Начнешь играть — тут тебя и забьют ногами окончательно. Потому что удачи тебе не видать! Это тебе не автоматы, — объяснил Ариэль, косясь на Просперо.

Он не ожидал от старика такой пылкой речи о добре и благородстве. Последние несколько лет он был убежден, что стариком движут два интереса — десятина и любопытство. Так Просперо мог бы заговорить давным-давно, случайно оживив своего самого первого героя. Надо же — проснулось... и дышит старик как-то подозрительно.

— Я назад хочу!

— Назад уже не получится.

— Мне тут жрать нечего! Какие-то сухари прислали, яблоки, разве это еда? У меня штаны отняли, сапоги, плащ...

— Проиграл, — поправил Ариэль. — Ты что, думаешь, мы тебя кормить будем? Живи, как сможешь.

— Да постоит же! — видя, что Просперо и Ариэль превращаются в силуэты, заголосил Юрка. — Давайте я вам покажу, где его в речку спустил!

— А мы тебе за это — бутерброд с колбасой? Нет, натурщик, героя мы и без тебя найдем. Подумаем над ним, поколдуем, оживим, ошибки свои исправим — так ведь, учитель? — поспешно спросил Ариэль.

— Так, — все еще держась за сердце, отвечал мастер. — И он тут еще повоюет.

— Вы не имеете права, — в отчаянии прошептал Юрка.

— Вот интересно! А ты имел право резать моего лучшего героя?!

— Учитель, учитель! — закричал, подхватывая Просперо, Ариэль. И осталось от обоих только серебряное свечение по контурам силуэтов, черных на черном. Да и то скоро растаяло.

* * *

Юрка просидел в овраге довольно долго.

Все это время он верил, что рано или поздно его отыщут и извлекут из этого негостеприимного мира — хотя бы ради наказания. Наказание ему представлялось необременительным — ну, запрет где-нибудь, как заперли дед с бабкой, ну, лишат каких-то удовольствий, но ведь будут кормить! В последнее время все мысли крутились вокруг еды.

Осознавать, что тебя бросили, бросили навсегда и помощи уже ждать неоткуда, очень неприятно. Поэтому он изругал Просперо и Ариэля последними словами. А потом устроил смотр своего имущества.

Немногое осталось от экипировки героя. Рубаха, короткие портки, пустой мешок, и тот — разорванный по шву. Ни оружия, ни денег, ни еды — вообще ничего. Даже не на что сыграть... хотя они ведь предупредили, что игра выйдет боком... И, кажется, не ввали.

Еще ему удалось сохранить игральные кости. Кожаный стаканчик хранился в суконном мешочке, мешочек стрягивался длинным шнуром, и это совершенно ненужное сокровище висело у Юрки на шее.

Еще у него был контейнер, в котором прислали еду, а там — последний сухарик. Вспомнилась бабка, которой совесть не позволяла выбрасывать такие пластиковые коробочки, она их мыла, сушила и все собиралась на что-то употребить, пока не набиралась целая пирамида в углу кухонного стола. Сейчас бы туда, на кухню, и пельменей навернуть, подумал Юрка. Бабка любила кормить его пельменями, все подбавляла и подбавляла из большой кастрюли, обильно поливая жирной сметаной.

Напрасно он это вспомнил. Слезы полились сами, и он долго не мог успокоиться. Бабка с дедом, должно быть, его уже похоронили. Сколько дней прошло после побега? Сосчитать оказалось невозможно, однако не меньше месяца. Да что месяц?! Все полтора. А если по ощущениям — не меньше года. Когда постоянно что-то болит и ноет, время меняет скорость течения — а болело у Юрки многое, поскольку его за полтора месяца неоднократно били.

Юрка посмотрел на контейнер и вздохнул — воды в нем, что ли, с собой взять? Он был довольно вместительный, литра на полтора. Придется куда-то идти, а Юрка уже знал, что здешние жители не любят, когда чумазные босоногие подростки заходят на двор с какими-то просьбами. Могут и зверя спустить (Юрка не знал названия тварей, охраняющих эти дворы попарно: похожи на козлов, только морды широкие, как у бегемотов, и передние резцы оранжевые). Могут и прогнать с гиканьем до известного им места, где человек, не знающий о повороте тропинки, неминуемо должен сорваться вниз и, тшкетно хватаясь за ветки, долететь до дна оврага. Из-за чего, спрашивается, из-за лепешки несчастной, выставленной на подоконник, чтобы остудить?

Понятия не имея, как жить дальше, Юрка выбрался из оврага и вышел на большую дорогу. Там он сел на камень и стал изучать прохожих и проезжих. Его интересовали ровесники — чем они занимаются в этом мире? Он одинаково был готов примкнуть и к шайке воришек, и к процессии монахов-паломников с морскими раковинами, привязанными к тульям широкополых шляп. Юрка искал тех, кто будет его кормить.

Несколько часов прошло впустую. Он видел странствующего кузнеца с подмастерьями, но низкорослый мальчик в кожаном фартуке объяснил ему, что кузнец берет на обучение только родственников. Он видел коровьего пастуха с подпасками, но подпаски только посмеялись над городским дурачком: это ремесло изучают с пяти лет, сперва дети пасут гусей и овец, изучают нравы стада, и только к восемнадцати-девятнадцати пастух получает бич и право самостоятельно пасти коров. Мимо ехал меняла, и Юрка подумал было, что ему пригодится человек, умеющий считать в уме. Но меняла мало было таблицы умножения, он попросил Юрку перевести сорок два золотых дублона старой чеканки в серебряные альбертовы талеры по курсу, принятому в Тарбе Южном. Тем затея и кончилась.

Последний сухарь был сгрызен. Попытка продать кости чуть не кончилась побоями — Юрку схватили за шиворот и стали выяснять, где он эти кости украл. Он вырвался, кинулся прямо через поле, пе-

рескакивая борозды, выбежал к пруду; за ним не гнались, и он встал, чтобы перевести дух.

Есть хотелось просто страшно. Напротив, на другом берегу пруда, лежали в грязи свиньи. Юрка подумал, что их ведь наверняка кормят какими-то объедками со стола, и надо бы подкрасться к свинарнику. Он пошел по тропинке, огибавшей пруд, и набрел на дерево. Ветки были сплошь в мелких зеленых яблочках. Юрка обрадовался, сорвал одно покрупнее, дважды куснул, принялся жевать — и тут его вывернуло наизнанку. Яблочко оказалось неимоверно горьким.

Юрка сидел под деревом и плакал. Проклятое яблочко стало последней каплей — он понял наконец, что жить осталось недолго и смерть будет мучительной. Он плакал обо всем сразу, а потом вдруг принял решение: уйти самому. Повеситься — это быстро и не больно, а помирать от голода — долго и страшно.

Вспомнился герой с перерезанным горлом. Юрка вдруг дико ему позавидовал — герой погиб, не приложив для этого никаких усилий. Ему не пришлось принимать решение и собираться с мужеством...

Выдернув шнур из мешочка с костями, Юрка прикинул — должно хватить. Подергал — шнур был удивительно прочным. И стал высматривать подходящую ветку.

Вдруг ему показалось, что зарезанный герой стоит у него за спиной и даже подталкивает сзади: ну, давай, торопись, еще немного — и встретимся. Мало было Юрке прежних страхов — прибавился и этот. Встречаться с героем он совершенно не желал.

— Пошел отсюда, долбень, — тихо сказал Юрка, надеясь, что живой голос прогонит мертвую тень.

Герой не ответил — да ему и говорить-то нечем, горло перерезано. Как же теперь быть? Здесь жить невозможно, там — он встретит...

Тут к пруду подошел человек и опустил на корточки. Юрка не видел, что он там делает, и даже присматриваться не стал бы, если бы не детский вопль.

— Не надо! Не надо! — кричал, спеша к пруду, мальчишка лет семи, не больше. Он споткнулся, упал, вскочил и, прихрамывая, побежал к мужчине. Тот выпрямился и встал так, что Юрка невольно увидел: у него на руках довольно крупный шенок, к шее которого привязан камень.

Мужчина был очень недоволен, когда мальчишка подбежал и стал хватать его за руки.

Юрка понял, что шенок натворил по шенячьей своей жизнерадостной глупости каких-то страшных дел.

Если бы в пруду собирались утопить человека, Юрка, скорее всего, просто отвернулся бы — своего горя, что ли, мало? Да и не спасти ему человека — вон какой здоровенный дядька вздумал заняться смертоубийством. Но щенка стало жаль до слез. Ну в чем он виноват?

— Я маме скажу, все скажу! — кричал мальчишка.

— Иди к маме, рассказывай, — позволил мужчина.

Ребенок заметался. Он понимал: пока будешь бегать за мамой, щенка утопят. А если остаться тут, все равно ничем бедолаге не поможешь. Остается одно — кричать и звать, авось кто и откликнется.

Юрка в своей жизни совершил немного добрых дел. А если совсем точно — то ни одного. Дед с бабкой не так его воспитывали, чтобы он имел для этого время и возможности. Они четыре слова знали: сиди дома, учи уроки. Потом, когда Юрка сорвался с нарезки и стал играть, ему тем более было не до благотворительности. Чужая боль для него как бы и не существовала.

Но сейчас речь шла о его собственной боли. Душа странным образом отозвалась на щенячью беду. Как будто он сам растил этого щенка, выгуливал, приучал к порядку. Это было маленькое несбывшееся счастье никому не нужного человека.

Юрка вышел из-под дерева и направился к мужчине.

— Тебе чего? — спросил тот очень недоброжелательно.

— Щенка не продашь? — по-взрослому грубовато (по крайней мере, так ему казалось) спросил Юрка.

— А что дашь?

Юрка оставил шнурок от мешочка с костями на дереве, но сами кости прихватил с собой.

— Вот, хорошие, дорогие.

— Стянул где-то?

— Выиграл, — загадочно даже для самого себя ответил Юрка.

Мужчина посмотрел на кости с интересом. Кубики и впрямь были хороши — гладенькие, блестящие, с аккуратными точками, инкрустированными какими-то тусклыми камушками.

— Нет, ступай себе. Мне от этой сволочи мелкой нужно избавиться.

Но Юрка уловил в голосе мужчины хорошо ему известное сожаление. Так отказывается от игры тот, у кого нет при себе денег даже на один-единственный жетон.

— А сыграем! — вдруг предложил он.

— На что сыграем?

— Ты ставишь щенка.

— А ты?

— А я — вот эти кости. Идет?

Мальчишка, который горько плакал, держась за пояс мужчины, посмотрел на Юрку с надеждой. А надежды тут и быть не могло, Юрка все рассчитал иначе.

— Играть будем по правилам, с таблицей, — сказал он.

— А ты что, умеешь с таблицей?

— А чего тут не уметь?

Юрка подобрал прутик и быстро нарисовал на сером песке сетку. Собственно, только это он и запомнил из объяснений покойного героя. Потом разровнял ладонью площадку для бросков и уселся рядом с ней по-турецки.

Мужчина отцепил от себя детские руки и сел напротив.

— А ты чтоб близко к этой твари поганой не подходил! — крикнул он мальчишке. — Ишь, заступник!

Был только один миг, чтобы незаметно подмигнуть мальчишке и глазами, беззвучными губами, поворотом головы показать: беги, зови маму, зови кого-нибудь из старших! И Юрка успел.

Теперь нужно было тянуть время.

Они сделали первые броски. Мужчина выкинул двойку, тройку и две четверки, Юрка — две тройки и две четверки. Очки были записаны. Следующий бросок принес мужчине единицу, двойку, тройку и пятерку. Юрка выкинул кости — и вышли две двойки, тройка и пятерка. Он вспомнил — там, в транспортном боксе, герой всегда опережал его на одно очко...

Третий бросок был значительным — у мужчины впервые выскочила шестерка, а это много значит. Но рано он обрадовался — Юрке судьба тоже шестерку послала.

— Идем ноздря в ноздю... — проворчал мужчина и выкинул кости в четвертый раз. Но не просто так — он уже встряхивал стаканчик с каким-то особым смыслом, прислушиваясь к стуку костей внутри.

Малыш, птясь, отступал, не отводя взгляда от затылка мужчины.

— Не туда пишешь! — закричал мужчина и выхватил из Юркиной руки прутик.

— Ну, сам пиши! — огрызнулся Юрка, и мужчина вписал очки почему-то в самый низ таблицы.

Юрка понимал, что есть в этом какое-то жульничество, но возражать не умел.

Малыш скрылся за кустами.

Щенок подкапывался под камень, к которому был привязан. Он сердился, тявкал и упирался лапами. Юрка не понимал, как можно убивать таких маленьких и смешных.

Он как следует потряс стаканчик и выкинул кости. Тройка, четверка и две шестерки, неплохо. Стаканчик взял мужчина — и ни одной шестерки. Совсем хорошо!

Таблица заполнялась, Юрка глазам не верил: его кости вылетали шестерками вверх, а кости противника просто отказывались выдавать больше четверки. Это была победа, настоящая победа, единственная за все страшные, голодные, переполненные страхом дни.

— Все... — пробормотал мужчина. — Все! Ты выиграл!

И уставился на таблицу, словно не понимая, что в ней за цифры и откуда они взялись.

Юрка тоже глазам и ушам своим не верил.

— Забирай, и чтоб я тебя тут больше не видел! — рявкнул мужчина, вставая. — Забирай, а то этот мелкий паршивец... куда он, к бесу, подевался?

Юрка медленно сложил кости в стаканчик, стаканчик сунул в мешочек и сжал горловину в кулаке. Он выиграл щенячью жизнь — и на кой она ему? Разве что обменять добычу на кусок хлеба?

— Бертран! Бертран! — кричала издали женщина.

— Дядя Бертран! — звал и мальчишка.

Они выбежали из-за живой изгороди. Женщина с виду была хозяйкой богатого хутора, в длинном льняном платье, подпоясанная широким красно-белым тканым поясом, продетым в огромное кольцо связки ключей. Ее белое жесткое покрывало, накрученное на голову так, чтобы не было видно ни волоска, сбилось набок.

Юрка встал возле своей добычи. Щенок, бестолковое создание, стал напрыгивать ему на ногу, царапаясь и норовя ухватить за короткие портки.

— Мама, вот он, вот он!

Женщина, запыхавшись, перешла на шаг. Юрка посмотрел в ее широкое румяное лицо, лицо толковой, но прижимистой хозяйки, и решил, что много за щенка не запросит, а то и вовсе ничего не получает. Лучше всего было бы выменять добычу на миску горячей похлебки, заправленной толченым салом, а потом...

Очень смутно и туманно обозначилось перед ним будущее. Ясно пока было одно — его жизнь теперь связана с жизнью и смертью чужих людей и зверей. Именно такова цена Большой Игры, предназначенной герою. А выбора нет.

У героев, сдается, вообще никогда нет выбора.

А Л И С Т Е Р Р Е Й Н О Л Д С

ЗА РАЗЛОМОМ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

ОРЛА

Грета стоит рядом, когда я вытаскиваю Сюзи из компенсаторной капсулы.

— Почему ее? — спрашивает Грета.

— Потому что ее я хочу разбудить первой, — отвечаю я, гадая, уж не ревнует ли Грета. Я ее не виню — Сюзи не только очень красива, но еще и умна. Лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал».

— Что случилось? — спрашивает Сюзи, когда у нее проходят неизбежные после пробуждения слабость и головокружение.

— Нам удалось вернуться?

Я прошу ее поделиться своими последними воспоминаниями.

— Таможня, — отвечает Сюзи. — Эти кретины на Архангеле.

— А потом? Что-нибудь еще? Руны? Ты помнишь, как вычисляла их?

— Нет, — говорит она и что-то улавливает в моем голосе. Может, я лгу или не говорю всего, что ей нужно знать. — Том, еще раз спрашиваю: нам удалось вернуться?

— Да. Мы сумели вернуться.

Сюзи смотрит на звездное небо, нарисованное на ее капсуле светящимися красками — фиолетовой и желтой. Она заказала это украшение на Кариллоне. Правилами такие художества запрещаются — причиной указывается вроде бы то, что частички краски забивают воздушные фильтры. Сюзи на правила было наплевать. Она мне сказала, что рисунок обошелся ей в недельное жалование, но потраченные деньги стоили того, чтобы придать хоть немного индивидуальности серому «дизайну» корабля компании.

— Странно, мне почему-то кажется, что я провалялась в этом гробу несколько месяцев.

Я пожимаю плечами:

— Иногда и мне так кажется.

— Значит, все в порядке?

— В полном.

Сюзи смотрит на Грету:

— Тогда кто ты такая?

Грета не отвечает. Она лишь выжидательно смотрит на меня. А меня начинает трясти, и я понимаю, что не могу такого вынести. Пока не могу.

— Заканчивай, — бросаю я Грете.

Грета делает шаг к Сюзи. Та замечает это, но не успевает отреагировать. Грета выхватывает что-то из кармана и прикасается к руке

Сюзи. Та мгновенно вырубается. Мы укладываем ее обратно в капсулу, заново подключаем и закрываем крышку.

— Она ничего не запомнит, — обещает Грета. — Разговор так и останется в ее кратковременной памяти.

— Мне кажется, я этого не переживу.

Грета касается моего плеча:

— Никто и не говорил, что будет легко.

— Я лишь пытаюсь осторожно ввести ее в ситуацию. И не хочу сразу открывать правду.

— Знаю. Ты добрый, Том.

Потом она меня целует.

* * *

Я тоже помнил Архангел. Именно там все и пошло наперекосяк. Просто мы тогда еще этого не знали.

Мы пропустили первое стартовое окно, когда на таможне нашли противоречие в нашей грузовой накладной. Не очень серьезное нарушение, но у них ушло немало времени, прежде чем они смогли понять, что ошиблись сами. А когда поняли, мы уже знали: предстоит ждать на планете еще восемь часов, пока диспетчерская отправит целый флот сухогрузов.

Я сообщил новость Сюзи и Рэю. Сюзи восприняла ее весьма положительно, или настолько положительно, насколько она всегда воспринимала подобные новости. Я предложил ей использовать это время с толком, отправиться в порт и поискать, есть ли там новые синтаксические «довески». Нечто такое, что могло бы сэкономить нам день-другой обратного пути.

— Лицензионные? — уточнила она.

— Мне все равно.

— А как насчет Рэя? — спросила Сюзи. — Он так и будет здесь сидеть, попивая чаек, пока я стану отрабатывать свое жалованье?

Я улыбнулся. Эта парочка вечно цапалась между собой, балансируя на грани любви и ненависти.

— Нет, Рэй тоже может сделать кое-что полезное. Например, проверить ку-плоскости.

— Они в полном порядке, — возразил Рэй.

Я стянул потрепанную кепочку с эмблемой «Ашанти индастриал», почесал лысинку на макушке и повернулся к механику:

— Правильно. Тогда тебе не потребуется много времени на их проверку, верно?

— Как скажете, кэп.

В Рэе мне нравится то, что он легко смиряется, когда проигрывает спор. Он взял комплект инструментов и пошел осматривать плоскости. Я проследил, как он поднимается по лесенке на кран-балку с инструментами на поясе. Сюзи надела маску, длинный черный плащ и ушла, растаяв в окутывающем порт влажным тумане. Стук ее каблучков доносился еще долго после того, как она скрылась из виду.

Я вышел из «Синего гуся» и зашагал в направлении, противоположном Сюзи. Надо мной из тумана один за другим выныривали сухогрузы. Слышно их было задолго до появления — сквозь висящие над портом желтые облака пробивались скорбные низкие стоны, похожие на переключку китов. Когда корабли снижались, показывались темные корпуса, покрытые струпьями и шрамами угловатых выступов синтаксических узоров, со втянутыми перед посадкой кран-балками и ку-плоскостями и выпущенными шасси, напоминающими когти. Сухогрузы замирали над указанными диспетчером посадочными колодцами и опускались в них под вой реактивных струй. Их корпуса скелетными пальцами сразу же крепко стискивали захваты доковых фиксаторов. Из загонов, медленно переставляя ноги, выbredали динозавры-носильщики — кто-то из них уже работал самостоятельно, а другими, сидя на заливке, все еще управлял тренер. Когда выключались двигатели, наступала шокирующая тишина — пока сквозь облака не шел на посадку очередной сухогруз.

Мне всегда нравилось смотреть, как прибывают и уходят корабли, даже если они задерживают в порту мой корабль. Я не умел читать синтаксис, но знал: эти корабли прилетели сюда от самого Разлома. Дальше Разлома в созвездии Орла не летал никто. При средних туннельных скоростях от центра Локального Пузыря добираться до него нужно примерно год.

Этот путь я проделал только раз за всю жизнь. И, подобно добропорядочному туристу, полюбовался видом, открывающимся с внутренней стороны Разлома. На мой взгляд, я забрался достаточно далеко.

Когда в посадочном конвейере образовалась пауза, я заскочил в бар и отыскал кабинку Администрации Скважин, принимающую кредиты «Ашанти». Усевшись в кабинке, записал тридцатисекундное послание для Катерины. Я сообщил ей, что мы уже возвращаемся, но застряли на Архангеле на несколько лишних часов. Предупредил, что задержка может вызвать цепочку других нестыковок на всем нашем пути сквозь туннели, в зависимости от того, как работает АС. Судя по предыдущему опыту, восьмичасовая задержка на планете

может обернуться двухдневным ожиданием перед точкой подъема. И попросил не волноваться, если опоздаю на пару дней.

Из кабинки я увидел бредущего мимо диплодока с пристегнутым между ногами грузовым контейнером.

Я сказал Катерине, что люблю ее и с нетерпением жду встречи.

Возвращаясь на борт «Синего гуся», я думал о мчащемся домой послании. Его передали со скоростью света по местной системе связи, затем скопировали в буфер памяти очередного уходящего корабля. Вполне вероятно, что этот конкретный корабль не направляется к Барранквилле или куда-нибудь поблизости от нее. АС будет перебрасывать сообщение с корабля на корабль, пока оно наконец не достигнет пункта назначения. Я могу даже оказаться на Барранквилле раньше него, но на моей памяти такое случилось лишь однажды. Система работала вполне надежно.

Посмотрев вверх, я увидел, что в просвет между сухогрузами вклинился белый пассажирский лайнер. Я приподнял маску, чтобы разглядеть его получше, и в ноздри мне ударила смесь озона, топлива и динозаврового навоза. Да, я точно на Архангеле. Такой букет запахов не встретишь больше нигде внутри Пузыря. Там четыре сотни планет, на каждой до десятка портов, и ни в одном из них не воняет так, как здесь.

— Том!

Я обернулся и увидел стоящего возле дока Рэя.

— Ты уже закончил осмотр плоскостей? — спросил я.

Рэй покачал головой:

— Как раз об этом я и хотел поговорить. Они оказались слегка не выровнены... а раз нам предстояло задержаться на восемь часов... я решил запустить полную перекалибровку.

Я кивнул:

— Поэтому я и попросил их проверить. Так в чем проблема?

— Проблема такова — нам только что открыли стартовое окно. Из диспетчерской передали: мы можем взлетать через тридцать минут.

Я пожал плечами:

— Значит, будем взлетать.

— Но я не закончил перекалибровку. И сейчас настройка еще хуже, чем раньше. Поэтому взлетать прямо сейчас — не очень удачная идея.

— Сам ведь знаешь, как работают диспетчеры. Пропусти два предложенных окна, и можешь проторчать здесь несколько дней.

— Никто не хочет вернуться домой так, как хочу этого я, — сказал Рэй.

— Тогда порадуйся.

— Корабль растрясет в туннеле. Так что приятного возвращения не получится.

— А нам-то какая разница? Мы же будем спать.

— Да что мы спорим! Мы ведь не можем взлететь без Сюзи.

Я услышал приближающийся стук каблучков. Из тумана вышла Сюзи, на ходу стягивая маску:

— Только зря время потратила на этих портовых обезьян. Все, что они мне пытались всучить, я уже видела миллион раз.

— Ерунда, — сказал я. — Будем взлетать.

Рэй выругался. Я сделал вид, что не услышал.

* * *

В компенсаторную капсулу я всегда залезаю последним. Я никогда не забирался под крышку, не убедившись сперва, что загорелся зеленый свет. А это дает мне возможность еще раз все проверить. Каким бы хорошим ни был экипаж, всегда может что-нибудь случиться.

«Синий гусь» остановился возле маяка Администрации, отмечаящего точку подъема. Перед нами в очереди стояло еще несколько кораблей вперемежку с обычной стайкой служебных корабликов Администрации. Сквозь прозрачный обтекатель я мог наблюдать, как один за другим стартуют большие суда. Разгоняясь на полной тяге, они устремлялись к ничем не примечательной точке небосвода. Кран-балки у них были широко раздвинуты, а гладкие обводы корпусов бугрились загадочными инопланетными рунами маршрутного синтаксиса. При ускорении в двадцать «g» создавалось впечатление, что их зашвыривает в небо гигантская невидимая рука. А через девять секунд уже в тысяче километров от нас в небесах расцветала бледно-зеленая вспышка.

Я обвел взглядом кабину. Ее опоясывали уменьшенные символы нашего маршрутного синтаксиса. Каждую руну этого алфавита образовывала матрица из миллионов шестиугольных пластинок. Все пластинки, снабженные моторчиками, могли выдвигаться из корпуса или втягиваться обратно.

Спросите Администрацию, и они ответят, что в синтаксисе теперь полностью разобрались. Это правда, но до определенного предела. После двух столетий исследований созданные людьми машины теперь могут конструировать и интерпретировать синтаксис с низким

уровнем ошибок. Если задать им желаемый пункт назначения, они смогут набрать строку рун, которая, скорее всего, будет принята и обработана аппаратурой туннеля-скважины. Более того, они почти всегда могут гарантировать, что желаемый маршрут — именно тот самый, который аппаратура скважины вам обеспечит.

Короче говоря, обычно вы попадаете туда, куда хотите.

Возьмем простой перелет из одной точки в другую, например, рейс отсюда до Хаураки. В этом случае использование автоматических генераторов синтаксиса не будет реальным недостатком. Но на длинных маршрутах, которые могут состоять из шести-семи переходов между узлами в сети скважин, машины теряют преимущество. Решение они находят, но далеко не самое оптимальное. Вот тогда в дело и вступают синтакс-штурманы. Люди вроде Сюзи способны отыскивать синтаксические решения интуитивно. Они эти руны буквально во сне видят. И при взгляде на неудачно скомпонованную строку рун они воспринимают ее корявость, как зубную боль. Она их *оскорбляет*.

Хороший синтакс-штурман способен сократить путь на несколько дней. А для компании вроде «Ашанти индастриал» такая разница может оказаться весьма значительной.

Но я не был синтакс-штурманом. Я еще мог заметить, когда что-то неладное случалось с пластинками, но во всем прочем у меня не оставалось выбора: я должен верить, что Сюзи сделала свое дело правильно.

И Сюзи меня не подводила.

Обернувшись, я взглянул назад. Теперь, когда мы находились в космосе, ку-плоскости развернулись. Удерживаемые в распахнутом положении трехсотметровыми кран-балками, они напоминали половинки огромных клещей. Я убедился, что они полностью выдвинуты и зафиксированы, а все контрольные индикаторы светятся зеленым. Кран-балки относились к епархии Рэя. Он проверял выравнивание похожих на лыжи ку-плоскостей, когда я приказал ему тщательно осмотреть корабль и подготовиться к старту. Никаких видимых признаков разбалансировки я не заметил, но опять-таки, чтобы сделать наше возвращение похожим на езду по ухабам, большой разбалансировки и не требуется. Впрочем, как я уже сказал Рэю, кого это волнует? С легкой турбулентностью в туннеле «Синий гусь» вполне справится. Его и построили так, чтобы он мог ее выдержать.

Я снова взглянул на точку подъема. Перед нами только три корабля.

Вернувшись к капсулам, я снова проверил, что у Рэя и Сюзи все в порядке. Рэй украсил свою капсулу примерно в то же время, что и Сюзи. Ее сплошь покрывали изображения, которые Сюзи прозвала БДМ — «Блаженная Дева Мария». На всех картинках БДМ изображалась в скафандре и с маленьким Иисусом (тоже в скафандре) на руках. Вокруг их шлемов художник напылил из баллончика золотые нимбы. Все это искусство смотрелось дешევкой. Рэй явно поспешил, в отличие от Сюзи.

Я быстро разделся до белья, забрался в свою (никак не украшенную) капсулу и закрыл крышку. Внутри начал поступать вязкий буферный гель, и секунд через двадцать я уже ощутил сонливость. К тому времени, когда диспетчерская даст нам зеленый свет, я уже буду спать.

Я проделывал такое тысячи раз. Поэтому не испытывал ни страха, ни мрачных предчувствий. Лишь чуточку сожаления.

Я никогда не видел скважину. Впрочем, ее вообще очень немногие видели.

Все они описывали темный углеродистый астероид в форме бублика диаметром около двух километров. Середина у него пробурена насквозь, а внутреннюю сторону кольца покрывает аппаратура ку-материи — это и есть скважина. По словам очевидцев, эта аппаратура все время подергивается и шевелится, напоминая тикающие внутренности очень сложных часов. Однако контрольные системы Администрации Скважин не засекают вообще никакого движения.

Это технология чужаков, неведомых инопланетян. Мы понятия не имеем, как она работает и кто все это сделал. А если поразмыслить, то, наверное, действительно лучше, что у тебя нет возможности это увидеть.

Вполне достаточно заснуть, а затем проснуться и знать, что ты уже где-то в другом месте.

* * *

— Попробуй иной подход, — говорит Грета. — На этот раз скажи ей правду. Может, она воспримет ее легче, чем ты думаешь.

— Да ведь невозможно сказать ей правду.

Грета прислоняется бедром к стене, одна ее рука все еще в кармане.

— Тогда скажи ей хотя бы половину правды.

Мы отключаем капсулу и вытаскиваем из нее Сюзи.

— Где мы? — спрашивает она меня. Потом Грета: — А ты кто?

Я начинаю гадать, уж не пробились ли из ее кратковременной памяти обрывки последнего разговора.

— Грета здесь работает.

— Здесь? А где?

Я вспоминаю то, что говорила мне Грета:

— Мы на станции в секторе Шедар.

— Но мы летели не туда, Том.

Я киваю:

— Знаю. Произошла ошибка. Сбой в маршруте.

Сюзи уже трясет головой:

— Руны были в полном...

— Знаю. Ты ни в чем не виновата. — Я помогаю ей надеть комбинезон. Она все еще дрожит — мускулы реагируют на движения после столь долгого пребывания в капсуле. — Синтаксис был хороший.

— Тогда что?

— Ошибку совершила система, а не ты.

— Сектор Шедар... Это выбило бы нас из графика дней на десять, правильно?

Я пытаюсь вспомнить, что сказала мне Грета в первый раз. Мне полагается знать все это наизусть, но специалист по маршрутам у нас на корабле не я, а Сюзи.

— Вроде бы правильно, — соглашаюсь я.

Но Сюзи качает головой:

— Тогда мы не в секторе Шедар.

Я пытаюсь изобразить приятное удивление:

— Почему?

— Я провела в капсуле намного дольше, чем несколько дней, Том. Я это знаю. Потому что чувствую это каждой своей косточкой. Так где мы на самом деле?

Я поворачиваюсь к Грете. Поверить не могу, что все повторяется.

— Заканчивай, — говорю я.

Грета делает шаг к Сюзи.

* * *

Знакомо вам это клише: «Едва проснувшись, я понял — что-то не так»? Наверняка вы слышали эту фразу тысячу раз в тысяче баров по всему Пузырю, где парни из экипажей обмениваются байками, потягивая слабое пиво за счет компании. Проблема лишь в том, что иногда все оборачивается именно так. Проведя какое-то время в капсуле, я никогда не ощущал себя хорошо. Но до такой

степени паршиво мне было всего один раз — после полета к границе Пузыря.

Размышляя над этим, но зная, что ничего не смогу сделать, пока не выберусь из капсулы, я добрых полчаса мучительно освобождался от всех соединений. Ощущение было такое, словно каждый мускул моего тела пропустили через мясорубку, а потом затолкали фарш обратно. К сожалению, ощущение неправильности происходящего не исчезло и потом, когда я откинул крышку капсулы. В «Синем гусе» было слишком тихо. После броска через скважину нам полагалось отойти в сторону от последнего на маршруте выходного отверстия. Но я не слышал далекого и успокаивающего рокота термоядерных двигателей. А это означало, что мы в невесомости.

Хреново.

Я выплыл из капсулы, ухватился за рукоятку и развернулся, чтобы осмотреть две другие капсулы. С колпака той, где находился Рэй, на меня уставился сияющий лик самой большой из БДМ. Все индикаторы жизнедеятельности на панели светились зеленым. Рэй все еще пребывал без сознания, но в полном здравии. Такая же картина с Сюзи. Получается, что некая автоматическая система решила разбудить только меня.

Через несколько минут я вернулся в тот же наблюдательный купол, откуда проверял корабль перед броском через скважину. Сунув голову в прозрачный купол, я огляделся.

Мы куда-то прибыли. «Синий гусь» находился в огромном парковочном ангаре в форме вытянутого цилиндра шестиугольного сечения. Гравитации здесь не было. На стенах размещались обслуживающие машины и механизмы — приземистые модули, змеящиеся заправочные шланги, сложенные рамы свободных посадочных причалов. Куда бы я ни взглянул, повсюду на причалах располагались другие корабли. Всех мыслимых конструкций и классов, с любой возможной формой корпуса, допускающей переход через скважину. Всю эту сцену заливал теплый золотистый свет прожекторов. Время от времени ангар освещали трепетные фиолетовые вспышки электросварки.

Это был ремонтный цех.

Едва я принялся размышлять над ситуацией, как заметил нечто, вытягивающееся из стены ангара. Это был телескопический причальный туннель, приближающийся к нашему кораблю. Сквозь окошки в его стенах я различил парящие в невесомости фигурки, которые пробирались по туннелю, отталкиваясь от его стен.

Вздыхнув, я направился к шлюзу.

* * *

Когда я туда добрался, они уже запустили первую стадию цикла перехода. Ничего плохого я в этом не усмотрел — у меня не было веских причин не пускать кого-либо на борт, — но все же их поведение показалось мне чуточку невежливым. Впрочем, они могли думать, что все на корабле еще спят.

Дверь шлюза скользнула в сторону.

— О, вы уже не спите, — послышался мужской голос. — Капитан «Синего гуся» Томас Гандлапет, если не ошибаюсь?

— Он самый.

— Не возражаете, если мы войдем?

Их было шестеро, и они уже вошли. На всех слегка поношенные оранжевые комбинезоны, украшенные эмблемами разных компаний. Я начал злиться: их бесцеремонность мне очень не нравилась.

— В чем дело? — осведомился я. — Где мы находимся?

— А вы как думаете? — ответил вопросом на вопрос их предводитель, небритый и с кривыми желтыми зубами, что меня весьма впечатлило. В наше время надо немало потрудиться, чтобы занять скверные зубы. И мне уже несколько лет не доводилось сталкиваться с чудиками, готовыми на такие жертвы ради искусства.

— Очень надеюсь не услышать от вас, что мы все еще торчим на Архангеле, — сообщил я.

— Нет, мы прошли через врата.

— И?..

— Фокус не удался. Маршрутная ошибка. Вас выбросило из неправильной скважины.

— Господи... — Я стянул кепочку. — Что-то пошло не так на входе?

— Может быть. А может, и нет. Кто знает, как эти штуковины работают... Нам известно лишь, что вы направлялись не сюда.

— Правильно. И где же мы теперь?

— На станции Саумлаки. Сектор Шедар.

Он произнес это таким тоном, словно уже потерял ко мне интерес и выполнял некую рутинную процедуру.

Возможно, он и потерял интерес. А я — нет.

Никогда не слышал о станции Саумлаки, зато прекрасно знал, где находится сектор Шедар. Звезда Шедар — это супергигант класса «К» у самой границы Локального Пузыря. А всего навигационных секторов в Пузыре семьдесят два.

Я уже упоминал Пузырь?

* * *

Вы знаете, как выглядит наша галактика Млечный Путь — вы ее тысячи раз видели на рисунках и в компьютерных симуляциях. Яркая чечевица галактического ядра в центре, из него выходят лениво изогнутые спиральные рукава: каждый состоит из сотен миллиардов звезд, от самых тусклых и едва тлеющих карликов до раскаленных супергигантов, балансирующих на грани самоуничтожения во вспышке сверхновой.

Теперь рассмотрим вблизи один рукав. Там, на расстоянии около двух третей радиуса от центра Галактики, находится оранжево-желтая звезда, наше Солнце. Полосы и складки космической пыли окутывают ее на расстоянии в десятки тысяч световых лет. Тем не менее Солнце расположено в центре огромной, диаметром в четыреста световых лет, дыры в этой пыли — Пузыря, внутри которого плотность пыли примерно в двадцать раз меньше среднего значения.

Это и есть Локальный Пузырь. Словно Господь взял и специально для нас сотворил дыру в этой пыли.

Но, разумеется, сделал это не Господь. Тут поработала сверхновая звезда примерно миллион лет назад.

Осмотревшись, мы увидим и другие пузыри, границы которых пересекаются и сливаются, образуя огромную пенообразную структуру размером в тысячи световых лет. Есть среди них структуры Петля-1, и Петля-2, и Кольцо Линдблада. Есть даже сверхплотные узлы, где пыль настолько густа, что почти не пропускает свет. Этикие черные мембраны наподобие облаков в созвездии Тельца или в районе Ро Змееносца либо сам Разлом Орла.

Расположенный за пределами Локального Пузыря, этот Разлом — самая дальняя точка Галактики, до которой люди добрались. И дело тут не в выносливости или хладнокровии. Просто-напросто способа забраться дальше не имеется, во всяком случае, не в пределах сети сверхсветовых скважин. Запутанная наподобие кроличьих нор структура возможных маршрутов дальше попросту обрывается. Основная часть конечных пунктов — включая большинство маршрутов «Синего гуся» — даже не выведет вас за пределы Локального Пузыря.

Для нас это значения не имеет. Даже в пределах сотни световых лет от Земли коммерческих рейсов вполне хватает. Но Шедар находится как раз на периферии Пузыря, где плотность пыли начинает повышаться до нормальных галактических значений. Отсюда до Земли двести двадцать восемь световых лет.

Повторю: хреново.

— Я знала, что это станет для тебя потрясением, — слышался другой голос. — Но все не так плохо, как ты думаешь.

* * *

Я посмотрел на женщину, которая это сказала. Среднего роста, лицо из тех, что называют «миниатюрными», с раскосыми пепельно-серыми глазами. Гладкие платиновые волосы касаются плеч.

До боли знакомое лицо...

— Не так плохо?..

— Нет, Том. — Она улыбнулась. — В конце концов, у нас появился шанс вспомнить старые добрые времена. Согласен?

— Грета? — выдавил я, не веря собственным глазам.

Она кивнула:

— За мои грехи.

— Господи... это в самом деле ты?

— Если честно, я не была уверена, что ты меня узнаешь. Особенно через столько лет.

— Зато ты, похоже, меня узнала без труда.

— А мне и не нужно было узнавать. Как только вы здесь оказались, поступил сигнал вашего передатчика. Он нам и поведал, как называется ваш корабль, имя его владельца, кто находится на борту, что вы везете и куда направлялись. И когда я услышала твое имя, застолбила себе местечко среди встречающих. Но не волнуйся. Ты не очень уж с тех пор изменился.

— Прими ответный комплимент.

Я немного покривил душой. Но кому нужна абсолютная правда? Я вспомнил, как она выглядела обнаженной — эти воспоминания я хранил в памяти все десять лет. Мне даже стало стыдно, что они до сих пор настолько яркие, словно некая тайная часть моего подсознания украдкой оберегала их все годы моего брака и супружеской верности.

Грета слегка улыбнулась. Будто знала, о чем я думаю.

— Ты никогда не был искусным лжецом, Том.

— Ага. Похоже, мне нужно тренироваться.

Неловкое молчание затянулось. Никто из нас явно не знал, что сказать дальше. Пока мы молчали, остальные зависли вокруг, тоже молча.

— Что ж, — выговорил я наконец, — кто бы мог подумать, что нам предстоит такая встреча?

Грета кивнула и протянула ко мне руки ладонями вверх, словно извиняясь.

— Я лишь жалею, что мы не встретились при лучших обстоятельствах, — сказала она. — Но пусть тебя утешит то, что в случившемся нет вашей вины. Мы проверили ваш синтаксис, и ошибки в нем не оказалось. Просто время от времени система дает сбой.

— Странно лишь, что никто не любит об этом говорить, — заметил я.

— Все могло обернуться хуже, Том. Я ведь помню, что ты рассказывал о космических полетах.

— Да? И какой же из перлов моей мудрости особенно запал тебе в душу?

— «Если ты оказался в ситуации, которая дает тебе право проклинать судьбу, то у тебя нет права ее проклинать».

— Господи, неужели я действительно такое сказал?

— Ага. И готова поспорить, что сейчас ты об этом сожалеешь. Но послушай, все действительно не так уж плохо. Вы отстали от графика всего на двадцать дней. — Грета кивнула на мужчину со скверными зубами. — Колдинг сказал, что вам нужен всего лишь день на ремонт, и вы сможете вылететь обратно. А потом еще дней двадцать или двадцать пять до места назначения, в зависимости от маршрутного синтаксиса. На все уйдет меньше шести недель. Ну, потеряешь ты премиальные за этот рейс. Ничего страшного. Вы все живы и здоровы, а кораблю нужен лишь небольшой ремонт. Так почему бы тебе не расслабиться и не подписать заявку на ремонт?

— Я не рассчитывал еще на двадцать дней в капсуле. К тому же есть и кое-что помимо полета.

— Что именно?

Я едва не сказал, что меня ждет Катерина. Но вместо этого ответил:

— Я беспокоюсь о других. О Сюзи и Рэе. Их ждут семьи. Они будут волноваться.

— Понимаю. Сюзи и Рэй. Они все еще спят? Все еще в капсулах?

— Да, — ответил я настороженно.

— Тогда пусть в них и остаются, пока ты не полетишь обратно. — Грета улыбнулась. — Нет смысла будить их и заставлять сходить с ума все это время. Так будет лучше.

— Ну, если ты так думаешь...

— Уж поверь мне, Том. Я ведь не в первый раз сталкиваюсь с подобной ситуацией. И вряд ли твоя станет последней.

* * *

Ночевать я отправился в отель, в другую часть станции Саумлаки. Отель представлял собой гулкое из-за пустоты многоэтажное соору-

жение, собранное из готовых секций и глубоко погруженное в скальную породу. Наверное, здесь могли бы разместиться сотни постояльцев, но у меня создалось впечатление, что сейчас занято лишь несколько номеров. В эту ночь я спал урывками и рано встал. В крытом портике я увидел работника в кепочке и резиновых рукавицах, который вылавливал из украшенного орнаментом прудика большого карпа. Когда я смотрел, как он достает металлически-оранжевую рыбку, на мгновение мне показалось, что эту картину я уже когда-то видел. Но когда в моей жизни могли возникнуть этот мрачный отель и умирающий карп?

До завтрака — уныло-настороженный, несмотря на легкую сонливость — я навестил Колдинга и услышал новую дату окончания ремонта.

— Два-три дня, — сказал он.

— Вчера вечером был только один.

Колдинг пожал плечами:

— Если у вас проблемы с обслуживанием, попробуйте найти других ремонтников.

Затем он сунул мизинец в уголок рта и принялся ковыряться между зубами.

— Приятно видеть специалиста, который наслаждается своей работой, — заметил я на прощание и ушел, пока настроение не испортилось окончательно.

Грета предложила встретиться за завтраком и вспомнить старые времена. Когда я пришел, она уже ждала меня за столиком на «уличной» террасе под навесом в красную и белую полоску, потягивая апельсиновый сок. Над нами простирался купол шириной в несколько сотен метров — голографическая проекция безоблачного неба. Голубизна его имела жесткий эмалевый оттенок, какой бывает в середине лета.

— Как тебе отель? — поинтересовалась она, когда я заказал кофе.

— Неплохо. Только вот желающих поболтать маловато. Тут дело во мне или вся эта станция отличается радостной атмосферой тонущего океанского лайнера?

— Просто место здесь такое, — пояснила Грета. — Все, кто сюда попадает, страшно злятся. Их или переводят сюда работать, и они вскипают из-за этого, или оказываются здесь в результате ошибки в синтаксисе, и тогда они негодуют по этой причине. Так что выби-рай любую.

— И ни одного счастливого лица?

— Только у тех, кто знает, что скоро отсюда отчалит.

— А к тебе это относится?

— Нет. Я, кажется, здесь застряла. Но меня это вполне устраивает. Наверное, я то самое исключение, которое подтверждает правило.

Официантами здесь были стеклянные манекены — примерно такие, что были в моде на планетах вблизи центра Пузыря лет двадцать назад. Один из них поставил передо мной тарелку с рогаликом, затем налил в чашку обжигающе горячий черный кофе.

— Что ж, рад тебя видеть, — сказал я.

— И я тебя, Том. — Грета допила сок и, не спрашивая, отщипнула кусочек моего рогалика. — Я слышала, что ты женился.

— Верно.

— Ну, и?.. Не хочешь рассказать о ней?

Я глотнул кофе.

— Ее зовут Катерина.

— Хорошее имя.

— Она работает в департаменте биокоррекции на Кагаве.

— Дети?

— Пока нет. Сейчас мы очень много времени проводим вдали от дома.

— Угу. — Она прожевала рогалик. — Но когда-нибудь вы непременно решитесь...

— Окончательных решений не бывает. — Хотя мне и льстило, что Грета проявляет к моей жизни такой интерес, но от хирургической точности ее вопросов мне стало чуть-чуть неудобно. Тут не было ни попыток подловить, ни выуживания информации. Такая прямота заставляет нервничать. Зато она же дала мне право задать столь же откровенные вопросы. — А как насчет тебя?

— Так, ничего особенного. Вышла замуж примерно через год после нашей с тобой последней встречи. Его зовут Марсель.

— Марсель, — задумчиво протянул я, словно имя имело космическое значение. — Что ж, рад за тебя. Как я понял, он тоже здесь?

— Нет. Работа раскидала нас по разным углам космоса. Мы все еще женаты, но... — Грета недоговорила.

— Нелегко вам приходится.

— Если бы имелся способ это изменить, мы бы его нашли. В любом случае, не стоит нас слишком уж жалеть. У каждого из нас есть своя работа. И не могу сказать, что я менее счастлива, чем когда мы с ним виделись в последний раз.

— Вот и хорошо.

Грета подалась вперед и коснулась моей руки. Ногти у нее были черные с голубоватым отливом.

— Послушай... Наверное, я очень самонадеянна... Одно дело — попросить тебя позавтракать со мной: не пригласить тебя стало бы грубостью. Но не хотел бы ты встретиться со мной еще раз? Ужины здесь поистине очаровательны. Свет выключают, а вид сквозь купол действительно потрясающий.

Я взглянул на бесконечное голографическое небо.

— А я подумал, что это лишь картинка.

— Конечно, картинка, — подтвердила она. — Но пусть это не портит тебе впечатление.

* * *

Я уселся перед камерой и заговорил.

— Катерина, — начал я. — Здравствуй. Надеюсь, у тебя все хорошо. И еще надеюсь, что теперь кто-нибудь из компании уже связался с тобой. А если нет, то я совершенно уверен: ты посылала им запросы. Не знаю, какой ты получила ответ, но могу заверить, что мы живы, здоровы и уже направляемся домой. Я тебе звоню со станции Саумлаки, это ремонтная база на краю сектора Шедар. Смотреть тут особо не на что — просто мешанина туннелей и центрифуг, закопанных в угольно-черный астероид типа «Д», примерно в половине светового года от ближайшей звезды. Станцию устроили здесь только потому, что рядом — вход в скважину. И по этой же причине здесь оказались мы. Неизвестно почему, но «Синий гусь» прошел через неправильный узел сети — это называется маршрутная ошибка. Мы прилетели вчера вечером по местному времени, и с тех пор я сижу в отеле. Извини, я не связался с тобой вчера: слишком устал и к тому же еще не знал, как долго мы здесь пробудем. Я решил подождать до утра, когда станет ясно, насколько сильно поврежден корабль. Ничего серьезного — так, кое-что отвалилось после перехода, однако придется проторчать здесь несколько дней. Колдинг, начальник ремонтников, обещал, что не больше трех. Однако к тому времени, когда мы ляжем на обратный курс, отставание от графика составит сорок дней.

Я замолчал, глядя на мельтешение цифр индикатора стоимости послания. Перед тем как садиться в кабинку, я всегда мысленно готовил информативное, экономное, но в то же время емкое сообщение — этакий изящный монолог. Но стоило мне открыть рот, как в голове становилось пусто, и я выглядел уже не диктором информа-

ционной программы, а мелким воришкой времени, сочиняющим жалкое алиби для проницательных следователей.

Кривовато улыбнувшись, я продолжил:

— Меня гнетет мысль о том, что это послание будет добираться до тебя очень долго. Но есть и хорошая новость — оно опередит меня совсем ненадолго. К тому времени, когда ты его получишь, меня будут отделять от дома всего несколько дней пути. Так что не трать зря деньги на ответ: он не застанет меня на станции Саумлаки. Просто оставайся там, где находишься, и я обещаю скорое возвращение.

Вот и все. Говорить больше нечего, осталось лишь добавить: «Я скучаю по тебе». Как мне хотелось, чтобы фраза прозвучала эмоционально! Но при прослушивании записи впечатление создалось такое, словно я спохватился в последний момент.

Конечно, я мог бы перезаписать концовку, но вряд ли у меня получилось бы лучше, чем в первый раз. И я просто нажал кнопку отправки записанного сообщения, гадая, скоро ли оно тронется в путь. Маловероятно, что через Саумлаки течет оживленный поток стартующих и прибывающих кораблей, и «Синий гусь» вполне может стать первым из тех, кто улетит в подходящем направлении.

Я вышел из кабинки, испытывая непонятное чувство вины, словно пренебрег какой-то обязанностью. И лишь позже понял, что именно не давало мне покоя. Я сказал Катерине о станции Саумлаки. Я даже рассказал ей о Колдинге и поломке «Синего гуся». Но я умолчал о Грете.

* * *

С Сюзи у нас ничего не получается.

Она очень умна и прошла прекрасную психологическую подготовку. Я могу вешать ей на уши сколько угодно лапши, но она знает, что причиной ее столь длительного пребывания в капсуле мог стать только облом поистине эпического масштаба. Понимает, что речь идет о задержке не на недели и даже не на месяцы. Каждый нерв ее тела вопит об этом ее мозгу.

— Мне снились сны, — говорит она, когда у нее проходит слабость после пробуждения.

— Какие?

— О том, что меня постоянно будили. И ты вытаскивал меня из капсулы. Ты и еще кто-то.

Я пытаюсь улыбнуться. Я с ней наедине, но Грета поблизости. Сейчас иньектор в моем кармане.

— Когда я выбираюсь из капсулы, я тоже вспоминаю дурацкие сны.

— Но эти вспоминаются так реально... Твои слова всякий раз менялись, но ты снова и снова говорил, что мы где-то... что мы немно-го сбились с курса, но волноваться из-за этого не стоит.

Вот тебе и заверения Греты о том, что Сюзи ничего не запомнит. Похоже, ее память не такая уж и краткая...

— Удивительно, что ты это сказала. Ведь мы действительно не-много сбились с курса.

С каждой секундой она соображает все лучше. Из нашего экипажа именно она всегда первой выбиралась из капсулы.

— Насколько, Том?

— Больше, чем мне хотелось бы.

Она стискивает кулаки. Я не могу сказать, агрессия это или нерв-но-мышечный спазм, реакция на пребывание в капсуле.

— И насколько дальше? За пределами Пузыря?

— Да, за пределами Пузыря.

Ее голос становится негромким и детским:

— Скажи, Том... мы за пределами Разлома?

Я слышу ее страх. Это тот кошмар, с которым приходится жить всем экипажам в каждом рейсе: что-то на маршруте даст сбой, такой серьезный сбой, что корабль окажется на самом краю сети скважин. Настолько далеко, что на возвращение уйдут не месяцы, а годы. И что несколько лет уже прошло на пути сюда, еще до того, как нача-лось путешествие обратно.

А когда они вернутся, все близкие люди окажутся старше на не-сколько лет.

Если все еще будут живы. Если все еще будут помнить о тебе или захотят вспомнить. Если ты сам еще сможешь их узнать.

За пределы Разлома Орла. Это и есть сокращенное название путе-шества, в которое любой из нас надеется не отправиться по воле случая. Путешествия, которое искорежит твою жизнь. Которое рож-дает призраков, сидящих по темным углам в барах по всему Пузырю. Мужчин и женщин, вырванных из времени, отрезанных от семьи и любимых из-за сбоя в чужой технике, которой мы пользуемся, но едва ее понимаем.

— Да, — говорю я. — Мы за пределами Разлома.

Сюзи вскрикивает, и этот вопль превращает ее лицо в маску гнева и отрицания. Мои пальцы смыкаются на холодном инъекторе. И я лихорадочно соображаю, нужно ли пускать его в ход.

* * *

Новый срок окончания ремонта от Колдинга. Пять или шесть дней.

На этот раз я даже спорить не стал. Лишь пожал плечами и зашагал прочь, гадая, какую цифру услышу в следующий раз.

Вечером я сел за тот же столик, за которым мы с Гретой завтракали. Утром здесь все было ярко освещено, но сейчас источниками света служили только лампы на столах и неяркие осветительные панели на потолке. В дальнем конце зала стеклянный манекен перемещался от одного пустого столика к другому, играя «Asturias» на стеклянной гитаре. Кроме меня, в ресторане никого не было.

Долго ждать Грету мне не пришлось.

— Извини за опоздание, Том.

Я повернулся в ее сторону. На этой станции с низкой гравитацией ее походка отличалась особой легкостью, а приглушенный свет выгодно оттенял изгибы талии и бедер. Она села и наклонилась ко мне с видом заговорщицы. Лампа на столе превратила ее лицо в рельеф из ярких золотых пятен и красных теней, омоловив лет на десять.

— Ты не опоздала. И в любом случае мне было чем полюбоваться.

— Сейчас лучше, чем днем, правда?

— Это еще мягко сказано, — ответил я, улыбнувшись. — Ты права, сейчас здесь гораздо лучше.

— Я могу здесь всю ночь сидеть и просто смотреть. Иногда я так и делаю. Только я и бутылка вина.

— Я тебя не осуждаю.

Голографическую синеву купола теперь сменили звезды — полное небо звезд. Ничего подобного я никогда не видел на любой другой станции или из другого корабля. Здесь были яростные бело-голубые звезды, пылающие бриллиантами на полотне из черного бархата. И ярко-желтые самоцветы, и мягкие красные штрихи, словно растущеванный пальцем след воскового мелка. Были ручейки и потоки не столь ярких звезд, похожие на стаи из миллиардов неоновых рыбок, застывших на моментальной фотографии. И огромные расплывающиеся кляксы зеленых и красных облаков, пронизанные жилками и окаймленные нитями прохладной черноты. И еще скалы и горы охряной пыли, настолько богатые трехмерными структурами, что напоминали щедрые мазки масляных красок. Сквозь пыль фонариками светили красные и розовые звезды. Там и тут я видел крошечные подмигивающие точки рождающихся солнечных систем. Это были пуль-

сары, которые вспыхивали и гасли наподобие бакенов, и диссонансные ритмы их вспышек задавали всей этой картине размеренный темп, наподобие смертельного медленного вальса. Казалось, все это зрелище содержит слишком много деталей, ошеломляющее изобилие оттенков, и все же, куда бы я ни взглянул, везде находил что-то новое, будто купол ощущал мое внимание и концентрировал все свои усилия в той точке, куда устремлялся мой взгляд. На мгновение меня охватила слабость: почувствовав головокружение, я ухватился за край стола, точно хотел удержаться от падения в бездонную глубину того, что находилось у меня над головой.

— Да, именно так это действует на людей, — улыбнулась Грета.

— Это прекрасно.

— Ты хотел сказать «прекрасно» или «ужасно»?

Я вдруг понял, что не знаю, какой из ответов выбрать.

— Это настолько огромно... — пробормотал я через какое-то время.

— Само собой, все это ненастоящее, — пояснила Грета. Она приблизилась, и теперь ее голос звучал тише. — Купол сделан из «умного» стекла. Оно повышает яркость звезд, чтобы человеческий глаз смог увидеть разницу между ними. Сами же цвета реальны. Все остальное, что ты видишь, тоже показано весьма точно, если не считать того, что определенные участки спектра смещены в видимый диапазон, а масштаб некоторых структур изменен. — Она стала показывать знакомые объекты. — Это край большого темного облака в созвездии Тельца, из-за него выглядят Плеяды. Это волокнистая структура Локального Пузыря. Видишь открытое скопление?

Она подождала, пока я отвечу.

— Да.

— Это Гиады. Вон там Бетельгейзе и Беллатрикс.

— Я впечатлен.

— На то и рассчитано. Такое зрелище стоит кучу денег. — Она немного отодвинулась, и на ее лицо вновь упали тени. — Ты себя хорошо чувствуешь, Том? Похоже, что-то не дает тебе покоя.

Я вздохнул:

— Просто услышал очередной прогноз от твоего приятеля Колдинга. Этого вполне достаточно.

— Жаль!

— Есть и еще кое-что. Это гложет меня с той минуты, когда я выбрался из капсулы.

Подошел манекен. Я предоставил Грете заказать что-нибудь для меня.

— Можешь со мной поделиться, — сказала она, когда манекен удалился.

— Это нелегко.

— Значит, что-то личное? Катерина? — Она помолчала. — Извини. Мне не следовало вмешиваться.

— Нет, не Катерина. Во всяком случае, не совсем. — Но уже договаривая эти слова я знал, что в каком-то смысле речь пойдет о Катерине и о том, сколько пройдет времени, пока мы увидимся вновь.

— Продолжай, Том.

— Прозвучит это глупо, но... Но я до сих пор гадаю, все ли здесь со мной откровенно. И не только Колдинг. Ты тоже. Когда я выбрался из капсулы, то чувствовал себя точно так же, как и в тот раз, когда слетал к Разлому. Пожалуй, даже хуже. И не мог отделаться от ощущения, что пролежал в капсуле долго. Очень долго.

— Иногда такое случается.

— Я знаю разницу, Грета. Можешь мне поверить.

— Так что ты этим хочешь сказать?

Проблема состояла в том, что я не был уверен в своих выводах. Одно дело — испытывать смутное подозрение по поводу того, сколько я пробыл в капсуле. И совсем другое — обвинить мою хозяйку во лжи. Особенно когда она настолько гостеприимна.

— У тебя есть хоть какая-то причина лгать мне?

— Прекрати, Том. Ты сам-то понимаешь, о чем спросил?

Едва я поделился своим подозрением, как и мне оно показалось абсурдным и оскорбительным. Очень захотелось повернуть время вспять и начать разговор сначала, избежав этой оплошности.

— Прости. Глупость ляпнул. Просто свали это на сбитые биоритмы или найди еще какую причину.

Она подалась вперед и взяла меня за руку, как уже делала утром. Только сейчас она ее не выпускала.

— Ты правда чувствуешь себя не в своей тарелке?

— Увертки Колдинга мне не помогают, уж это точно. — Официант принес вино и поставил его на столик. Бутылка звякнула от прикосновения его изящных стеклянных пальцев. Он наполнил два бокала, я глотнул из своего. — Может, если бы рядом был кто-нибудь из моей команды, и мы смогли бы вместе все обсудить, мне стало бы легче. Да, ты сказала, что не стоит будить Сюзи и Рэя, но это было до того, как однодневная задержка превратилась в неделю.

Грета пожала плечами:

— Если хочешь их разбудить, никто тебе мешать не станет. Но не думай сейчас о делах. Давай не будем портить замечательный вечер.

Я взглянул на небо. Оно стало ярче, обрета безумную мерцающую насыщенность, достойную кисти Ван Гога.

Даже взгляд на звездный купол опьянял и наполнял восторгом.

— Да что может его испортить? — спросил я.

* * *

Кончилось все тем, что я перебрал лишнего и переспал с Гретой. По поводу Греты судить не берусь. Что тут сыграло главную роль — вино или охлаждение ее отношений с Марселем? Во всяком случае, обольстительницей стала она, ведь именно ее замужество не удалось. Я всего лишь беспомощная жертва. Да, я поддался соблазну, но в этом нет моей вины. Я был один, вдали от дома, эмоционально уязвим, а она этим воспользовалась. Размягчила меня романтическим ужином, а сама уже взвела капкан.

Хотя, если честно, все это лишь жалкое самооправдание. Если мой брак действительно настолько крепкий, то почему я не упомянул Грету в сообщении домой? Поощаил чувства жены? Да нет, теперь-то я отчетливо понимал, что умолчал о Грете по совершенно иной причине. Уже тогда я знал, что мы наверняка окажемся в одной постели.

Проблема заключалась лишь в том, что у Греты на уме было совсем иное.

* * *

— Том, — сказала Грета, пробуждая меня легким толчком. Она лежала рядом обнаженная, опираясь на локоть. Бедрa были прикрыты мятыми простынями. Свет в комнате превратил ее тело в абстрактную фигуру из молочно-голубых изгибов и темно-фиолетовых теней. Проведя черным ногтем по моей груди, она сказала: — Тебе надо кое-что знать.

— Что?

— Я солгала. Колдинг солгал. Мы все солгали.

Я был еще слишком сонный, и ее слова меня лишь слегка встревожили. Я смог лишь повторить:

— Что?

— Ты не на станции Саумлаки. И не в секторе Шедар.

Тут я начал просыпаться окончательно.

— Повтори.

— Маршрутная ошибка оказалась гораздо более серьезной, чем мы тебе сказали. Она перенесла вас далеко за пределы Локального Пузыря.

Я стал искать в душе гнев, хотя бы негодование, но испытал лишь головокружительное ощущение падения в бездну.

— Насколько далеко?

— Гораздо дальше, чем ты считаешь возможным.

Следующий вопрос был очевиден:

— За пределы Разлома?

— Да, — подтвердила она. — За пределы Разлома Орла. И очень далеко.

— Мне нужно знать все, Грета.

Она встала, потянувшись к халату:

— Тогда одевайся. Я покажу.

* * *

Все еще ошеломленный, я побрел следом за Гретой.

Она снова привела меня в купол. Тут было темно, как и накануне вечером, лишь маячками светились лампы на столах. Я предположил, что освещение на станции Саумлаки (или как ее там?) подчиняется лишь прихоти своих обитателей и вовсе не обязано соответствовать какому угодно циклу «день-ночь». Но все же не очень-то приятно обнаружить, что им управляя настолько произвольно. И если Грете позволено выключать освещение, когда ей вздумается, неужели никто не станет возражать?

Но возражать здесь было попросту некому. Компанию нам составлял лишь стеклянный манекен, стоявший наготове с салфеткой, переброшенной через согнутую руку.

Мы сели за столик.

— Хочешь выпить, Том?

— Спасибо, нет. Я сейчас не в настроении. И на то есть кое-какие причины.

Она коснулась моего запястья:

— Моя ложь — во спасение. Я не могла открыть тебе правду, всю и сразу.

Я отдернул руку:

— Разве не мне об этом судить?.. Так в чем заключается твоя правда?

— Она тебе не понравится, Том.

— Ты говори, а я уж сам как-нибудь разберусь.

Я не заметил ее движения, но внезапно купол снова наполнился звездами, совсем как накануне вечером.

Картина дрогнула и устремилась наружу. Белым снегопадом хлынул поток звезд. Разноцветными ключьями проносились мимо прозрачные туманности. Ощущение движения оказалось настолько реальным, что я ухватился за стол, борясь с головокружением.

— Спокойно, Том, — прошептала Грета.

Звездный поток отклонился, сжался. Надвинулась и скрылась позади сплошная стена межзвездного газа. Теперь у меня возникло ощущение, что мы оказались за пределами чего-то, пронзив границу замкнутой сферы, обозначенную лишь расплывчатыми арками и струтками газа в тех местах, где его плотность резко возростала.

Конечно. Это же очевидно. Мы пересекли границу Локального Пузыря.

И продолжали удаляться. Я смотрел, как уменьшается сам Пузырь, становясь лишь одной из ячеек «вспененного» галактического рукава. Вместо отдельных звезд я теперь видел лишь светящиеся пятна и точки — скопления сотен тысяч звезд. Это напоминало взлет над лесом: поляны еще видны, но отдельные деревья сливаются в аморфную массу.

А мы все удалялись. Затем расширение замедлилось и вскоре прекратилось. Я еще различал Локальный Пузырь, но только потому, что все это время не отрывал от него взгляда. Если бы не это, то я никак не смог бы выделить его среди десятков соседних пустот.

— Неужели мы настолько далеко? — спросил я.

Грета покачала головой:

— Позволь мне кое-что показать.

Я опять не заметил, что она сделала, но Пузырь внезапно наполнился путаницей красных линий, словно нарисованных рукой ребенка.

— Это структура скважин, — догадался я.

Пусть меня корбило от ее лжи, пусть я боялся узнать *всю* правду, но я все же не мог отключить профессиональную часть своего сознания — ту ее часть, которая гордилась способностью распознавать такие вещи.

Грета кивнула:

— Это главные коммерческие маршруты, хорошо картированные трассы между большими колониями и основными торговыми узлами. Теперь я добавлю все известные соединения, включая те трассы, которые были пройдены случайно.

Резкого изменения красного клубка не произошло. Добавилось несколько петель и изгибов, один из которых пронзал стену Пузыря и касался Разлома Орла. Два других пересекали границу в иных направлениях, но ни один из них Разлома не достигал.

— Где мы?

— На конце одного из этих соединений. Видеть его ты не можешь, потому что оно направлено точно на нас. — Она слегка улыбнулась. — Мне нужно было установить шкалу, чтобы ты лучше понял. Какова ширина Локального Пузыря, Том? Примерно четыреста световых лет?

Мое терпение начало истощаться. Но мне все еще было любопытно.

— Около того.

— И хотя я знаю, что время полета через скважину меняется от точки к точке и зависит от оптимизации синтаксиса и топологии сети, правильно ли, что средняя скорость примерно в тысячу раз превышает скорость света?

— Чуть больше, чуть меньше.

— Значит, на путешествие до края Пузыря может уйти... около полугода? Скажем, пять или шесть месяцев? И год — до Разлома Орла?

— Ты хорошо это знаешь, Грета. И я это знаю.

— Ладно. Тогда взгляни сюда.

И картинка снова начала отдаляться. Пузырь съеживался, потом его скрыли несколько перекрывающихся газовых структур, края поля зрения начали заполняться темнотой, и вскоре мы увидели знакомый спиральный вихрь нашей галактики — Млечного Пути.

Сотни миллиардов звезд, взбитые в пышные белые полосы морской пены.

— Это и есть настоящий вид, — пояснила Грета. — Разумеется, подработанный. Сделанный поярче и пропущенный через фильтры, чтобы лучше воспринимался человеческим глазом. Но если бы у тебя были глаза с квантовой эффективностью, близкой к идеальной, да еще примерно метрового размера, то приблизительно такую картинку ты бы и увидел, если бы вышел из станции.

— Я тебе не верю.

Но подразумевал я совсем другое — я не *хотел* ей верить.

— Привыкай, Том. Ты сейчас очень далеко. Станция находится на орбите вокруг коричневого карлика в Большом Магеллановом облаке. Ты в 150 тысячах световых лет от дома.

— Нет, — едва не простонал я, по-детски отвергая то, чего не хотел признавать.

— Ты ощутил себя так, словно провел в капсуле много времени. И ты чертовски прав. Сколько прошло субъективного времени? Не знаю. Годы — вероятно. Возможно, десятилетие. Но объективное время — то, которое прошло дома — рассчитать гораздо легче. Чтобы добраться сюда, «Синему гусю» понадобилось сто пятьдесят лет. Даже если ты помчишься обратно прямо сейчас, Том, твое отсутствие там продлится триста лет.

— Катерина, — проговорил я, как заклинание.

— Катерина умерла. И мертва уже столетие.

* * *

Как можно привыкнуть к такому факту? Ответ: нельзя рассчитывать на то, что с этим вообще можно привыкнуть. Не у каждого получается. Грета рассказала, что наблюдала практически весь спектр возможных реакций и хорошо поняла лишь одно: почти невозможно предсказать, как эту новость воспримет конкретный человек. Она видела тех, кто в ответ на такое откровение лишь устало пожимал плечами, словно оно становилось последним в цепочке горьких сюрпризов, которые подбрасывала им жизнь — в каком-то смысле не страшнее болезни, тяжелой утраты или любого количества личных неудач. А видела и таких, кто просто уходил и через полчаса сводил счеты с жизнью.

Но большинство, по ее словам, со временем примирялось с реальностью, несмотря на мучительный и болезненный процесс самого примирения.

— Ты уж поверь мне, Том, — сказала она. — Я знаю, в тебе есть сила, чтобы пройти через это. Знаю, что ты можешь научиться жить и с такой правдой.

— Почему же ты не сказала ее сразу, как только я вылез из капсулы?

— Потому что тогда еще не была уверена, что ты сможешь ее принять.

— И когда ж ты обрела эту уверенность?

— После этой ночи. Я поняла, что Катерина не может значить для тебя слишком много.

— Сука!

— А ты с этой сукой переспал. О чем и речь.

Мне захотелось ее ударить. Но разозлил меня не ее цинизм, а жестокая правда ее слов. Она была права, и я это знал. Мне просто не хотелось это признавать — не больше, чем хотелось признавать то, что происходило здесь и сейчас.

Я подождал, пока не уляжется злость.

— Так ты сказала, что мы не первые? — спросил я.

— Нет. Думаю, первым стал корабль, на котором прилетела я. К счастью, он оказался хорошо оснащен. После такой же маршрутной ошибки у нас нашлось достаточно запасов, чтобы заложить самоподдерживающуюся станцию на ближайшем астероиде. Мы знали, что вернуться нам не суждено, но зато мы хотя бы смогли обеспечить себе более или менее нормальную жизнь.

— А потом?

— Первые годы у нас хватало дел, чтобы просто остаться в живых. А потом из скважины вылетел другой корабль. Поврежденный, дрейфующий — совсем как «Синий гусь». Мы отбуксировали его к себе, разбудили команду, сообщили им новость.

— И как они ее восприняли?

— Примерно так, как мы и ожидали. — Грета усмехнулась. — Двое сошли с ума. Одна покончила с собой. Но не меньше десятка из них все еще здесь. Если честно, то для нас стало благом, что сюда попал еще один корабль. И не только потому, что у них оказались припасы. Помогая им, мы помогли себе. Перестали жалеть себя, несчастных... И этот корабль не стал последним. С тех пор все повторялось еще раз восемь или девять. — Грета смотрела на меня, подперев голову рукой. — Улавливаешь намек, Том.

— Какой именно?

— Я знаю, как тебе сейчас тяжело. И это не пройдет так скоро. Но если тебе будет, о ком беспокоиться, то забота исцелит тебя. Сгладит переход.

— И о ком же мне заботиться?

— О ком-нибудь из твоего экипажа. Теперь ты уже можешь разбудить одного из них.

* * *

Грета стоит рядом, когда я вытаскиваю Сюзи из компенсаторной капсулы.

— Почему ее? — спрашивает Грета.

— Потому что ее я хочу разбудить первой, — отвечаю я, гадая, уж не ревнует ли Грета. Я ее не виню — Сюзи очень красива, но она еще и умна. Лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал».

— Что случилось? — спрашивает Сюзи, когда у нее проходят неизбежные после пробуждения слабость и головокружение. — Нам удалось вернуться?

Я прошу ее поделиться своими последними воспоминаниями.

— Таможня, — отвечает Сюзи. — Эти кретины на Архангеле.

— А потом? Что-нибудь еще? Руны? Ты помнишь, как вычисляла их?

— Нет, — говорит она и что-то улавливает в моем голосе. Может, я лгу или не говорю всего, что ей нужно знать. — Том, еще раз спрашиваю. Нам удалось вернуться?

Минуту спустя мы укладываем Сюзи обратно в капсулу.

В первый раз не сработало. Возможно, получится в следующий раз.

* * *

Но у нас снова и снова ничего не получалось. Сюзи всегда была умнее меня, она быстрее соображала. Едва выбравшись из капсулы, она сразу догадывалась, что мы улетели гораздо дальше сектора Шедар. И всегда опережала мое вранье и оправдания.

— У меня было иначе, — поведал я Грете, когда мы снова лежали рядом несколько дней спустя. Сюзи все еще находилась в капсуле. — Думаю, сомнения терзали меня так же, как и ее. Но едва я увидел рядом тебя, как сразу обо всем позабыл.

Грета кивнула. Ее лицо скрывали растрепавшиеся после сна пряди волос. Одна прядка оказалась между губами.

— Тебе ведь стало легче, когда ты увидел знакомое лицо?

— Отвлекло меня от проблемы, уж это точно.

— Все равно тебе от нее никуда не деться. Кстати, с точки зрения Сюзи, ты ведь для нее тоже знакомое лицо, правильно?

— Возможно. Но меня она ожидала увидеть. А вот я, если и ожидал кого-то увидеть возле капсулы, то уж точно не тебя.

Грета провела согнутым пальцем по моей щеке. Ее гладкая кожа скользнула по щетине.

— Но тебе постепенно становится легче, так ведь? — спросила она.

— Не уверен.

— Ты сильный человек, Том. И я знаю, что ты сможешь пройти через это.

— Но пока еще не прошел, — буркнул я. Меня не покидало чувство, будто я иду по канату, натянутому над Ниагарским водопадом. Просто чудо, что я смог пройти по нему столько, сколько успел. Но это не означает, что я в безопасности.

Все же Грета права. Надежда есть. Меня не завязывала узлом то-

ска по поводу смерти Катерины или моего вынужденного невозвращения — называйте, как хотите. Я испытывал лишь горько-сладкое сожаление, какое может появиться, если нечаянно сломаешь фамильную драгоценность или вспомнишь давно умершего домашнего любимца. Меня не мучила мысль, что я никогда больше не увижу жену. Но мне было очень жаль, что я не увижу многого другого. Возможно, потом мне станет хуже. Может быть, настоящий нервный срыв еще впереди.

Хотя вряд ли.

А тем временем я продолжал искать способ, как сообщить обо всем Сюзи. Она стала загадкой, которая не давала мне покоя. Конечно, я мог просто разбудить ее, все рассказать, а дальше пусть она справляется, как может, но такое решение представлялось мне жестоким. Ведь Грета открыла мне истину мягко и постепенно, дав время привыкнуть к новой обстановке. И сделала необходимый шаг, отдаляющий меня от Катерины. Когда же она сообщила кошмарную истину, та уже не потрясла меня. Я был к ней подготовлен, а острота утраты притупилась. Я не мог предложить Сюзи такое же утешение, но не сомневался: способ терпеливо и деликатно открыть ей действительность отыщется непременно.

Мы будили ее снова и снова, пробовали самые разные подходы. Грета сказала, что имеется «окно» в несколько минут, прежде чем пережитые Сюзи события начнут перемещаться в ее долговременную память. Если мы «выключим» ее вовремя, то буферные воспоминания в кратковременной памяти окажутся стерты еще до того, как пересекут гиппокамп, направляясь в долговременную память. В пределах этого «окна» мы можем будить ее сколько угодно раз, пробуя бесконечные варианты сценария пробуждения.

Во всяком случае, так мне сказала Грета.

— Мы не можем проделывать это бесконечно, — сказал я.

— Почему?

— Разве она не запомнит хоть что-нибудь?

Грета пожала плечами:

— Возможно. Но сомневаюсь, что она придаст этим воспоминаниям серьезное значение. Разве у тебя, когда ты вылезал из капсулы, никогда не возникало смутного впечатления, что подобное с тобой уже происходило?

— Иногда, — признал я.

— Тогда пусть это тебя не беспокоит. У нее все будет хорошо. Обещаю.

— Может, ее надо просто разбудить, и все?
 — Вот это будет жестоко.
 — Жестоко снова и снова будить ее, а потом выключать, словно механическую куклу.

В ответе Греты чувствовался подтекст:

— А ты старайся, Том. Я уверена: ты уже близок к правильному решению. А думая о Сюзи, ты помогаешь себе. Я всегда знала: это может.

Я начал было отвечать, но Грета прижала палец к моим губам.

* * *

Грета оказалась права. Ответственность за Сюзи помогала мне заглушить собственную тоску. Я вспомнил слова Греты о других экипажах, оказавшихся в той же ситуации еще до нас. Ясно, что моя подруга освоила много психологических трюков — гамбитов и кратких путей, облегчающих адаптацию. Я испытывал легкую обиду из-за того, что мною столь эффективно манипулировали. Однако с удовлетворением отмечал: мое собственное самочувствие заметно улучшается. Оторванность от дома уже не доставляла мне невыносимых страданий. Более того, я даже стал считать, что нахожусь в привилегированном положении: я оказался в космосе так далеко, как это не удавалось почти никому в истории. Я все еще был жив, и меня окружали люди — то есть любовь, партнерство и участие. И не только со стороны Греты, но и всех собратьев по несчастью.

Кстати, их оказалось гораздо больше, чем я увидел в первый день. В коридорах — сперва почти пустых — становилось все более многолюдно, а когда мы обедали в куполе под Млечным Путем, то многие столики оказывались заняты. Я вглядывался в лица сотрапезников, мне было приятно узнавать знакомые черты, и я гадал, какие истории могут рассказать эти люди, где был их дом, кто у них там остался, как они приспособились к жизни здесь. У меня будет еще много времени, чтобы познакомиться со всеми. А на этой станции никогда не станет скучно, потому что в любой момент, как сказала Грета, из скважины может появиться очередной заблудившийся корабль. Трагедия для его команды, но для нас — новые лица, свежие новости из дома.

В целом, все складывалось не так уж и плохо.

А потом у меня в голове щелкнуло.

Причиной стал мужчина, достававший рыбину из прудика в веселье отеля.

Я его уже видел. Возле другого пруда с больными карпами. В другом отеле.

Затем я вспомнил гнилые зубы Колдинга, и как они напомнили мне о другом человеке, которого я повстречал очень давно. Но фокус заключался в том, что это вовсе не был другой человек. Другое имя, другие обстоятельства, но во всем остальном Колдинг от него ничем не отличался. А когда я пригляделся к другим обедающим — как следует пригляделся, — то смог бы поклясться, что уже видел любого из них прежде. Здесь не оказалось ни единого лица, поразившего бы меня полной незнакомостью.

Оставалась Грета.

И я спросил ее, глотнув вина:

— Здесь все ненастоящее, так ведь?

Она ответила бесконечно печальным взглядом и кивнула.

— А как же Сюзи? — спросил я.

— Сюзи мертва. И Рэй тоже. Они скончались в капсулах.

— Но как? И почему они, а не я?

— Частички краски забили входные фильтры. На коротких маршрутах это почти не имело значения, но оказалось достаточно, чтобы убить их во время полета сюда.

Полагаю, какая-то часть моего сознания всегда это подозревала. И шок оказался слабее, чем жестокое разочарование.

— Но Сюзи выглядела такой реальной. Даже в том, как она сомневалась, сколько пролежала в капсуле... и в том, как она вспоминала предыдущие попытки ее разбудить.

К столику подошел стеклянный манекен. Взмахом руки Грета отослала его.

— А это я сделала ее убедительной.

— Ты ее *сделала*?

— Ты еще не проснулся окончательно, Том. В твой мозг закачивается информация. И вся эта станция — симуляция.

Я глотнул вина, ожидая, что вкус его вдруг станет водянистым и синтетическим, но оно и теперь имело вкус очень хорошего вина.

— Значит, я тоже мертв?

— Нет. Ты жив. И до сих пор лежишь в своей капсуле. Но я пока не привела тебя в сознание полностью.

— Ладно. Теперь поведай мне всю правду. Я смогу ее принять. Что здесь реально? Существует ли станция? Действительно ли мы настолько далеко, как ты говорила?

— Да. Как я и говорила, станция реальна. Просто она выглядит... иначе. И она действительно находится в Большом Магеллановом облаке и обращается вокруг коричневого карлика.

— А можешь показать станцию такой, какая она есть?

— Могу. Но не считаю, что ты к этому готов.

Я едва удержался от невеселого смеха:

— Даже после всего, что я уже узнал?

— Ты проделал лишь половину пути, Том.

— А ты прошла его до конца.

— Прошла, Том. Но для меня он был иным. — Грета улыбнулась.

— Для меня все было иным.

Затем она снова изменила картину над нашими головами. Остальные, сидящие за столиками, словно не заметили, как изображение Млечного Пути стало приближаться и мы помчались к галактической спирали, пробиваясь сквозь скопления наружных звезд и газовые облака. Знакомый ландшафт Локального Пузыря стремительно заполнял купол.

Изображение застыло, Пузырь стал лишь одним из многих подобных структур.

Его снова заполнил спутанный красный клубок сети скважин. Но теперь эта сеть была не единственной, а лишь одним из многих клубков красной пряжи, разбросанных на десятки тысяч световых лет. Ни один из них не касался другого, но по их форме и по тому, насколько тесно они располагались, было легко представить, что когда-то они составляли единую систему. Они выглядели как очертания континентов на планете с дрейфующими тектоническими плитами.

— Когда-то эта сеть охватывала всю Галактику, — пояснила Грета.

— Потом что-то произошло. Нечто катастрофическое, чего я до сих пор не понимаю. То, что раскололо ее на совсем небольшие домены. В среднем по двести световых лет в поперечнике.

— А кто ее создал?

— Не знаю. Никто не знает. Создателей, вероятно, уже нет. Может быть, поэтому сеть и разрушилась — за ней никто не присматривал.

— Но мы ее нашли, — заметил я. — И участок вблизи от нас все еще работает.

— Да, все отдельные элементы большой сети до сих пор функционируют. Нельзя попасть из одного домена в другой, но сами скважины работают так, как было задумано. За исключением, разумеется, редких маршрутных ошибок.

— Ладно. Но если нельзя перебраться из домена в домен, то каким образом «Синий гусь» оказался настолько далеко? Мы пролетели гораздо больше двухсот световых лет.

— Ты прав. Но такие соединения между очень далекими точками могли быть созданы иначе, чем остальные. Похоже, связи с Магеллановым Облаком оказались более прочными. И когда связи между доменами разрушились, внегалактические линии уцелели.

— В таком случае можно перебраться из домена в домен. Но для этого сперва нужно попасть сюда.

— Проблема в том, что, попав сюда, немногие хотят продолжить путешествие. Ведь никто не оказался здесь по своей воле, Том.

— Все равно не понимаю. Какая мне разница, существуют ли другие домены? Эти области Галактики находятся в тысячах световых лет от Земли, а без скважин нам до них никогда не добраться. Они не имеют значения. Там нет никого, кто ими воспользовался бы.

Грета улыбнулась:

— Почему ты в этом настолько уверен?

— Потому что в противном случае разве не стали бы выскакивать из нашей скважины инопланетные корабли? Ты сказала, что «Синий гусь» не был здесь первым. Но наш домен — Локальный Пузырь — лишь один из сотен. И если есть чужие цивилизации, каждая из которых заперта в пределах собственного домена, то почему ни один из их кораблей не прошел через эту скважину, как наш?

Вновь такая же улыбка. Но теперь от нее у меня застыла кровь.

— А с чего ты взял, что этого не было, Том?

Я подался вперед и взял ее за руку — так, как прежде брала она. Я сделал это без грубости, без угрозы, но с уверенностью, что на сей раз я действительно и искренне хочу того, о чем намеревался попросить.

Ее пальцы сжали мои.

— Покажи, — попросил я. — Я хочу увидеть все таким, каким оно выглядит в действительности. И не только станцию. Тебя тоже.

Потому что к тому времени я все понял. Грета солгала мне не только по поводу Рэя и Сюзи. Она солгала еще и о «Синем гусе». Потому что мы не были последним из попавших сюда человеческих кораблей.

Мы стали первыми.

— Ты хочешь это увидеть? — переспросила она.

— Да. Всё.

— Тебе не понравится.

— Об этом судить мне.

— Хорошо, Том. Но пойми вот что. Я уже бывала здесь прежде. Я проделывала такое миллион раз. Я забочусь обо всех потерянных душах. И знаю, как это работает. Ты будешь не в состоянии принять суровую реальность того, что с тобой случилось. Ты съежишься, убегая от нее. И сойдешь с ума, если я не заменю правду успокоительной фикцией. Счастливым концом.

— Зачем говорить мне об этом сейчас?

— Потому что тебе не обязательно это видеть. Ты можешь остановиться там, где ты находишься, имея представление об истине. Пусть неполное и нечеткое, но представление. И ты вовсе не обязан открывать глаза.

— Сделай, о чем я прошу.

Грета пожала плечами. Налила себе вина, затем наполнила мой бокал.

— Ты сам этого захотел, — сказала она.

Мы все еще держались за руки — двое любовников в момент близости. Затем все изменилось.

Это было похоже на вспышку, нечто мимолетное и еле уловимое. Примерно как вид незнакомой комнаты, если в ней на мгновение включить свет. Предметы, силуэты, взаимосвязи между ними. Я увидел пещеры и полости, пересекающиеся коридоры, похожие на червоточины, и существ, которые перемещались по ним с суетливой целеустремленностью кротов или термитов. Создания эти редко походили друг на друга, даже в самом поверхностном смысле. Некоторые двигались за счет волнообразных перемещений многочисленных когтистых конечностей, наподобие сороконожек. Другие извивались, шурша гладкими пластинками панцирей по стеклянистому камню туннелей.

А перемещались эти существа между пещерами, в которых покоились туши чужих кораблей — слишком странные для описания.

И где-то далеко, где-то вблизи центра астероида, в собственном матриархальном помещении, нечто барабанило послания своим помощникам и братьям, ударяя жесткими, коленчатыми и ветвящимися, словно олени рога, передними конечностями по кожаному барабану в мельчайших прожилках. Нечто, что ждало здесь тысячелетиями. Нечто, желающее только одного — заботиться о потерянных душах.

* * *

Катерина помогла Сюзи вытащить меня из капсулы.

Мне было хреново — одно из самых мерзких пробуждений, через которые мне довелось пройти. Впечатление создавалось такое, словно каждая вена в моем теле наполнена мелко истолченным стеклом. На мгновение, показавшееся мне бесконечно долгим, сама мысль о дыхании стала для меня невыносимо трудной, слишком тяжелой и болезненной даже для обдумывания.

Но прошло и оно, как проходит все.

Через некоторое время я уже мог не только дышать, но даже шевелиться и говорить.

— Где...

— Спокойно, кэп, — сказала Сюзи, наклоняясь и начиная отключать меня от всех систем капсулы. Я невольно улыбнулся. Сюзи умна — она лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал», — но она еще и очень красива. И сейчас за мной словно ангел ухаживает.

Хотел бы я знать, ревнует ли Катерина.

— Где мы? — делаю я вторую попытку. — У меня такое ощущение, словно я провалился в чертовой капсуле целую вечность. Что-то случилось?

— Мелкая маршрутная ошибка, — сообщила Сюзи. — У нас небольшие повреждения, и меня решили разбудить первой. Но не переживай. Главное, что мы живы.

Маршрутные ошибки. Ты слышишь разговоры о них, но надеешься, что с тобой такое никогда не случится.

— Большая задержка?

— Сорок дней. Мне очень жаль, Том. Накрылись наши премиальные.

Я гневно бью кулаком по стенке капсулы. Но тут подходит Катерина и успокаивает меня, положив руку на мое плечо.

— Все хорошо, — говорит она. — Ты в безопасности. А это самое главное.

Я смотрю на нее и на мгновение передо мной возникает лицо какой-то другой женщины, о которой я не думал уже много лет. Я даже почти вспоминаю ее имя, но это мгновение проходит.

— В безопасности, — соглашаюсь я и киваю.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

© Alastair Reynolds. Beyond the Aquila Rift. 2005. Публикуется с разрешения автора.

А Л Ь Б Е Р Т К О У Д Р И

ОТКРОВЕНИЕ

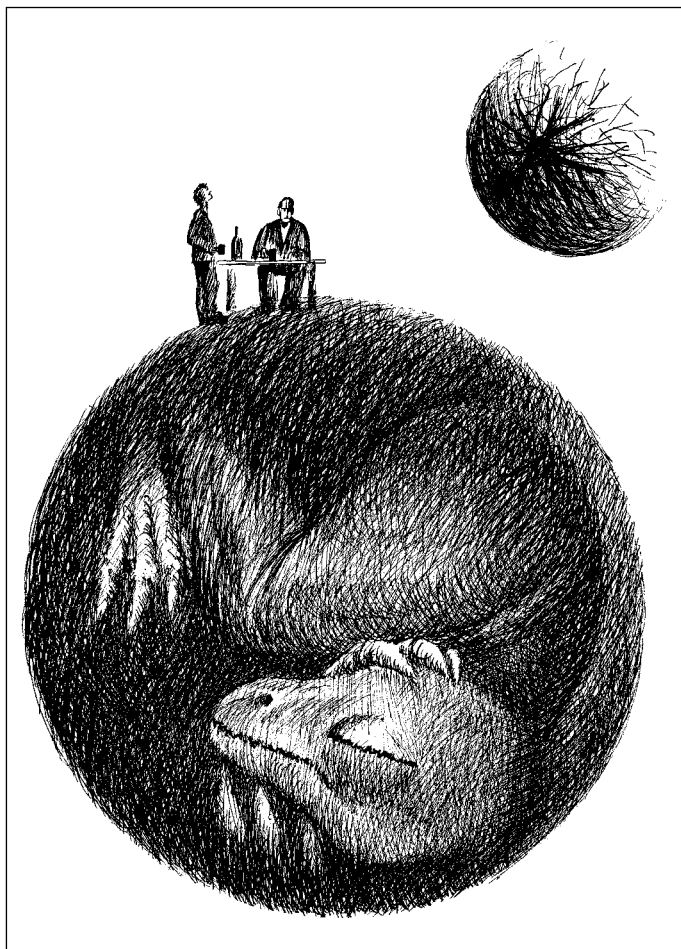

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Горшин подсел к Гро за их обычный столик в «Винном погребеке «Столица», жадно высосал из дешевого бокала полдюйма темно-красного каберне «Мондо россо» и принялся обличать пациентов.

— Росс, ты не представляешь, каково это — с утра до ночи выслушивать чокнутых, черт их дери.

Голос Горшина гудел, будто большой барабан; сложение соответствовало. Его собутыльник был тощим, язвительным и желчным, какими бывают лишь радикалы-переростки из университетских городков.

— Я вынужден читать галиматью своих студентов, — возразил Гро, — а получаю примерно десять процентов того, что зарабатываешь ты.

Горшин пропустил это мимо ушей. Ему, как Гамлету, ничто не могло помешать распинаться.

— Даже с моим любимчиком пошла сплошная маета. Я вот о чем: меня, представителя крошечного, тающего отряда последовательных последователей Фрейда — хохма нечаянная! — улюлюкая, взяли в кольцо индейцы из племени фармакотерапевтов. Наконец прорезался идеальный пациент: умный, готовый к сотрудничеству, с подлинно оригинальной системой параноидального бреда, сказочно денежный — а я, похоже, бысь с ним впустую.

— Что оригинального в паранойе? — удивился Гро. — Все мои знакомые параноики — редкостные зануды. Убеждены, что «Монсанто»* управляет систему водоснабжения, или евреи тайно замышляют захватить власть в Галактике, или правительство пытается управлять их мозгом посредством направленного радиовещания на зубные пломбы, или...

— Мой пациент полагает, — медленно проговорил Горшин, — что Земля — это яйцо.

Гро заинтересовался.

— Земля — яйцо?

Он невольно поднял голову, и его взгляд скользнул за могучее левое плечо Горшина. На противоположном конце «Погребка» телевизор вводил собравшихся у стойки выпивох в курс вечерних новостей. С экрана, точно воспаленное око, взирало изображение, переданное «Марс Орбитером». «Что ж, — сказал себе Гро, отыскивая в чужой фантазии крупицу логики, — планеты и в самом деле слегка овальные, а если хорошенько подумать, овальный — значит яйцевидный...»

— Да, яйцо, — невозмутимо рокотал Горшин. — Его в незапамятные времена снесла гигантская космическая зверюга, каковую мой пациент именует матерью-драконицей.

* Крупная корпорация, производящая, в частности, гербициды. (Здесь и далее прим. перев.)

— Эй, фрейдист, если это ни о чем тебе не говорит, пора прикрыть лавочку!

— Все внутренние планеты — яйца, — задавил Горшин этот выкрик с места, как тяжелый джип разутюжил бы мопед. — Поэтому они так отличаются от внешних планет. Пока был всего один выклев — там сейчас пояс астероидов. Из Меркурия и Венеры, считает мой больной, вероятно, вообще никто не вылупится: оттуда до Солнца рукой подать, и драконьи зародыши — он называет их драконышами — испеклись в скорлупе. Зато Земля вроде каши из сказки про трех медведей: не горячая и не холодная, самое то.

— Но если мы — «самое то», почему из нас до сих пор никто не проклюнулся?

— Оттого-то он и проявляет признаки острого беспокойства. В его представлении это произойдет со дня на день. Глобальное потепление — знак. Оно, дескать, вызвано вовсе не парниковым эффектом, а тем обстоятельством, что наш дракончик ворочается, трется о скорлупу, готовый выскочить наружу. Стоит моему подопечному услышать про очередное землетрясение или цунами, как он тут же приходит к заключению, что это драконыш долбит земную кору яйцевым зубом.

— Что такое «яйцевой зуб»?

— Нарост на носу у юных крокодилов, помогающий пробить скорлупу. Говорю тебе, Росс, я души не чаю в этом парне. Его система делузий — долгожданное отдохновение от чуши, которую мне обычно приходится выслушивать. Даже жалко лечить! Но это моя работа, а он искренне нуждается в помощи, хочет освободиться от парализующего страха перед тем, что драконыш, вылезая, развалит Землю на части. И он платит бешеные деньги, только бы избавиться от этой боязни, а я, судя по всему, здесь бессилен — что ввиду моего анально-удерживающего воспитания не дает мне покоя.

— Ты пьешь достаточно красного вина, — заверил Гро, — и никакое удерживание тебе не грозит, ей-богу.

Неделю спустя (разговор в «Погребке» уже забылся) Гро проводил ознакомительное занятие с набранной на новый семестр школой писательского мастерства.

На кафедре английской словесности Университета Эрона Бэрра и в Серебряных Родниках, университетском городке, Гро за глаза величали «Доктор Гроб», что он чрезвычайно ценил, ибо, как следствие, не страдал от избытка учеников. Урожай нынешней осени насчитывал девять душ. Их-то сейчас и разглядывал Гро — с явным удовольствием.

В основном неряшливые, как сербские рекруты. Но не все. Был один молодой чернокожий франт: безупречные косички, тщательно

подстриженная бородка и маленькие, светло-синие, с виду дорогие очки; он чем-то напоминал Малкольма Х*, словно родился на свет «Калашниковым». Дальше за исцарапанным казенным столом сидел белый — опрятный и серьезный, точно биржевой маклер-мормон. Под буклированной тканью его строгого пиджака так и просматривался ярлычок «Братья Брукс», а чисто выбритое лицо лучилось кристальной честностью: ни дать ни взять последователь какого-нибудь проповедника из глубинки.

Гро на мгновение вообразил, как этих двоих окунают в бронзу и водружают в часовне, воздвигнутой на территории университетского городка во славу великого бога Разнообразия. Имена замечательно им подходили: когда, оглашая скудный список, Гро вызвал У.Пирсона Клайда, «маклер» издал сдавленный писк, должно быть, означавший «здесь!». Гро добрался до Иншаллы Джонса, и АК-47 вообще не откликнулся — лишь приподнял длинную бежевую кисть на три дюйма над столешницей и бесшумно уронил ее обратно.

На первое занятие студентам велели принести образчики их творчества, и теперь Гро хмуро следил, как растет ворох бумаги, приливной волной накатывая на него по столу. Рукописи по преимуществу были пухлые, будто американские дети, избравшие стезю диабетиков, и наверняка — тут Гро охотно побился бы об заклад — цвели углями юношеской прозы.

Однако У.Пирсон Клайд, благослови его Господь, добавил к общей груде тощий опус в пластиковой обложке, а Иншалла Джонс небрежно кинул на стол свиток — странички, свернутые в трубочку и перехваченные резинкой. У Гро затеплилась слабая надежда: возможно, дорог все-таки тот золотник, который мал.

Ну-с, довольно скоро он это выяснит. А сейчас самое время провести обряд знакомства. Один за другим они поднимались с мест, сбивчиво лепетали свои имена, анкетные данные и — с жаром — «я за мир во всем мире». Гро, матерый педагог, дремал.

Просыпался он дважды. В первый раз, когда Джонс открыл присутствующим, что вырос в жилмассиве Анакостия — факт поистине поразительный: в упомянутом районе записавшегося в грамотеи мальчишку ждала, в общем, одна дорога — на кладбище. Вторично Гро очнулся, когда У.Пирсон Клайд дрожащим, но старательно сдерживаемым голосом сознался, что попал к нему на семинар по настоящей психиатрии.

* Малкольм Х (Экс; Икс) — активист движения за гражданские права, проповедник «Наши Ислама», воиствующего религиозного движения, исповедующего идеи черного национализма и сепаратизма. Настоящая фамилия Литтл.

— Доктор Горшин сказал, если я все запишу, то, возможно, мне легче будет объективировать свои фантазии и понять их истинную суть, — пояснил У.

Прочие студенты, в большинстве своем посещавшие психотерапевтов с пеленок, вознаградили его за это признание скучающими взглядами. А вот Гро взбеленился.

«Проклятый шарлатан, — подумал он, и его маленькие, налитые кровью глазки сделались еще меньше и краснее. — Тебе отстегивают пять сотен зеленых в час, чтобы ты вылечил этого ненормального, а я ишачь?» В нем всколыхнулась жгучая обида, и он решил обрушиться на сочинение У. с комментариями столь разгромными, что парень бросит занятия и займет в клинике Горшина очередь на лоботомию.

Через четверть часа, отпустив студентов, Гро вошел в свой кабинет: затхлый воздух, подержанная мебель из комиссионки, упорно не выветривающийся запах потухшей трубки (хотя Гро не курил лет десять) и около тысячи запыленных томов беллетристики, критики и прочей ахинеи (в последний раз он открывал их в семьдесят первом, перед защитой докторской).

Усевшись в увечное крутящееся кресло, Гро изготовился к торжественной порке, откинул аккуратную пластиковую крышку папки с творением У. и беспощадным взглядом впился в заголовок: «Откровение». Строкой ниже значилось полное имя автора — Уриил Пирсон Клайд... и ярость Гро неожиданно пошла на убыль.

В юности страстный либерал-реформатор, он к сорока годам почти исчерпал отмеренный ему судьбой запас сочувствия. Но все же в иссохших каморах его души ютились редкие крохотные росинки жалости: расизм и по сей день приводил Гро в бурное негодование, а еще доктор по-прежнему страдал тем, кто скитался по кругам ада под названием «детство», влача добавочное бремя «оригинального» имени. Причиной было его собственное — Розмарин. Предполагалось (и напрасно), что тезка Гро, трезвая, расчетливая тетя Розмарина, основательница сети салонов контроля над весом (успешно способствовавшей похудению банковских счетов), оставит ему кучу денег. Тетушка оставила ему только сомнительное счастье до совершеннолетия ходить с кличкой Розочка.

Сейчас, уставясь на творение Уриила, Гро старался представить себе жизнь мальчишки, чьи школьные годы — нескончаемая драка из-за своего имени. Возможно, в этом корень психических проблем парня?

Чувствуя, как волна желчи спадает, Гро приступил к чтению, теперь, скорее, с упованием на то, что не придется оставить от автора рожки да ножки.

«*В космическом яйце протух желток. Генри Миллер*», — гласил эпиграф.

Увы, в самой истории не обнаружилось ни складу, ни ладу. Героем был некто Джейми Кассандра, бедненький мажорчик с полным набором шаблонных проблем (сексуальная дезориентация, непонятные страхи, наркотическая зависимость) — бестолковый, обескураженный юнец из тех, без кого не видать бы Горшину роскошных личных апартаментов в Косумеле.

Однако иногда Джейми Кассандра ни с того ни с сего преображался в непризнанного пророка и тшился предостеречь человечество от опасности, которую видел он один: Земля вот-вот должна была расколоться, как яйцо. После ряда ненужных сюжетных перипетий (робкая попытка пожилого родственника соблазнить героя; скандалы с вертихвосткой, на которой Джейми женился семнадцати лет, желая убедить себя, что он не гей) до Джейми доходило: бить тревогу бесполезно. Мир не спасти — ни его стараниями, ни самого мира. На этой ноте повествование, в сущности, не заканчивалось, но иссякало.

Вопреки соблазну достойно выступить в роли Доктора Гроба, начеркав поперек писанины У.: «*Не один десяток лет читаю околесицу новичков, но столь бессвязную, рыхлую, бестолковую ерундику — впервые!*», Гро отложил «Откровение» для более вдумчивого разбора. И не только из-за предположительно трудного детства У. Несмотря на грубые изъяны, в этом бросовом ошметке фабулы что-то было. Какое-то неподдельное отчаяние... Во всяком случае, чем-то история цепляла.

В числе строжайших тайн Гро была и такая: он упрямо надеялся до переселения в вечность найти и выпестовать подлинное дарование. Уриил казался наименее подходящей кандидатурой, и все же Гро хотелось поразмыслить над «Откровением». А пока он перешел к другим работам.

В целом разброс был невелик, от гладкого пустословия до совершенной невнятицы. Исключением, оправдав чаяния Гро, стал Иншалла. Парень и впрямь умел грамотно писать, хотя где он этому научился, Гро представлялось загадкой; вместе с большей частью постоянного населения округа Монтгомери доктор питал твердую уверенность, что в муниципальных средних школах округа Колумбия можно хорошо усвоить всего две науки: вмажь в рыло и вмажься.

Однако чуда на том не заканчивались: студент читал Киплинга, у которого и позаимствовал название — «Город Страшной Ночи». Далее следовало такое, что у Гро захватило дух. Отчет Иншаллы о душевной августовской ночи в прокопченном кирпично-бетонном лабиринте Анакостии, под пристальным взглядом ртутных фонарей, походил на рэп, без рифм, но шемающий. Не диво, что автор напоминал штурмо-

вую винтовку, — диво, как он владел словом. Гро получил возможность оставить под текстом редчайший из преподавательских отзывов: *«С небольшими изменениями, вероятно, пригодно для публикации»*.

Наконец, когда в Серебряных Родниках (запущенном машинами пригороде Мэриленда, блистающем отсутствием и серебра, и родников) легли длинные вечерние тени, Гро вернулся к Уриилу, или У., как называл его про себя. Главная закавыка, рассудил он, в том, что У. путает творчество с психоанализом, порождая своеобразную химеру ложного признания, бессвязную байку.

На последней странице «Откровения» Гро написал: *«Забудьте к чертям о постельных проблемах Джейми и растолкуйте мне, с чего вдруг весьма заурядный молодой человек, ограниченного ума, но не ограниченный в средствах, уверовал в существование космического дракона»*.

Посмотрим, не будет ли проку.

Гро запер кабинет, забрался в потрепанную «тойоту» и покатил по Джорджия-авеню в центр, к «Винному погребку «Столица». Горшин, рано ушедший из клиники, удачно расположенной в Фогги-Боттом, уже громоздился на своем обычном месте, зыркая через плечо на экран телевизора. Сегодня в выпуске новостей показывали бескрайнюю багряную долину, стиснутую громадами марсианских гор.

— Отчего-то, — заметил он, когда Гро устраивался за столиком, — это напоминает мне о Кейтлин.

— Что тебе не сидится с ней дома? — спросил Гро, омочив губы в своем первом бокале «Мондо росо». — В конце концов, она твоя жена.

— Уже нет. В прошлом году она от меня ушла. Разве я не говорил?

— Нет. И заодно умолчал о том, что отправил У.Пирсона Клайда на мой семинар, чтобы я сделал за тебя твою работу.

— Интересный тип, верно? В смысле, для полоумного.

— Ты мне зубы не заговаривай. Кому платят за то, чтоб вправлять ему мозги? Почему же я должен читать его бредни?

— Слушай, я поставлю тебе ящик «Мондо росо». По рукам?

— По рукам.

Горшин спросил, есть ли в этом году другие занятные студенты, и Гро рассказал про Иншаллу Джонса, описав его так: «примечательный молодой чернокожий».

— У молодых *афроамериканцев*, — с неодобрением поправил Горшин, ибо Гро пренебрег корректным на данный момент определением, — ужасающие проблемы на почве кастрации. А все из-за афроамериканских старушенций, которые их растят. Вот почему эти парни с ходу срываются в насилие, если косо на них посмотреть. Или даже не смотреть.

— Без этих старушенций никто из них не дотянул бы и до года.

— Да и скатертью дорожка. «Смерть им к лицу», — фыркнул доктор Менгеле из «Погребка». — В общем, мой тебе совет — смотри за ним в оба.

Гро внимательно пригляделся к Горшину и впервые заметил: не смотря на обширность его жирной физиономии, глаза посажены так близко, что лишь нос не дает им налезать друг на друга.

Отчего Гро с ним связался? Неужели рухнувший брак, карьерный тупик и нежелание взрослого сына общаться опустошили его жизнь столь бесповоротно, что пришлось заполнять эту пустоту Горшиным и дешевым вином? Неужто он настолько одинок?

Ну... конечно, да. И конечно — настолько.

— Да уж, — выдавил он, — не премину.

Оценивая Гро собственную беседу, он нацарапал бы над этой убогой пародией на отповедь: «*Крайне слабо*».

Подобно всему университетскому сообществу, Гро коротал служебные часы за кофе. Этот режим он нарушал лишь изредка, ради зряшной траты времени в аудитории и неизбежных походов в туалет.

Накануне Гро вернул молодым авторам их работы, а сегодня сидел в студенческом центре над чашкой густой кофеиново-сахариновой бурды, за любимым столиком с видом на застекленный бассейн. Гро нравилось глазеть оттуда на фигуристых молодых женщин определенного типа: такие — возможно, получив предостережение в сети на сайте gropingprofs.edu* — никогда не записывались к нему на курс.

— Можно присесть? — осведомился чей-то голос. Не дожидаясь ответа, за столиком водворился У.

Облачение молодого брокера он сменил на повседневную одежду, отчего — тощий, долговязый, белобрысый — выглядел еще большим ничтожеством.

— Прошу, — буркнул Гро, как полагал, с издевкой. У. ничего не заметил.

— Вас... э... гм... интересовал дракон, Доктор Гроб, — сказал У. и тотчас зарделся.

— Меня зовут Гро. Розмарин Юджин Гро. Доктор Гроб — прозвище.

Щеки У. запылали ярче прежнего, совсем уж неоновым румянцем, и на мгновение он напрочь утратил дар речи. Гро молча наслаждался неловкостью краснеющего придурка, вторгшегося в его частное пространство.

* Препы-шалуньишки.

— Я нахожу его лестным, — наконец проронил он и одарил У. улыбкой в духе Дэна Разера*: углы рта растянуты, но не приподняты.

У. неуверенно улыбнулся в ответ. Алая волна медленно отхлынула от его щек, и язык вновь развязался.

— Я... я... э... гм... не могу объяснить, откуда взялся дракон, доктор Гро, потому что действительно не знаю. Я без конца твержу об этом врачам, а они без конца склоняют меня погрешить против правды.

— Меня не интересует взавправдашняя правда. Меня интересует правда художественного вымысла... — начал Гро. Но У., словно готовился в Горшины, мигом утопил его в океане болтовни.

— Понимаете, доктор Гро, я когда-то сидел на кодеине.

— Вылитый Джейми Кассандра. Кто бы мог подумать!

— На пользу мне это не пошло.

— Догадываюсь...

— Это, по сути, разрушило мою жизнь. Меня бросила жена, Фокси.

— Вы были женаты на терьере? — сострил Гро.

Но У. знай токовал:

— И даже ее уход не заставил меня завязать. Зубная щетка заставила. Однажды утром, полгода назад, я стоял у себя в ванной... стоял, наверное, битых два часа... и не мог найти свою зубную щетку! Тогда я понял: нужна помощь, и лег в Джорджтаунскую больницу, в наркологию.

— Потрясающий опыт.

— Я ведь о чем: эта штука торчала у меня под самым носом, а я ее в упор не видел. В наркологии после детоксикации мне посоветовали длительное лечение и направили к дамочке-психиатру. Она задала мне тот же вопрос, что и вы: откуда дракон? А когда я не сумел объяснить, принуждала сознаться, что я его выдумал во время «вызванного наркотиками помрачения сознания». Но она ошибалась. Это из-за мыслей о драконе я подсел на кодеин. Пристрастие — следствие, а не причина.

— И вы переметнулись от дамочки с ее таблетками к Горшину.

— Да, и сперва думал, что мне наконец-то повезло с врачом. Он подтвердил: наркотики — внешнее выражение более серьезных проблем. Он решил...

— Кастрация, — пробормотал Гро.

— Что?

— Он решил, что причина — в подспудной боязни холощения.

— Откуда вы знаете? Он говорит, что драконыш — это я, а Земля — утроба... Мать-Земля и все такое... Проламывая скорлупу, я спасаюсь от выхолощающего воздействия материнской любви. Меня, говорит доктор Горшин, тянет на волю, самостоятельно достичь фаллической

* Ведущий вечерних новостей телекомпании CBS.

зрелости — но я боюсь. Это противоречие и есть источник моего беспокойства. Но он тоже ошибается.

— Горшин не ошибается очень редко — когда законам вероятности удается за ним угнаться. Вам известно, что он женился шесть раз? Шесть! Большинство после атаки-другой этой заразы вырабатывает к ней невосприимчивость, но Горшин — особый случай, его накрывает, словно февральским гриппом, каждый год... В чем же он дал маху сейчас?

— Ну... мама умерла, когда мне было три, и я не понимаю, как она успела в столь короткий срок выхолостить так много...

— Кто вас растил?

— Няньки, экономка с Украины Ольга, папа — пока был жив, его любовницы (не все), дядя Уриил, пара-тройка католических пансионеров и прочая, и прочая.

С точки зрения Гро, вполне подходящая почва, чтобы вскормить безумие. Он спросил, не хочет ли У. кофе, но тот отказался: «От кофеина у меня одышка».

— Если честно, — продолжал У., и его взгляд вдруг застыл, обретая тысячеродовую отстраненность, свойственную самоанализу, — ума не приложу, откуда взялся дракон. В детстве мне всегда нравились чешуйчатые твари — своего рода парии, отверженные, вроде меня. Я обожал динозавров. Хотел, когда вырасту, стать аллозавром и пожирать людей. А в пансионе Святого Марка держал в туалете змей, пока воспитатель не пронюхал и не спустил их в канализацию. Потом, когда Фокси приспичило сделать нам одинаковые татуировки в знак вечных взаимных обязательств, я предложил переплетенных гремучек. Но она настояла на Святом Сердце Иисуса. Теперь Фокси ушла, у меня на плече Святое Сердце — а я-то больше не католик!

Гро, сам того не желая, увлекся этим наивным излиянием. И осведомился, когда же началась дракониада.

— Когда?.. Когда было землетрясение в Лома-Приета?.. В девяносто пятом? Не помню. Неважно. По телевизору без передышки гнали репортажи с места трагедии, и меня вдруг осенило: виноват дракон, подземный дракон. Конечно, сперва я подумал: все это курам на смех. Но мысль упорно возвращалась и... э... росла, ведь она, похоже, объясняла очень многое: землетрясения, наводнения, глобальное потепление, пояс астероидов и так далее.

У меня впервые возникло ощущение, что я сделал открытие — жутко простое и жутко важное. Существование зародыша предполагало наличие матери, и я прозвал малыша «драконышем». Он мне снился. Свернувшись внутри Земли, как змейка в яйце, драконыш иногда шевелился — и Земля сотрясалась.

В 2004-м, сразу после Рождества, Азию накрыла огромная цунами, и я начал принимать кодеин. Ведь двадцать пятого родился Христос, а двадцать шестого Землю яйцевым зубом тюкнул Антихрист. Да-да, самый настоящий Анти-Х., тот, кто покончит со всеми нами. Потом, в новом году, глобальное потепление вызвало страшный ураган, и он камня на камне не оставил от Нового Орлеана. Вот что смутно провидела горстка свихнутых старцев, пророков Последних Дней — разор, запустение, Четыре Всадника, из земных недр вырывается дракон... Они думали, Бог скует его на тысячу лет, как в Откровении... только никакого Бога нет. И выходит, все погибшие — первый взнос натурой в счет того, что скоро грянет.

После этого выплеска У. затих. В его глазах непонятного цвета, то ли сероватых, то ли синеватых, медленно таяла мутная пелена самоуглубленности. Он грустно подытожил:

— Вероятно, доктор Гро, теперь и вы считаете меня сумасшедшим.

— Да. Но это ваша трудность — и Горшина. С ним, кстати, вам следует немедленно распрощаться. Есть, знаете ли, нормальные психиатры. А мое дело — ваш опус, из которого стоит сохранить приблизительно один процент. Позвольте кое-что вам предложить.

— Пожалуйста.

— Идите домой. Перелопатьте написанное. Постарайтесь на полчасика или, если удастся, на сорок пять минут забыть о себе. Ваш герой — Джейми Кассандра, а не Уриил Пирсон Клайд, и ради спасения рассказа необходимо состряпать достоверную цепочку событий, которая бы объясняла, что заставило Джейми поверить в его дракона. В *его*, не в *вашего*. Неприятно напоминать, но художественная проза — это вымысел. Посему ступайте домой и придумайте что-нибудь.

— Я намерен говорить только чистую правду...

Гро, который и в лучшие минуты не отличался спокойствием, сошелся.

— Писатель говорит правду не чаще юриста. Забота адвоката — защита, забота писателя — правдоподобие. И с тем, — завершил он свою речь, — до свидания. Я старею, и подглядывать для меня единственный безотказный способ тешить плоть. Вон видите внизу трусики из двух завязочек, с девицей внутри?

У. в смятении поднялся.

— Я думал, «писательское мастерство» значит... ну... выплескивать на бумагу свое нутро, — пробормотал он. — Потому и записался на ваш курс.

— Любоваться чужим нутром по вкусу исключительно Горшину — он зашибает на этом громадные деньги, хотя по части безумия даст вам сто очков вперед. А теперь сгиньте.

У. сгинул. Трусики приступили к отработке того, что правильно на-

зывалось, кажется, «прыжок назад в два с половиной оборота». Гро заказал новую чашку бурды и устроился наблюдать.

На очередном занятии У. отсутствовал — жаль, поскольку семинар прошел довольно живо.

Гро раздал студентам ксерокопии «Города Страшной Ночи» в качестве образца. Одни воззрились на автора с благоговением, другие с ненавистью: таковы тяготы успеха. Рукопись Гро с позволения Иншаллы уже отослал знакомому агенту. Рассказами тот обычно не занимался, но Гро надеялся, что на сей раз его приятель, возможно, отступит от правил.

— Того, кто вздумает подделываться под мистера Джонса, — объявил Гро, — я в два счета вышвырну вон. Не подражайте — берите пример. Он, похоже, нашел собственную интонацию, вот и вы поищите свою.

В итоге завязалась этакая общая драчка, мечта преподавателя. Студенты бомбардировали Иншаллу вопросами, а тот отбивался, свободно мешая околоспсихологическую трескотню с языком улицы. Парню ничего не стоило вдвое урезать четырехсложную непристойность и вставить в ту же фразу словцо вроде «полиморфный» или «подсознательный» — между прочим, к месту.

Его история, сказал он, взята прямо из жизни, и описал свою юность в жилмассиве: торговал наркотиками, увертывался от пуль, ходил в Потомак-Эстейтс, в дом-крепость крупного поставщика, где деньги ссыпали в пластиковые мешки для мусора и взвешивали — долго было пересчитывать. Бросил дилерство, когда брата, Шабазза, подстрелили и тот истек кровью у него на руках. А яростная потребность увековечить память о брате в конце концов вылилась в столь же неистовые пробы пера.

Это было нечто! Мечтательно поглядывая на своего ученика-рекордиста, доктор Гро, гроза английского отделения, за долгие годы насквозь пропитавшийся вином и цинизмом, гадал, не оправдывает ли сей миг — м-м... божественного откровения — его, в противном случае, бездарно протекшую жизнь.

И тут неожиданно-негаданно разыграла критическая жилка Гро. Иншалла врет. Содержание «Города Страшной Ночи» было ничуть не оригинальнее названия. Так лишь казалось из-за «пулеметного» стиля, который автор, вероятно, подхватил — да-да, подхватил, как насморк, — слушая рэп: он просто убрал бит и рифмы, а остаток перенес на бумагу.

Очки у Иншаллы были чересчур дорогие, борода чересчур холечная, косички чересчур стильные; он писал без ошибок, сыпал длинными сложными словами, читал Киплинга — нет, это не дитя жилмасси-

ва. Зачем же он лгал? Разве нельзя было сказать: «Хэй, я вырос в шикарном доме в Уотергейте» — и оставить сюжет в покое?

После занятий Гро задержался в кампусе и просмотрел в канцелярии личное дело Иншаллы. Тот окончил дорожную частную школу «Бунчи-Мандела», где основной упор делали на подготовку отпрысков чернокожих профессионалов к успеху и процветанию. Жил Джонс с родителями на так называемом Золотом Берегу, окраине Рок-Крик-парка, где, прихлебывая двойной скотч у собственных бассейнов, сетовали на расизм светло-кофейные политики, бизнесмены, члены городского управления, высокопоставленные чиновники и президенты исторически черных колледжей.

Пока Гро добирался до «Погребка», мрачный юмор возобладал. Все-таки он с самого начала попал в яблочко: жизнь — обман. Литература тоже. Остается одно: расслабиться и получать удовольствие — и, разумеется, пить. Переполняемый злорадством, он шумно тянул «Мондо росс», ухмыляясь, как демонический смайлик. За столик втиснулся Горшин.

Тоже радостный.

— Сегодня долго сидеть не буду, — объявил он.

— Почему?

— Опять женюсь. На дивной женщине по имени Лейла... Дилайла... что-то в этом роде. Познакомился с ней сегодня в продуктовом. В мясном отделе.

Гро поздравил. Горшин между тем залпом осушил бокал — единственный, по его заверениям, какой намеревался позволить себе в этот вечер. И прищелкнул пальцами:

— Кстати! Чуть не забыл. Клайд в больнице. В Джорджтаунской. Смешал кодеин с водкой. Передоз. Еле откачали. Возможно, попытка самоубийства. Какого дьявола ты ему напел? Сейчас его уже перевели из реанимации в интенсивную терапию. Я бы забежал взглянуть, но вечером мы с Дилайлой улетаем в Вегас. Кришнамурти меня прикроет.

— Реанимация? Интенсивная терапия? Дилайла? Вегас? Кришна... прах побереи, что значит: «какого дьявола я ему напел»?

— Мне пора, — встрепенулся Горшин и был таков.

На другой день Гро позвонил в больницу и после бесконечных проволочек сумел тридцать секунд пообщаться с доктором Кришнамурти. Новости были хорошие: У. выписали из интенсивной терапии, он спокойно отдыхает, а через пару дней разрешат посещения.

— Вы бы заглянули к нему, — журчал в трубке бомбейский говор. — Я убежден, что он очень одинок. Прискорбно для столь молодого человека.

— Полагаю, он сам распугал всех друзей разговорами о драконе.

— Да — или о походах к психоаналитику, — сухо отозвался Кришнамурти.

Когда Гро вновь увидел У., тот, одетый в темно-бордовую пижаму и синий махровый халат, сидел на банкетке в солярии на десятом этаже Джорджтаунской больницы. В солнечном луче, проникавшем сквозь пыльное стекло, молодой человек казался почти прозрачным; суицид, как и наркотики, не пошел ему на пользу.

— Как самочувствие? — полюбопытствовал Гро, пожимая вялую, безжизненную руку.

— М-м... ничего. Главное, не требуйте от меня связности.

— Ну... ладно.

— Мне лучше, но связность пока не дается. Не собраться с мыслями. Из-за назначений. Мешает сцепке. То есть я могу думать про А, или Б, или Д, а что с чем стыкуется — не представляю.

— Уверен, скоро дело пойдет на поправку.

— Дай Бог. Я чувствую себя круглым дураком — чуть не умер, мучаясь из-за драконыша, которого, может статься, и нет.

— Значит, это вы помните.

— О черт! Все я помню... положим, ваше имя — нет, а все остальное — да... а связать не могу. Не получается делать выводы. Да вы садитесь...

Гро так давно не пробовал никого утешать, что его механизмы сочувствия заколодило. Устроившись на краешке банкетки, он натужно соображал, что бы сказать, но У. вдруг избавил наставника от обременительной необходимости быть любезным: его сморило.

Молодой человек уронил голову на плечо и захрапел. Гро, который привык, что студенты на занятиях клюют носом, некоторое время сидел, отдыхая. Показался медбрат в зеленой больничной форме; короткие толстые предплечья покрывала густая шерсть. Гро остановил его и вполголоса осведомился, вернется ли к У. здоровье.

— А как же, до следующего захода, — и медбрат скрылся за дверью с надписью «Посторонним вход воспрещен». Внутри загудела микроволновка, запахло куриной лапшой.

Назавтра Гро позвонил приятель-агент.

— Блеск! — зачистил он. — Рассказец этого... Аллаха. Колоссально! Не наварю на нем ни гроша, но все равно постараюсь куда-нибудь пропихнуть.

— Отлично, — буркнул Гро.

— Только вот что. Парень черный, верно?

— Угадал.

— Просто хотелось убедиться. Вдруг выплывет, что о жизни черных пишет не черный? Читатели могут обидеться: вроде их надули. Уже бывало.

- Хорошо, что Шекспир об этом не знал, когда писал «Отелло».
- Когда кто писал что?
- Неважно.

Перед следующим занятием, в пустом кафельном коридоре у двери аудитории, Гро сообщил новость Иншалле, и синие очки у того запотели от избытка чувств.

- Круто, — пробормотал он. — Круто, круто.

Повинуясь внезапному порыву, Гро добавил, что однокурсник Иншаллы пытался покончить с собой и угодил в больницу.

— И я подумал... Возможно, сдвинься его труды с мертвой точки, это помогло бы ему справиться с другими проблемами. И поскольку вы молодые и вы писатель, а я ни то, ни другое...

— Типа, помочь закошмаренному? Да с радостью. Сам когда-то шел вразнос.

На другой день они встретились в Джорджтаунской больнице и в исполинском лифте, где, кроме них, уместился толстяк на носилках, сопровождаемый жующим резинку санитаром, поднялись на десятый этаж, в солярий. Гро нашел, что У. выглядит значительно лучше. К нему даже вернулась способность логически мыслить, что он и доказывал, решая в уме шахматную задачу из «Вашингтон пост».

- Ну как? — спросил Гро, и У. ответил:
- Первый ход — ферзь на h7, шах. Ничего хитрого.

У. с Иншаллой обменялись рукопожатием, и последний не замедлил сообщить:

— Доктор Гро продал мой рассказ и говорит, что мог бы продать твой, но у тебя того... заело.

Эта двойная лож подействовала на У., словно два щедрых глотка лурдской воды.

— Да? Правда? Он так сказал? — спросить самого Гро, расположившегося примерно в ярде от них, У., очевидно, не догадался. Он не сводил глаз с Иншаллы — так дикая свинья смотрит на анаконду: зачарованно и со страхом.

- Сказал-сказал. Короче. О чем история?

У. объяснил в таких выражениях, чтобы казалось: сам он никогда, ни за какие коврижки себе не поверит.

— Го-о-о-ос-споди, — выдохнул Иншалла, — о-бал-денная мысль! Откуда надыбал?..

- Просто в голову пришло, — скромно сказал У.
- Ого! Прикинь, сам-то я... типа Том Вулф*: передаю то, что услы-

** Том Вулф — американский журналист и писатель, друг Кена Кизи, одна из ключевых фигур «новой журналистики», течения, отстаивавшего подачу фактов в духе художественной литературы. Автор романов «Электропрохладительный кислотный тест», «Костры тишины» и др.*

шу на улицах. Но ты, старик, конкретный Эдгар Аллан По, к тебе охренительный материал прет прямо из космоса. А что за непонятки?

— Доктор Гро говорит, надо объяснить читателю, почему Джейми Кассандре стал являться дракон. Но это не вполне честно — я же не знаю, откуда он взялся...

— Не-не-не... — вскричал Иншалла. — Когда ты пишешь, чувак, ты изобретаешь параллельную вселенную. И объяснять нужно, чтоб создать ощущение «реальности», а это понятие, говорит Набоков, без ка-вычек — ноль.

Бледное лицо У. просветлело.

— Ах да, верно. Он писал об этом в эссе «О романе «Лолита».

— Теперь насчет твоей заморочки, старик. Фигня. Подгони старое доброе шестое чувство, и ура. Объясняю: ты обозвал своего кренделя Джейми Кассандрой, верно? Пожалуй, децл отдает сексуальной неоднозначностью, хотя само по себе оно ценно. Но фишка в другом: Кассандра — пророчица, которой никто не верил.

— Да. Из «Одиссеи».

— Не, друган. Из «Илиады».

Пару минут они ожесточенно препирались и наконец обратились к Гро. Впервые призванный вмешаться в эту поразительную беседу, он пробурчал:

— Собственно говоря, по-моему, из «Энеиды».

Молодые люди тотчас отмахнулись от этой информации. «Неважно», — хором воскликнули они и вернулись к своему диалогу.

— Короче, для затравки — все тыщу лет так делают — берешь киношную сцену: Джейми въезжает, что у него глюки. Как Хэйли Джозел Осмент*. Помнишь рекламный ролик к фильму? Потом...

— Знаете, — перебил У., — а ведь я в детстве и впрямь видел то, что происходило совсем в других местах. Например, папа падает замертво в вестибюле «Метрополитан». Или дядя Уриил целует почтальона за стеной сада.

— Да ну? У тебя был дар? Куда же он пропал?

— Вылечили. Взяли в оборот, когда мне было семь.

— Ага, ясненько... Но послушай, выходит, у тебя есть личные впечатления, от которых можно оттолкнуться, и это важно... да, доктор Гро?

Гро, наученный горьким опытом, смолчал. Тем временем Иншалла с У. разнообразными сложными способами пожимали друг другу руки, обещая скоро, ну очень скоро увидиться опять.

Покидая вместе с Иншаллой больницу, Гро сказал что-то о дружбе, в которую, возможно, выльется эта встреча. Иншалла замотал головой.

* Хэйли Джозел Осмент — американский актер, сыгравший мальчика-экстрасенса в фильме «Шестое чувство».

— Не-не-не, хлопот невоворот. Чувачок славный, но вожжаться с ним некогда. Я пишу, стажирюсь в офисе сенатора Ферста, поступаю в Джорджтаунскую юридическую школу, а ночью нужен своей женщине. Вы про наш треп, что ли? Да это ля-ля. Пустые разговоры.

Прежде чем они расстались, Гро полюбопытствовал, бывал ли когда-нибудь Иншалла в жилмассиве Анакостия. Тот, нимало не смутившись, ответил:

— Всего раз. Шмаль покупал. Давно, в черную полосу. Хотя меня и тогда ломало тусить с тамошними перцами. Они ведь, типа, боевики-смертники. Им одного надо: отвалить на тот свет — и прихватить кого-нибудь с собой.

— Зачем же вы утверждали, что родились там, если это не так?

— Для понта, — терпеливо, будто несмысленно, объяснил Иншалла. — В этом мире без понтов никуда. Каждому нужна легенда. Жизнь, типа, такая штука, которую сочиняешь сам.

— Полагаю, семинар следует вести вам, а не мне, — вырвалось у Гро в приступе чистосердечия.

— Нет, тоже некогда, — и Иншалла укатил на новеньком жемчужно-сером БМВ, полученном от папочки.

После свадьбы и медового месяца Горшин вернулся из Вегаса, несколько недель изображал женатого человека, а потом опять стал захаживать в «Погребок».

Сперва он приводил с собой жену (в действительности ее звали Делией); Гро она показалась излишне благоразумной для того, чтобы ужиться с Горшином. Затем Горшин начал оставлять ее дома. Гро догадался: в новой ячейке общества что-то прогнило.

— Обрыдло целыми днями выслушивать треклятых психов, а по ночам — супружницу, которая тычет тебе в нос твои недостатки, Росс, — сознался Горшин, в два глотка звучно приканчивая бокал «Мондо rosso».

— Недостатков у тебя уйма — даме есть над чем работать.

— Вдобавок она склонна к насилию. Позавчера мы отправились за покупками в бакалею, и я сказал Делии: ты самый вопиющий случай фаллической зависти в моей практике, а она давай швырять в меня консервами!

— Держись подальше от супермаркетов... Как там У.?

— Кто?

— У.Пирсон Клайд. Парень с драконошесом. Он выписался из больницы, вернулся к занятиям и...

— Ах, этот. Отказался от моих услуг. Ходит к Кришнамурти. Конечно, я уважаю право больного выбирать себе лечащего врача, но вряд ли

можно преодолеть такую широкую культурную пропасть, если речь идет о деле столь интимном, как психоанализ.

— Милый способ намекнуть, что Кришнамурти не разобраться в проблемах У. Белый есть белый, цветной есть цветной — друг друга им не понять...

— Никогда не был расистом. Никогда! — с предельной убежденностью заявил Горшин.

Между тем рассказ У. совершенствовался — не в деликатной тиши кабинета, но под градом уничтожающей критики сокурсников. Девять рвущихся в литературу читали творения своих товарищей и, преодолев начальную робость, разносили их в пух и прах со свирепостью, которая, владей они английским чуть лучше, была бы истинно оксфордской.

Трое бросили семинар, не в силах терпеть этот балаган; кое-кто (и не одни девицы) отбыл домой в слезах. Зато тексты уцелевших, хоть и не потрясали, приобретали все большую связность и вразумительность.

Особенно лютовал Иншалла. К середине семестра хипхоперский журнал с воинственным названием «Получи!» купил его рассказ, заставил урезать четыре с половиной тысячи слов до полутора тысяч и переименовал в «Рэп ниггерской окраины».

Когда агент Иншаллы начал подыскивать договор на книгу, Иншалла на занятиях вконец осатанел и оделял окружающих своим мнением с такой верой в собственную непогрешимость, что, пожалуй, проняло бы и его святейшее папу Бенедикта XVI.

Благодаря поддержке нового психотерапевта У. в этой бодрящей атмосфере выжил и даже процветал. Джейми Кассандра мало-помалу обретал черты подлинного литературного героя. Джейми превратился в человека, который бежит от хаоса своей юности и в то же время, судорожно цепляясь за пробужденное экстрасенсорными способностями предчувствие катастрофы, силится заставить недоверчивый мир прозреть.

Последней загвоздкой для У. стал поиск ударной концовки. Однажды ночью она ему явилась. В таинственном сне под багровым небом раскинулись необозримые бесплодные просторы. У. вскочил с кровати и печатал до зари, едва не доконав компьютер. Гро, зная, сколь губителен для ночных видений свет дня, приступил к чтению нового финала с опаской — которую вскоре как рукой сняло.

Джейми Кассандра, отчаявшись предостеречь человечество, решил отправиться за бывшей женой, Челси, в Калифорнию, где та укрылась в ашраме у своего гуру. Следуя на запад дорогой солнца, империи и сумасбродов всех мастей, Джейми добрался до Мохавской пустыни и заночевал в крохотном захудалом мотельчике.

У. потрудился на славу, стремясь передать пустынное величие Долины Смерти: звенящая тишина; вкрадчивый шепот-шорох песка под ветром; палящий зной в дневные часы, когда мир состоит наполовину из солнца, наполовину из камня; холод ночи, в которой комнатка Джейми будто оторвалась от земли и парила среди звезд.

— Недурно, — нехотя признал Гро, дочитав до этого места. — Давно были в пустыне?

— Вообще не был, — ответил У. — Но это так здорово, что, пожалуй, съезжу.

Там, в Долине Смерти, под пылающим великолепом полночного неба шагал Джейми, погруженный в мечты о драгоценном камушке в пупке у Челси и о другой, большей драгоценности, спрятанной в ее теле ниже первой, в укромном местечке, там, пока мозг Джейми грезил о любви, чудовищный толчок внезапно сотряс пустыню и швырнул молодого человека на пыльную каменистую землю.

Он поднял голову. Вдали, серые в свете звезд, взбухали и стремительно катились к нему, как волны — предвестницы шторма, огромные сухие валы. Мотель вдруг погрузился во тьму и рассыпался фольгой и щепками. Машина Джейми встала на дыбы и нырнула в почву на манер песчаного червя Фрэнка Герберта.

За много миль от Джейми, в сердце долины, оболочка планеты треснула, и из бездны явилось исполинское сооружение, подобное приплюснутому Эвересту. Оно неудержимо поднималось: клин черноты, вгоняемый в Млечный Путь. Из свидетелей чудовищного рождения — пустынных крыс, рогатых гремучих змей и тарантулов — один Джейми знал, на что смотрит: на яйцевой зуб драконыша!

И, не слышимый ни единой живой тварью, Джейми за миг до гибели выкрикнул свои последние слова: «Безмозглые сволочи! Может, теперь вы мне поверите!»

— Достойный финал, — одобрил Гро. — Мелодрама — утешительная пища души. Так и оставьте.

— Видите ли, мне по-прежнему кажется: не хватает достоверности. Я хочу сказать, тут... не знаю... что-то все еще капельку не то. Но если, на ваш взгляд, такой вариант удачен...

— Несомненно. Попробуйте послать его в «Журнал фэнтези и научной фантастики». Я дам вам сопроводительное письмо к редактору, Гордону Ван Гелдеру. Мы с ним где-то сталкивались — по-моему, в каком-то баре.

В конце семестра Гро вывел У. «пять с минусом» (за усердие и прилежание), Иншалле — «пять с плюсом» (за торжество лжи), а прочим, кто еще ходил на занятия, «три с минусом» (за сносную посредственность). Тех, кто перестал посещать семинар слишком поздно, чтобы

по праву войти в разряд «прослушавших неполный курс», он, глухой к мольбам о снисхождении, с треском провалил. Доктор Гроб дорожил своей репутацией.

Вечером после выставления оценок он наткнулся в «Винном погребеке «Столица» на Горшина — тот сидел за столиком туча тучей.

— Что с тобой?

— Делия меня бросила. Сегодня. Есть же где-то здравомыслящая, уравновешенная женщина, с которой я мог бы провести остаток дней! Я ищу ее, ищу — и что же? Вечно попадаются психопатки.

— Что сделала Делия?

— Не сделала, а замышляла. Я знаю эти симптомы.

— Что же она замышляла?

— То, что сделала супруга с несчастным Уэйном Боббитом, то есть отхватила ему пенис... У меня развилась боязнь сна, а без восьми часов полноценного отдыха я не в состоянии сутками иметь дело с парадом умалишенных. — Глотнув вина, он прибавил: — Пришлось разориться на триста долларов и сменить замки, чтобы она не могла ночью прокрасться в дом и напасть на меня с бритвой из набора «Леди Элегантность».

— Горшин...

— Не утешай, — отрезал тот. — Слишком паршиво.

Ничего подобного у Гро и в мыслях не было. Он сидел, мелкими глотками пил вино и неспешно перебирал в памяти события минувшего семестра.

Чем больше он думал, тем большее уважение у него вызывала фантазия У. До чего, должно быть, приятно верить, что некое величественное первозданное чудовище, стремясь дать своему чаду кров и защиту, снесло яйцо — Землю, что этот простой и благородный поступок целиком определяет смысл бытия и назначение нашего мира и что люди со всеми их диковинными фанабериями всего-навсего микробы, заселившие оболочку-которая-скоро-будет-сброшена.

Смутно утешенный, он поднял глаза. Его взгляд пропутешествовал мимо уныло обмякшей туши Горшина и остановился на телеэкране в глубине погребка. Прямо в эфир транслировали последние данные с борта «Марс Орбитера» по мере их поступления в Хьюстон. Так Гро оказался среди миллионов тех, кому посчастливилось увидеть, как красная планета раскололась по швам пустынных долин без конца и края, и выклев начался.

**Перевела с английского
Екатерина АЛЕКСАНДРОВА**

КЕССОННАЯ БОЛЕЗНЬ, или СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АВТОРА

Вадим НЕСТЕРОВ

Наверное, не осталось в стране критика (а возможно, и просто любителя НФ), который с разной степенью иронии не воспользовался бы аббревиатурой МТА — «молодые талантливые авторы» — в разговоре о творчестве молодых фантастов и их амбициях. Меж тем новая генерация уже начинает оказывать влияние на состояние нашей НФ-прозы. Учитывая, что серьезного разговора о творчестве «сверхновой волны» еще не было, мы предложили это сделать традиционному составу оппонентов: критику и писателю. Первым выступает обозреватель сетевого издания «Газета.ru», постоянный ведущий литературного конкурса «Рваная Грелка» и признанный защитник молодежи.

Однажды известный критик, редактор, да и просто любитель фантастики с большим стажем Андрей Чертков выложил у себя в «Живом журнале» любопытный документ — обсуждение итогов Малеевского семинара, который состоялся в декабре 1989 года в доме творчества «Дубулты» под Ригой. Там они с не менее известным критиком Сергеем Переслегиным бурно обсуждали молодых авторов, «семинаривших» в Дубултах, и всячески размышляли на тему, что же с ними будет.

Этот родившийся на сломе эпох документ примечателен даже не характеристиками начинающих фантастов... Хотя, согласитесь, забавно сегодня читать: «Лукияненко — молодой человек

из Алма-Аты, студент-медик. На семинар он привез несколько рассказов и две повести — общим объемом около десяти листов, целая книга». Или: «Владимир Васильев из Николаева на обсуждение представил несколько рассказов, явно ученически-школярских, а также повесть под названием «Вояджер-раз». Успел посидеть едва ли не на всех секциях, и на всех его побили». Прорехались и по нынешним фронтам мейнстрима: «Да, чуть не забыл о москвиче Викторе Пелевине. Я думаю, что Пелевин — явление весьма незаурядное. Вообще-то он, как мне кажется, больше сатирик, чем фантаст. Сейчас Пелевин начинает понемногу публиковаться, и я советую

всем обратить на него особое внимание». А вот Алексей Иванов собеседникам (как впоследствии и редакторам) не показался: «Алексей Иванов из Свердловска — парень лет девятнадцати, которому внушили, что он — большой талант, после чего он немедленно ушел из института и засел дома за рукописи. В результате те две повести, которые он привез на семинар, были оценены довольно низко».

Можно, конечно, запараллелить ситуацию и глубокомысленно заявить очередное «нам не дано предугадать...». Можно долго сокрушаться о том, что восьмая Малеевка оказалась последней. Мол, традиция подобных литературных смотрин прервалась на долгие годы, фантастам следующего поколения учиться было негде и прочесть нечто подобное о себе уже не суждено... После чего перейти к привычному — осмеянию нового поколения.

Поиронизировать, конечно, можно, благо поводов для критики молодые фантасты дают предостаточно. Это и отсутствие оригинальных идей, и неумение выстроить сюжет, и чудовищные ляпы в книгах, и огромные проблемы с авторским стилем — список можно множить и множить. Однако попытаемся ответить на вопрос: почему они такие?

Первое, что просится на язык — им пришлось развиваться совсем в иных условиях, в условиях

свободного книжного рынка. Для того, чтобы понять (или вспомнить), насколько сильно изменились условия для авторов-фантастов, достаточно просмотреть вышеупомянутый отчет. Вот люди с предвкусием обсуждают анонсированные, но еще не начавшиеся «рыночные преобразования»: «Наша фантастика живет без связи с рынком уже Бог знает сколько лет. Неплохо было бы пожить хоть немного и с рынком — посмотреть, что это такое. Может, не так уж и плохо? Может, и у нас будет выходить по шесть книг в месяц, из которых четыре новых, одна перепечатка и один перевод?»

Каково, а? Самые смелые мечты о темпах издания фантастики — четыре новинки в месяц!

Впрочем, чему удивляться? «Малоиздательство» действительно проехалось по поколению 1980-х тележным колесом.

А.Чертков: «Этот семинар (Малеевка) сыграл очень важную роль в формировании нового поколения советских фантастов, поколения 80-х. Это поколение, будучи по уровню нисколько не хуже предыдущих, в издательском плане, увы, испытало гораздо больше трудностей. Поэтому во времена застоя Малеевский семинар сыграл роль «искусственного сердца», вынужденно заменившего собой реальный литературный процесс. Обсуждение на семинаре — хоть и устная,

а все ж публикация. Критика и «обратная связь» — тоже устные, зато «не отходя от кассы». Вот только в настоящей кассе получить было нечего».

А теперь я осмелюсь повторить то же самое и о своих героях, слово в слово: «Поколение «нулевиков», будучи по уровню нисколько не хуже предыдущих, в издательском плане, увы, испытало гораздо больше трудностей».

И это святая правда. Все-таки разницы, что «издательские трудности» сменили знак на противоположный — с «не хочу ничего издавать» на «хочу издавать как можно больше».

Минус на плюс — звучит броско, но на деле нам еще предстоит осознать последствия этого тектонического сдвига. Ясно одно: истоки практически всех проблем нашей сегодняшней фантастики — там, в этой смене знака. Очень точно заметил Сергей Перслегин, характеризуя «восьмидесятников»: «Дело в том, что прежнее поколение малеевцев — это люди, закаленные ожиданием. Но именно потому, что они писали для Вечности, не рассчитывая особо на публикацию своих вещей еще при жизни, они могли отрабатывать свои книги годами. Делать три-четыре, пять-шесть вариантов — и думать только о том, как сделать эту книгу хорошо, а не о том, как ее тут же продать. Резкое сниже-

ние давления на автора... Плохо не то, что давление снизилось. Плохо то, что раньше оно было таким высоким и что снизилось сейчас так резко».

Именно так. Главные проблемы не в пресловутом «свободном книжном рынке» и в издательском диктате, который вроде как губит и нивелирует молодых и талантливых (без кавычек!) авторов. В конце концов, та же американская фантастика живет в условиях этого самого рынка многие десятилетия, что не мешает появлению сотен талантливых книг и авторов.

Проблема не в перепаде давления, а в его скорости. Все было «слишком». Минус на плюс сменился слишком стремительно, условия изменились слишком радикально, и это вызвало у нашей фантастики настоящую кессонную болезнь. Именно поэтому не было новых авторов. Именно поэтому те, что приходили, были столь плохи.

«Позвольте! — скажете вы. — Выписывая МТА индульгенцию с диагнозом «Посттравматический стресс, вызванный шоковым характером преобразований», вы, почтенный, как-то забываете о поколении, пришедшем в фантастику в 1990-х годах. О сегодняшних лидерах. А ведь им точно так же пришлось становиться на ноги и идти вперед в тех же самых условиях рынка. Причем им было гораздо сложнее — они

оказались первыми. Но это именно они спасли нашу фантастику, вернув ей читательское внимание в те годы, когда все хватало Нортон, Желязны и Муркока. И уровень при этом держали — не нынешнему чета! Что же наследники у них такие квелые?»

На мой взгляд, мы здесь имеем дело с так называемой «отложенной реакцией». Последствия никогда не бывают незамедлительными, ответный удар всегда следует через некоторое время. Дело в том, что к моменту радикальных перемен на книжном рынке следующее писательское поколение было уже сформировано. Оно уже было, стояло под парами и в любом случае поехало бы. В самом деле, кто такие «фантасты девяностых»? Это либо те самые «восьмидесятники», не проявившиеся вовремя из-за малопечатания (Рыбаков, Логинов и другие), либо их «младшие братья», уже пребывавшие на пороге литературного процесса. Представители девяностых по сути своей — последнее поколение советской фантастики.

Да, им пришлось реализовывать себя в резко изменившихся условиях. Но они встретили новые времена уже сформировавшимися людьми и готовыми к работе литераторами. Разумеется, им было непросто, в силу того, что они готовились жить и писать совсем в другом мире. Естественно, им пришлось поступиться

многим: вынужденные писать несколько книг в год, они поневоле опустили планку качества, поступились проработанностью текста. Высказывание Бориса Стругацкого о Лукьяненко: «Сергей очень талантливый человек, но он пишет в два раза больше и в два раза быстрее, чем надо», — стало общим диагнозом поколения. Конечно же, и перестроиться смогли далеко не все: кроме четырех названных, в обсуждении упоминаются еще пара десятков «семинаристов», которые либо не проявились в фантастике и литературе вообще, либо так и остались там, на рубеже 1980-х — 1990-х. На этом резком перепаде потери были неизбежны, и не случайно одной из самых ярких характеристик поколения 90-х является его немногочисленность. Один и тот же список из полутора десятков фамилий, которые в различных вариациях год от года тасуются в числе лауреатов различных фантастических премий.

Этих, уже снаряженных, но способных измениться, действительно оказалось немного. С появлением последних из «волны» — Дивова, Беянина, Тырина — литературный резерв тех, кто мог и, главное, желал реализовать себя в НФ-литературе, закончился. Вот тут-то и начались долгие годы ожидания «новой генерации фантастов».

А когда она появилась, ей никто не обрадовался.

Но прежде — почему же так долго не появлялись. Тут были причины как литературного, так и сугубо экономического свойства.

Во-первых, на девяностые годы действительно пришелся своеобразный «звездопад». Свою немногочисленность поколение с лихвой компенсировало яркостью и разнообразием талантов. Встать рядом с ними или хотя бы просто засветиться на столь ярком фоне было очень непросто. Не стимулировала появление новых имен и издательская политика: стартовые тиражи тогда были изрядно выше нынешних, и рисковать с новыми именами издатели не рвались. Не способствовала разнообразию палитры и общеэкономическая ситуация. Абсолютное большинство россиян в девяностые годы жили как угодно, но только не богато. Поэтому люди, выкrojившие что-то из семейного бюджета «на книжки», предпочитали не делать рискованных вложений в незнакомые имена, а прикупить кого-нибудь из брендовых авторов.

Ну и самое главное — просто некому было появляться. Как верно заметил один из лидеров поколения «нулевиков» Вадим Панов: «Не до писанины было, надо было выживать, поэтому многие ушли в бизнес. Тот же Липскеров — он ведь занимался ресторанным бизнесом, и лишь

когда обеспечил себя, вернулся в литературу. Так что новое поколение в фантастику пришло, никуда не делось, оно просто задержалось».

И ведь верно: многие яркие авторы, проявившиеся уже в новом тысячелетии, по возрасту ровесники писателям девяностых. Они, по сути, являют собой своеобразное «отложенное» поколение. В качестве примера можно вспомнить литературную биографию Кирилла Бенедиктова. Опубликовав в начале 1990-х в белорусских изданиях несколько рассказов и роман «Завещание ночи», он затем десять лет, по собственному признанию, «ничего не писал, кроме огромного количества аналитических и докладных записок». Однако в начале 2000-х вновь вернулся в фантастику и практически сразу стал одной из самых заметных фигур в новой НФ.

Таких, явившихся с запозданием, в новом поколении фантастов на самом деле не очень много, они просто заметнее — Панов, Бенедиктов, Пронин, Бурносов, Скирюк... Но все-таки лицо поколения «нулевиков» определяют не эти «припопздавшие», а их молодые коллеги, родившиеся в конце семидесятых — начале восьмидесятых. По самой банальной причине — молодых несоизмеримо больше.

Именно они, на мой взгляд, и поспособствовали не очень легстному образу новой генерации

фантастов. Тому есть, как минимум, две причины.

Первая — возрастной разрыв. Те несколько лет разницы, что отделяют их от писателей девяностых, казалось бы, не очень существенны, но именно на эти годы пришелся четкий водораздел. Дело в том, что культурный базис нового поколения отличается от предыдущего принципиально. В отличие от авторов, выросших на советской фантастике и классических переводах Брэдли и Саймака, эти формировались в буйные перестроечные и постперестроечные годы, впитывая тот мутный вал, что наводнил тогда книжный рынок.

Как вы думаете — какие представления о литературном стиле получит человек, выросший на несусветного качества «подстрочниках» Фармера? Так чего вы требуете от несчастных МТА? Они в большинстве своем просто не понимают, «кому нужен этот ваш стиль», потому как с детства знают, что главное мерило ценности текста — количество экшена на тысячу знаков.

МТА — дети той самой кессонной болезни, случившейся с нашей фантастикой в конце 80-х — начале 90-х. Они сформировались во время этого перепада давления. Смешно ожидать, что у детей, выросших в поезде, будет все в порядке с ориентирами — им просто не за что было зацепиться взглядом. Именно отсюда

те особенности их творческого подхода, которые так раздражают любителей фантастики старшего поколения. И в первую очередь, их легковесное отношение к своему творчеству — снисходительное, если не сказать попустительское отношение к ошибкам, ляпам и даже откровенной халтуре: «Ну да, накосячил, бывает». У них просто нет того пиетета перед книгой, того почти сакрального отношения к ней, которое вырабатывалось у людей, вынужденных сперва ожидать новую книгу любимого автора годами, потом несколько месяцев всеми правдами и неправдами ее «доставать», а затем, в ожидании следующей удачи, едва ли не заучивать ее наизусть.

Для них книга не икона, а тривиальный предмет развлечения. Не устроило качество — возьмем другую. Напортачил в этой книге? Поправлю в следующей. Подобное отношение к своему творчеству поддерживается и издательствами, для которых стабильность поставок давно уже гораздо важнее качества поставляемого продукта.

Но здесь пора коснуться особенностей этого «кессонного периода» нашей фантастики. В чем была уникальность ситуации?

Западная фантастика, как известно, на самом деле выросла отнюдь не из Жюль Верна и Герберта Уэллса. Эта часть литерату-

ры — законное дитя палп-фикшена, развлекательных книжонок с мечами, бластерами и голосисечными дамами на обложках. И прошло немало времени, пока в тоннах этой макулатуры появилось несколько килограммов книг, достойных внимания. В куче грязных тряпок зародились мыши, и, как заметил однажды еще один молодой автор, Сергей Туманов, появившиеся «процентов пять этой галиматьи уже можно было читать, и их читают до сих пор».

Так вот, специфика ситуации была в том, что в советское время у нас переводили (и практически все перевели) именно эти пять процентов качественной литературы. Исключительно их и только их. А девяносто пять так и оставались для нас неведомой зверушкой. То есть абсолютно. Мы не знали не то что отдельных образцов — сам жанр «немудреного развлекательства» был нам неведом в силу того, что советская фантастика народилась совсем из другого источника, научпопа.

Ситуация была очень неестественной — нас, как монголов каких, пытались перебросить из феодализма в социализм, минуя неизбежную промежуточную стадию.

Природа неестественности не терпит, поэтому, как только стало можно, эта искусственно снятая надстройка тут же обзавелась базисом — к нам хлынуло все,

что существовало под этими заботливо снимаемыми сливками. А с учетом того, что выброс оказался одномоментным, ничего другого, кроме палп-фикшена, на рынке фантастики не осталось. Востребована была исключительно развлекаловка, и представители девяностых занимались тем, что перекраивали свою советскую фантастику по западным лекалам. Творили эдакий гибрид.

В силу хорошего «багажа» у них это получалось неплохо. Гораздо хуже стало, когда воспроизводить галиматью начали те, кто на ней вырос. Здесь уже не получилось никакого гибрида, пошли те же макулатурные щипы, только пожиже.

Однако сейчас, на мой взгляд, ситуация начинает меняться к лучшему. И вот почему. Прошло достаточно много времени, и бурление в этом клокочущем котле, которым стала наша фантастика в «кессонный период», прекратилось. Все устоялось, устаканилось, и начался тот же процесс, что и в западной фантастике — сепарирование сливок.

В том числе — и в творчестве молодых авторов. Процесс выделения читаемой прозы из массы читива у МТА идет, на мой взгляд, тремя путями.

Уже упоминавшееся «отложенное» поколение идет тем же путем, что и поколение девяно-

тых — овладев техникой западной развлекательной литературы, скрещивает ее с традициями советской фантастики.

А у молодежи выделяются два основных способа перерождения фантаста в писателя. Первый можно условно назвать «обучением на ходу». Эти авторы много пишут, активно издаются, но, стартовав как банальные производители макулатуры, неожиданно начинают прогрессировать.

В качестве примера можно привести минскую фантастку Ольгу Громыко. Казалось бы, человеку повезло с самого начала. Ее юмористическая фэнтези, тетралогия про ведьму Вольху Редную, по сути, открыла собой новое направление. По аналогии с женским романом его можно назвать женской (а точнее — девичьей) фантастикой. Писательница быстро обзавелась огромным шлейфом восторженных юных поклонниц и подражательниц, тиражи неуклонно росли, слава ширилась, однако стричь купоны и разрабатывать найденную золотую жилу Ольга не стала.

Неожиданно начались эксперименты. Отход наметился уже в романе «Верные враги». Пусть действие этого романа происходило все в том же мире Белории, но Вольхи там уже не было и следа. Да и юмористической фэнтези эту книгу можно назвать разве что с похмелья — лирическая ли-

ния вышла на первый план, и драма почти полностью задавила хохмачество. В «Цветке камалейника» писательница пошла еще дальше — совершенно новый мир, причем сделанный с изрядной долей НФ, и, главное, попытка поиграть без главного своего козыря. «Женской» составляющей там практически нет, главные герои «Камалейника» — мужчины.

Новый роман Громыко, написанный в соавторстве с еще одним ярким представителем поколения, Андреем Улановым, продолжает линию эксперимента. Действие книги «Плюс на минус» происходит в сегодняшнем Минске, главные герои — наши современники, да и жанр книги можно определить как лирический детектив.

Пример далеко не единичен: пускаются в неожиданные эксперименты многие «тиражные» и раскрученные молодые авторы — уже упомянутый Андрей Уланов, Вадим Панов, Алексей Пехов.

Что же заставляет успешных авторов сворачивать с наезженной колеи? Особенно с учетом того, что у них очень мало стимулов к тому, чтобы прогрессировать — всеядность издательств, все меньшая и меньшая доходность писательского труда, падающий престиж этой профессии.

На мой взгляд, на то есть и субъективные, и объективные

причины. Субъективные — это прежде всего авторское самолюбие. Несмотря на смешную в наш рациональный век идеалистичность подобного стимула, он до сих пор работает. В немалой степени потому, что наша фантастика не атомизировалась, не рассыпалась на отдельных авторов, работающих на отдельные издательства. Сохранилась преемственность поколений, осталось некое чувство общности. У фантастов теснее внутрицеховые связи, и поэтому до сих пор не только жива, но и действенна такая штука, как общественное мнение.

Традиции советской фантастики не умерли, а среди них — и достаточно высокая планка претензий. Именно поэтому фантастика и сегодня остается единственным из коммерческих жанров, который не смирился со статусом «развлекателя», но до сих пор нахально заявляет: «Мы претендуем на большее».

Но все эти моральные барьеры, конечно же, не устояли бы долго, если бы к «работе над ошибками» авторов не подталкивали и вполне реальные стимулы. Главный из них, как ни странно, уже упомянутое авторское многолюдье. Когда количество новинок превысило какую-то величину, стало понятно, что первейшая задача начинающего автора — не затеряться в море разлитом своих коллег с их неотличимыми

сочинениями. Это поняли уже и издатели: не случайно их прежняя установка «на серию», предполагавшая авторскую обезличенность, сменилась ставкой «на автора». И выход для писателя, как выяснилось, только один — нужно выделиться из массы качеством, «лица необщим выраженьем». Выбиться в те самые «сливки».

Впрочем, в «сливки» есть и другой путь. Дело в том, что, пока мы пересиживали взбалаченность в ожидании, когда же все это осядет, в западной фантастике тот самый процесс сепарирования не прекращался.

После прорыва в большую литературу «Чужака в чужой стране» Хайнлайна, «Дюны» Херберта, романов Дика тамошняя фантастика де-факто разделилась на артхаус и попсу. Она выделила из себя образцы высокого стиля, которые сегодня с восторгом встречают и рафинированные читатели, и высоколобые литературоведы — книги Нила Геймана, Чайны Мьевилля, Нила Стивенсона и других.

Соответственно, и в русской фантастике появилась достаточно большая генерация начинающих авторов, которые предпочитают не «учиться на марше», а с самого начала делают установку на высокое качество текста. Это для них важнее быстрого коммерческого успеха, поэтому они не торопятся — начинают с рассказов, совершенствуют

стиль, долго возятся с текстом. В силу изначальной установки на качество они обожают меряться «кто лучше» и поэтому являются завсегдатаями всяческих литературных конкурсов. Их довольно много, поэтому упомяну лишь наиболее заметных — Карина Шаинян, Дмитрий Колодан, Аделаида Фортель, Шимун Врочек, Иван Наумов, Лариса Бортникова, Максим Дубровин, Алексей Лукьянов.

Но если у «романистов» основной проблемой является медленный прогресс (просто в силу того, что им приходится очень много писать, и нет времени на добротную отделку), то у «рассказчиков» свои проблемы. К примеру, у первых все в порядке с трудолюбием и организованностью, но плохо с тщательностью, здесь же ситуация обратная. Конечно же, каждый из «рассказчиков» со временем собирается написать книгу, которая потрясет русскую литературу до основания. Но почему-то этого пока ни у кого не получилось. А у многих — даже просто книги.

Попытки «стилевиков» отвлечься от рассказов и поиграть на «романном» поле редко бывают удачными. К примеру, первый роман Юлии Остапенко, получившей известность как автор великолепных психологических рассказов, анонсировался издателем как появление «сверхновой российской фантастики». Однако даже самые преданные поклон-

ники писательницы вынуждены были признать, что роман сырой. И сегодня окончательно перешедшая в другую категорию и выпустившая уже несколько книг Юлия Остапенко демонстрирует типичные проблемы «романистов» — торопливость, непроработанность текста, мира, идеи. Не очень успешными оказались попытки реализовать себя в крупной форме и у еще одного талантливого рассказчика — Владимира Данихнова. Впрочем, на подходе роман у одного из лидеров этой когорты молодых авторов — Дмитрия Колодана; посмотрим, может, его попытка окажется успешной.

Так или иначе, но ситуация выравнивается. Тиражируемый палп-фикшен, конечно же, никуда не денется, вал бездарных сочинений спадать не собирается, но заметьте: если еще пару лет назад всю эту «молодую шпану» никто, кроме ее самой, в упор не замечал, то в последнее время игнорировать молодых авторов становится все труднее. И свои «пять процентов» с МТА мы, надеюсь, скоро получим.

Полтора десятка лет назад адепты фантастики хотели «пожить хоть немного с рынком — посмотреть, что это такое». Уже и посмотрели, и пожили, и повыживали... Может, пора начинать просто жить?

Долгожданное «поколение нового века», пришедшее в фантастику после 2000 года, по общему мнению, оказалось далеко не столь успешным, как предыдущие «волны». В чем причина столь дружного разочарования? А как сами молодые фантасты оценивают свою литературную генерацию, ее плюсы и минусы?

Алексей ПЕХОВ:

Начну с того, что это «общее мнение» как-то прошло мимо меня. В том числе я не заметил и «дружного разочарования». Во всяком случае, в читательской среде. Иначе бы издательства попросту не публиковали книги авторов поколения-2000. Кому нужны авторы, которых никто не купит?

Насколько я знаю, ситуация совершенно иная. Романы некоторых молодых авторов не только издаются и продаются, но и способны конкурировать с произведениями более опытных и известных писателей. Так что с читательским интересом, как мы видим, все в порядке.

Что в итоге получается? Читатели — есть, издательства — заинтересованы, тиражи — имеются, и даже определенное количество литературных премий поколение-2000 уже получило. Так что о «неуспешности» этой «волны» говорить как-то преждевременно.

Насчет же того, что некоторые особо придирчивые читатели и критики ворчат... Ну, так пусть бросят в меня камень те, кто убежден, будто писателей предыдущих поколений не ругали ни читатели, ни критики. Ругали. И почище, чем нынешних, между прочим.

А напоследок я хотел бы сказать следующее: не рано ли судим? Основной пик «молодых талантливых авторов», как их уничижительно любят называть «ветераны», пришелся на 2003—2005 годы. То есть на совсем недавнее время. Как можно сегодня оценивать автора, начавшего свою литературную карьеру в 2004-м? Да еще и пытаться сравнить его с писателями, уверенно работающими в литературе уже десяток лет, накопившими опыт? Это все равно что выставить на гонки спортсмена в тот момент, когда его соперник уже намотал два десятка кругов.

Возможно, не стоит бежать впереди паровоза, а будет честнее вернуться к этой теме хотя бы лет через пять? Чтобы действительно иметь возможность увидеть, ЧЕГО достигло «поколение нового века»?

Свою собственную литературную генерацию я оценивать не возьмусь. Мое дело — работать, создавать как можно более качественные книги и не

останавливаться на достигнутом. А оценивать, думаю, найдется кому. Оценщиков вокруг нас всегда было превеликое множество.

Дмитрий КАЗАКОВ:

Честно говоря, мне вообще не очень нравится деление нынешних писателей на «поколения» и «волны».

О каких-то «волнах» можно было говорить до того момента, как начался бум российской фантастики (как раз где-то около 2000 года). До этого времени число новых авторов, «обращенных» в жанр, было невелико, все они (по крайней мере, талантливые) оказывались на виду.

Ныне каждый год появляются десятки дебютантов, и адекватно оценить все тексты не в состоянии ни читатели, ни критики. О многих начинающих судят поверхностно и предвзято, порой даже по принципу: «В этом издательстве штампуют только коммерческую шелуху, значит, и талантов здесь нет».

Хотя, если говорить честно, то ярких фантастов среди «двухтысячников» и в самом деле оказалось меньше, чем можно было ожидать. Я думаю, произошло это, в первую очередь, из-за того, что мы (они) неизбежно попадали под творческое влияние предыдущего поколения. Те, кто начинал в девяностые, варились в собственном соку, без оглядки на авторитеты прошлого, на них никто не давил. А многие из тех, кто пришел в фантастику после 2000 года, невольно писали «под Перумова», «под Головачева» или «под Никитина» — писателей, достигших серьезного коммерческого успеха, задававших «рыночный тон» постсоветской фантастике.

А копия, даже самая хорошая, не может быть лучше оригинала.

Другая причина — издатели, и даже не столько они, а такая штука, как формат продаваемых книг, в окончательном и довольно жестком виде сформировавшийся как раз в последние годы. Если хочешь быть гарантированно издан и продан, ты должен писать не шибко умную фэнтези, боевик или юмористическую фантастику.

Литературные эксперименты среди молодых, еще не «звездных» авторов не приветствуются, а радует глаз издателя штамповка, какую читатель, привыкший к «формату», проглотит в один присест и попросит добавки.

Все оригинальное, не попадающее в формат, рискует остаться только рукописью, прочитанной автором, его приятелями да еще редактором, отвергнувшим «неправильный» текст.

Автор тоже человек, ему хочется признания, славы, читателей и, чего греха таить, денег..

Вот и совершают подвиги мускулистые космические десантники, драконы плюют огнем, эльфы мечут стрелы, а засланные в прошлое специа-

зовцы героически борются с ханом Батыем, коварными зомби и эпидемией золотухи...

И критики дружно сетуют: погибает жанр, погибается!
Зря, наверное, сетуют.

Дмитрий КОЛОДАН:

Говоря о «поколении нового века», в первую очередь, уместно отметить, что здесь мы имеем дело с двумя разными поколениями (условно — «старшее» и «младшее»).

«Старшее» действительно умудрилось затеряться. И причин здесь множество, но в целом все они сводятся к простому «не вовремя». Оказавшись в тени предыдущей волны, они так и остались непонятыми. А упершись в известный консерватизм читателя, если и не сломались, то замкнулись сами на себя. Они просто несколько опередили неизбежные перемены и, как следствие, в них не вписались. Но, исходя из этого, я думаю, что лучшие книги этой «волны» еще впереди — когда, пропустив следующую генерацию, «старшие» авторы раскроются уже на качественно новом уровне.

«Младшее» поколение еще только набирает силу, но в нем немало талантливых и амбициозных авторов. Уже наметились свои течения, и хотя всерьез говорить о каких-то сформировавшихся группах еще рано, тенденции прослеживаются. Но в то же время в их активе практически нет крупной формы, а значит, им нечего предложить более широкому кругу читателей. В последнюю роль в этом сыграли сетевые конкурсы, особенно их обилие. В конечном итоге «конкурсный период» (в первую очередь, 2005—2006 года) заметно оттянул приход этой «волны», и если в ближайшее время ситуация не изменится, то это поколение может попросту опоздать.

Вот и получается, что в данный момент наша сверхновая фантастика пребывает в некоем подвешенном состоянии, или, говоря словами Брюса Стерлинга, «дрейфует без руля и без ветрил по воле любого коммерческого ветерка». Из подобной ситуации есть только два выхода: либо прорыв, либо постепенное загнивание.

Как оно видится «изнутри» — на первый выход еще есть надежда. Схожая ситуация наблюдалась в англо-американской фантастике начала 1980-х (естественно, с поправками на специфику, издательскую ситуацию и т.д.). И прорыв был настолько сильным, что его отголоски не утихли до сих пор.

Так оно или нет, увидим года через три-четыре, но если я прав, то это будет очень интересное время.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ, или СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПАТОЛОГОАНАТОМА

Олег ДИВОВ

Будем откровенны: мало кто из старших коллег по цеху следит за творчеством молодых писателей. О.Дивов — один из немногих, кто действительно «в теме». К слову: он был в числе основателей того самого конкурса «Рваная Грелка», который на протяжении ряда лет является основным полигоном для испытания сил начинающих фантастов.

Повышенный интерес к феномену МТА не случаен. Именно МТА обрушили последний наш корпоративный миф — о фантастике, как бастиионе Русской Духовности в массовой культуре. Миф этот пестовала цеховая критика, и с ее мнением было очень приятно соглашаться. Ибо за забор фантастического гетто — туда, где буйствовал «иронический детектив» и зверствовал «криминальный боевик», — стало жутко даже выглянуть. Образ Русского Читателя трещал по швам. Вместо милого интеллигентного простеца, эдакого физика-лирика с хитрым прищуром (зипун, гармонь, поллитра, два выших, в кармане Кафка, православный крест под рубахой), на писателя вдруг уставился стеклянными глазами затурканный образованец с потребительской авоськой (пуховик, плеер, пиво, курсы офис-менеджеров, Маринина, православный крест навывпуск). Картина выгля-

дела столь пугающей, что многие повернулись к ней спиной, утешая себя мыслью о Читателе Фантастики, который пусть и немногочисленный, зато — особенный.

Но Читатель показал Фантастам дулю!..

Доходчиво? Логично? Достоверно?

Ага, на уровне МТА.

Давайте теперь посмотрим, как все обстоит на самом деле, и да пребудет с нами Сила, ибо вскрытие предстоит то еще.

Под МТА подразумевается крайне плодовитый и столь же вульгарный графоман со смутным представлением о писательском мастерстве. Явление, по сути, вневременное и вневозрастное. Таких всегда вылуплялось как головастиков. И в каждом поколении единичные особи дорастали до уровня Царевен-Лягушек. Им не мешала даже малограмотность. В дневниках Корнея Чуковского упоминается авторша ста

пятидесяти (!) популярных романов, всегда ставившая запятую перед «что»: «несмотря ни на, что».

Почему их читают, не загадка. И скрытые месседжи, и методы построения текста, благодаря которым отдельные графоманы неплохо продаются, давно исследованы. Правда, рассказывать о том, какова технология создания графоманских бестселлеров, мало кто берется. Это невыносимо скучно и как-то, простите, некрасиво. Будто прилюдно раскладываешь по полочкам чужую душевную болезнь. У Вадима Нестерова не хватило духу на такую мини-лекцию, и я его понимаю. Но не оправдываю. Если замалчивать ноу-хау, которые позволяют МТА держаться на плаву и даже наращивать тиражи, останется неясным, чем, собственно, МТА отличаются от прочих молодых талантливых авторов поколения «нулевиков». Так что пройдуся-ка я буквально по самым верхам.

Рынок завален товаром, приметы которого (цитирую Вадима): «...и отсутствие оригинальных идей, и неумение выстроить сюжет, и чудовищные ляпы в книгах, и огромные проблемы с авторским стилем...» Все это продолжает издаваться и продаваться. Почему?

А вот именно потому.

Сколько ни тверди «фантастика не жанр», во рту слаще не станет. Фантастика как товар массового спроса — это набор специ-

фических жанров и поджанров. Для каждого наработан базовый шаблон и набор устойчивых сюжетных штампов. Есть жесткие каноны фантбоевика, спейсопера, вампирского романа и так далее. Некоторым канонам уже лет по сто, а то и больше. Модные жанровые методы «гаррипоттер», «ночнойдозор» и «террипатчетт», всю эксплуатируемые МТА, отнюдь не римейки, а третьи-четвертые перепевы давно отработанных схем: ни Роулинг, ни Лукьяненко, ни Пратчетт не создавали новых сущностей. Чего далеко ходить: любимая забава вашего покорного слуги — отыскать самый ржавый фантастический шаблон и согнуть его об колено.

По степени заштампованности фантастика может поспорить с крутым детективом и производственным романом. Все уже придумано до нас. Наличие устойчивых конструкций, о которых точно известно, что они хорошо продаются — приманка для графоманствующих неопитов. Ведь основная мотивация МТА — написать «как кто-то». И это его первый козырь на рынке. Книгопродавцу нужна точка отсчета. Если он может сказать покупателю, что МТА Пушкин — почти Гоговачев, а МТА Хрюкин — вроде Перумова, сразу снимается масса вопросов. Это вам не самобытного Иванова продавать. Я уж молчу о Силаеве, про которого вы слыхом не слыхивали, хотя Успенский уверяет, что будь Са-

ша москвичом, никто бы не знал Пелевина.

Второй козырь МТА — язык. Важнейший элемент системы распознавания «свой-чужой». МТА так и шпарят канцеляритом. И потенциальный читатель, открыв книгу в магазине, сразу видит нечто родное. Канцелярит — тот язык, который читатель слышит отовсюду, в который он сам облакает мысли на словах и на письме. Он канцеляритом объясняется в любви. Он живет в стране победившего канцелярита, где на каждом строительном заборе написано: «Приносим вам свои извинения за временно доставленные неудобства». Чтобы вернее сцапать добычу, МТА разбавляет канцелярит просторечиями и жаргонизмами. По чуть-чуть, а то спугнешь.

Третий козырь МТА — глубинная, выстраданная народность. Поэтому наша альтернативная история сплошь история того, как русские вломили тем, до кого не дотянулись в реале. А наша утопия — про то, как Америка напала на Россию и сильно пожалела (ибо вломили, естественно). Или про то, как откуда ни возьмишь пришел на Русь Президент с замашками фольклорного царя-батюшки (олигархов под корень, неруси в хрюсло, дитя́м морженое, бабе цветы). Предлагаю от себя беспроегрышную фабулу: Путин расстрелял Абрамовича и национализировал футбольный клуб «Челси».

Четвертый козырь — абсолютная комфортность текстов. МТА никогда не уходят от шаблона дальше чем на шаг и этим весьма потрафляют читателю. Читатель хочет предугадывать развитие сюжета. Хочет знать, что сделает персонаж в следующий миг. МТА чувствует это (именно чувствует, а не понимает, МТА вообще творит неосознанно) — и раскладывает по тексту штампы, схемы, архетипы в ассортименте. И все довольны. Ведь самое большое счастье массового читателя — когда писатель задает вопрос, на который читатель знает ответ. Искусство подсовывания вопросов под готовые ответы — пятый козырь МТА.

А если в общем и целом — типичная проза МТА одновременно манерна, вульгарна, агрессивна и сентиментальна. Да, это набор качеств уличной девки. Вы удивлены?

Тут и сила, и слабость МТА: они, в массе своей, доступные и сговорчивые, но какие-то одно-разовые. Читатель их не уважает и частенько старается удрать, не заплатив. Недаром именно МТА громче всех жалуются на сетевое пиратство. Среди МТА до сих пор нет отчетливо проявившихся брэндов. Скорее, речь идет о мультибренде вроде «детектива домохозяек», где Дарья Донцова легко замещается Юлией Шиловой или, мама дорогая, Еленой Васиной, разница между которыми как бы заметна, но ее, типа, не видеть.

Согласитесь, на таких сердиться — себя не уважать.

Казалось бы, проблемы нет. Да, успехи явных графоманов вызывают досаду. Обида за страну: ну что за народ такой, читает всякую муть и добавки просит... Когда ж он, бестолочь, не «милорда глупого», а высокую прозу с базара понесет... Каждый графоманский бестселлер наносит удар по чувству национального достоинства. Но это было всегда и везде. Почему же русские фантасты XXI века так рычат на своих МТА?

И почему эксперты этого номера «Если», авторы из поколения «нулевиков», скрипят зубами в комментариях?

Рискну заявить — проблема есть. Она принципиальная и завязана не тем гордиевым узлом, что поддается разрубанию на раз-два. Скажем так: пока Вадим Нестеров не перестанет называть сентиментальную прозу Юлии Остапенко «великолепными психологическими рассказами», к узлу даже подходить бессмысленно. Дело не в том, хороши ли рассказы, просто у критика прицел свернут градусов на тридцать. А этот ведь еще из лучших.

Поэтому для начала давайте возьмем топор Оккама и малость потешем себе на голове кол. То есть, пардон, откалибруем наш понятийный аппарат.

Искусство модернизма создавалось с невольной оглядкой на традицию. Даже когда эта огляд-

ка была злобной ухмылкой через плечо. И когда традицию объявили раздробленной на атомы, из которых будет создано новое искусство, сам факт наличия традиции не оспаривался. Нельзя же бороться с тем, чего нет. Волей-неволей модерн отталкивался от традиционных смыслов.

Упрощая и огрубляя для наглядности: если дать модернисту Венеру Милосскую, он завяжет ей глаза и положит к ее ногам весы.

Постмодерн, многими называемый то «антиискусством», то «разрушителем искусства», стартовал уже при традиции, раздробленной на атомы. Постмодерн нацеливался на создание новых смыслов из этих осколков.

Постмодернист приделает Венере руки, сунет в них весло и — внимание! — скажет, что так и было.

Актуальное искусство всеядно, ориентировано на конденсацию новых смыслов из воздуха, крекинг из нефти и ресайклинг из мусора. Оно бы завалило нас смыслами, если бы действительно умело делать все вышеперечисленное.

Актуальное искусство — это когда Венере постмодерна снова отламывают руки вместе с веслом, а на постамент вешают табличку: «Последствия акта вандализма над скульптурным изваянием олимпийской чемпионки по гребле».

Так идет бесконечная перета-

совка и переупаковка смыслов в погоне за смыслами новыми, свежими. Некоторым творцам везет. Изредка. Когда особенно причудливо тасуется колода.

Отечественной фантастике все это мельтешение до лампочки. Откровенных модернистов и постмодернистов среди наших всегда было до стыда мало, а роль актуального искусства у нас играют миниатюра «Про сабачку» Базуки Джона и вставки обценного компьютерного кода в цикле Лео Каганова о майоре Богдамире.

Отечественная фантастика сама себе Венера Милосская — без рук, без ног и даже без весла. Сколько фантасты ни тасуют колоду, даже самый причудливый расклад не порождает новых смыслов. Потому что в колоду собраны не атомарные осколки традиции и даже не целые традиционные смыслы, а распроклятые штампы, клише, схемы, будь они неладны. И джокерами — страницы из книги «Как стать писателем и заработать миллион».

Наша фантастика не оглядывается на традицию. Она и есть традиция, воспроизводящаяся из поколения в поколение, из «волны» в «волну». Если вы приглядитесь к нынешней русской фантастике, то увидите не творческую мастерскую, лабораторию или какой-нибудь технопарк, а Цех. Причем мастера нервно курят в углу, а помещение

набито подмастерьями, яростно вытесывающими из поленьев крошечных Венер Милосских. Инструменты — топоры и грубая наждачка. И счастье это — подмастерьев — никто сюда не звал. Оно само приползло.

А на часах Цеха — вторая половина восемнадцатого века.

Почему Вадим Нестеров, культурный обозреватель «Газеты.ru», навскидку отличающий Филонова от Кандинского, предпочел умолчать об этом безобразии, мне трудно понять. Вообще-то долг культуртрегера — нести просвещение в массы. И если основной конфликт русской фантастики сегодня — лобовое столкновение романтизма «девяностников» с мелкобуржуазным сентиментализмом «нулевиков», об этом надо говорить.

В одном я точно Вадима поддерживаю. Бесспорной представляется мне идея делить «волны» не по дате выхода на рынок, а по возрасту авторов. Ведь помимо «припозднившихся» Бенедиктова, Пронина, Бурносова, Скирюка в «нулевики» можно зачислить Плеханова, Ляха, Прошкина, Елисееву, Володихина, Сашневу, а при некотором усилии даже Зоричей — вон сколько набегают авторов, публикации которых до 2000 года были либо мизерны, либо недооценены рынком. Интересный собирательный портрет «нулевика» получится.

Только все эти авторы так или иначе романтики.

Потому что фантасты.

Когда фантастический классицизм, насаждавшийся в СССР всеми правдами, неправдами и молодыми гвардиями, конкретно надоел, антитезу ему выставили не сентименталисты, а романтики. Думается, неспроста, ведь если покопаться в определениях, фантастика — плоть от плоти романтики, она сама по себе крайняя романтика, одновременно ультраправая и левозэкстремистская.

И те, кто нутром чуял, что национальный литературный процесс неразрывен, потянули советскую фантастику в пространство высокой прозы. От братьев Стругацких до Булычева, небольшая, но стойкая когорта романтиков выпихнула фантастику туда, где ей и место. На роль литературы, сначала берущей за душу, а затем уж смущающей умы и зовущей во втузы. И брала фантастика за душу не сентиментальным сюсюканьем, а жесткими экспериментами над героями. Человека — в центр повествования, и нравственную задачу ему в зубы, желательно нерешаемую. И посмотреть, как будет выкручиваться. Лучшего творческого метода, чем фантастика, для этого не придумаешь. Отличные полигоны можно строить и гонять по ним человечков, гонять. В Дономаге, на далекой Радуге, под лунной радугой, в День Гнева или ночь Сдвига страдал, перерождался и делал свой выбор наш

человек. Полз, как леопард к вершине Килиманджаро, из последних сил штурмовал Перевал. Живой человек.

Этим авторам наследовали — с гордостью! — «восьмидесятники». Их романтизм принимал самые разные, порой экстремальные формы, но по сей день остается романтизмом.

«Девяностники» и вышеупомянутые «припозднившиеся», строго говоря, не приняли эстафету «восьмидесятников», а сами произошли от того же корня. У этих поколений в основном единый культурный багаж. Как следствие, авторы подобрались начитанные и, не побоюсь крепкого слова, интеллигентные. Даже я легко отличаю Кастанеду от Кортасара, не глядя на обложку. А если постараюсь, то и Кафку от Камю.

Среди «нулевиков» тоже немало ребят, образно говоря, Жан Поль Сартра лелеющих в кармане. Правда, они совсем без Ленина в башке, но это не беда, поскольку «ленинско-тельмановское» направление в публицистике — сплошь типичные МТАшные приемычки, учиться там нечему.

И тем не менее между нами пропасть.

Из успешных «девяностников» вышел лишь один автор, которого с некоторыми оговорками можно назвать сентименталистом — Лукьяненко. Начинал он как романтик, но постепенно отошел на позиции сентиментализ-

ма, наиболее ярко проявившиеся в цикле о Дозорах. Справедливости ради замечу, что сентиментализм Лукьяненко дворянский, если не сказать «барский».

Именно к Сергею большинство МТА относится с трогательным, до слез, обожанием (редко когда осознаваемым), при случае мигом обращающимся в лютую, но все равно слезливую ненависть.

Это естественно, потому что типичный МТА — мелкобуржуазный сентименталист.

Это общая черта подавляющего большинства «нулевиков», даже лучших из них, просто у МТА она бесстыдно торчит наружу.

И это проблема, коллеги.

Потому что била-била нашу фантастику Советская власть — не добила, бил-бил олигархический беспредел — фиг ему, бьет-бьет государственно-монополистический капитализм... Да не родился еще такой государственный строй, чтобы нас извести. А вот массированный вброс сентиментальной прозы в фантастику запросто ее изничтожит.

Ибо плохо они совмещаются. Не надо бы им.

Сентиментализм вовсе не застывший стиль: уси-пуси, бедная Лиза (вообще-то, «Бедная Лиза» по сути очень страшная вещь). Он дает массу возможностей. В его рамках можно делать тексты сколь угодно лихие и динамичные. Можно злые, brutальные, да хоть зверски жестокие, а осо-

бенно легко выходят книги, пропитанные ненавистью. Но этот стиль требует накачивать эмоциями каждый чих персонажей, отчего крайне опасен для начинающих и вовсе противопоказан МТА. Только опытный или от природы наделенный чувством меры автор может балансировать на грани, не срываясь в перебор, имя которому пошлость.

Увы, сентиментальная проза коммерческого разлива строится по простейшему шаблону: «Нагнетай!». Некоторые «нулевики» умеют делать это стильно, в меру и строго по ситуации (позвольте без имен, боюсь сглазить, честно). Но зачастую идет накрутка пафоса на пустом месте. Органическое свойство сентиментализма — видеть нежное в обыденном и возвышенное в простом — в исполнении МТА эксплуатируется на всю катушку. И нормальная вроде бы история разом теряет правдоподобие. Потому что все герои то орут, то вещают с пьедестала. И повсюду скачут одноногие мальчики, культовые персонажи конкурса «Рваная Грелка».

Отдельная беда сентиментальной прозы — когда ее натягивают, как варежку на глобус, на фантастику. Выстроить фантастическую триаду «Чудо-Тайна-Достоверность», используя творческий инструментарий сентиментализма, нереально. Плохо будет с чудом и туго с достоверностью. Ведь сентиментализм не приемлет иррационального. И сам он такой по

академическому определению, и такие люди его делают. Типичный провал по достоверности — когда в романе, населенном сплошь нелюдью, вампиры и оборотни наделены богатой эмоциональной палитрой, но сугубо человеческой. Не позволяет сентиментализм моделировать алиенарную психику, и хоть ты тресни. Таков лауреат последнего «Странника», жестокий, кровопролитный и слезоточивый роман «Киндрэт. Кровные братья», в котором принял непосильное участие наш эксперт Алексей Пехов. Там предельно очеловечена всякая пакость, спасибо хоть крыс не тронули. А уровень сюсюканья в «Киндрэт» зашкаливает просто до неприличия. Авторский коллектив так переборщил, выдавливая из своих монстров эмоции, а из читателя слезу, что главный герой, типовой исстрадавшийся «нежный вампир», выглядит типовым же, по учебнику, гомосексуалистом-педофилом, хоть тащи его на экспертизу в институт Сербского.

А они ведь хотели как лучше, вот что обидно. И книга, в которую напиханы все до единого штампы вампирского романа, могла бы оказаться занятным экспериментом. Но сентиментализм заел.

Если подходить к вопросу с холодной головой и чистыми руками, положение выглядит так. Сегодня в отечественной литературе (не только в фантастике) идет массовый откат от роман-

тизма к мелкобуржуазному сентиментализму. Отчасти он связан с крушением прежних идеалов. Отчасти с ростом лоу-миддл-класса в крупных городах, где реализуется основная масса «бумажной» прозы и поэзии. Есть спрос, есть предложение, тенденция налицо. То, что всеобщая тяга к сентиментализму — опасный симптом, не волнует издателей и мало кого заботит из авторов.

В фантастике, как назло, водораздел между двумя течениями — это еще и граница между двумя самыми издаваемыми поколениями. И совсем «как назло», у нас есть только один безусловно качественный сентименталист, которого впору заспиртовать, чтобы не пропал slučajем — Олег Овчинников. Есть несколько «пограничных авторов», вроде блуждающего Лукьяненко или залегшего на нейтральной полосе Панова. Наконец, есть не особенно сплоченный коллектив стихийных, но упорных романтиков. И целая армия молодых сентименталистов разной степени талантливости.

И, к сожалению, все складывается таким образом, что сентиментализм в нашей фантастике — течение, достойное ярлыка «реакционное». При таком удельном весе МТА иного определения не найти. Сейчас не то время, когда сентиментальная проза может врачевать раны, она только загоняет болезнь вглубь, консер-

вируя лузерские тенденции в сознании потребителя. Сентиментальная проза в исполнении МТА — просто отравка, которая и читателя вконец затупит, и окончательно подорвет акции фантастики на рынке. Массовый читатель, он вроде наркомана: когда нет хорошей «дури», будет лопать плохую, зато большими дозами. Быстро деградирует, и станет ему, болезному, вообще все фиолетово.

Это негативный прогноз, конечно. Но откуда позитивному взяться?

Сами посудите: написание книг — индивидуальное предпринимательство с чрезвычайно высокими рисками. Оно треплет нервы, портит характер, корежит личную жизнь. Но если выплескивать в текст наболевшее, «писать кровью сердца», сливать на бумагу свои тревоги, это хорошая психотерапия. И как нарочно, именно такие тексты находят живой отклик в сердцах читателей. Комплексы, фобии и синдромы у всех, в общем, одни. Главное — пускай написано попроще будет, подоступнее, чтобы не особо задумываться, чтобы «сразу вставляло». Именно так, как пишут МТА. А наиболее эффективный творческий метод для достижения полного контакта, чтоб запасть массовой аудитории в самую душу и попутно заработать много денег — сентиментальная проза.

Эксперты наши просят отло-

жить подведение итогов лет на пять, а то «нулевики» пока раскрутиться не успели. МТА у них раскрутятся, вот кто, помяните мое слово.

Между прочим, Пехов во время оно умел не только застилизовать фантастический боевик под французский авантюрный роман, но даже сделать это намеренно.

И другой наш эксперт, Дмитрий Казаков, автор неподражаемой словесной конструкции «Здравствуйте! — вежливо поздоровался он», хоть и запорол роман «Высшая раса», но, как минимум, смог его выдумать.

Надеюсь, у «темной лошадки» экспертной группы, Дмитрия Колодана, тоже найдется за душой какой-нибудь свежий смысл.

Не этим, честно говоря, «нулевикам» по нынешней теме оправдываться. Они, конечно, старались, но куда им с ней справиться. Гордое звание МТА надо еще заслужить.

Правда, один ключевой момент наши эксперты косвенным образом затронули. Проскочила настоящая, не шутейная, оговорка по Фрейду. Цитирую: «Многие из тех, кто пришел в фантастику после 2000 года, невольно писали под... писателей, достигших серьезного коммерческого успеха...»

Что мы там выше говорили про МТА?..

Рецензии

Джефф НУН

БРОШЕННЫЕ МАШИНЫ

Москва: АСТ,
2007. — 352 с.

Пер. с англ.

Т. Покидаевой.

(Серия

«Альтернатива»).

5000 экз.

Джефф Нун — культовый британский писатель, известный читателям прежде всего по трилогии «Вирт». «Брошенные машины» — очень странный роман о мире с разрушенной логикой. И мир этот — наш. Загадочная болезнь охватила Англию, и реальность сыграла с человечеством злую шутку. Вся информация превратилась в шум, неразличимый и запутанный. Надписи и слова потеряли смысл, а еда — вкус. Звуковые, визуальные и даже тактильные ощущения смешались, обманывая разум и чувства, превращая окружающий мир в сложносочиненную иллюзию. Шум может и убивать, когда сигналы внешнего мира достигают своих пиковых значений. Лишь употребление лекарства «Просвет», созданного на основе крови невосприимчивых к болезни людей, позволяет вычленить из информационного шума упорядоченные сигналы.

И вот журналистке Марлин Мур в компании двух «мутных» типов и девочки Тапелло предстоит выполнить задание странного субъекта по имени Кингсли: собрать разбросанные по всей Англии осколки зеркала, обладающего странным, волшебным свойством, в надежде вернуть миру прежнюю упорядоченность. Для героини задания сопряжены с поиском средства, способного вернуть к жизни ее дочь Анджелу, умершую от болезни. По мере продвижения к цели (если можно говорить о таковой в мире, утратившем смысл) путешествие этой странной компании начинает носить все более и более иллюзорный характер.

Не стоит искать в «Брошенных машинах» внутреннюю логику. Все в книге подчинено образам и метафорам, собранным в увлекательный и эмоциональный аттракцион, при котором сам автор состоит в качестве «карусельщика».

Пожалуй, место Джеффа Нуна на одной полке с книгами «новых странных», не будь он... слишком уж странным. Да и наследует он иную традицию, называя в ряду любимых авторов Борхеса и Льюиса Кэрролла. Действительно, созданный Нуном мир вполне подошел бы изрядно повзрослевшей Алисе.

Сергей Шикарев

Дмитрий СКИРЮК

БЛЮЗ ЧЕРНОЙ СОБАКИ

*СПб.: Азбука-классика,
2006. — 416 с.
7000 экз.*

На сей раз читателя ожидает встреча не с колдунами и травниками, а вполне заурядным нашим современником. Евгений (или Жан), когда-то врач-терапевт, а ныне фотограф, в силу странных обстоятельств расследует не менее странную гибель знакомого гитариста.

Приключения героев в современном городе, однако, не менее опасны и удивительны, чем в каком-нибудь выдуманном мире. Здесь изменяющаяся реальность может настигнуть тебя в туалете кинотеатра, современные небоскребы возводятся в соответствии со всеми правилами фортификации, чтобы оборонять подступы к центру города (от кого?), древние легенды о черной собаке и байки о пришельцах ходят бок о бок, а мистические сообщения поступают на мобильник в виде запутанных SMSок.

Пермь, в которой автор поселил своих героев, действительно город странный, время от времени продуцирующий яркие феномены. В конце 1980-х начале 1990-х таким феноменом была раскрученная желтой прессой «пермская аномальная зона», в 2000-х — «пермская» литература. Кстати, в романе выведен писатель Вадим Севрюк, автор романов-фэнтези.

Тему «пермского треугольника» грех упустить, и в романе она еще прозвучит. Равно как и тема «готов» с их культом красивой смерти, и тема гибели всерьез, преследующей культовых рок-музыкантов... Дмитрий Скирюк написал сложную книгу, в которой городская мистика переплетается с детективом, а музыкальная тема накладывается на «кризис среднего возраста».

Но это еще и роман о «промежуточном» времени, о вырождении былых гигантов, о «сне разума», формирующем причудливую и не слишком устойчивую реальность. «Настоящая готика... не то чтобы мертва, — рассуждают герои, — она как бы в спячке. Ширмочка красивая. Туфта по большому счету... А пока настоящие демоны спят, народ цепляет себе зубы, рядится в черные плащи и кричит: «Мы вампиры!»

Но настоящие демоны рано или поздно проснутся и потребуют жертвы.

Мария Галина

Юрий БУРНОСОВ

ЧУДОВИЩ НЕТ

*СПб.: Азбука-классика,
2006. — 416 с.
5000 экз.*

Любите ли вы вампиров так, как любят их наши фантасты? Новый роман парадоксального Юрия Бурносова вносит посильный вклад в расширение и классификацию кровососущей нежити. Правда, «шелим» (так они сами себя именуют) имеют ряд существенных отличий от многочисленных литературных предшественников. Строго говоря, это не столько вампиры, сколько демоны. Целая раса древних, могущественных существ со своей иерархией и внутренними противоречиями. Очень разные, они тем не менее схожи в одном: человек — прежде всего пища, а потом уже все остальное. Эта простая истина однажды откроется сумасброду и мистика, чиновнику по особым поручениям на службе у его Императорского Величества Александра II Ивану Ивановичу Рязанову. А затем и его праправнуку. Так уж случилось, что маленький провинциальный городишко, где готовится перейти в десятый класс Алеша Рязанов, лежит аккурат в точке сопряжения двух миров — нашего и демонического. Размеренную жизнь молодого человека нарушает загадочная Лариса, девушка-вундеркинд, чтобы втравить Алексея в крайне опасную авантюру, итог которой окончательно расставит все точки над *i* в вопросе о добрых и злых нелюдях.

«Чудовищ нет» каким-то парадоксальным образом одновременно родственно «Ночному смотрящему» О. Дивова и «Дозорам» С. Лукьяненко. Но и столь же явно отлично от них.

Линия Алеши — проза ближнего прицела, изобилующая отсылками к современным реалиям и подчеркнутым натурализмом. Приключения же Ивана Рязанова, напоминающие похождения акунинского Эраста Фандорина — крепко сбитый исторический детектив в мистическом антураже. Чувствуется, что описываемый период Бурносов изучил основательно.

Роман — очевидная удача фантаста. Хорошо сбалансированное динамичное повествование не даст читателю заскучать. А если вам не хватит «главного блюда», то литературный голод легко утолить вошедшими в книгу рассказами.

Николай Калининченко

Дэн СИММОНС

ОЛИМП

*Москва: АСТ,
2007. — 798 с.**Пер. с англ.
Ю. Моисеенко.
(Серия «SF»).
10 000 экз.*

Творчество Симмонса ощутимо скатывается к тенденциозности. Когда набор стилистических или сюжетных ходов повторяется единожды — это характерный прием; дважды — досадная случайность; трижды — сформировавшаяся тенденция. Заключается же она в том, что каждый второй роман всех дилогий Симмонса неизбежно оказывается слабее первого. Так было и с «Падением Гипериона», и с «Восходом Эндимиона». То же случилось и с «олимпийской» дилогией. Замах у Симмонса всегда «на рубль» — интересная завязка, запоминающиеся герои, нетривиальная интрига, мощная культурная подкладка... А вот собственно удар... Ну, не «на копейку», конечно — все-таки уровень, — но уж точно «не дороже полтинника». Потенциал, заложенный в первой части, в конечном счете реализуется лишь наполовину.

Впрочем, читавшим «Илион» необходимо прочесть и «Олимп». Хотя бы для того, чтобы узнать, чем же там дело кончилось. И вроде все на месте: Симмонс все так же скрупулезен в описании войны между обычным человечеством и сверхлюдьми, изображающими олимпийских богов. В схватке теперь участвуют моравеки — роботы, населившие Пояс астероидов, а также титаны из Тартара... Противостояние же между магом Просперо, воплощением логосферы Земли, и инопланетным пришельцем, осьминогоподобным Сетебосом, также вступает в решающую фазу. Не исчез из текста и фирменный симмонсовский культурный бэкграунд — роман перенасыщен отсылками к гомеровскому эпосу, пьесам Шекспира и поэмам Браунинга. Не чурается фантаст и политических намеков — одной из главных угроз для человечества будущего оказывается Глобальный Халифат...

И все-таки книга существенно уступает ранним текстам Симмонса. Недостает масштабности, суперзлодеи слишком уж трафаретны, да и положительные образы явно не удались. А что вы хотели после нескольких лет сочинительства побрякушечных детективов про русскую мафию?

Глеб Елисеев

Джонатан СТРАУД

**ВРАТА
ПТОЛЕМЕЯ**

*Москва — СПб:
ЭКМО — Домино,
2006. — 672 с.
Пер. с англ.
А.Хромовой.
18 000 экз.*

Право слово приятно, когда воззвание издателей к читателям полностью соответствует действительности. «Имейте в виду, «Врата Птолемея» — завершающая книга «Трилогии Бартимеуса», — гласит аннотация, и, судя по всему, это так*.

Маг Натаниэль, известный в мире как Джон Мэндрейк, добрался наконец до одного из ключевых постов в правительстве Британской империи, далеко обойдя своего одноклассника. Тот в книге «Гарри Поттер и принц-полукровка» еще только размышляет, чем бы заняться, а наш юный волшебник уже успел занять должность министра информации и, более того, стать доверенным лицом премьер-министра. Напомним, что в Англии Страуда операторы сверхъестественных сил не прячутся за кулисами, они реальные властители всех соплеменников, а заодно и европейских маглов... то бишь простолюдинов по здешней терминологии. К тому же Британия ведет войну с американскими колониями, запоздавшую по сравнению с нашей реальностью примерно на сотню лет, и Джон-Натаниэль должен обеспечивать пропагандистскую кампанию. И кое-что еще — уже исходя из собственных интересов.

Все это он проделывает с большой охотой, поскольку за время следования по пути «романа воспитания» превратился в законченного подлеца. Даже своему слуге, джину Бартимеусу, не дает никакого роздыха, так что тот злой волею хозяина поставлен на грань исчезновения. А ведь когда-то их связывали почти дружеские узы. Конечно, в тех рамках, в которых раб может испытывать дружелюбие к господину.

Но не все так печально, ведь мы с вами отлично знаем законы жанра, которые требуют, чтобы...

В общем, все их требования писатель выполнит. Не отступив ни на шаг. Да и вся третья часть будет развиваться в логике двух предыдущих, не видоизменяя и даже не расширяя придуманный (и неплохо продуманный) собственный мир. Хотя как добросовестный автор одну новую сущность Страуд все же добавит. И она сыграет далеко не последнюю роль в сюжете.

Вероника Ремизова

** Рецензию на первую часть трилогии см. в № 3 за 2005 год.*

Роберт ХОЛДСТОК

КЕЛЬТИКА

СПб.: Азбука-

классика,

2006. — 512 с.

Пер. с англ.

Н. Свидерской.

(Серия «Ultima»).

6000 экз.

Роберт Холдсток — автор не самый простой для восприятия, что, однако, не мешает ему оставаться одним из очевидных лидеров британской фантастики. Его имя обычно называют в ряду первых среди мастеров современной интеллектуальной фэнтези. К тому же он еще и заметный теоретик, исследователь жанра, что в немалой степени отражается и в его художественном творчестве — книги Холдстока изрядно филологичны, насыщены богатым культурным бэкграундом. К сожалению, в России Холдсток пока известен в основном знатокам. Однако, думаю, что дилогия, открывающаяся романом «Кельтика», изменит ситуацию — хотя бы благодаря своей близости к «обычной», классической, фэнтези.

Родственность эта, впрочем, скорее кажущаяся. Для любого знакомого с подлинной кельтикой сюжет, сплетающий воедино Мерлина, аргонатов, римские завоевания, покажется едва ли не абсурдом. Это притом, что в поверхностности автора не заподозришь. «Кельтика» не укладывается ни в рамки традиционной фэнтези, ни в привычный формат альтернативной истории. Тогда что же это такое?

Почти все тексты Холдстока так или иначе связаны с его наиболее известным романом — «Лес мифаго». Формально «Кельтика» в цикл не входит. Однако на самом деле Мерлин, Ясон и прочие персонажи романа не вполне мифические герои, а именно что мифаго. По Холдстоку — сокрытые в недрах подсознания современного европейца образы, воплощенные в персонажах мифов и преданий. Только тут мифаго не вторгаются в наш мир, а живут в своем собственном. Здесь и Мерлин может стать аргонатом, а судьба потомства Ясона окажется связана с Римом. Таким образом, «Кельтика» не столько альтернативная история, сколько альтернативная мифология, не скованная условностями нашей памяти. Повествование захватывающее, интересное не только изощренными головоломками. Холдстоку действительно удалось соединить здесь достоинства фэнтези с интеллектуальной прозой.

Сергей Алексеев

**РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА-
2007**

*Москва: ЭКСМО,
2005. — 544 с.
(Серия «Русская
фантастика»).*
15 000 экз.

Сборник состоит из 16 рассказов и двух повестей — «Змееныша» Александра Громова, а также «Баллады о двух гастарбайтерах» Леонида Кудрявцева и Далии Трускиновской (обе уже успели получить широкую популярность после публикации в журнале «Если»). Фантастический ежегодник издательства «ЭКСМО», что называется, устоялся, поэтому составитель ограничился включением всего одного рассказа автора-бестселлера — это «Глюк» Василия Головачева.

Книга составлена добротнo, очевидных провалов нет. С другой стороны, и ярких вещей немного. Из «молодых звездочек» не удивил никто. Наиболее удачные тексты принадлежат перу уже «заматеревших» авторов. На мой взгляд, лучшим из них, причем с заметным отрывом, является «Точка Лагранжа» Кирилла Бенедиктова: жесткий, жутковатый рассказ о попытках защитить Номo novus, выведенного путем опытов над детьми, от беснования «быдла», которое видит в его появлении угрозу. Выше всяких похвал концовка: Номo novus осознает, что он такое, и задумывается, как ему поступить с собственными создателями и защитниками... Стилистически тонко сделан рассказ Олега Овчинникова «Креативщики», в социальном смысле не менее острый и даже страшный. Неожиданно прозвучал рассказ «Портал» пензенского дуэта Людмилы и Александра Белаш. Нашему современнику и соотечественнику, живущему скудно, сталкивающемуся с недоброжелательной средой, дали одним глазом заглянуть в параллельную реальность. Поглядев на... (не хочется пересказывать текст), он делает вывод, весьма отличный от столь стандартного нынче нытья о всеобщей паршивости жизни: да, мы мало ценим то, что имеем, существуют варианты намно-о-ого хуже.

Для придирчивого читателя некоторым недостатком книги станет явный ее перекоc в тематику контакта/конфликта между разумными расами Вселенной.

Дмитрий Володихин

Нил ЭШЕР

ЗВЕЗДНЫЙ РУБЕЖ

Москва — СПб.:

ЭКСМО —

Домино,

2007. — 544 с.

Пер. с англ.

А. Евстигнеева.

(Серия

«Фантастический

бестселлер»).

3000 экз.

Ян Кормак состоит в штате Центральной Службы Безопасности Земли и отлично знает свое непростое дело. Заключается оно в наведении правопорядка на территории, подконтрольной Правительству Земли. А также в устрашении и устранении сепаратистов.

Новое задание для Яна Кормака — организовать мятеж на планете Масада. Естественно, цель самая благородная: освободить угнетенное население планеты от власти священников Теократии и вовлечь Масаду в сферу влияния Земли.

«Звездный рубеж» — вторая книга цикла о приключениях Кормака. Ее действие разворачивается сразу после событий, описанных в первой книге, и основные участники уже знакомы читателю. В их числе спаркинд Торн, контрабандист Джон Стэнтон, голем Брежой Гант, таинственный наставник Кормака почти бессмертный Горацио Блеэгг, драконид Шрам.

В романе присутствуют все характерные для творчества Эшера черты: параллельное развитие нескольких взаимосвязанных сюжетных линий, пересекающихся по мере приближения к финалу, изобретательность в описании животного мира и экологии. И все-таки после блистательного и оригинального «Скиннера», буквально возродившего лучшие традиции приключенческой НФ, этот роман выглядит менее удачным, чем предыдущие работы. Дело даже не в том, что основой сюжета стала сомнительная идея насильственного насаждения демократии на отдельно взятых планетах. Очевидно, искать политический подтекст здесь не стоит. Основные недостатки книги, равно как и ее достоинства, обусловлены тем, что она наследует всем традициям приключенческой НФ и шпионских боевиков (не случайно Кормак борется не только с теократическим режимом, но и с классическим сумасшедшим ученым, который овладел некогда утерянными технологиями древней цивилизации джайнов). «Звездный рубеж», безусловно, интересное чтение. Но не более того. Не достаёт книге оригинальности идеи, как и свежести интриги.

Сергей Шикарев

Вл. ГАКОВ

ГЛАВНЫЙ ШУТНИК ГАЛАКТИКИ

Человеку, благодаря которому каждый фэн теперь может прокатиться автостопом по космосу, в этом месяце исполнилось 55 лет. Дуглас Адамс не дожил до своих «двух пятерок», но одну и с плюсом безусловно заслужил — сегодня уже трудно представить себе юмористическую и сатирическую фантастику без его несравненного «Путеводителя по Галактике для путешествующих автостопом».

Пересмешников в научной фантастике хватало всегда. Странно, если бы это было не так. Оба жанра, сатиру и фантастику, роднит общая любовь к парадоксам, гиперболе, стремлению вывернуть все наизнанку, сравнивать несравнимое, разрушать устоявшиеся стереотипы. От древнего грека Лукиана до Чапека и Лема тянется это странное поветрие — ставить мир с ног на голову и внимательно смотреть, что получится.

И в англоязычной НФ XX века сатира и юмор чувствовали себя более чем привольно, особенно в золотые 1950 — 1960-е годы. Достаточно назвать хорошо известные нашему читателю имена: Роберт Шекли, Эрик Фрэнк Расселл, Альфред Бестер, Уильям Тенн, Генри Каттнер, Гарри Гаррисон, Курт Воннегут... Список длинный, каждый может продолжить его сам. Однако когда речь заходит о юмористической НФ

последних двух десятилетий прошлого века, одно имя всплывает в памяти первым: Дуглас Адамс.

Дуглас Ноэль Адамс родился 11 марта 1952 года в Кембридже. Его отцом был аспирант-теолог, а мать работала медсестрой в больнице. До четырех лет маленький Дуглас не произнес ни слова, а спустя год, когда его родители успели развестись, уже рассказывал матери длиннющие истории. Когда мальчику исполнилось 13 лет, он впервые испытал чувство, ни на что не похожее: увидел свой рассказ напечатанным в журнале для детей.

Адамс окончил среднюю школу Брентвуд в графстве Эссекс. «Мои учителя, — вспоминал он в присущей автору «Путеводителя...» манере, — так и не разрешили загадку, мучившую их все эти годы. Кто же он такой, этот Дуглас Адамс — редкий тупица

или гений? Я буквально доставал их своей способностью разузнавать абсолютно все, прежде чем утверждать, что я знаю что-то».

После школы будущий писатель поступил в кембриджский колледж Сент-Джонс, который окончил в 1974 году с дипломом филолога. Однако прежде чем начать работать по специальности, дипломированному специалисту по английской литературе пришлось перепробовать многое. Адамс служил телохранителем у некоей королевской особы «из богатой нефтью арабской страны», работал портье в больнице и уборщиком в инкубаторе, играл на гитаре и участвовал в проектах популярной команды интеллектуальных хулиганов «Monty Python».

Только после этого Дуглас Адамс получил работу редактора в службе телевидения Би-Би-Си. Там же состоялось его первое профессиональное приобщение к научной фантастике — в обязанности Адамса входило, среди прочего, редактирование популярного в те времена НФ-сериала «Doctor Who». Может быть, именно опыт общения с фантастикой на телевидении впоследствии подтолкнул самого Адамса заняться написанием — нет, не самой фантастики, а пародии на нее!

Сам себя Адамс, кстати, никогда научным фантастом не счи-

тал. «Скорее, — часто повторял он, — я автор-сатирик, которому случалось пару раз потолкаться на конвенциях фантастов». С другой стороны, как утверждал один критик, достаточно просто купить в уличном автомате «вавилонскую рыбку» (читатели Адамса хорошо знают, что это такое: универсальный галактический авто-толмач!), и она нажурчит вам на ухо: Адамс? Конечно, фантаст — кто же еще!

Как бы то ни было, главный успех Адамсу принесла серия именно научно-фантастических (и во многом пародийных по отношению к современной science fiction) радиопьес. И где еще, как не в НФ-произведении, героем может быть последний оставшийся в живых землянин в Галактике — после того, как в ней не стало самой Земли?

Представьте себе: просыпаетесь вы утром и первое, что видите — бульдозер на лужайке, готовый снести ваш дом! Как вы будете реагировать? Ясное дело, выскочите в одной пижаме, наорете на водителя и потребуете объяснений, что он, черт побери, собирается делать! А он вам в ответ: «А разве вы не в курсе, что не только ваш, но и другие дома по соседству предназначены на снос в связи со строительством нового шоссе?» Оказывается, все жильцы района были соот-

ветствующим образом оповещены задолго до начала работ, и планы будущего строительства вот уже девять месяцев как выставлены на всеобщее обозрение в районном управлении строительных работ. И у вас было полно времени либо законно протестовать, либо продать дом и перебраться в другой район... Во всяком случае поднимать шум и ложиться под бульдозер сейчас, когда строительные работы вот-вот начнутся, поздно и неразумно.

А теперь остается только заменить дом... на нашу планету. Все остальное остается почти без изменений. Итак, какое-то далекое галактическое начальство приняло план прокладки очередного межзвездного «внепроектного шоссе», а Земля является для него естественным препятствием, и ее решено снести. И снова решение было заблаговременно доведено до жителей этого сектора Галактики, и уже добрых полвека (земных) прошло, как план был выставлен на всеобщее обозрение в местном строительном управлении. Не где-нибудь на галактических задворках, а на Альфе Центавра! Всего-то — четыре световых года, можно было бы и слетать, поинтересоваться... Короче, времени для законных протестов или переезда было предостаточно. Сейчас же, когда до сноса оста-

ется две земных минуты, шуметь поздно и неразумно.

Как говорят в таких случаях герои гангстерских фильмов, отправляющие к праотцам своих коллег-соперников: «Ничего личного — только бизнес». Вот и у неведомых галактических строителей нет решительно никаких оснований ненавидеть обитателей «в высшей степени незначительной зелено-голубой планеты, обращающейся вокруг маленького желтого солнца, не отмеченного решительно никакими достоинствами». Это просто помеха, которую необходимо убрать — и все.

Веселенькое начало книги, ничего не скажешь. Однако дальше все пойдет не в пример веселее. Героя, которого зовут Артур Дент (фамилия, между прочим, говорящая: *dent* по-английски — это не только зубец, но и выбоина, вмятина), счастливым образом спасает инопланетянин по имени Форд Префект. Тот путешествовал по Галактике автостопом и провел на Земле несколько лет, собирая материал для своего путеводителя, предназначенного таким же экономным любителям проехаться на попутках. Восхитительные, выдержанные в духе настоящего британского юмора комментарии из путеводителя будут преследовать читателя на всем протяжении этой заразительно-смешной

книги. И других, написанных по ее следам...

С самой серьезной миной цитируя «Путеводитель...», Адамс откровенно резвится не только над клише научной фантастики, но и вообще над «жизнью, Вселенной и всем остальным» (именно так будет позже названа третья книга сериала). А чего стоит пестрый карнавал персонажей: турист-«попутчик» Форд Префект, робот-параноик Марвин, президент Имперского галактического правительства Зафод Библброкс — эдакий бобер о двух головах, и так далее и тому подобное...

Все это можно назвать полным абсурдом. Но для миллионов поклонников Адамса, уже посвященных в первейшую Тайну Бытия — в то, что ответом на «главный вопрос жизни, Вселенной и всего остального» служит... просто число 42! — это «открытие» исполнено глубокого, почти сакрального смысла. Особенно при наличии чувства юмора. Впрочем, без него приниматься за эпопею Адамса просто нелепо.

История создания шедевра любопытна сама по себе.

В 1971 году Адамс много путешествовал по Европе, предпочитая наиболее демократичный способ — автостоп. Разумеется, в кармане его рюкзака лежала истрепанная копия популярного «Путеводителя для путешествующих автостопом по Европе». Од-

нажды, выпив, по признанию самого писателя, лишнего и лежа на балконе гостиницы в Инсбруке, Адамс бесцельно глазел на звездное небо. А какое оно в горах, знает всякий, кто хоть раз там побывал. Подобная красота не могла пройти незамеченной, и в голову Адамсу пришла отличная идея. Кто-то обязательно должен написать аналогичный путеводитель для любителей автостопа, но уже по Галактике! Что толку ждать, пока на Земле изобретут подходящие звездолеты для галактических путешествий — воспользуемся теми, что уже созданы. На других планетах...

Спустя несколько лет, работая на телевидении, Адамс вспомнил о поразившей его в Альпах мысли и быстро написал сценарий шуточной радиопьесы. Его непосредственное телевизионное начальство, насмеявшись до колик, переправило рукопись сотрудника в параллельную радиослужбу Би-Би-Си, и там ее без долгих проволочек выпустили в эфир. Канал, на котором впервые прозвучал «Путеводитель...», назывался «Radio 4» и не был рассчитан на широкую аудиторию. Однако успех оказался столь велик, что автор удостоился редкой чести в наш технологический век — шутки и остроты из «Путеводителя...» расходились по Лондону, а затем и по всей Англии как устные анекдоты.

Юмор Адамса буквально «пошел в народ». Радиопьесу приняли на ура молодое поколение англичан. Слишком юное, чтобы воспринимать жизнь так же, как их родители — представители поколения хипповых, свингующих шестидесятых, но уже достаточно подросток, чтобы осознать очевидное: жизнь слишком коротка, и относиться к ней с излишним пietetом и благоговением — глупо.

Успех в эфире побудил Адамса переделать эпизоды радиопьесы в книгу под названием «Путеводитель по Галактике для путешествующих автостопом» (1979). Книга немедленно стала бестселлером и, в свою очередь, вызвала поток продолжений. Сначала автор, с тех пор окончательно определившись в своих предпочтениях (отныне в анкетах он везде писал: «профессиональный писатель»), ограничился скромной трилогией, выпустив еще две книги: «Ресторан на краю Вселенной» (1980) и «Жизнь, Вселенная и все остальное» (1982). Потом все они вышли под одной обложкой как «Трилогия о путешествующем автостопом» (1984). Затем под непреодолимым давлением рынка (как вспоминал автор, издатели грозились: «Не напишешь еще, пришлем киллеров!») вышел четвертый том «Пока — и спасибо за рыбу» (1984).

Но это было еще не все. Спустя два года на книжных прилавках появился новый, как говорят англичане, «омнибус» — все четыре книги под одной обложкой, на сей раз озаглавленной совершенно в духе авторского парадоксального юмора: «Путеводитель по Галактике для путешествующих автостопом: трилогия в четырех частях» (1986). В том же году Адамс разродился еще небольшой повестью «Юный Зафод сыграет аккуратно» (1986), после чего вся пенталогия была издана под одной обложкой: «Более чем полный путеводитель по Галактике для путешествующих автостопом в пяти книгах» (1987).

В 1992 году вышел новый том — «В основном безвредно». А спустя четыре года Адамс выпустил еще один, назвав его беззастенчиво: «Окончательный путеводитель по Галактике для путешествующих автостопом». Насчет «окончателности» никто, включая самого автора, иллюзий не имел. Серия превратилась в долгоиграющую и остановить ее могло только событие из ряда вон выходящее. Так и случилось — продолжить свой цикл писатель просто не успел...

Хотя тонкий и элегантный юмор Адамса, начиная с третьей книги, заметно «чернеет», а сами комедийные ситуации повторяются, в целом его серия осталась

вершиной юмористической НФ последнего десятилетия. Критики наперебой сравнивали Адамса с Вудхаузом и Честертоном, с группой «Monty Python» («минус их балаган») или с Томом Стоппардом («минус его серьезная мина»). Британская ассоциация научной фантастики трижды подряд награждала Адамса своей ежегодной премией в 1978—1980 годах, а австралийские фэны — высшей НФ-премией Австралии «Дитмар». Но пуще других комплиментов и лестных сравнений Адамсу грел сердце один простой факт. Книги серии разлетались, как мороженое в жаркий полдень. К концу века общий тираж достиг 15 миллионов экземпляров.

Культовый ажиотаж вокруг имени Адамса практически задушил в тень другие произведения писателя. Среди которых — диалогия о похождениях детектива Дирка Джентли «Освященное детективное агенство Дирка Джентли» (1987) и «Долгое чаепитие души» (1988); две написанные в соавторстве нефантастические книги (вообще не беллетристика) — «Смысл жисти» (1983) и «Последний шанс увидеть» (1992), беллетризованный сценарий одного из эпизодов телесериала «Doctor Who» и, наконец, роман «Лосось сомнений» (1996).

И все-таки для всего читающего мира Дуглас Адамс остался

прежде всего автором «Путеводителя...». Затертый экземпляр которого, в том нет сомнений, возьмет к себе в «рюкзак» всякий путешественник по Галактике.

Удачная находка принесла автору немалое богатство. Ходит легенда, что в 1989 году какой-то клерк из налогового ведомства то ли что-то перепутал, то ли сознательно смухлевал в поданной писателем декларации о доходах, и Адамсу присудили заплатить подоходный налог в сумме почти полмиллиона долларов! Говорят, что, когда ошибка открылась, бухгалтер покончил жизнь самоубийством. Но писатель, якобы, и глазом не моргнул — заплатил все сполна...

В последние годы жизни Адамс не на шутку увлекся сначала компьютером, затем сел на иглу под названием интернет, а потом сам принялся создавать компьютерные игры. Самая популярная из них — бродилка «Звездный корабль «Титаник», к которой в 1997 году автор выпустил целый роман-руководство.

А в голове неутомимого выдумщика громоздились новые проекты — один безумнее другого. Среди прочих был и такой: добратся из Лондона до Нью-Йорка по суше! Исключением должен был стать паром через Ла-Манш — туннель тогда еще не прорыли. Сам Адамс утверждал, что вся затея рухнула из-за упрямства рус-

ских, у которых он так и не смог выбить разрешение пересечь Берингов пролив по льду...

Женился он лишь в 1991 году, когда ему исполнилось 39. Другьям он заявил, что долго присматривался и наконец нашел ту единственную и неповторимую — адвоката Джейн Элизабет Белсон. А спустя восемь лет вместе с женой и четырехлетней дочкой Полли Адамс, коренной лондонец вдруг перебрался на Западное побережье Штатов, в город-мечту российских домохозяек — Санта-Барбару.

К такому переезду были веские причины. Главным бестселлером писателя заинтересовались голливудские кинопродюсеры, и Адамс продал им права на экранизацию, специально оговорив, что сам напишет сценарии и вообще будет держать весь процесс создания фильма под личным контролем. Немногие писатели могут столь решительно качать права в Голливуде, но автор одной из самых продаваемых в мире книг мог.

Однако, похоже, что кто-то там, на небесах, упрямо не желал видеть творение Дугласа Адамса экранизированным. Работа над сценарием (над десятками вариантов сценария!) затянулась на долгие годы, и в конце концов писатель решил перебраться поближе к месту основных сражений —

в район Большого Лос-Анджелеса, название которого не требует расшифровки для киноманов. Сам Голливуд Адамсу, британцу до мозга костей, не понравился, и писатель присмотрел себе дом неподалеку, в часе езды от студии Уолта Диснея, где и собирались экранизировать «Путеводитель...» — в тихой, сонной, приморско-курортной Санта-Барбаре.

Но проект был заморожен, что очень расстроило Адамса. Однако в случившемся он по праву должен был винить самого себя: дурная слава о злостном нарушителе deadline (так называется крайний срок сдачи рукописи) уже гремела по обе стороны Атлантики. Но если лондонские издательства еще терпели этот первый из смертных грехов в западном издательском мире, то с голливудскими продюсерами подобные фокусы не проходят. Дело дошло до почти криминального поворота — якобы продюсеры заперли Адамса в гостиничном номере и приставили к нему соглядатая-редактора с твердыми инструкциями не выпускать писателя, пока не закончит рукопись!

В конечном итоге разочарованный Адамс признал: «Вообще-то не стоило даже и браться. Я ведь никогда не представлял себе, как можно из «Путеводителя...» сделать добротное кино. Десять лет коту под хвост...» Он не знал, что фильм все-таки бу-

дет снят, но выйдет на экраны только в 2005-м. И многим даже понравится.

В одном из первых интервью Адамс пророчески заметил: «Есть некий набор правил, которые приложимы ко всему, что существует в нашем мире. Эти правила гарантируют сохранение нормы и естественного хода вещей. Одно из правил гласит: все, что было создано и изобретено вами в промежутки времени между 15-ю и 35-ю годами — ново, революционно, возбуждающе; и вполне вероятно, даст старт вашей карьере. Все, что изобретено после 35 лет, является вызовом естественному порядку».

Умер автор самой смешной НФ-серии конца XX века в самом начале века следующего: 11 мая 2001 года. Умер неожиданно — Адамс занимался на тренажерах в своем доме в Санта-Барбаре и внезапно упал замертво от обширного инфаркта. При том, что на здоровье не жаловался. И вообще ему не было и пятидесяти...

Хотя, уми он семью годами раньше, в 42 года — вот бы тогда взвились бесчисленные мистики и интерпретаторы! Но нет, свое сорокадвулетие Адамс, большой поклонник рок-музыки и коллекционер гитар для левшей (он собрал более трех десятков подобных раритетов), озаменовал выступлением на сцене — как вы думаете, в какой компании? Вмес-

те с легендарными «Pink Floyd»! Кстати, первыми, кто позвонил с соболезнованиями вдове писателя в мае 2001-го, были два его лучших друга — Дэвид Гилмор из «Pink Floyd» и Терри Джонс из «Monty Python». А на официальный веб-сайт Адамса пришел короткий и горький отклик от Форда Префекта, состоявший из одной строки: «ДУГЛАС — НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-Т!»...

И все же, среди разнообразных и остроумных (пусть не шокирует это слово в данной ситуации, ведь великих шутников и в последний путь принято провожать с улыбками) некрологов выделяется следующая эпитафия: «Он принадлежал к тайному обществу «Начеку» — группе проклятых самым страшным проклятием. Эти люди были обречены воспринимать жизнь такой, какая она есть — без защитных покровов верований, иллюзий и самобмана. Даже в лучшие времена члены подобного общества оставались и всегда будут дискриминируемым меньшинством».

Впрочем, если бы Дуглас Адамс, привыкший осмеивать любое проявление пафоса и пиеитета, услышал подобное, вероятнее всего, он показал бы авторам некролога длинный язык. Точно такой же, какой изображен на официальном логотипе «Путеводителя...» — вместе с надписью «Без паники!»

«Лабиринт Фавна»

назван лучшим фильмом 2006 года. Это звание картине присудило американское Национальное общество кино-критиков путем конфиденциального голосования. Тем временем режиссер картины Гильермо дель Торо начал переговоры с компанией Warner Brothers о возрождении на большом экране такого классического персонажа, как Тарзан. При этом дель Торо планирует «вернуться к корням» и заняться непосредственно экранизацией текстов Эдгара Райса Берроуза, а не римейками многочисленных теле-, кино- и мультверсий приключений культового героя начала прошлого века. Напомним, впервые Тарзан появился на страницах книги в 1914 году.

Вслед за Тарзаном

еще один супергерой первой половины прошлого века вновь «попросился» на экран. На сей раз это персонаж комиксов, неоднократно экранизированных, — Флэш Гордон. Первый комикс о его невероятных космических приключениях вышел в 1934 году из-под кисти художника Алекса Рэймонда. В июле 2007-го НФ-телеканал Sci Fi Channel планирует выпустить телесериал, состоящий из 22 часовых эпизодов о новых приключениях Флэша.

Попытка

создать критико-библиографический ежемесячный журнал фантастики, российский аналог знаменитого «Локуса», принята в Санкт-Петербурге. Проект называется «FANтастика» и представляет собой полноцветное издание формата А4 на 128 полосах. На страницах журнала — статьи, интервью, рецензии на книги, фильмы, компьютерные игры и аниме, плюс большой объем материалов по настольным играм, в первую очередь — по «Вархаммеру». Планируются и тематические номера. Предполагается, что с изданием будут сотрудничать ведущие жанровые критики и публицисты — в основном из Питера и почему-то из Киева. Пилотный выпуск появился в январе 2007 года. Издатель — ООО «Фантастика», директор проекта — Денис Лобанов, креативный директор — Василий Владимировский, главный редактор — Екатерина Дубянская.

Роберт Шайе,

именитый продюсер, представитель компании New Line Cinema, в последнее время известен в основном шумными препирательствами с Питером Джексоном по поводу гонора-

ров за «Властелина Колец» и участия Джексона в проекте «Хоббит» (публичное метание словесной банановой кожуры и судебных исков привело к окончательному разрыву отношений и снижению вероятности участия Джексона в проекте до нуля). Но, оказывается, и модные продюсеры иногда способны возвращаться к режиссерскому прошлому. Шайе свой последний фильм снял аж 16 лет назад и с тех пор занимался исключительно продюсированием фильмов — среди его «детей» киносерии о Фредди Крюгере и Властелине Колец. Но вот в конце марта нынешнего года на экраны США выходит фильм Роберта Шайе «The Last Mimzy», название которого можно перевести на русский как «Последняя теналь». Ведь этот фильм — экранизация знаменитого рассказа Льюиса Пэджетта (совместный псевдоним Генри Каттнера и его жены Кэтрин Мур) «Mimsy Were the Borogoves» (в русском переводе — «Все тенали бороговы»). Впрочем, в более известном переводе кэрролловских стихов о Бармаглоте Д. Орловской эта строчка звучит так: «И хрюкотали зелюки», — поэтому, возможно, название фильма переведут как «Последний зелюк».

Люка Бессона

обидели в США. Дело в том, что отборочная комиссия «Оскара» отказалась включить его ленту «Артур и минипуты» в номинацию «Лучший анимационный фильм», поскольку процент мультипликационных сцен в фильме составляет менее 75 процентов. В этом случае, по мнению киноакадемиков, лента должна считаться игровой.

Заморозить мозг

планирует российский фантаст Юрий Никитин. Крионированию (глубокой заморозке) мозг фантаста подвергнется сразу после смерти — с целью быть восстановленным в будущем, когда развитие науки позволит начать вторую жизнь. Возможность повторить судьбу мистера Мак-Кинли писатель получил в качестве премии от фирмы, занимающейся крионикой, и от Российского трансгуманистического движения, пропагандирующего обретение бессмертия за счет улучшения человеческого организма при помощи новейших технологий. Премия досталась Ю. Никитину за его роман «Трансчеловек».

Уникальный проект

нашел реализацию в Санкт-Петербурге. Речь идет о пяти-томной «Библиографии отечественной фантастики, изданной на русском языке в Российской империи и Советском Союзе с 1759 по 1991 год», первый том которой вышел

в начале года. Книга составлена К.Ф.Бритиковой, вдовой известного исследователя Анатолия Федоровича Бритикова, и питерским писателем Л.Смирновым. В первых четырех томах будут алфавитные статьи об авторах, в пятом — библиография альманахов, журналов и критики. Обидно, что аналогичный (и более емкий) труд знаменитого екатеринбургского библиографа Игоря Халымбаджи, ныне покойного, затерялся в издательствах и вряд ли увидит свет.

Детский конвент

— явление довольно редкое, и вряд ли когда-нибудь на территории экс-СССР сможет случиться такое мероприятие, посвященное только фантастике. Выручили ролевики: с 6 по 8 января в Москве проходил детско-юношеский фестиваль ролевых игр «Деткон». В различных мероприятиях (интеллектуальные настольные игры, семинары, фехтовальный, музыкальный блоки и т. п.) могли принять участие дети от 11 до 18 лет.

«Больше премий

хороших и разных» — решили организаторы ежегодной литературно-философской конференции «Басткон», прошедшей в конце января в Подмоскowie. В результате между докладами о судьбах России, нации и русского языка, дискуссиями о влиянии социума на фантастику и влиянии фантастики на массы и элиту, работой «Школы перевода» и прочими мероприятиями вручались многочисленные премии и призы — как «подведение интеллектуальных итогов года».

Интеллектуальными итогами года оказались: Роман Злотников (премия «Меч Бастиона»), Вадим Панов (приз «Два сердца» за сборник «Таганский перекресток»), Александр Зорич («Чаша Бастиона» за роман «Время московское»), Елена Хаецкая («Меч Калиты» за роман «Мишель») и др.

Российская фантастика

оказалась недостойна Книги рекордов Гиннесса — как слишком незначительное явление на фоне рекордов по пожиранию наибольшего количества гамбургеров в минуту. В конце 2006 года на сайте Guinness World Records известным журналистом и критиком Владимиром Борисовым была размещена заявка на признание рекорда в теме «Самое продолжительное и объемное офлайн-интервью/ Longest & Widest Off-Line Interview». Дело в том, что писатель Борис Стругацкий уже в течение восьми лет (с июня 1998-го) отвечает на вопросы читателей на своей официальной странице.

Творческий вечер

In memoriam

К моменту подачи заявки он уже ответил на 6496 вопросов — аналогов такого оффлайн-интервью в мире не существует. Однако Гиннессовский комитет отказал в принятии заявки на том основании, что это «слишком незначительное событие для такого серьезного дела, как наше».

волгоградского фантаста, поэта и барда Евгения Лукина состоялся 30 января в московском клубе «Жесть». Заполненный до отказа зал неоднократно рукоплескал едким миниатюрам, пронзительным стихам, смешным и лиричным песням писателя. Стихи и песни Е.Лукина обрели десятки поклонников за пределами «фантастической тусовки». Впрочем, на вечере были замечены и многие популярнейшие фантасты, пришедшие послушать любимые произведения.

4 февраля после тяжелой и продолжительной болезни скончался писатель-фантаст Юрий Брайдер — один из самых заметных представителей «четвертой волны» отечественной фантастики. Юрий Брайдер родился в 1948 году в белорусском городе Дзержинск (недалеко от Минска), где прожил до конца дней. Окончил Минский техникум связи, работал в органах МВД, вышел в отставку в звании майора милиции. Писать начал в 1980 годы в соавторстве с Николаем Чадовичем. Тогда же друзья стали завсегдатаями знаменитых семинаров в Малеевке и Дубултах, а к концу восьмидесятых — профессиональными писателями.

На счету авторов около двадцати фантастических романов, среди которых можно выделить цикл о Тропе (1991—2000), в сопряжении с циклом «Миры под лезвием секиры» составивший девять книг, четыре романа из серии «Особый отдел» (2005—2006) и трилогию об Олеге Наметкине (2002—2003). Ранние рассказы и повести авторов сгруппированы в два сборника «Поселок на краю Галактики» (1989) и «Ад на Венере» (1991). В начале 1990-х дуэт окончательно перешел на крупную форму и к рассказам и повестям в своем творчестве более не возвращался. Книги Брайдера и Чадовича завоевывали премии конгресса «Странник»: «Меч в зеркале» (за роман «Гвоздь в башке») и «Меч Руматы» (за роман «Между плахой и секирой»). Также книги писателей дважды удостоивались премий фестиваля «Звездный мост».

Агентство F-пресс

БЕССОНОВ Алексей

Под этим псевдонимом выступает харьковский (а ныне — питерский) фантаст Алексей Игоревич Ена. Родился будущий писатель 16 декабря 1971 года в Харькове в семье врачей. После школы служил в Вооруженных Силах (срочная и сверхсрочная), работал в охране, в автомастерской, играл в рок-группе на ударной установке. В конце 1990-х полностью посвятил себя литературному творчеству.

По собственному признанию, «тяга к сочинительству проявилась в раннем школьном возрасте», и первые рассказы были написаны под сильным влиянием творчества Ивана Ефремова и Станислава Лема. Печатным дебютом стала книга в жанре жесткой космооперы «Ветер и сталь» (1997), куда вошли одноименная повесть, роман «Маска власти» и рассказ «Мир в красном камне». В течение последних десяти лет А.Бессонов остается верен космической тематике. «В силу рано сформировавшегося стереотипа «романтики звезд», — сообщает фантаст, — совершенно не умею и не люблю писать о колдунах, драконах и достопочтенных джентельменах с длинными ножами. Более того, к фэнтези в целом отношусь со снисходительной брезгливостью». Другие книги А.Бессонова: «Наследник Судьбы» (1998), «Ледяной бастион» (1998), «Алые крылья огня» (1999), «Черный хрусталь» (2002), «Змеи Эскулапа» (2002), «Господин Посредник» (2003), «Стратегическая необходимость» (2004), «Извне» (2005), «Концепция лжи» (2006).

ГАЛИНА Мария Семеновна

Московская писательница, поэтесса и литературный критик Мария Галина родилась в 1958 году в Твери. Окончила биологический факультет Одесского университета. Получив степень кандидата биологических наук, работала в НИИ гидробиологии, занималась проблемами окружающей среды в Бергенском университете (Норвегия). В 1990-е годы стала журналистом: работала в «Литературной газете», редактировала книжный дайджест «Библиоглобус». В настоящее время редактор отдела фантастики издательства «Форум».

Дебютировав в 1982 году поэтическими публикациями (Галина автор трех поэтических сборников, множества стихотворных произведений в периодических изданиях), с 1996-го она выступает и как фантаст. Первые книги вышли под псевдонимом Максим Голицын. Под собственным именем выпустила несколько книг в жанрах фэнтези и сатирической НФ: «Покрывало для Аваддона» (2002), «Прощай мой ангел» (2002), «Волчья звезда» (2003), «Гиви и Шендерович» (2004), «Глядящие из темноты. Хроники Леонарда Каганова, этнографа» (2004; под псевдонимом Максим Голицын) и «Хомячки в Эгладоре» (2005). Кроме того, М.Галина с середины 1990-х активно выступает в роли литературного критика, ее обзоры и рецензии регулярно публикуются как в жанровой периодике, так и в журналах «Знамя», «Новый мир», «Арион».

М.Галина дважды становилась дипломантом журнала «Если» за критические выступления, она лауреат премий «Портал» и «Звездный Мост», а также двух поэтических наград — «Читательский выбор» журнала поэзии «Арион» и премии «Antologia».

КОУДРИ Альберт (COWDREY, Albert E.)

Американский писатель Альберт Коудри родился в 1963 году. После окончания университета был чиновником одного из федеральных министерств, но затем оставил службу, чтобы полностью сосредоточиться на литературной работе. В фантастике Коудри объявил о себе рассказом «Знакомый» (1997), опубликованным в журнале The Magazine of Fantasy and Science Fiction, с которым писатель не прекращает творческое содружество — большинство его рассказов вышли в этом издании. Также Коудри выпустил роман «Крукс» (2004), основанный на цикле новелл. Рассказ «Королева на день» (2001) принес автору Всемирную премию фэнтези, а повесть «Племена Белы» (2004) была номинирована на премию «Небьюла». В настоящее время Альберт Коудри живет в Новом Орлеане, и этот город является местом действия многих его произведений.

ЛЕРНЕР Эдвард М. (LERNER, Edward M.)

До того как начать писать научную фантастику, член Ассоциации американских писателей-фантастов Эдвард Лернер (родился в 1949 году в Чикаго) закончил университет с дипломом физика и специалиста по компьютерам. Он работал по специальности в знаменитых компаниях Bell Laboratories и Honeywell — в частности, принимал участие в американских космических программах. В 1991 году опубликовал первый НФ-рассказ «Что за чудо природы — человек», в том же году выпустил роман «Зонд». С тех пор Лернер написал еще три романа (из которых один, «Лунный удар», должен выйти книжным изданием в 2007 году) и более десятка рассказов и повестей, одна из которых, «Присутствие мысли» (2002), номинировалась на премию «Небьюла».

РЕЙНОЛДС Алистер (REYNOLDS, Alastair)

Английский (автор настаивает, что валлийский) писатель и ученый-физик Алистер Рейнолдс родился в 1966 году в Бэрри (Южный Уэльс) и закончил Университет Ньюкасла по специальности физика и астрономия, после чего защитил диссертацию в Университете Сент-Эндрюса (Шотландия). В 1991-м переехал в Нидерланды, где встретил свою будущую жену-француженку и работал в Европейском центре космических исследований. С 2004 года Алистер

Рейнолдс — профессиональный писатель. Он дебютировал в научной фантастике рассказом «Распространяющийся сон» (1990), после чего опубликовал семь романов, включая тетралогию «Космос откровения» (один из романов — «Город над пропастью» — в 2001 году завоевал Британскую премию научной фантастики), а также более двух десятков рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборники «Бриллиантовые псы, дни из яшмы» (2002) и «Голубая Зима» (2006).

СИЛЕЦКИЙ Александр Валентинович

Писатель-фантаст Александр Силецкий родился в 1947 году в Москве. Окончил сценарный факультет ВГИКа, после чего работал в редакциях научно-популярных журналов «Земля и Вселенная» и «Наука и религия». С конца 1990-х годов Александр Силецкий живет и работает в Минске.

Первая фантастическая публикация (рассказ «Галактик Шуз из космоса» в журнале «Юный техник» в 1963-м) состоялась, когда автору исполнилось всего 16 лет. Однако после столь раннего дебюта наступило длительное молчание — «странные» рассказы фантаста не принимали в редакциях советских изданий. По мнению критиков, А.Силецкий — один из самых талантливых выпускников Малеевских семинаров, он автор остротенной прозы, в которой соединились черты лирической, юмористической и социальной фантастики. Только в 1980-е произведения писателя стали появляться на страницах журналов и коллективных сборников. В 1989 году увидела свет единственная книга А.Силецкого — сборник рассказов «Тем временем где-то...». В 1994-м писатель стал первым отечественным автором, напечатанным в журнале «Если». Публикуемый в этом номере рассказ — новое возвращение писателя после 12-летнего молчания.

СТЕРЛИНГ Брюс (STERLING, Bruce)

Американский писатель, публицист, критик и редактор Брюс Стерлинг родился в 1954 году в Браунсвилле (штат Техас) и закончил Университет штата Техас в Остине с дипломом журналиста. Написав свой первый рассказ «Себя-сам — творение рук человеческих» в 1976-м, Стерлинг вскоре выдвинулся в лидеры киберпанка (наряду с Уильямом Гибсоном) и всерьез называл себя «завагитпропом», имея в виду идеологическую пропаганду движения. Стерлинг составил программную антологию киберпанка «Зеркальные очки» (1986), ставшую своеобразным литературным манифестом.

Среди фантастических произведений Стерлинга (а это 13 романов, рассказы и повести) выделяются: цикл «Shapers/Mechanists» — роман «Схизматрица» (1985), сборники «Хрустальный экспресс» (1989) и «Более чем схизматрица» (1996), а также книги «Океан инволюции» (1977), «Острова в Сети»

(1988), «Zeitgeist»/«Дух времени» (2000) и в соавторстве с Уильямом Гибсоном «Машина различий» (1990). С последнего романа многие критики ведут начало другого течения в современной фантастике — паропанк (термин steampunk также изобретен соавторами). Кроме того, Стерлинг является автором книги о хакерах и хакерстве — «Хакерный слом» (1992), футурологического прогноза «Будущее сейчас» (2002) и множества статей. Повести «Такламахан» (1998) и рассказ «Велосипедный мастер» (1996) принесли писателю по премии «Хьюго», роман «Острова в Сети» — Премию имени Джона Кэмпбелла, роман «Распад» (1998) — Премию имени Артура Кларка. Произведения Стерлинга еще 37 раз номинировались на высшие премии жанра.

В последние годы Брюс Стерлинг работал редактором одного из модных журналов, ориентированных на «поколение X» — Wired.

ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в №1 за этот год)

Корр.: Откуда возник столь нехарактерный для вас персонаж — герой повести «Натурщик» — и почему вдруг вас так остро заинтересовала психология профессионального игрока?

Д.Трускиновская: Персонаж взялся из действительности — у одного моего рижского приятеля сын «подсел» на автоматы. Мне очень хотелось как-то помочь товарищу, я расспрашивала его о подробностях, хотя парень мне не нравился. Бывают такие неприятные подростки, убежденные, что весь мир перед ними в долгу. Сейчас он эту беду перерос — не семейные нравоучения сработали, а влюбился в норовистую девчонку, и она его от этой дури кое-как отвадила... Кроме того, у меня в жизни был малоприятный период, когда рухнуло и развалилось все, что только могло рухнуть и развалиться. Состояние было почти депрессивное. Взяв себя в руки, я сидела, как сыч в дупле, и писала роман — всему назло. Но нельзя писать без перерыва. Я откуда-то нагребла всяких тетрисов — и с квадратиками, и со сложными фигурами, и с шариками. Я могла по полтора-два часа набирать никому не нужные очки, как будто мне за это деньги платят. А у играющего человека возникают определенные сдвиги — всякие договоренности с судьбой, заигрывания с магией чисел, суеверия, вообще целый комплекс придури, делающей даже такое тупое занятие, как тетрис, весьма осмысленным и эмоционально насыщенным. К счастью, я отнеслась к этой своей глупости профессионально — войдя в роль игрока, стала придумывать всякие обстоятельства, подробности, конфликты. Словом, примерила на себя судьбу человека, который вступил в поединок с Фортуной. Вот так я столкнулась с психологией игрока.

Подготовили

Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагаем вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 55 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ** почтовых услуг.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно, начиная с того месяца,

когда квитанция поступит в издательство.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение

Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 330 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

в ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 330 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги руб. коп.

Итого руб. коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел.: (495) 248-21-90. Факс: (495) 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ФЭНТЕЗИ В «ЕСЛИ»

ПОВЕСТИ

Кирилла БЕНЕДИКТОВА
«КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ»
Чарлза Коулмена ФИНЛИ
«ОПАСНЫЕ РУИНЫ»

РАССКАЗЫ

Питера БИГЛА
Святослава ЛОГИНОВА

ПОСЛЕДНЯЯ НОВЕЛЛА

патриарха американской фантастики
Джона МОРИССИ

КОММЕНТАРИЙ

Евгения Лукина
к опросу на сайте «Если»

ЭКРАНИЗАЦИИ

классиков отечественной фантастики
в статье Михаила Ковалёва

ЧИТАЙТЕ АПРЕЛЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

Текущую подписку на наш журнал
вы можете оформить в своем почтовом отделении
по двум каталогам: «Пресса России»
и «Роспечать. Газеты и журналы».
Цена одного номера (без стоимости почтовых услуг) —
53 рубля. Индекс — 73118.

ISSN 1680-645X

07003

9 771680 645003 >